Библиотека Ленингр. Гос. Инд. Ин-та
3351
им. А. И. ГЕРЦЕНА
Пров. 50

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ.

№ 11, 12

Пров. 50

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА

3351

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1871.

3321

О МНИМОМЪ ПРИЗВАНІИ

ВАРЯГОВЪ *

Вотъ вопросъ о которомъ такъ много было писано и говорено что, казалось, онъ вполнѣ исчерпанъ, и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тѣмъ не менѣе этотъ старый вопросъ все-таки остается новымъ. Напрасно скандинавская школа считаетъ его вполнѣ рѣшеннымъ. Чтобы помириться съ ея рѣшеніемъ, надобно постоянно заглушать въ себѣ сомнѣнія и противорѣчія возникающія при всякомъ сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Не вдругъ, не подъ вліяніемъ какого-либо увлеченія мы пришли къ отрицанію ея системы. Только убѣдившись въ ея полной несостоятельности, рѣшаемся предложить нѣкоторые результаты изъ своего знакомства съ литературой этого вопроса, а также изъ собственныхъ наблюденій и размышленій. Выступая противъ скандинавской школы, какъ господствующей до сихъ поръ въ нашей исторіографіи, мы принуждены иногда прибѣгать къ

* Почтенный авторъ поднимаетъ въ предлагаемой статьѣ старый вопросъ который былъ неоднократно предметомъ горячихъ споровъ между изслѣдователями русской исторіи. Статья эта, по всему вѣроятію, въ свою очередь возбудитъ полемику, и если она не окажется плодотворною относительно самого вопроса о происхожденіи Варяговъ, то можетъ послужить къ разъясненію многихъ другихъ вопросовъ касающихся нашей до-исторической эпохи и вошедшихъ въ обширный кругъ изслѣдованій предпринятыхъ Д. И. Иловайскимъ.

пріемамъ полемическимъ. Но въ настоящемъ отрывкѣ ограничиваемся собственно борьбой съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, а не съ лицами, то-есть не съ тою или другою книгой. Представители норманской школы оказали столько заслугъ наукѣ Русской исторіи что, и помимо вопроса о призваніи Варяговъ, они сохранятъ свои права на глубокое уваженіе. Точно такъ же отрицать нѣкоторыя сказанія изъ начальныхъ страницъ русскихъ лѣтописей еще не значитъ отрицать значеніе самихъ лѣтописей: безъ нихъ что̀ было бы съ нашею исторіей? Въ самомъ данномъ вопросѣ норманская школа чрезвычайно много способствовала его разъясненію, хотя бы и въ отрицательномъ смыслѣ. Не она придумала сказаніе о призваніи Варяговъ; она взяла его уже готовымъ и употребила всѣ научныя средства для того чтобы возвести это сказаніе въ историческій фактъ. Если и послѣ того остаются непримиримыя противорѣчія, исходящія отъ фактовъ несомнѣнныхъ, стало-быть призваніе Варяговъ никоимъ образомъ не можетъ получить догматическаго характера, и надобно обратиться въ другую сторону чтобы выяснить начало Русскаго государства и русской національности. *

I. Норманисты и ихъ противники.—Невѣроятность призванія.

Приведемъ столь извѣстныя слова русской начальной лѣтописи подъ 862 годомъ:

„Рѣша сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя иже бы володѣлъ „нами и судилъ по праву“. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сицѐ бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: „вся земля наша „велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить „и володѣти нами“. И изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ; а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новугородци: тьи суть людье Ноугородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни.“

Въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно ни одной легендѣ не посчастливилось какъ той которую мы сейчасъ выписали.

---

* Въ особенности намъ прискорбно разойтись по данному вопросу съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, этимъ многоуважаемымъ ветераномъ русской исторической науки. Но что̀ дѣлать. *Amicus Plato* и пр.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Цѣлый рядъ почтенныхъ тружениковъ науки потратилъ много учености и таланта на то чтобъ объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на историческихъ основаніяхъ; напомнимъ уважаемыя имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стриттера, Шлёцера, Лерберга, Круга, Френа. Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись имъ нѣкоторые противники и съ бо́льшимъ или меньшимъ остроуміемъ возражали на ихъ положеніе; каковы: Ломоносовъ, Татищевъ, Эверсъ, Нейманъ, Венелинъ, Каченовскій, Мороткинъ, Савельевъ, Надеждинъ, Максимовичъ и др. Въ области русской исторіографіи поле оставалось и доселѣ остается за системой скандинавомановъ; назовемъ труды Карамзина, Полеваго, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говоримъ о трудахъ болѣе дробныхъ, трактующихъ о норманскомъ періодѣ и о скандинавскомъ вліяніи на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, тамъ скандинавская система царитъ безъ всякой оппозиціи; такъ что, если рѣчь заходитъ о Русскомъ государствѣ, о началѣ русской національности, то они неизбѣжно связываются съ призваніемъ Варяговъ.

Уже одно то обстоятельство что въ нашей средѣ никогда не прекращались сомнѣнія въ истинѣ скандинавской теоріи и возраженія противъ нея указываетъ на ея недостаточную убѣдительность, на присутствіе въ ней натяжекъ и противорѣчій, на ея искусственное построеніе. И дѣйствительно, чѣмъ глубже вникаешь въ этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе и болѣе выступаютъ наружу натяжки и противорѣчія норманской системы. Если она удерживала до сихъ поръ господствующее положеніе, то главнымъ образомъ благодаря своей наружной стройности своему положительному тону и относительному единству своихъ защитниковъ; между тѣмъ какъ противники наносили ей удары въ разсыпную, поражали нѣкоторыя отдѣльныя доказательства; но мало трогали самую существенную ея основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призваніи князей. Противники норманистовъ по большей части вѣрили въ призваніе или вообще въ пришествіе князей; сводили вопросъ къ тому откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менѣе вѣроятныя чѣмъ скандинавская.

Въ послѣдніе годы варяжскій вопросъ снова оживился въ нашей литературѣ, то-есть снова поднялись голоса противъ норманистовъ. Наиболѣе замѣчательный трудъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гедеонову: *Отрывки изъ изслѣдованій о варяж-*

скомъ вопросѣ. Эти отрывки представляютъ прекрасный сводъ возраженій на доказательства норманистовъ, возраженій отчасти уже высказанныхъ прежде, отчасти добытыхъ собственными взысканіями г. Гедеонова. Изъ этихъ „отрывковъ", мы пока не можемъ вполнѣ судить о его конечныхъ выводахъ. Мы видимъ что онъ считаетъ Русь славянскимъ племенемъ, и пытается, подобно Эверсу, дать видное мѣсто въ нашей исторіи угро-хазарскому вліянію. Въ то же время г. Гедеоновъ примыкаетъ къ тѣмъ ученымъ которые указывали на Славяно-Балтійское поморье; слѣдовательно онъ не отрицаетъ такъ - называемаго призванія или пришествія варяжскихъ князей. * Еще нѣсколько прежде Гедеонова выступилъ г. Костомаровъ съ теоріей о литовскомъ происхожденіи Руси; но его соображенія, исполненныя впрочемъ большаго остроумія, не нашли послѣдователей. Далѣе, многія дѣльныя возраженія противъ норманистовъ находимъ въ трудахъ которыя касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанскаго *(О Славянахъ въ Испаніи, Азіи и Африкѣ)*, архимандрита Порфирія Успенскаго *(Четыре бесѣды Фотія)*, Котляревскаго *(О погребальныхъ обычаяхъ у Славянъ)* и Хвольсона *(Извѣстія о Хазарахъ*, Буртасахъ *и пр.* Ибнъ Даста).

Обратимся теперь къ самому вопросу о Варягахъ и Руси. Повторимъ вкратцѣ главныя основанія на которыхъ держалась скандинавская система: .

1. Извѣстіе русской лѣтописи (то - есть вышеприведенное мѣсто).

2. Путь изъ Варягъ въ Греки, описанный въ той же лѣтописи, и связанныя съ нимъ имена Днѣпровскихъ пороговъ, приведенныя Константиномъ Багрянороднымъ.

3. Имена князей и дружины, въ особенности по договорамъ Олега и Игоря.

4. Извѣстія византійскихъ писателей о Варягахъ и Руси.

5. Финское названіе Шведовъ Руотсы и названіе Шведской Упландіи Рослагеномъ.

---

* Насколько сильна отрицательная (то-есть антискандинавская) сторона изслѣдованій г. Гедеонова можно заключить изъ того что главные представители Скандинавской школы (гг. Погодинъ и Куникъ) отдали ему полную справедливость и отступились отъ нѣкоторыхъ своихъ доказательствъ. Но положительная сторона (именно Хазарскій хаганатъ въ Кіевѣ и пришествіе князей съ Балтійскаго поморья) одвали найдутъ себѣ подтвержденіе.

6. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о трехъ русскихъ послахъ и извѣстіе Лиутпранда о Руссахъ-Нормандахъ.

7. Извѣстія арабскихъ писателей.

8. Скандинавскія саги.

9. Позднѣйшія связи русскихъ князей со Скандинавами.

Первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ теоріи норманистовъ служитъ извѣстіе русской лѣтописи о призваніи князей изъ-за моря. Мы сказали выше что противники ихъ почти не трогали этого основанія. Большею частью они, точно такъ же какъ и скандинавоманы, принимали призваніе или вообще пришествіе князей за исходный пунктъ Русской исторіи и расходились только въ рѣшеніи вопроса: откуда они пришли и къ какому народу принадлежали? Такъ, Татищевъ и Болтинъ выводили ихъ изъ Фишляндіи, Ломоносовъ—изъ славянской Пруссіи, Эверсъ—изъ Хазаріи, Гольманъ—изъ Фрисландіи, Фатеръ—отъ черноморскихъ Готовъ, Венелинъ, Морошкинъ, Савельевъ, Максимовичъ (и въ послѣднее время Гедеоновъ)—отъ балтійскихъ и полабскихъ Славянъ, Костомаровъ—изъ Литвы. (Есть еще мнѣніе, примыкающее къ Эверсу, о происхожденіи русскихъ князей отъ Угро-Хазаръ; см. Юргевича „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ Русской исторіи". *Зап. Одес. Об.* т. VI). Мы не видимъ чтобы кто-либо между изслѣдователями занимавшимися варяжскимъ вопросомъ обратилъ исключительное вниманіе на фактическую достовѣрность самаго извѣстія о призваніи Варяговъ и вообще объ иноземномъ происхожденіи Рюриковой династіи. Напротивъ, почти всѣ изслѣдователи идутъ отъ упомянутой лѣтописной легенды, и только различнымъ образомъ толкуютъ ея текстъ; напримѣръ что она разумѣетъ подъ Варягами Русью? На какое море она указываетъ? Въ какомъ смыслѣ понимать слова: „Пояша по себѣ *всю* Русь" и т. п.? Спорили иногда о правописаніи, о разстановкѣ знаковъ въ лѣтописномъ текстѣ, чтобы заставить его говорить въ пользу своего мнѣнія. А между тѣмъ весь этотъ текстъ, по нашему крайнему разумѣнію, нисколько не въ состояніи выдержать исторической критики незатемненной предвзятыми идеями и толкованіями. Чѣмъ ближе мы держимся его буквальнаго смысла, тѣмъ болѣе и болѣе путаемся въ нескончаемыхъ противорѣчіяхъ, когда начинаемъ сопоставлять его съ другими несомнѣнно историческими фактами. И наоборотъ: только убѣдившись что мы имѣемъ дѣло съ легендой, а не съ

историческимъ фактомъ, получаемъ возможность стать на болѣе прочную основу.*

Начнемъ съ того: есть ли малѣйшая вѣроятность чтобы народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, сговорились разомъ, и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, то-есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и не мыслимы. А что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь не о князьяхъ только и ихъ дружинѣ, но о цѣломъ народѣ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое сомнѣніе. Сама русская лѣтопись представляетъ тому убѣдительныя доказательства. По ея словамъ, въ 862 году Рюрикъ съ братьями призванъ въ Новгородскую землю. Въ томъ же году Оскольдъ и Диръ уходятъ отъ него на югъ и захватываютъ Кіевъ, а черезъ годъ или черезъ два они уже нападаютъ на Константинополь въ количествѣ 200 лодокъ, на которыхъ помѣщалось приблизительно до 10.000 войска, состоящаго изъ Руси. (Да и это количество еще слишкомъ незначительно въ сравненіи съ такимъ предпріятіемъ какъ нападеніе на Константинополь). А между тѣмъ Оскольдъ и Диръ могли отвлечь только часть Руси отъ Рюрика, у котораго оставалась главная ея масса. Напомнимъ что, судя по лѣтописи, онъ господствуетъ отъ Чудскаго озера и Западной Двины до низовьевъ Оки и занимаетъ своими дружинами главные пункты въ этихъ земляхъ (Новгородъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Муромъ и конечно нѣкоторые другіе). Далѣе, что сказать о непосредственно слѣдующихъ затѣмъ обширныхъ завоеваніяхъ и походахъ Олега, предпринятыхъ со многими десятками тысячъ? Судя по лѣтописи, онъ совокупилъ войска изо всѣхъ подвластныхъ ему народовъ. Но вѣдь это были народы большею частью только-что покоренные; слѣдовательно, чтобы держать ихъ въ покорности и двигать съ собою ихъ вспомогательныя войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притомъ, такое движеніе возможно только на сушѣ, а не на морѣ. Походъ Олега на Царьградъ, предпринятый въ столь ши-

* Только скептическая школа Каченовскаго заподозрила несостоятельность всего этого сказанія о призваніи князей, но дѣлала это мимоходомъ, безъ связи съ другими данными, не развивая ничего до конечныхъ выводовъ и подчасъ просто увлекаясь своими отрицаніями. Тѣмъ не менѣе, школа эта далеко не заслуживаетъ того суроваго приговора который ей произнесли. Нѣкоторыя мысли высказанныя ею о русской лѣтописи нашли себѣ оправданіе въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

рокихъ размѣрахъ и исполненный съ такою удачей, указываетъ на опытныхъ и безстрашныхъ моряковъ; слѣдовательно опять на массу болѣе или менѣе однородную. Едва ли въ этомъ морскомъ ополченіи можно допустить присутствіе приведенныхъ въ лѣтописи элементовъ, въ родѣ Мери, Радимичей и т. п. народовъ, жившихъ внутри Россіи и совсѣмъ незнакомыхъ съ моремъ. Если даже оставить въ сторонѣ походъ Олега, о которомъ Византійцы не упоминаютъ, то остается еще походъ Игоря; о немъ византійскіе историки говорятъ такъ же положительно какъ и о нападеніи Оскольда (не называя впрочемъ послѣдняго по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византійскихъ извѣстій о походѣ Игоря, мы можемъ однако догадываться что это не былъ простой набѣгъ только изъ-за добычи, какъ обыкновенно у насъ его изображаютъ, нѣтъ, это была цѣлая и довольно продолжительная война. Руссы высадились въ Малой Азіи и воевали тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (а въ Малой Азіи были тогда многочисленныя славянскія поселенія не всегда покорныя Византіи); между тѣмъ флотъ ихъ опустошалъ берега Боспора. Византійская имперія только съ большимъ напряженіемъ своихъ силъ заставила наконецъ Руссовъ удалиться. (Нельзя не отдать справедливости мнѣнію Венелина, который связываетъ походы Олега и Игоря съ событіями въ Болгаріи и съ отношеніями Болгаріи къ Византіи. Походы Святослава вполнѣ подтверждаютъ это мнѣніе).

А походы Руссовъ на Каспійское море въ 913 и 944 годахъ, упоминаемые Арабами и предпринятые также десятками тысячъ воиновъ? Обратите вниманіе на тѣ мѣста договоровъ Олега и Игоря гдѣ говорится о свѣтлыхъ русскихъ князьяхъ состоявшихъ подъ рукой Кіевскаго князя; въ договорѣ Игоря приводятся и многія имена этихъ (удѣльныхъ) князей; каждый изъ нихъ имѣлъ, конечно, свою дружину. Обратите вниманіе также на главныя статьи этихъ договоровъ. Развѣ онѣ не указываютъ на существованіе уже значительныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и не однихъ торговыхъ, но и посольскихъ? Договоры ведутся исключительно отъ имени Руси, какъ народа сильнаго, давно осѣдлаго на своихъ мѣстахъ и довольно ясно опредѣлявшаго свои отношенія къ сосѣдямъ. Эта Русь выдѣляетъ изъ себя значительное количество торговыхъ людей которые предпринимаютъ далекія плаванія и подолгу проживаютъ въ чужихъ странахъ. (О большихъ русскихъ караванахъ ходившихъ ежегодно въ Черное Море говоритъ и Константинъ Багрянородный.) Эти русскіе купцы-воины, торговавшіе

въ Константинополѣ, были настолько многочисленны что, въ видахъ безопасности, ставится условіемъ чтобъ они не входили въ городъ за разъ болѣе 50 человѣкъ и притомъ безъ оружія. Въ тѣхъ же договорахъ говорится не объ однихъ торговцахъ и послахъ, но упоминаются и Руссы состоявшіе наемниками въ войскахъ византійскихъ императоровъ (о русскихъ наемныхъ отрядахъ говорятъ и византійскіе историки). Параллельно съ этими договорами мы можемъ поставить относящіяся къ той же эпохѣ арабскія извѣстія о русскихъ торговыхъ караванахъ на Волгѣ, то-есть въ Хазаріи; въ городѣ Итилѣ, столицѣ Хазарской, встрѣчаемъ цѣлую колонію русскихъ купцовъ; у Хазарскаго царя также есть наемное войско изъ Руссовъ.

Все доказываетъ что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдѣльною дружиной или какимъ-то родомъ, который пришелъ съ своими князьями, призванными въ Новогородскую землю для водворенія порядка. Нѣтъ, это былъ цѣлый сильный народъ, отличавшійся предпріимчивымъ, суровымъ и властолюбивымъ характеромъ. На его свирѣпость сильно жалуются византійскія извѣстія. Не однимъ сосѣдямъ доставалось отъ этого народа; господство его не было легкимъ и для подчиненныхъ племенъ; изъ ихъ среды онъ конечно бралъ то огромное количество рабовъ, которыхъ отсылалъ на продажу въ сосѣднія страны. Припомнимъ слова вложенныя въ уста Святослава, о томъ что изъ Руси идутъ въ Грецію шкуры, воскъ, медъ и *челядь*. По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго и Ибнъ Фодлана, у русскихъ купцовъ главнымъ товаромъ также являются невольники и невольницы. Звѣриными шкурами и медомъ платили дань Руси подчиненныя ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующаго народа и не были равнодушны къ своему положенію, показываетъ смерть Игоря и послѣдующая затѣмъ истребительная война съ Древлянами. Человѣческія жертвы, приносимыя кіевскому Перуну, также не свидѣтельствуютъ въ пользу тихихъ, кроткихъ правовъ, которыми нашъ лѣтописецъ надѣляетъ племя Полянъ (иначе называвшееся Русью). По лѣтописи выходитъ что какъ сѣверные Славяне добровольно призвали къ себѣ господъ, такъ и южныя племена большею частію покорились имъ легко. „Кому дань даете?“ спрашиваетъ Русскій князь. „Хазарамъ!“ отвѣчаютъ Сѣверяне или Радимичи. „Не давайте Хазарамъ, а мнѣ давайте.“ И племена будто бы покорно повиновались.

Нѣкоторые писатели, поддерживающіе скандинавское проис-

хожденіе Руси, не настаиваютъ собственно на добровольномъ призваніи, а склоняются къ тому чтобы предположить завоеваніе или какую другую комбинацію. Но вопросъ все-таки сводится къ тому же выводу. Такъ какъ изъ самой же лѣтописи вытекаетъ что это былъ сильный народъ, въ короткое время покорившій столько племенъ и основавшій огромное государство; слѣдовательно онъ долженъ былъ совершить свое движеніе изъ Скандинавіи въ значительныхъ массахъ и произвести нашествіе въ родѣ, напримѣръ, Остготовъ или Лангобардовъ, покорившихъ Италію. Но могло ли подобное движеніе остаться незамѣченнымъ современниками и не найти никакого отголоска ни въ скандинавскихъ, ни въ нѣмецкихъ, ни въ византійскихъ источникахъ? Слѣдовательно, такого движенія не было. Да оно и не могло быть въ подобныхъ размѣрахъ. Ближайшая къ Россіи скандинавская страна, Швеція, была въ тѣ времена сама еще очень бѣдно населена; германскій элементъ ея былъ еще очень малолюденъ. Наиболѣе сильный норманскій народъ, Датчане, около того времени только-что заявили себя морскими набѣгами; но ихъ стремленіе было обращено на берега западной Европы; главныя усилія ихъ, какъ извѣстно, обратились на Англію. О Норвежцахъ можно сказать то же что̀ о Шведахъ и Датчанахъ вмѣстѣ, то-есть они были такъ же малочисленны какъ Шведы и такъ же стремились на западъ какъ Датчане. Мы видимъ какъ создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападеніями Норманновъ, какъ постепенно подготовилось окончательное завоеваніе Англіи, и при какихъ обстоятельствахъ положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о томъ что всѣмъ тремъ упомянутымъ событіямъ уже предшествовало быстрое завоеваніе тѣми же народами всего пространства отъ Финскаго залива до Чернаго Моря, пространства, населеннаго отнюдь не робкими, безсильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнѣніе, пущенное въ ходъ хотя и знаменитымъ писателемъ (Шафарикомъ), но тѣмъ не менѣе ошибочное, мнѣніе о какой-то миролюбивой, пассивной натурѣ Славянъ, одаренной разными благими качествами, за исключеніемъ главныхъ, каковы любовь къ независимости и способность организаціи.

Скандинавскимъ народамъ было не подъ силу въ IX вѣкѣ основаніе такого огромнаго государства, каково Русское. На востокѣ имъ было достаточно дѣла и съ балтійскими Славянами.

II. Договоры съ Греками.—Извѣстія Византійцевъ.

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтвержденія своей системы, и нѣкоторые изъ нихъ горячо отстаивали подлинность договоровъ. Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ серіозныхъ поводовъ сомнѣваться въ ихъ подлинности; это почти единственные документальные источники занесенные на первыя страницы нашей лѣтописи. Потому-то ихъ содержаніе во многомъ и противорѣчитъ тѣмъ легендарнымъ разказамъ которыми они обставлены. При внимательномъ разсмотрѣніи, они могутъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ не истинности, а напротивъ ложности скандинавизма. Если Олегъ былъ Норманнъ, пришедшій въ Россію съ Рюрикомъ, и дружина его состояла изъ Норманновъ, то какъ же, по свидѣтельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуномъ и Волосомъ, а не скандинавскими Одиномъ и Торомъ? Та же клятва повторяется въ договорахъ Игоря и Святослава. Мы видѣли что Русь по всѣмъ несомнѣннымъ признакамъ была сильный, многочисленный народъ и народъ господствующій. Если-бы это былъ народъ пришедшій изъ Скандинавіи, то какъ могъ онъ такъ быстро измѣнить своей религіи и кто его могъ къ тому принудить? Даже, если принять положеніе что это былъ не народъ (что совершенно невѣроятно), а скандинавская династія съ своею дружиной, которая составила только высшее сословіе, такъ-называемую аристократію въ странѣ Славянъ, и тогда нѣтъ никакой вѣроятности чтобы господствующій классъ такъ скоро отказался отъ своей религіи въ пользу религіи подчиненныхъ. Удивительно какъ эта несообразность не бросилась въ глаза норманистамъ. Впрочемъ и ихъ противники слишкомъ мало обратили вниманія на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убѣждаютъ насъ въ томъ что Русь существовала на Днѣпрѣ и на Черномъ Морѣ задолго до второй половины IX вѣка, то-есть до эпохи такъ-называемаго призванія князей. Мы уже говорили что эти договоры указываютъ на довольно развитыя и слѣдовательно давнія торговыя сношенія. Подобныя сношенія, и притомъ сопровождаемыя формальными договорами, не могли завязаться вдругъ, безъ

цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ обстоятельствъ. И дѣйствительно, тѣ же договоры заключаютъ въ себѣ прямые намеки на то что они были повтореніемъ прежнихъ, такихъ же мирныхъ трактатовъ. Напримѣръ выраженія: „на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіаны и Русью бывшюю любовь"; или: „любовь бывшюю межю Христіаны и Русью, и т. п. (см. договоръ Олеговъ). Въ этомъ отношеніи они имѣютъ непосредственную внутреннюю связь съ извѣстными двумя рѣчами византійскаго митрополита Фотія, произнесенными по поводу нападенія Руси на Константинополь, того нападенія которое, по нашей лѣтописи, сдѣлано было Оскольдомъ и Диромъ. Вотъ что говорится во второй бесѣдѣ: „Эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе ихъ соплеменниковъ и благословно требовали и ожидали кары, равной злодѣянію". И ниже: „Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ; но, какъ мы видѣли, Божія милость отвратила ихъ набѣгъ". (См. *Четыре бесѣды Фотія* — архим. Порфир. Успенскаго). Отсюда ясно что нашествіе Оскольдовыхъ Руссовъ на Константинополь также не было простымъ разбойничьимъ набѣгомъ: по всей вѣроятности ему предшествовало убіеніе русскихъ торговцевъ въ Греціи и отказъ Грековъ въ удовлетвореніи. Произошло событіе подобное тому которое мы встрѣчаемъ гораздо позднѣе, при Ярославѣ I, когда за убійство русскихъ купцовъ въ Византіи онъ посылалъ флотъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ. Арабскій писатель Хордадбегъ говоритъ что Византійскій императоръ и царь Хазаріи взимали десятину съ русскихъ купцовъ. Это свидѣтельство подтверждаетъ существованіе давнихъ торговыхъ сношеній Руси съ при-Понтійскими и при-Каспійскими странами; такъ какъ Хордадбегъ писалъ въ эпоху Рюрика и Оскольда. А по Скандинавской системѣ Русь въ это время только появляется въ Россіи; когда же она успѣла организовать свои торговыя сношенія съ Греками и Хазарами, неужели еще въ то время когда жила въ Скандинавіи?

Упомянутыя двѣ бесѣды Фотія, современныя такъ-называемому призванію къ намъ Варяговъ, представляютъ и еще кое-какія черты для уясненія вопроса о Руссахъ. Хотя онъ тутъ иногда впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія съ самимъ собою, но эти противорѣчія легко объясняются реторическими оборотами и не мѣшаютъ понимать ихъ настоящій смыслъ. То онъ выражается о Руссахъ высокопарно, иногда словами

Библіи. Напримѣръ: „Народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ чтобы дойти до втораго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья. Онъ грозенъ и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря", и т. д. или: „Я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстья его". То онъ отзывается о нихъ съ презрѣніемъ и старается умалить ихъ значеніе: „О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабой!—необученное и набранное изъ рабовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу?... Слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя" И въ другомъ мѣстѣ: „Тѣ которыхъ усмиряла самая молва о Ромеяхъ, тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ". И далѣе: „Народъ, ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши" и пр. Подобныя реторическія черты находились въ связи съ различными оборотами рѣчи. Когда ораторъ рисуетъ вообще яркую картину нашествія „тучи варваровъ", то изображаетъ ихъ грозными и неодолимыми; когда же онъ мечетъ громы противъ грѣховъ въ которыхъ погрязло столичное населеніе, то для бо́льшаго оттѣнка изображаетъ ничтожество непріятелей, которые посланы какъ кара небесная на изнѣженныхъ и праздныхъ жителей. „Чѣмъ неименитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать, тѣмъ бо́льшій стыдъ намъ приписывается", поясняетъ самъ Фотій.

Истина конечно заключается въ срединѣ. Нахлынувшіе варвары не были врагами неодолимыми; но въ то же время они были настолько сильны что отважились напасть на такой огромный и хорошо защищенный городъ, какимъ былъ Константинополь. „Походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ что и молва не успѣла оповѣстить насъ, и мы услышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и раздѣляли насъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя

моря.“ Замѣчательно при этомъ то обстоятельство что нападеніе столь быстро и ловко сдѣланное произошло именно въ то время когда императоръ Михаилъ III находился съ главными силами въ походѣ противъ Сарацинъ—обстоятельство, вѣроятно, не безызвѣстное Руссамъ. Быстрота похода доказываетъ только что Черное Море и его берега были имъ хорошо знакомы. Слѣдовательно выраженія: „народъ кочевой“, „безъ военнаго искусства“, „войско набранное изъ рабовъ“ и т. д., это отчасти реторика, а отчасти и греческая точка зрѣнія на подвижныхъ, предпріимчивыхъ Руссовъ, на ихъ изобиліе рабами (челядью) и ихъ ополченіе, не похожее на стройные (сравнительно) греческіе легіоны. Эти бесѣды Фотія ровно ничего не даютъ въ пользу норманской теоріи, и однако норманисты находятъ возможнымъ на нихъ ссылаться. Напримѣръ, будто вышеприведенныя фразы объ отдаленности Руси, о странахъ и моряхъ отдѣляющихъ ее отъ Византіи и т. п. — будто это намекаетъ на Скандинавію. Но, вопервыхъ, не забудемъ реторическій характеръ бесѣдъ; а, вовторыхъ, для обитателя Константинополя, въ тѣ времена, не только Кіевъ (не говорю о Новгородѣ), но и сѣверныя прибрежья Чернаго Моря должны были представляться мѣстами лежащими гдѣ-то далеко на сѣверѣ, чуть не на краю свѣта. Вспомнимъ какое продолжительное и трудное плаваніе совершали русскія суда направлявшіяся въ Константинополь; они двигались не прямо поперекъ Чернаго Моря, какъ мы теперь, а огибали вдоль береговъ съ ихъ заливами, устьями рѣкъ, мысами и т. д.; слѣдовательно они дѣйствительно должны были касаться различныхъ странъ и разныхъ народовъ находившихся между Днѣпромъ и Константинополемъ. Что Византійцы называли иногда гиперборейскими, то-есть сѣверными, народы обитавшіе въ южной Россіи, тому можно найти и другіе примѣры. (Такъ названы у Льва Діакона Хазары).

Бесѣды Фотія даютъ понять что Русь не была для Грековъ какимъ-то неизвѣстнымъ дотолѣ народомъ, что столкновенія съ нею были и прежде. Но въ то же время изъ нихъ ясно вытекаетъ что это было первое грозное нашествіе Руси, нападеніе на самый Константинополь, — нападеніе заставившее Грековъ обратить на Русь болѣе вниманія чѣмъ прежде. Фотій уясняетъ намъ почему съ этого событія начинаются болѣе прямыя извѣстія у византійскихъ историковъ о Руси подъ ея собственнымъ именемъ, а не подъ именемъ Скиѳовъ

Сарматовъ и т. п. Отсюда мы выводимъ непосредственное отношеніе къ нашей лѣтописи. Руководствуясь своими образцами, то-есть византійскими хронографами, она начинаетъ исторію Руси тѣмъ же самымъ событіемъ, то-есть первымъ нашествіемъ ихъ на Константинополь. * Но такъ какъ это событіе нисколько не объясняетъ начала Русскаго государства, то ему и предпосылается легенда о призваніи князей. Фотій, современникъ этого мнимаго призванія, не дѣлаетъ о немъ ни малѣйшаго намека; а между тѣмъ, характеризуя непріятельскій народъ, по всей вѣроятности онъ упомянулъ бы и о его предводителяхъ. Но извѣстіе о призваніи является въ русской лѣтописи такою же позднѣйшею прибавкой, какъ и разказъ о погруженіи ризы отъ иконы Влахернской Богородицы и возставшей послѣ того бури, которая разметала суда Руссовъ. Этотъ разказъ является у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ Византійцевъ и отъ нихъ буквально перешелъ въ нашу лѣтопись. Бесѣды Фотія возстановляютъ для насъ событіе въ настоящемъ видѣ; причемъ буря дѣйствительно играетъ роль, но только наоборотъ, въ началѣ событія, а не въ концѣ. Онъ говоритъ что варвары приблизились въ бурную, мрачную ночь, но что море потомъ утихло, и они спокойно обступили городъ; а удалились они въ то время когда риза Богородицы торжественно носилась вокругъ стѣнъ (вѣроятно заслышавъ о приближеніи императорскаго флота и войска).

Патріархъ Фотій кромѣ своихъ бесѣдъ оставилъ намъ и еще свидѣтельство о Руссахъ, именно въ своемъ окружномъ посланіи 866 года, гдѣ онъ говоритъ объ обращеніи въ христіанство Болгаръ и Руссовъ. Здѣсь нѣсколько менѣе реторики чѣмъ въ бесѣдахъ и болѣе прямыхъ, ясныхъ указаній. Приведемъ его слова: „Не только оный народъ (Болгары) перемѣнилъ древнее нечестіе на вѣру во Христа, но и народъ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящій всѣ другіе народы своею жестокостію и кровожадностію,—я говорю о Руссахъ,—которые, покоривъ окрестные народы, возгордились и, возымѣвъ о себѣ высокое мнѣніе, подняли оружіе на Римскую державу. Теперь они сами перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и непорочную христіанскую вѣру, и ведутъ себя (въ отношеніи насъ) почтительно и дружески, тогда какъ незадолго предъ тѣмъ безпокоили насъ своими разбоями и учи-

* Съ этой стороны наше тысячелѣтіе получаетъ полный смыслъ.

нили великое злодѣяніе". Изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ что Фотій достаточно зналъ Руссовъ, что въ то время они уже господствовали надъ сосѣдними народами и сочли себя настолько сильными чтобы напасть на самый Константинополь, чѣмъ заставили много говорить о себѣ. И ни слова объ ихъ князьяхъ пришедшихъ изъ Скандинавіи! Все это, разумѣется, нисколько не согласуется съ нашими лѣтописными Оскольдомъ и Диромъ; тамъ это странствующіе рыцари, которые только-что завладѣли Кіевомъ и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Оскольдова Русь (то-есть пришлая дружина въ нѣсколько сотъ человѣкъ) успѣла покорить сосѣдніе народы между прибытіемъ въ Кіевъ и походомъ на Византію? (Пришлвъ хронологію норманистовъ, это выходитъ приблизительно въ годъ.) И если они уже покорили сосѣдніе народы, то что же осталось бы на долю Олега? Всѣ эти несообразности замѣтилъ Шлёцеръ и выпутался изъ нихъ очень просто: Руссы нападавшіе на Константинополь, по его мнѣнію, *не настоящіе* Руссы, а какой-то неизвѣстный варварскій народъ, и Византійцы тутъ явно напутали. Но другіе норманисты не рѣшились отвергать современное свидѣтельство Фотія. Мало того, слова Фотія являются у нихъ подкрѣпленіемъ ихъ же системы. Въ бесѣдахъ онъ выражается что варвары пришли съ далекаго сѣвера: ясно что это Скандинавія, что же можетъ быть сѣвернѣе Скандинавіи? Въ посланіи онъ говоритъ что Руссы поработили *окрестные* народы: опять ясно что тутъ дѣло идетъ о Норманнахъ; извѣстно что они въ тѣ времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германію, Англію, Францію, Испанію и т. д. (это все окрестные народы!)

Отъ патріарха Фотія, современника мнимому прибытію Руси изъ Скандинавіи, перейдемъ къ Константину Багрянородному, современнику Игоря. Онъ былъ свидѣтелемъ Игорева нападенія на Византію, заключалъ съ нимъ договоръ, принималъ у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описываетъ этотъ пріемъ (въ сочиненіи *О церемоніяхъ Византійскаго двора*) и не пользуется случаемъ сказать что-нибудь о варяжскихъ князьяхъ, основателяхъ Русскаго государства. Рюрикъ, по нашей лѣтописи, приходится свекоръ Ольгѣ, и если не она, то кто-либо изъ ея свиты могъ сообщить любознательному императору подробности о Рюрикѣ и Олегѣ. Да и безъ нихъ Константинъ всегда имѣлъ возможность получить подобныя свѣдѣнія отъ русскихъ пословъ и купцовъ въ Константинополѣ.

Если принять за истину то что лѣтопись разказываетъ (а норманисты подтверждаютъ) о походахъ Олега, тогдашній міръ долженъ былъ наполниться его славой, и тѣмъ не менѣе Константинъ сохраняетъ о немъ упорное молчаніе. Въ другомъ своемъ сочиненіи (*Объ управленіи имперіей*) онъ сообщаетъ многія свѣдѣнія о сосѣднихъ и даже отдаленныхъ народахъ (Ломбардахъ, Арабахъ, Печенѣгахъ, Сербахъ, Хазарахъ, Уграхъ и пр.). Тутъ между прочимъ онъ говоритъ о Руссахъ; уже одно столь извѣстное описаніе ихъ плаванія по Днѣпровскимъ порогамъ показываетъ что онъ интересовался ими и зналъ ихъ довольно хорошо, и опять никакого намека на переселеніе Руссовъ въ Россію или на завоеваніе ея какими-либо иноземными князьями. Константинъ, напримѣръ, разказываетъ о началѣ династіи Арпада у Венгровъ и объ ихъ отношеніи къ Хазарамъ; а между тѣмъ Арпадъ приходится повидимому современникомъ Рюрика. Изъ всѣхъ извѣстій Константина ясно вытекаетъ что онъ считаетъ Русь народомъ туземнымъ, а не пришлымъ; притомъ онъ весьма просто и естественно передаетъ намъ данническія отношенія разныхъ славянскихъ племенъ къ господствующему народу Руси. Слѣдовательно, еслибы на Руси около той эпохи случились такіе перевороты о которыхъ разказываютъ легенды занесенныя въ нашу начальную лѣтопись, то есть ли какая вѣроятность чтобы любознательный и словоохотливый Константинъ Багрянородный ничего о нихъ не зналъ, а зналъ—умолчалъ?

Извѣстія о Руссахъ у Фотія и Константина Багрянороднаго находятся въ полномъ согласіи между собою и ни въ чемъ другъ другу не противорѣчатъ. То же самое можно сказать объ одномъ изъ ближайшихъ послѣ Константина историковъ, о Львѣ Діаконѣ: описывая войну Святослава съ Греками и сообщая многія подробности о Руссахъ, онъ не дѣлаетъ никакого намека на то что считаетъ Русь пришлымъ народомъ въ Россіи. Святославъ былъ внукомъ Рюрика, и память о пришествіи Руссовъ изъ Скандинавіи или изъ другой какой страны могла еще живо сохраняться; самъ Святославъ, по мнѣнію норманистовъ, былъ типъ Норманна, а дружина его состояла преимущественно изъ Норманновъ. Между тѣмъ Левъ Діаконъ пріурочиваетъ Тавроскиѳовъ (Руссовъ) преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей.

Если мы обратимся вообще къ византійскимъ извѣстіямъ о

Варягахъ и Руссахъ, то разсмотрѣніе и сличеніе ихъ между собою приводитъ насъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Во-первыхъ, византійскіе источники не смѣшиваютъ Русь съ Варягами, а говорятъ о нихъ отдѣльно. Во-вторыхъ, о Руси они упоминаютъ гораздо прежде, нежели о Варягахъ. Въ-третьихъ, что касается до наемныхъ иноземцевъ на византійской службѣ, то Варяги составляли отряды сухопутные, а Руссы преимущественно служили во флотѣ. Какъ же отнеслись къ этимъ даннымъ норманисты? Они нашли что названіе Варяговъ (Варанги) слишкомъ запаздываетъ въ византійскихъ источникахъ: такъ какъ прямо и положительно подъ этимъ именемъ послѣдніе выступаютъ только въ XI вѣкѣ. Но въ X вѣкѣ (у Константина Багрянороднаго) встрѣчаются Фарганы. Норманисты отождествили ихъ съ Варягами; но послѣ доказательствъ г. Гедеонова отступились отъ Фаргановъ. Между тѣмъ о Руссахъ, не говоря о IX вѣкѣ, у Византійцевъ есть упоминаніе уже въ VIII столѣтіи. А именно, у одного византійскаго писателя (Ѳеофана) подъ 774 годомъ говорится что императоръ Константинъ Копронимъ, „отправлялся противъ русскихъ судовъ, двинулся въ рѣку Дунай“ (ἀπελθὼν αὐτὸς εἰς τά ῥούσια χελάνδια ἀπεκίνησε, πρὸς τὸ εἰσελθεῖν εἰς τὸν Δανούβιον ποταμόν). Норманисты держатся въ этомъ случаѣ другаго перевода: вмѣсто „отправлялся противъ *русскихъ* хеландій“, у нихъ выходитъ „вступивъ въ *красныя* хеландіи“. Такъ какъ Русь у Византійцевъ называлась Ῥῶς, замѣчаютъ они, то прилагательное было бы ρωσικά, а не ῥούσια. На это указывали норманистамъ (Эверсъ) то мѣсто у Константина Багрянороднаго гдѣ говорится о корабляхъ Τῶν ῥούσων. Въ послѣднемъ случаѣ русскіе корабли несомнѣнны, разсуждаютъ норманисты, а въ первомъ они невѣроятны, да и зачѣмъ русскіе корабли явились бы тогда на Дунаѣ вмѣстѣ съ Болгарами? Мы не находимъ въ этомъ извѣстіи ничего страннаго: Русь по всей вѣроятности то воевала съ сосѣдними ей дунайскими Болгарами, то помогала имъ противъ Византіи въ VIII вѣкѣ, такъ же какъ въ IX и X. Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ эти спорныя хеландіи: мы имѣемъ и безъ нихъ достаточно доказательствъ исконнаго пребыванія Руси въ ея настоящемъ отечествѣ, то-есть въ Россіи. Вернемся къ Варангамъ.

Норманисты много и убѣдительно доказывали что Варанги византійскіе были Норманны и означали то же что̀ у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно согласны; только и въ этомъ

случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираютъ на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ, византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на дальній островъ, находящійся на Океанѣ, который они называютъ Туле, а чаще всего причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что смотря по обстоятельствамъ подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что же изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тождества Варанговъ съ Русью, и не только нѣтъ никакого тождества, напротивъ Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ. Русь для нихъ народъ сѣверный или даже надсѣверный (гиперборейскій); но нигдѣ они не выводятъ его съ крайняго острова, лежащаго на Океанѣ, какъ выражаются иногда о Варангахъ. Правда Византійцы не смѣшиваютъ Русь съ Варангами; но какъ-то у нихъ мимоходомъ замѣчено что „Русь, такъ-называемые Дромиты (скороходы), отъ рода Франковъ". (Продолжатели Ѳеофана и Амартола). Этого весьма неопредѣленнаго выраженія достаточно было норманистамъ чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о родствѣ Руси и Варанговъ, или собственно объ ихъ общемъ германскомъ происхожденіи. Мы даже думаемъ что филологически Barangi и Frangi (Farangi) одно и то же слово, и что нѣтъ нужды прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ словопроизводствамъ, какъ то многіе дѣлали, чтобы объяснять слово Варанги то „волками", то „вошами" или „союзниками" и т. п. И все-таки въ данномъ случаѣ нѣтъ доказательства не только варяжскаго, но и вообще германскаго происхожденія Руси. Здѣсь слово Франки можетъ-быть понимаемо въ весьма обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ народовъ сѣверно-и западно-европейскихъ: примѣры тому не рѣдки у византійскихъ писателей (какъ справедливо показалъ еще Эверсъ), отъ которыхъ странно было бы и требовать точныхъ этнографическихъ терминовъ. Обыкновенно Византійцы причисляютъ Русь къ „скиѳскимъ" народамъ; но и этимъ названіемъ не выражается какой-либо опредѣленный этнографическій типъ. Для насъ, повторяю, важно то обстоятельство что Византійцы, близко, во очію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и Варанговъ, и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ. Норманскую школу не смущаетъ подобное обстоятельство. Для нея довольно и того что ихъ смѣшиваетъ наша басня о призваніи Варяговъ-

Руси. А между тѣмъ въ этомъ-то весь корень вопроса. Мало ли что̀ можетъ смѣшиваться въ темномъ народномъ преданіи, въ сказкѣ, въ пѣснѣ, въ собственномъ домыслѣ книгописца и т. п.? Но можетъ ли наука опираться на подобныя основанія? Варяги-Норманны несомнѣнно были въ Россіи; но они были здѣсь почти тѣмъ же чѣмъ и въ Византіи, то-есть наемною дружиной. Я говорю *почти*, потому что у насъ размѣры нѣсколько другіе: у насъ они были и многочисленнѣе чѣмъ тамъ, и принимали большее участіе въ нашихъ событіяхъ.

Извѣстно какъ сильно норманисты упираютъ на Днѣпровскіе пороги у Константина Багрянороднаго, который приводитъ ихъ названія въ двухъ видахъ: въ русскомъ и въ славянскомъ. Вотъ они. Русскія: *Ульворси*, *Геландри*, *Эйфаръ*, *Варуфоросъ*, *Леанти* и *Струвунъ*; славянскія: *Островунипрагъ*, *Неясыть*, *Вулнипрагъ*, *Веруци*, *Напрези*. Кромѣ того одинъ порогъ имѣлъ общее названіе, по-русски и по-славянски *Ессупи*. Не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* (то-есть предполагаемыя скандинавскія) названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій. Досталось впрочемъ и не однимъ германскимъ нарѣчіямъ; тутъ пошли въ дѣло и кельтскія и финскія (Струбе, Тутманъ, Лербергъ); не обращались развѣ только къ нарѣчіямъ славянскимъ. Для образца этихъ объясненій, приведемъ толкованіе перваго русскаго названія, то-есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσι). Вопервыхъ, говорятъ норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси и даже не Ульмворси, а Хольмворси; такъ какъ въ греческой передачѣ *л* передъ в (β) могло быть выброшено, а *хо* обратилось въ *у*. Затѣмъ это слово уже не представляетъ затрудненій. *Хольмъ* (Holm) въ языкахъ: англійскомъ, шведскомъ, нижне-саксонскомъ и датскомъ означаетъ или островъ или островокъ. А вторая половина названія *ворси* напоминаетъ нижне-нѣмецкія Worth, Wurth, Wörde, Wuhrde и англо-саксонскія Worth, Warth и Warothe, означающіе или возвышеніе или берегъ; можно также производить ее отъ fors порогъ. Прекрасно; но если толковать Ульворси какъ переводъ соотвѣтствующаго ему у Константина славянскаго Островунипрагъ, то мы не думаемъ что надобно исключительно обращаться къ германскимъ нарѣчіямъ, когда имѣемъ и въ славянскихъ то же слово *холмъ* съ различными его варіантами: *хельмъ*, *хлумъ*, *шеломъ* и т. д., а для *борси* и для *форосъ* (въ словѣ Варуфоросъ, которое тоже объясняется норманистами при

помощи fors) *боръ* или *брегъ*, часто встрѣчающіяся въ сложныхъ именахъ (напримѣръ Бранибóръ, Колобрегъ, Раковóръ, и пр.), имѣемъ тотъ же *прагъ* или *порогъ*; имѣемъ наконецъ слово *забора*, которое и до нашего времени употребляется тамъ же, на Днѣпрѣ, для обозначенія малыхъ пороговъ (напомнимъ и близкую ему форму *запора*). Такимъ образомъ съ меньшею вѣроятностію можно предложить для Ульборси, вмѣсто Holmfors или Holmworth, напримѣръ: Холмоборы (Холмогоры) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, то-есть Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что̀ въ названіи Вулнпрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул* существуетъ наконецъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Ульборси совсѣмъ и не означаетъ то же самое что̀ Островунпрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ-быть сокращеніе изъ *Улборть*.)

Не беру на себя задачи немедленно объяснить такъ-называемыя русскія имена пороговъ у Константина; предполагаю и значительную порчу этихъ именъ въ его передачѣ, и вообще его недоразумѣніе при ихъ параллели съ именами славянскими. Можетъ-быть со временемъ, когда на объясненіе ихъ при помощи славянскихъ нарѣчій употреблено будетъ хотя въ половину столько же труда и усилій, сколько было потрачено на объясненіе изъ германскихъ, вопросъ этотъ ближе подвинется къ своему рѣшенію. Ограничусь нѣсколькими замѣчаніями. Что Константинъ по большей части передалъ имена въ искаженномъ видѣ, для этого достаточно бросить взглядъ на такъ-называемыя славянскія названія. Что̀ такое, напримѣръ, *Веруци* (Βερούτζη)? Не поясни онъ что это славянское слово и что оно означаетъ вареніе или кипѣніе воды (Βράσμα νερού), мы пожалуй не вдругъ догадались бы о томъ, и норманисты по всей вѣроятности обратились бы къ германскимъ нарѣчіямъ для отысканія корня. Или возьмемъ общее русско-славянское названіе одного порога *Ессупи* (Ἐσσουπῆ). Не прибавь Константинъ что это значитъ *не спи* или *не спать* (μὴ κοιμᾶσθαι), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого простаго смысла. Замѣчательно что норманисты и это названіе не уступаютъ исключительно славянскому языку; они доискались что на германскихъ нарѣчіяхъ „ne suefe“ будетъ значить тоже „не спи“ (и даже сильнѣе, такъ какъ тутъ приходятся два отрицанія, одно въ началѣ, другое въ концѣ, то-есть: нѣтъ! не спи!). Да-

лѣе что̀ такое славянское названіе *Напрези*? Опять не скажи Константинъ что это значитъ малый порогъ, то-есть порожекъ, никакъ бы не догадаться. Да и послѣ его объясненія слово остается сомнительнымъ. Его пытались видоизмѣнить въ *Набрезъ* и *Напрежье*; но все это очень натянуто. А между тѣмъ обратимъ вниманіе на соотвѣтствующее ему русское названіе *Струвунъ*. Для разъясненія его будто бы необходимо также обратиться къ скандинавскимъ: strid, strond, ström и buna, büne и т. п. Но это яко бы не славянское слово развѣ не тотъ же *Островунъ-порогъ*, приводимый Константиномъ между славянскими названіями? Струвунъ и Островунъ представляютъ такое же отношеніе какъ названія нашего древняго города Вручій и Овручъ.

Итакъ, не можетъ-быть сомнѣнія въ искаженіи самыхъ названій у Константина Багрянороднаго. Можно указать тому и другіе примѣры. Напомнимъ нѣкоторыя его названія славянскихъ городовъ. Немогарда, Милинска, Телюца и пр., въ которыхъ мы узнаемъ Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ. Подобныя искаженія конечно неизбѣжны въ устахъ иноземцевъ, но при этомъ возьмемъ еще въ разчетъ, какъ далеко удалились мы въ настоящее время отъ южно-русскаго произношенія X вѣка! Многія слова, даже и вѣрно записанныя въ то время Греками, могутъ въ настоящее время намъ показаться чуждыми или непонятными. Далѣе, представляется вопросъ: вѣрно ли понялъ Константинъ то что̀ ему толковали о Днѣпровскихъ порогахъ? Что̀ это за двойной рядъ названій: русскія и славянскія, варіанты или переводы? Норманисты усиливаются показать что русскія названія имѣютъ тотъ же смыслъ какъ и соотвѣтствующія имъ славянскія. Но въ такомъ случаѣ опять вопросъ: какія названія оригинальныя и какія переводныя; кто первый ихъ придумалъ, Славяне или Русь? Такъ какъ по теоріи норманистовъ Русь племя пришлое и не славянское, то оно, нашедши имена Днѣпровскихъ пороговъ уже готовыми у Славянъ, не согласилось однако употреблять ихъ, а перевело на свой языкъ. Гдѣ же и когда такъ бывало? Географическія имена не переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ заразъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя

Дѣлаемъ два предположенія въ данномъ случаѣ. Первое:

мнимо параллельныя русскія и славянскія названія можно соединить просто въ одинъ рядъ названій (не отрицаю притомъ нѣсколькихъ исключеній, то-есть варіантовъ). Вѣроятность этого предположенія основываю на томъ что Константинъ говоритъ только о семи Днѣпровскихъ порогахъ, между тѣмъ какъ ихъ въ дѣйствительности гораздо болѣе: напримѣръ, по *Книгѣ Большаго Чертежа* число ихъ доходитъ до 13. У Константина же количество всѣхъ названій, русскихъ и славянскихъ вмѣстѣ, не превышаетъ 12. Второе (болѣе вѣроятное): нѣкоторые пороги могли имѣть не одно, а два названія, то-есть читай, напримѣръ: Леанти, Веручи тожь. Я говорю „нѣкоторые"; ибо у Константина совсѣмъ и не проведена полная система параллели. Объ одномъ названіи онъ прямо говоритъ что оно общее (Ессупи), а въ другомъ случаѣ противъ русскаго (Гелландри) не стоитъ славянскаго имени, а только греческій переводъ. Если отнять отъ первой параллели очевидно славянское слово *Струвунъ*, то останется только пять русскихъ названій, пока для насъ непонятныхъ. *

---

* Эйфаръ и Неясыть могло означать не одинъ и тотъ же порогъ. Такъ какъ теперь есть особый порогъ *Неясытецкій* и особый *Вороновъ*, то въ Эйфаръ или Эйваръ не скрывается ли слово вранъ? А можетъ-быть и Эйваръ и Варуфоросъ означаютъ Варъ-порогъ? *Варъ* и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значитъ перебой, загородка поперекъ рѣки (см. *Словарь* Даля). Въ такомъ случаѣ противъ славянскаго Веруци, слѣдовало бы поставить русское Варуфоросъ (а не Леанти), какъ происходящій отъ того же корня *врети, варити*. Гелландри, по объясненію Константина, значитъ „шумъ порога"; отсюда мы дѣлаемъ предположеніе: не скрывается ли тутъ слово *гулъ*? Форма *Гулландаръ* весьма возможна въ русскомъ языкѣ. Не видимъ особой необходимости сближать его съ нѣмецкимъ der gellende. Въ такомъ случаѣ и бухта Геленджикская тоже происходитъ отъ gellende? Не настаиваемъ на своихъ словопроизводствахъ въ этомъ случаѣ, и дѣлаемъ ихъ только для того чтобы показать возможность объяснить нѣкоторыя непонятныя имена изъ славянскихъ корней. Можетъ-быть кто-нибудь со временемъ доберется до ихъ смысла. А возможно и то что ихъ смыслъ для насъ навсегда потерянъ вслѣдствіе большаго искаженія. Напримѣръ, еслибы не другія соображенія, то филологически невозможно въ Телюца узнать Любечъ. Точно такъ же филологически нельзя доказать что Напрези означаетъ малый порогъ. Напомнимъ еще рядъ собственныхъ именъ доселѣ неразъясненныхъ: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы и Ольберы (*Слово о Пол. Иг.*). Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, ихъ

Но что̀ такое самое выраженіе Константина Багрянороднаго: *по-русски* и *по-славянски?* Не въ правѣ ли мы заключить отсюда что онъ считалъ русскій языкъ особымъ, не-славянскимъ языкомъ? И не только въ этомъ случаѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ у него Русь и Славяне какъ будто два различные народа. И именно онъ какъ бы противопоставляетъ Русь тѣмъ племенамъ которыя платили ей дань и которыхъ онъ называетъ славянскими. Но въ этомъ-то сопоставленіи и заключается разгадка. Дѣло въ томъ что сама Русь безъ сомнѣнія отличала себя отъ покоренныхъ племенъ; какъ господствующій народъ, она вѣроятно свысока смотрѣла на своихъ славянскихъ

объявили не-русскими; но вполнѣ ли это вѣрно? Наше предположеніе о возможности видоизмѣненія тѣхъ же словъ или о замѣнѣ ихъ другими (не выходя изъ предѣловъ того же языка) подтверждается позднѣйшими названіями Днѣпровскихъ пороговъ. Многія ли изъ нихъ сохранились отъ временъ Константина хоть до XVII вѣка, то-есть до *Книги Большаго Чертежа*? Мы находимъ въ ней собственно одно тождественное съ прежнимъ названіе: *Неясытецъ* (*Неясыть* IX вѣка). Потомъ слѣдуетъ *Звонецъ*, соотвѣтствующій Константинову переводу противъ слова Геландри: „шумъ порога". Далѣе *Вулнпгъ*, который можетъ напоминать Вулнпрагъ. Вотъ и все. Остальныя (*Кодакъ*, *Сурской*, *Лоханной*, *Стрѣльчей*, *Княгининъ*, *Воронова*, *Будило*, *Вальный*, *Лычна*, *Таволжаной*) не похожи на имена приведенныя Константиномъ. Только Будило напоминаетъ „Не спи", но напоминаетъ своимъ смысломъ, а не буквой. Онъ же наводитъ на мысль о томъ какъ иногда своеобразно могутъ видоизмѣняться названія. (Такъ вмѣсто Гуландара могъ явиться Звонецъ). Конечно, крупныя географическія имена сохраняются гораздо тверже, но такія мелкія, какъ имена длиннаго ряда пороговъ, неизбѣжно должны были варіироваться. Сравнимъ названія пороговъ XVII вѣка съ ихъ настоящими названіями. Большею частію они сохранились, но съ другими окончаніями, и притомъ иногда совсѣмъ не на тѣхъ мѣстахъ; есть и названія совсѣмъ новыя.

Упомянемъ мимоходомъ о попыткѣ объяснить *всѣ* русскія названія пороговъ у Константина Багрянороднаго и почти всѣ личныя имена той эпохи изъ языка венгерскаго (*Зап. Одес. Общ. И. и Д.*, т. VI). Это показываетъ какое обширное поле для догадокъ предоставляютъ означенныя названія. Дѣйствительно, имена пороговъ—самое темное мѣсто въ цѣломъ варяжскомъ вопросѣ. Можно предложить еще слѣдующую догадку: пять непонятныхъ именъ не есть ли это остатокъ названій изъ болѣе древней эпохи? Той эпохи когда въ южной Россіи рядомъ съ Славянами еще обитали племена Литовскія, Готскія и Чудскія.

данниковъ, что̀ конечно не мѣшало ей самой быть славянскимъ племенемъ. Необходимо взять при этомъ въ разчетъ то обстоятельство что понятіе о родствѣ всѣхъ Славянъ между собою и о принадлежности ихъ къ одному великому племени есть достояніе собственно позднѣйшаго времени и притомъ только образованнаго или книжнаго класса. Не только тогда, но и теперь милліоны людей живутъ на свѣтѣ, не подозрѣвая того что они Славяне. Константинъ Багрянородный могъ лучше знать собственно южныхъ Славянъ; а о сѣверныхъ и восточныхъ онъ писалъ болѣе по слуху, и потому легко впалъ въ заблужденіе, отдѣляя Русь отъ другихъ русскихъ Славянъ. Если мы не примемъ всего этого въ соображеніе, то впадемъ въ безвыходныя противорѣчія. Возьмемъ опять того же Константина. Описывая обычный зимній объѣздъ кіевскими князьями покоренныхъ племенъ (полюдье), онъ говоритъ что князья для этого отправляются изъ Кіева „со всею Русью“. (Вотъ выраженіе которое воспроизводится въ нашей лѣтописи, только по другому поводу: „пояша по себѣ всю Русь“.) Можно ли понять эти слова буквально, то-есть что кіевскіе князья дѣлаютъ объѣздъ въ сопровожденіи всего Русскаго народа? Куда же въ такомъ случаѣ дѣвались тѣ многіе свѣтлые русскіе князья, сидѣвшіе съ ихъ дружинами по другимъ главнымъ городамъ, — князья о которыхъ говорятъ намъ договоры Олега и Игоря? Не ясно ли что тутъ надобно разумѣть собственно княжескую дружину, да и не однихъ кіевскихъ князей, а вообще русскихъ князей; каждый изъ нихъ объѣзжалъ съ дружиной свой удѣлъ, чтобы собирать дань и творить судъ. Понятно что дружина-то и называла себя Русью попреимуществу. Понятны отсюда неточности и въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго. При всей своей добросовѣстности, онъ не могъ конечно избѣжать ихъ, когда говорилъ о другихъ народахъ. Если просмотримъ всѣ его извѣстія, то найдемъ у него многія недоразумѣнія по отношенію къ тѣмъ народамъ которые онъ описывалъ по слуху,—недоразумѣнія весьма естественныя: и въ наше время, при настоящихъ научныхъ средствахъ, какъ иногда бываетъ трудно собрать точныя этнографическія данныя! Не отвлекаясь примѣрами сомнительныхъ извѣстій о другихъ народахъ (Хазарахъ, Печенѣгахъ, Уграхъ и пр.), приведу еще одно мѣсто изъ Константина о Руссахъ. Онъ говоритъ что Русскіе вымѣниваютъ у Печенѣговъ рогатый скотъ, коней и овецъ: „поелику никакое изъ этихъ живот-

ныхъ не водится въ Россіи.“ Статочное ли дѣло чтобы въ Кіевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вѣроятно изъ того большаго количества скота которое Русскіе получали отъ степныхъ народовъ, Константинъ заключилъ о неимѣніи его въ Россіи; могло быть также что ему случайно сообщилъ кто-нибудь неточное извѣстіе (напримѣръ, послѣ сильныхъ падежей скота, столь обычныхъ въ Россіи).

Сличая всѣ извѣстія о Россіи того времени, мы выводимъ заключеніе что названіе Русь, какъ терминъ этнографическій, имѣло весьма эластичный характеръ. Въ обширномъ смыслѣ оно обнимаетъ всѣхъ восточныхъ Славянъ, подвластныхъ русскимъ князьямъ, въ менѣе обширномъ — Славянъ южно-русскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ—это племя Полянъ или собственно Кіевская Русь; наконецъ, иногда значеніе этого имени, какъ мы видимъ, съуживалось до понятія сословнаго, а не народнаго—это княжеская дружина, то-есть военный классъ попреимуществу. Что Русь была тождественна съ славянскимъ племенемъ Полянъ, это по нашему крайнему разумѣнію несомнѣнно. Константинъ Багрянородный, нѣсколько разъ упоминая о славянскихъ данникахъ Руси, приводитъ имена: Древлянъ, Уличей, Дреговичовъ, Кривичей и Сербовъ (Сѣверянъ). Гдѣ же Поляне, судя по нашей лѣтописи, главнѣйшее славянское племя? Константинъ ихъ не знаетъ, потому что Русскіе въ сношеніяхъ съ иноземцами любили называть себя исключительно Русью. А между тѣмъ дома, въ отечествѣ, имя Полянъ долго еще не забывалось и послѣ того. Замѣчательны въ этомъ отношеніи извѣстныя слова нашей лѣтописи: „Все это былъ одинъ славянскій языкъ: Славяне по-Дунайскіе, покоренные Уграми, и Морава, и Чехи, и Ляхи, и *Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.*“ Эти драгоцѣнныя слова никоимъ образомъ не согласуются съ баснею о призваніи Варяговъ, и безъ сомнѣнія принадлежатъ не тому лицу которое внесло означенную басню въ нашъ лѣтописный сводъ, то-есть относятся къ иному разряду ея источниковъ. Кстати приведемъ еще мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XII вѣку: „И стояша на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ.“ (Ипат. 128, а въ Лаврент. 167: „переѣдше Уголъ рѣку“.) Мы видимъ тутъ рядомъ два названія: Ерелъ (Орелъ) и Уголъ; оба они славянскія. Попадись эта фраза подъ руку Константина Багрянороднаго, по всей вѣроятности онъ написалъ бы: по-славянски Ерелъ, а по-русски Уголъ; причемъ не обошлось бы безъ

нѣкотораго искаженія въ передачѣ, и (судя по аналогіи) намъ пришлось бы разыскивать значеніе Угла (Уголъ или Ингулъ) въ сѣверно-германскихъ нарѣчіяхъ; тамъ мы тотчасъ бы напали на тотъ же корень въ Англахъ или Инглахъ британскихъ или въ Инглингахъ скандинавскихъ, и вотъ новое подтвержденіе скандинавской теоріи. (Впрочемъ нѣкоторые норманисты все-таки нашли возможнымъ отнести этотъ Уголъ къ скандинаво-русскимъ названіямъ!)

Русь и въ X вѣкѣ конечно не могла не сознавать свое племенное родство съ другими примыкавшими къ ней Славянами; сношенія съ иноплеменными народами необходимо приводили ее къ этому сознанію. Но у насъ вопросъ идетъ о названіи которымъ себя отличалъ тотъ или другой народъ. Сознанію общаго родства всѣхъ славянскихъ племенъ и обобщенію слова *славянскій языкъ* конечно болѣе всего помогла славянская письменность, распространившаяся вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Названіе *Славяне*, кромѣ обширнаго смысла, имѣло, также какъ Русь, и болѣе тѣсный смыслъ: оно означало попреимуществу Новгородцевъ. Объ этомъ не одинъ разъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись. Напримѣръ: „поя же множество Варягъ и Словѣнъ, и Чюди и Кривичи.“ Еслибы понять здѣсь слово Славяне въ смыслѣ Славянъ вообще, то Кривичи оказались бы не Славяне. Неопредѣленность и измѣнчивость этнографическихъ терминовъ составляетъ общую черту историческихъ источниковъ древнихъ и средневѣковыхъ, начиная съ Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только въ разныя эпохи, но и въ одну и ту же эпоху употреблялось часто то въ обширномъ (родовомъ), то въ тѣсномъ (видовомъ) значеніи. Эта черта произвела, какъ извѣстно, большую запутанность и породила множество недоразумѣній, которыми историческая наука страдаетъ до сихъ поръ и отъ которыхъ она освобождается весьма постепенно.

Итакъ Константинъ Багрянородный различаетъ Русь отъ Славянъ потому что она сама отличала себя отъ подчиненныхъ племенъ, и особенно этимъ названіемъ разнилась отъ Славянъ сѣверныхъ или Новогородскихъ. А послѣдніе въ свою очередь отличали себя названіемъ Славянъ отъ своихъ южныхъ соплеменниковъ. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять выраженіе Русской Правды, гдѣ стоятъ рядомъ *Русинъ* и *Словенинъ*, то-есть: Южанинъ и Сѣверянинъ или Кіевлянинъ и Новгородецъ. Возмемъ *Вопросы Кирика епископу Нифонту*—новогородскій

памятникъ XII вѣка. Тамъ говорится что Болгарину, Половчину и Чудину предъ крещеніемъ полагается 40 дней поста, а *Словенину* 8 дней. Тутъ Новогородецъ самъ называетъ себя Словеномъ, а не Русиномъ. Это различіе, повторяемъ, отразилось и въ иноземныхъ извѣстіяхъ. Константинъ Багрянородный именуетъ Новгородъ *внѣшнею Русью* (ἡ ἔξω Ῥωσία). Арабскія извѣстія иногда называютъ его *Славія*. Южане разнились отъ Сѣверянъ не однимъ названіемъ; они по всей вѣроятности отличались и нарѣчіемъ, и особенно произношеніемъ. Впрочемъ, какому именно племени первоначально принадлежали такъ-называемыя славянскія имена лороговъ, Славянамъ сѣвернымъ или еще болѣе южнымъ чѣмъ Кіевская Русь.

III. Личныя имена.—Извѣстія Арабовъ.

Предъ нами довольно длинный рядъ русскихъ личныхъ именъ, сохраненныхъ договорами Олега и Игоря. * На эти имена въ соединеніи съ такъ-называемыми русскими названіями лороговъ и вообще съ первыми именами нашей исторіи норманская система опирается, какъ на каменные столбы. Но они совсѣмъ не такъ прочны какъ кажутся. Мы не будемъ разбирать каждое имя (норманисты только часть этихъ именъ

---

* Выписываемъ эти имена буквально, то-есть не измѣняя и тѣхъ которые стоятъ въ родительномъ падежѣ мужескаго или женскаго рода. Въ договорѣ Олега: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фреловъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ. Въ договорѣ Игоря: Иворъ, Вуефастъ Святославль, Искусеви Ольги, Слуды, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, Сфандръ жены Улѣблѣ, Прастѣнъ, Турдуви, Либіаръ, Фастовъ, Гримъ, Сфирьковъ, Прастѣнъ, Акунъ, Кары Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егриевлисковъ, Воиковъ Истръ, Аминодовъ, Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Шибридъ, Алданъ Колъ-Клековъ, Стеггиетоновъ, Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Оутинъ, купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьинксарь, Вузлѣвъ, Синко Боричъ.

приводятъ въ параллель со скандинавскими). Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ, чтобъ указать натяжки норманистовъ и ихъ явное пристрастіе въ пользу Скандинавовъ.

Возьмемъ имя *Карлы*. Съ перваго взгляда оно можетъ показаться нѣмецкимъ. Но напрасно вы думаете что это имя исключительно принадлежало Нѣмцамъ; оно, безъ сомнѣнія, употреблялось и у Славянъ. Иначе откуда же наше *карло* съ его уменьшительнымъ *карликъ*? Притомъ оно тутъ же встрѣчается въ другой формѣ *Кары*; слѣдовательно *л* есть не коренной звукъ, а вставной (извѣстно что это у насъ одна изъ обычныхъ вставочныхъ буквъ: Скуратовъ—Скурлатовъ). Слѣдовательно корень здѣсь *кар*, а остальное варіировалось, какъ это случается и съ другими именами: *Карлы*, *Каранъ* или *Карнъ* (который кстати тутъ есть), *Карачунъ*, *Оттокаръ*, и т. д. Далѣе: *Инегельдъ*, другая его форма тутъ же присутствующая *Игивладъ*. *Владъ*, это было одною изъ любимыхъ составныхъ частей въ славянскихъ именахъ. *Веремудъ* или *Велемудъ* звучитъ по-славянски, точно также: *Стемидъ*, *Улябъ* (или Глѣбъ), *Прастынъ* (съ его варіантами: *Фрастынъ* и *Фурстынъ*), *Войко*, *Синко* (конечно уменьшительныя отъ Вой, Вошъ и Синъ, Синеусъ или Синавъ). Сфирка (тоже уменьшит. Другая его форма могла быть Сирко или Сѣрко. Напомнимъ имя Горясѣръ и рѣку Свирь). *Гуды* и *Слуды*, подобно Карлы, своимъ окончаніемъ на *ы* безъ сомнѣнія соотвѣтствуютъ духу древне-русскаго или вообще славянскаго языка гораздо болѣе чѣмъ скандинавскаго. (Отъ Гуды должна быть другая форма Гудинъ или Годинъ; напомнимъ Ивана Годиновича руск. лѣсенъ). *Турбидъ* по всей вѣроятности собственно Турвидъ или Туровитъ; окончаніе *видъ* или *витъ* самое славянское изъ славянскихъ (это наше *вичъ*). Но если мы и оставимъ *бидъ*, окончаніе это также не потеряетъ своего славянскаго характера (*бъдá* или *бида*; кромѣ того у насъ есть фамилія Турбинныхъ). А первая половина имени *Туръ* получила въ славянскомъ языкѣ весьма разнообразное приложеніе. Напомнимъ только Буйтура Всеволода изъ Слова о Полку Игоревѣ. Древнѣйшая его форма была *Тыръ* или *Тыгрь*. Туръ встрѣчается здѣсь еще въ другомъ имени, *Турбернъ*. *Бернъ* какъ имя присутствуетъ тутъ же и въ простомъ видѣ, безъ соединенія съ другимъ словомъ, и опять въ соединеніи (*Шихбернъ*). Это имя также славянское; напоминаетъ городъ Берно, въ онѣмеченной формѣ Брюнъ. Но форма Брюнъ или Брунъ вѣроятно также употреблялась и у Славянъ; чему

свидѣтель стоящее тутъ же имя *Брунъ*, съ окончаніемъ на ъ.

Упомянутая форма Тыръ также здѣсь есть въ имени Стыръ или *Стиръ*. Припомнимъ точно такія же имена славянскихъ героевъ: Тыръ у Козьмы Пражскаго, Стиръ у Далимила и Ставра нашихъ былинъ. Тутъ же, въ договорѣ Игоря, есть и дальнѣйшій варіантъ этого имени: Истыръ или *Истръ*. * Присутствіе того же слова мы узнаемъ и въ имени *Гунастръ*; *а Гунъ* находимъ еще въ имени *Гунаревъ*, конечно родительный падежъ отъ *Гунаръ*. Въ имени *Вуефастъ* мы видимъ славянское Буй или Бой измѣнявшееся въ *Вуй* или *Вой* (Бури-вой и т. п.); *Фастъ* можетъ-быть варіантъ или искаженіе слова *гастъ*, которое столь обычно въ славянскихъ именахъ (Радегастъ и т. п.); но и форма *фастъ* нисколько намъ не чуждая; съ придыханіемъ это *хвастъ*, откуда наше *Хвастунъ*. Кромѣ *Святослава* встрѣчаемъ здѣсь еще *Владислава* и *Предиславу*.

Мы указали болѣе 20 именъ изъ договоровъ Олега и Игоря. Надѣемся этихъ примѣровъ весьма достаточно чтобъ убѣдиться въ несостоятельности норманистовъ, которые хотѣли непремѣнно сдѣлать изъ Ингвладъ скандинавское *Ингіальдъ*, изъ Улебъ *Ульфъ* или *Олафъ* и т. п. Мы не говоримъ о неизбѣжныхъ искаженіяхъ, въ которыхъ дошли до насъ эти отголоски нашей далекой старины: многія имена не точно переписывались, такъ что при чтеніи ихъ можетъ быть разногласіе,—чѣмъ конечно пользовались отрицатели ихъ славянства,—а нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя понять. Возьмемъ при этомъ въ разчетъ родство языковъ славяно-литовскихъ съ германскими. Въ началѣ X вѣка это родство было гораздо ближе чѣмъ въ наше время. Особенно долго сохраняется оно въ личныхъ именахъ. Чтобы наглядно убѣдиться въ томъ стóитъ только заглянуть въ параллели личныхъ именъ у Шафарика. Даже кельтскія имена еще очень близки. Но самъ Шафарикъ не узналъ Славянъ въ

* Проту покорнѣйше обратить вниманіе на эти послѣднія слова, особенно на форму Тыръ. Она даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію скиѳскихъ названій рѣкъ Истра и Тыра. Корень у обоихъ тотъ же, и это еще очевиднѣе, если обратимъ вниманіе на то что греческое слово Tyras въ латинской передачѣ является *Dana-ister* или *Dana-str*, нашъ *Днѣстръ*. Напомнимъ также наши рѣки *Стыръ* на Волыни и *Истру* Московской губерніи и древне-славянскаго бога-Стыра или *Стрибога*. (О мнимомъ монгольствѣ Скиѳовъ и Сарматовъ и о признаніи въ нихъ нашихъ предковъ поговоримъ послѣ).

нашей Руси; къ сожалѣнію, онъ былъ увлеченъ кажущеюся стройностію скандинавской системы.

Если отъ договоровъ Олега и Игоря обратимся къ лѣтописнымъ именамъ нашихъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ, то придется ловторять то же самое. Почему напримѣръ Рюрикъ есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительнымъ отъ Рюаръ, которое встрѣчается въ Игоревомъ договорѣ. Вообще имена на *рикъ* или *риахъ* почему-то считаются нѣмецкими; дѣйствительно они въ большемъ количествѣ встрѣчаются у Нѣмцевъ, но были и у Славянъ. Напомнимъ славянскія: *Андрихъ* (то же что̀ нѣмецкое Генрихъ), *Ольдрихъ* и т. д. Оскольдъ почему опять это скандинавскій Аскель? У насъ есть рѣка Осколъ; неужели она названа такъ Скандинавами? * Форма *ольдъ* нисколько не чужда славянскому языку: мы только-что назвали Ольд-риха. Это *ольд* должно быть сокращеніе изъ *влад*, *волод*; полная форма Ольдриха будетъ *Володарикъ*, то-есть уменьшительное отъ *Володаръ*. Возьмемъ также нашего *Рогвольда*: будто онъ долженъ быть скандинавскимъ Рагнвальдомъ. Но въ лѣтописяхъ встрѣчается его полная форма, то-есть *Рогволодъ*. *Рогъ* было также славянскимъ именемъ; напомнимъ изъ лѣтописи Новогородца Гюряту Роговича (также Рогдая богатыря). *Диръ*, это, говорятъ намъ, скандинавское Тиръ, женское Дирва. Къ чему скандинавское Тиръ, когда у насъ есть свой *Тыръ* или *Тырь*, о которомъ мы уже говорили? Замѣчательно что это имя также какъ имя Оскольда, связано съ названіями южно-русскихъ рѣкъ: Тыръ (то-есть Днѣстръ), Стырь, Терекъ (уменьшит. отъ Тыръ) и т. д. Вообще въ мірѣ языческомъ удивительнымъ образомъ переплетаются между собою имена миѳологическія, географическія, народныя и личныя. Такъ имя Тыръ съ своими видоизмѣненіями (Туръ, Турсъ, Торъ, Тавръ и пр.) получило весьма обширное приложеніе въ цѣломъ индоевропейскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ слово Карлъ у Славянъ сохранилось въ значеніи карлика и короля, Тырь удержало значеніе исполина; оно сохраняется въ нашемъ словѣ *богатырь* (которое есть чисто славянское и нисколько не татарское).

Далѣе: *Лютъ*, столь славянское имя (Людекъ, Лютоворъ, Лю-

* Осколъ могъ имѣть ту же полную форму на *ольдъ*, то-есть Осколодъ или Оскольдъ, подобно тому какъ теперь рѣка Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять въ расчетъ бѣлорусское произношеніе, можетъ оказаться видоизмѣненіемъ Окольды или Оскольды.

тогастъ, Лютоміръ и пр.), норманисты передѣлали въ Liótr, Блудъ въ Blótr и т. п. Олегъ и Игорь (Ингварь) гораздо болѣе присущи русской исторіи, чѣмъ скандинавской. Они принадлежали къ наиболѣе любимымъ русскимъ именамъ. Если они не славянскія, то какъ же, вмѣстѣ съ разными *славами*, они удерживались между князьями въ XII и XIII вѣкахъ (Олега находимъ даже въ XIV)? Между тѣмъ какъ Руссы, по словамъ самихъ же норманистовъ, ославянились еще къ началу XI вѣка. Не споримъ что между именами русскихъ дружинниковъ могутъ встрѣтиться и чисто норманскія имена, принадлежавшія Варягамъ-иноземцамъ, и не одни норманскія, а также угорскія и другихъ сосѣднихъ народовъ. Мы знаемъ что наши князья охотно принимали въ свою службу иноземныхъ витязей. Но отъ этого дружина все-таки не теряла свой русскій характеръ.

Норманисты отнимаютъ у Славянъ не одни личныя имена. Они усиливались доказывать будто скандинавское вліяніе отразилось и вообще въ нашемъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ изъ государственнаго быта. Такимъ образомъ: бояринъ, гридинъ, метельникъ, паломникъ, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. Въ прошломъ столѣтіи, когда создалось зданіе скандинавской теоріи, понятны ошибочные филологическіе пріемы ея основателей; наука сравнительной филологіи и археологіи почти не существовала и потому при всей своей эрудиціи и добросовѣстности, научные дѣятели о которыхъ идетъ рѣчь могли сдѣлать нѣсколько ошибочныхъ выводовъ. Въ наше время странно было бы настаивать на этихъ выводахъ, хотя бы и въ уваженіе къ заслугамъ такихъ дѣятелей, какъ Байеръ, Стриттеръ, Шлёцеръ и Карамзинъ.

Вернемся еще разъ къ договорамъ Олега и Игоря. По разчетамъ норманистовъ, Русь, пришедшая во второй половинѣ IX вѣка, ославянилась приблизительно къ началу XI вѣка, да ранѣе невозможно было бы и требовать. Мы уже замѣтили что Русь, по договору Олега, то-есть въ началѣ X вѣка исповѣдуетъ ту же религію какую исповѣдывали восточные Славяне, то-есть поклонялась Перуну и Волосу. Тотъ же выводъ можно сдѣлать и о языкѣ. Если славянскій текстъ договоровъ принадлежитъ ко времени самихъ договоровъ (а норманисты этого не отвергаютъ), то ясно что Русь уже въ началѣ X вѣка употребляла славяно-русскій языкъ и славянскую письменность. А если языкъ и религія у нея были славянскіе, то вопросъ: что же

оставалось у нея скандинавскаго и какъ успѣла она ославянниться въ нѣсколько лѣтъ? Вообще норманская школа относитъ введеніе славянской письменности ко времени Владиміра Святаго; что опять таки противорѣчитъ существованію письменныхъ договоровъ при Олегѣ и Игорѣ. Имѣются и другія свидѣтельства о томъ что письменность на Руси существовала еще въ IX вѣкѣ. Напомнимъ извѣстное мѣсто въ житіи Св. Кирилла, о найденныхъ въ Херсонѣ Евангеліи и Псалтыри, писанныхъ „рускими письмены". Точно такъ же норманисты и начало христіанства въ Россіи приписываютъ пришлымъ скандинавскимъ князьямъ; тогда какъ по всѣмъ признакамъ христіанство существовало у насъ еще прежде этого мнимаго пришествія. На Руси оно утвердилось ранѣе чѣмъ въ Скандинавіи; что совершенно естественно при исконномъ сосѣдствѣ южнорусскихъ Славянъ съ византійскими областями на сѣверныхъ берегахъ Чернаго Моря. Нѣтъ сомнѣнія что крещеніе Владиміра Святаго есть только послѣдній актъ продолжительной борьбы съ русскимъ язычествомъ, окончательная надъ нимъ побѣда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была рѣшительная побѣда византизма надъ латинствомъ, которое также, по всѣмъ признакамъ, давно уже работало не въ одной Польшѣ, но и въ Россіи. Еслибы Русь была не туземнымъ, славянскимъ народомъ, а пришла изъ Скандинавіи, то сомнительно чтобъ она выразила къ восточному обряду болѣе симпатіи, чѣмъ къ западному. Но вопросъ о началѣ нашего христіанства самъ по себѣ весьма сложный и крайне затемненный легендами; о немъ поговоримъ когда-нибудь въ послѣдствіи. Норманская школа почти ничего не сдѣлала для его разъясненія; она обошла относящіяся сюда противорѣчивыя свидѣтельства и предпочла держаться лѣтописной легенды, такъ какъ эта легенда болѣе согласуется съ мнимымъ призваніемъ Варяговъ, чѣмъ свидѣтельства византійскія и западныя.

Обратимся теперь къ восточнымъ или арабскимъ извѣстіямъ IX и X вѣка. Они еще менѣе чѣмъ византійскія представляютъ данныхъ въ пользу скандинавской системы; однако норманисты съумѣли и ихъ повернуть въ свою пользу. Пріемы употребленные для этой цѣли весьма просты. Норманисты преспокойно относятъ къ Скандинавамъ все то что Арабы разказываютъ о Руссахъ. Арабы (Ибнъ Фодланъ) говорятъ что Руссы были высокаго роста, стройны, свѣтло-русы, носили короткую одежду, сѣкиры, широкіе обоюдуострые мечи съ

волнообразнымъ лезвіемъ и любили выпить. Но такъ какъ Скандинавы тоже былъ высокій, стройный и бѣлокурый народъ, носившій короткую одежду, мечи, сѣкиры и употреблявшій горячіе напитки, то ясно что Руссы пришли изъ Скандинавіи, заключаютъ норманисты. Въ наше время уже достаточно убѣдились какъ шатки этнографическіе выводы основанные на общихъ фразахъ о наружности и обычаяхъ, и какъ часто сходные наружные признаки и обычаи можно встрѣтить у разныхъ народовъ. Но и тутъ, если внимательно разобрать описаніе Руссовъ у Ибнъ Фодлана, то нѣкоторыя важныя черты нравовъ указываютъ именно на Славянъ, а не на Скандинавовъ. Таковы религіозные обряды при погребеніи и особенно сожженіе одной изъ женъ вмѣстѣ съ покойникомъ. На послѣдній обычай западные источники указываютъ какъ на характеристическую черту Славянъ; русскій лѣтописецъ прибавляетъ что то же самое дѣлалось еще и въ его время у Вятичей. Ибнъ Фодланъ говоритъ о раздѣленіи имущества покойнаго на три части, изъ которыхъ одна идетъ на погребальное пиршество, и это извѣстіе совершенно удовлетворительно объясняетъ происхожденіе славянскаго слова *тризна*, которымъ обозначалось это погребальное пиршество или поминки: Далѣе, высокій ростъ, и русые волосы нисколько не составляли отличительные признаки Норманновъ; они въ той же мѣрѣ принадлежали и Славянамъ. Поиски въ сѣверныхъ могилахъ показываютъ что волнообразные обоюдуострые мечи были весьма мало распространены между Скандинавами. Итакъ, перебирая всѣ извѣстія Арабовъ, окажется что въ нихъ нѣтъ ни одной черты которую можно было бы отнести по преимуществу къ Скандинавамъ. Но вотъ что можно вывести изъ нихъ какъ положительный фактъ: уже во второй половинѣ IX и въ первой X вѣка Арабы знали Русь какъ многочисленный, сильный народъ, имѣвшій сосѣдями Булгаръ, Хазаръ и Печенѣговъ, торговавшій на Волгѣ и въ Византіи. Нигдѣ нѣтъ и малѣйшаго намека на то чтобы Русь они считали не туземнымъ, а пришлымъ народомъ. Изъ Табари (писалъ въ началѣ X вѣка) видно что уже въ первой половинѣ VII вѣка Русь была сильнымъ народомъ, воевавшимъ въ странахъ при-Кавказскихъ, и даже есть извѣстіе о Руси VI вѣка (принадлежащее писателю XV столѣтія). Эти извѣстія совершенно согласуются съ походами Руссовъ на Каспійское море въ первой половинѣ X

вѣка, съ походами которые были предприняты въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воиновъ.

Арабскіе писатели, говоря о восточной Европѣ, ставятъ рядомъ имена *Славяне* (Саклабъ) и *Русь*, и слѣдовательно какъ будто подтверждаютъ мнѣніе о томъ что Русь народъ отличный отъ Славянъ. Но тутъ мы должны повторить то же что говорили о Константинѣ Багрянородномъ. Отъ Арабовъ еще менѣе можно требовать чѣмъ отъ Византійцевъ чтобъ они вѣрно различали видовыя названія отъ родовыхъ и употребляли точные этнографическіе термины. Напримѣръ Турки въ арабскихъ извѣстіяхъ являются иногда славянскимъ племенемъ. Вообще Арабы подтверждаютъ то положеніе что бо́льшая часть восточныхъ Славянъ отличала себя предъ иноземцами именемъ Руси, а имя Славянъ попреимуществу оставалось за Славянами дунайскими (и новгородскими). Но встрѣчаются нѣкоторые мѣста изъ которыхъ видно что Арабы знали о племенномъ родствѣ Руси и Славянъ. Такъ Ибнъ Хордадбегъ (въ IX в.) говоря о русскихъ купцахъ прибавляетъ: „они же суть племя изъ Славянъ". Эти купцы у него ходятъ въ хозарскую столицу по *рѣкѣ Славянъ*, то-есть по Волгѣ. Вообще въ извѣстіяхъ Арабовъ Славяне и Русь являются неразлучными. Въ Итилѣ они занимаютъ одну и ту же часть города, тѣ и другіе сожигаютъ своихъ покойниковъ вмѣстѣ съ одною изъ женъ (Масуди). Норманисты вмѣстѣ съ лѣтописною басней вѣрятъ въ пришествіе изъ Скандинавіи Оскольда и Дира, какъ нѣкихъ искателей приключеній; но Масуди (въ первой половинѣ X вѣка) знаетъ одного изъ славянскихъ царей, Дира, который владѣетъ многими странами и обширными городами.

Масуди, также какъ и прочіе арабскіе писатели, пріурочиваетъ Русь преимущественно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей; онъ говоритъ что море Нейтасъ есть русское море, и что никто кромѣ Руссовъ по немъ не плаваетъ (мы думаемъ что тутъ разумѣется попреимуществу море Азовское), что они образуютъ великій народъ, не подчиняющійся ни царю, ни закону; что они раздѣляются на многіе народы и пр. Нельзя конечно вездѣ принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ, но въ общихъ чертахъ эти извѣстія справедливы. Напримѣръ что Руссы не подчиняются ни царю, ни закону, съ арабской точки зрѣнія значитъ то что Руссы тогда не имѣли политическаго единства, то-есть были раздроблены на многія независимыя племена, что довольно вѣрно относительно во-

сточныхъ Славянъ въ первой половинѣ X вѣка. Ихъ объединеніе принадлежитъ позднѣйшему времени и совершилось совсѣмъ не такъ быстро какъ объ этомъ разказываетъ наша лѣтопись. Арабскія извѣстія о Руссахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и на Волгѣ вполнѣ подтверждаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о существованіи кромѣ Днѣпровской Руси еще Руси Черноморской. Существованіе Азовско-Черноморской Руси дѣйствительно объяснитъ намъ многое доселѣ непонятное, какъ-то: византійскихъ Тавроскиѳовъ (по нашему крайнему разумѣнію это собственно Тыроскиѳы, то-есть то же самое что̀ славянскіе Тиверцы или Тиверцы), происхожденіе *русскаго* Тмутраканскаго княжества, ту роль которую игралъ Корсунь въ начальной русской исторіи и особенно въ исторіи нашего христіанства, и т. д. Но какъ ко всему этому отнеслись норманисты? Все что̀ прямо противорѣчитъ ихъ теоріи въ арабскихъ извѣстіяхъ, то невѣрно и ошибочно. Что̀ сообщается темно и запутанно, истолковывается въ пользу возлюбленныхъ Скандинавовъ. Наконецъ явныя ошибки и недоразумѣнія являлись у нихъ положительными фактами. Въ послѣднемъ случаѣ я разумѣю пресловутое извѣстіе арабскаго географа Ахмеда-аль-Катиба, жившаго въ Египтѣ во второй половинѣ IX вѣка.

Аль-Катибъ между прочимъ говоритъ что въ 844 году язычники *именуемые Русью* ворвались въ Севилью, разграбили ее и опустошили. При первомъ знакомствѣ съ его рукописью, извѣстный оріенталистъ Френъ, одинъ изъ столбовъ норманской теоріи, указалъ на приведенныя слова какъ на сильное подкрѣпленіе для этой теоріи, и они дѣйствительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тѣмъ при самомъ поверхностномъ взглядѣ на подобное извѣстіе можно было усумниться въ его достовѣрности. Какимъ образомъ Руссы попали въ Севилью? Французскій оріенталистъ Рено весьма правдоподобно объясняетъ странное извѣстіе аль-Катиба превратными географическими представленіями Арабовъ о Балтійскомъ морѣ. А именно: Масуди *полагалъ* что это море есть рукавъ соединяющій Черное и Азовское моря съ Западнымъ океаномъ, и что язычники нападавшіе на Испанію вѣроятно были Руссы, то-есть Руссы прилонтійскіе, а не скандинавскіе, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. Аль-Катибъ жилъ ранѣе Масуди и неизвѣстно точно ли упомянутыя слова, найденныя въ его сочиненіи, принадлежатъ ему самому. Очень

можетъ быть что они вставлены позднѣйшимъ переписчикомъ, который былъ знакомъ съ сочиненіемъ Масуди и его предположеніе передалъ какъ положительный фактъ. Какое бы ни было происхожденіе этого страннаго извѣстія, во всякомъ случаѣ оно не заслуживаетъ никакой вѣры. Латинскіе лѣтописцы, перечислявшіе нападенія Скандинавовъ на западную Европу, говорятъ обыкновенно о Норманнахъ и совсѣмъ не знаютъ Скандинавской Руси. И конечно еслибъ она существовала, то была бы имъ извѣстна.

IV. Извѣстія западныя.—Угорская Русь.—Греческій путь.

Перейдемъ теперь къ двумъ западнымъ источникамъ которые находились въ числѣ главныхъ опоръ скандинавской теоріи. Мы говоримъ о Бертинскихъ лѣтописяхъ и епископѣ Лиутпрандѣ. Напомнимъ сущность извѣстій о Руси Бертинскихъ лѣтописей. „Въ 839 году византійскій императоръ Ѳеофилъ отправилъ посольство къ императору Лудовику Благочестивому. При этомъ посольствѣ находилось нѣсколько человѣкъ которые называли себя Россами: они были посланы въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, который именовался Хаканомъ. Ѳеофилъ въ письмѣ къ Лудовику проситъ дать средство этимъ людямъ отправиться домой, такъ какъ возвращаться тѣмъ же путемъ какимъ они пришли въ Константинополь было опасно, по причинѣ жестокихъ и варварскихъ народовъ. Императоръ Лудовикъ распросилъ о причинахъ пришествія этихъ людей; нашелъ что они изъ племени Свеоновъ и, заподозривъ въ нихъ шпіонство, велѣлъ задержать ихъ до тѣхъ поръ пока въ точности не объяснится съ какимъ намѣреніемъ они пришли.“ Норманисты, какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе Лудовика о томъ что пришедшіе люди были изъ племени Шведовъ приняли за положительный фактъ, а слово Хаканъ обратили въ Гакона. Противники норманистовъ совершенно справедливо указали на существованіе древне-русскаго титула хакана или кагана. Такъ, митрополитъ Иларіонъ въ своемъ похвальномъ словѣ Владиміру Святому называетъ его *коганомъ*. Этотъ титулъ встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Ясно что въ Бертинскихъ лѣтописяхъ идетъ рѣчь о нарицательномъ хаканъ, а не о собственномъ имени Гаконъ. Относительно словъ „изъ племени Свеоновъ“ нѣкоторые антинорманисты пришли къ такому толкованію. Они допускаютъ что пришельцы были дѣйствительно родомъ Шведы, но находившіеся на службѣ у

kіевскаго князя. Мы думаемъ что это натяжка. Вопервыхъ, еслибъ они были Шведы, то почему стали бы называть себя Руссами, а не Шведами. Вовторыхъ, самый текстъ лѣтописей не говоритъ ясно и положительно о шведскомъ происхожденіи. Такъ какъ въ то время уже начались нападенія Норманновъ на берега Франціи, то естественно Франкскій дворъ, мало знакомый съ сѣверомъ и востокомъ Европы, отнесся подозрительно къ этимъ пришельцамъ. Притомъ, какъ основательно замѣтилъ одинъ изъ антинорманистовъ (Неймапъ), не видимъ главнаго въ отрывочномъ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: чѣмъ кончилось дѣло, то-есть подтвердилось ли что это были Шведы? Мы съ своей стороны предложимъ вопросъ: въ какомъ смыслѣ принимать здѣсь названіе Свеоновъ? Въ первой половинѣ IX вѣка это названіе исключительно принадлежало обитателямъ настоящей Швеціи или употреблялось еще и для обитателей южнаго Балтійскаго поморья (откуда вышли и сами Шведы)? Развѣ оно не могло обнимать не одни только германскія племена, но и нѣкоторыя славянскія? Мы знаемъ что славянскіе и германскіе народы нерѣдко являются подъ однимъ и тѣмъ же именемъ или подъ именами происшедшими отъ того же корня. Напримѣръ: имя Англы есть то же что̀ наше Онглы или Угличи, а нѣмецкіе Туринги то же что̀ славянскіе Туричи (передѣланное въ Тиверци). Въ послѣдствіи у одного народа подобное названіе утрачивается, у другаго сохраняется. Если не взять въ разчетъ это обстоятельство, то на основаніи сходныхъ именъ, пожалуй, можно доказывать что Англичане славянскаго происхожденія. Могла быть также просто ошибка или у автора или въ руколиси, то-есть вмѣсто *Sueonum* не читать ли *Slavorum* или *Sclavorum?* И не такія ошибки можно встрѣчать въ источникахъ. Напомнимъ Льва Діакона, который нашихъ *Древлянъ* называетъ *Германцами*. Приведу также въ примѣръ извѣстіе одной латинской лѣтописи X вѣка, которая говоритъ что *на островъ Скапціи* (т.-е. въ Скандинавіи) *усидутъ Готы и Гуны и Даки*. Попробуйте принять это мѣсто буквально, придавая именамъ то значеніе которое они имѣютъ въ наше время, то-есть подъ Даками разумѣя Валаховъ, а подъ Гуннами Монголовъ; что̀ за странное извѣстіе мы тогда получимъ!

Такимъ образомъ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей, служившее сильною опорой норманистамъ, по нашему мнѣнію, обращается въ одно изъ многихъ доказательствъ противъ ихъ

теоріи. Что можно извлечь изъ нихъ положительнаго, такъ это существованіе русскаго княжества въ Россіи въ первой половинѣ IX вѣка, т.-е. до такъ-называемаго призванія Варяговъ. А русское посольство къ императору Ѳеофилу указываетъ на раннія сношенія Руси съ Византіей, и слѣдовательно подтверждаетъ упомянутые нами намеки на эти сношенія въ бесѣдахъ Фотія. А если посольство не рѣшилось возвращаться прежнею дорогой, то мало ли какія причины оно могло для того имѣть. Наконецъ, почему не допустить буквальнаго смысла лѣтописей, то-есть опасности отъ варварскихъ народовъ (Болгары, Угры, Хазары и т. п.), съ которыми Русь въ то время могла находиться во враждебныхъ отношеніяхъ? *

Мы уже замѣтили выше какую шаткую основу для точныхъ этнографическихъ выводовъ представляютъ иногда народныя имена, если судить о нихъ по первому взгляду, не принимая въ разчетъ многоразличныхъ видоизмѣненій, которымъ они подвергались. Весьма часто народное имя или прозваніе имѣетъ за собой длинную и запутанную исторію, такъ что очень трудно добраться до его происхожденія и первоначальнаго смысла. Къ такого рода случаямъ я отношу названіе Руоци или Руотсы (Ruotsi), подъ которымъ Шведы извѣстны у Финновъ. Норманисты изъ этого названія сдѣлали свое обычное заключеніе: Финны называютъ Шведовъ Руссами; слѣдовательно наша Русь пришла изъ Швеціи. Но названіе Руссовъ встрѣчается и помимо нашей собственной Руси. На южномъ берегу Балтійскаго моря мы также находимъ въ средніе вѣка Русь (Нѣмань). Пруссовъ, Рузію или Русцію, Рутеновъ, Руянъ или Ругіанъ, и т. п. Всѣ эти названія имѣютъ между собою тѣсную филологическую связь, но нисколько не означаютъ колонистовъ изъ южной Руси на берега Балтійскаго моря или на оборотъ. Если же объяснять колонистами (что и дѣлаетъ славянская школа, выводящая Варяговъ Русь съ Балтійскаго поморья), то полабскіе Древане

* Наше предположеніе что Свеоны Бертинскихъ лѣтописей могли относиться къ южному балтійскому поморью, а не къ Швеціи собственно, находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ одного изъ главныхъ представителей норманизма въ наше время. По поводу монографіи г. Гедеонова г. Куникъ замѣчаетъ объ извѣстіи Бертинскихъ лѣтописей: „Изъ этого не слѣдуетъ что ихъ князь жилъ на материкѣ Швеціи или что былъ вассаломъ шведскаго великаго князя (въ Биркѣ на Меларскомъ озерѣ), которому подвластна была лишь незначительная часть нынѣшней Швеціи.“ (Зап. Акад. Н. т. VI.)

окажутся колонистами изъ Волыни или наоборотъ, оракійскіе Дреговиты колонистами полоцкихъ Дреговичей; Поляки пойдутъ отъ кіевскихъ Полянъ, или Кіевъ (Куяба у Арабовъ) отъ польскихъ Куявовъ, и т. п.; объ Англахъ и Турингахъ мы уже говорили. Итакъ мало ли почему Финны могли назвать Шведовъ Руоцами. Это еще нисколько не указываетъ на тождество Шведовъ съ нашею Русью. Мимоходомъ замѣчу при этомъ что знаменитый Шафарикъ, употребляя такой же пріемъ какъ норманисты, впалъ въ ту же самую ошибку. Его поразило то обстоятельство что названіе *Скиѳы* по своему этимологическому строенію у Славянъ должно было обратиться въ собирательное *Скуть*, а отсюда перейти въ *Чудь*. И вотъ Скиѳы оказались у него чудскими или финскими племенами. Но еслибъ онъ пошелъ далѣе и замѣтилъ тѣ видоизмѣненія которымъ подвергалось слово Скиѳы или Скиты, то увидалъ бы что слово это получило весьма обширное примѣненіе: Скатія или Скандія (Скандинавія), Сконія (Шонія), Скотія (Шотландія), города Скутари и Шалонъ (Каталавнъ или Скиталавнъ) оказываются въ сущности видоизмѣненіями слова Скиѳія. А если отбросить *с* и признать за корень *кыт* или *кут* (что̀ дѣйствительно такъ и есть, подобно словамъ *кора* и *скора* или *шкура*), то Китава или Кутава (древнее названіе Кіева), московскій Китай-городъ, Китай имперія (названная такъ по созвучію съ татарскимъ) Каталанія, Кутаисъ и мн. др. — все это окажется варіантами того же названія Скиѳы. *

Что касается до предполагаемой связи шведской провинціи Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцовъ) съ нашею Русью, отъ нея добросовѣстно отказались уже сами представители норманистовъ. (Послѣ монографіи г. Гедеонова они отказались и отъ финскихъ Руотсовъ.)

Епископъ кремонскій Ліутпрандъ былъ два раза посломъ въ Константинополѣ, во второй половинѣ X вѣка, и упоминаетъ

* Названія отдѣльныхъ предметовъ могутъ иногда вводить въ такое же заблужденіе какъ и названія народовъ. Напримѣръ: чего бы проще, какъ Корсунскія врата Новгородской Софіи производить изъ города Корсуня? Къ названію присоединялись и другія обстоятельства: завоеваніе Корсуня Владиміромъ Святымъ и вывозъ оттуда Русскими нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Дѣйствительно, и въ древней, и въ новой Россіи эти врата производили изъ Корсуня, пока точныя изслѣдованія Аделунга не убѣдили въ томъ что они не греческой, а западной или латинской работы.

о Руссахъ два раза. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ: „На сѣверъ отъ Константинополя живутъ Угры, Печенѣги, Хазары, Руссы, *которыхъ мы иначе называемъ Норманнами*, и Булгары, ближайшіе сосѣди". Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ разказъ своего вотчима о нападеніи Игоревой Руси на Константинополь, и прибавляетъ: „Это есть сѣверный народъ, который Греки по наружному качеству называютъ Руссами, а мы по положенію ихъ страны Норманнами". Тутъ весь вопросъ заключается въ томъ: разумѣлъ ли Ліутпрандъ подъ именемъ Норманновъ только скандинавскіе народы, или онъ даетъ этому имени болѣе обширный смыслъ, то-есть относитъ сюда вообще народы сѣверные? Примѣры послѣдняго встрѣчаются и у другихъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно въ этомъ смыслѣ слова Ліутпранда. Если же принять слово Норманны въ смыслѣ Скандинавовъ, то что же выходитъ? Оказывается что Руссы поселившіеся на Днѣпрѣ все еще продолжаютъ называться Норманнами или Скандинавами, хотя уже прошло сто лѣтъ со времени ихъ предполагаемаго выхода изъ Скандинавіи (Ліутпрандъ выражается тутъ прямо о своемъ времени: nos vero vocamus). Если же Ліутпрандъ подразумѣвалъ собственно скандинавское происхожденіе Руси, то кто ему мѣшалъ прямо указать на него, а не выражаться неопредѣленными терминами? Но дѣло въ томъ что онъ говоритъ только о положеніи страны. Онъ прямо помѣщаетъ Руссовъ въ сосѣдство Угровъ, Печенѣговъ, Хазаръ и Булгаръ; что совершенно соотвѣтствуетъ положенію приднѣпровской Руси и было бы весьма несогласно съ понятіемъ о Скандинавіи.

Мы видѣли что арабскія извѣстія второй половины IX вѣка говорятъ о Руссахъ какъ о сильномъ, многочисленномъ народѣ, предѣлы котораго на юго-востокѣ теряются гдѣ-то въ странахъ приволжскихъ и прикаспійскихъ. Если обратимся на юго-западъ, и здѣсь его предѣлы не только простираются до Карпатъ, но и переходятъ за нихъ. Галицкая или Червонная Русь, по лѣтописи, только при Владимірѣ Святомъ примкнула къ общему составу Руси. Вскорѣ она переходитъ въ руки Поляковъ. Въ послѣдствіи опять возвращается къ русскимъ князьямъ; а въ XIV вѣкѣ снова и надолго отходитъ къ Польшѣ, и отъ нея уже не возвращается къ Россіи, а поступаетъ во владѣніе Габсбурговъ. Невольно представляется вопросъ: когда же названіе *Русь*, *Русинъ* успѣло такъ глубоко вкорениться въ

Галиціи, еслибы было принесено горстью выходцевъ изъ Скандинавіи? Галицкій народъ постоянно и до сихъ поръ отличаетъ себя названіемъ Русскаго отъ другихъ Славянъ. При польскомъ владычествѣ изъ всѣхъ русскихъ областей соединенныхъ съ Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носитъ названіе *Русскаго* попреимуществу. Галиція все-таки, хоть сравнительно не долго, принадлежала дому Рюриковичей. Но что̀ такое Русь Закарпатская или Угорская, которая даже никогда не входила въ составъ Россіи? Когда она поселилась тамъ, положительныхъ свѣдѣній о томъ нѣтъ. Венгерскіе лѣтописцы говорятъ что она пришла въ Паннонію еще вмѣстѣ съ Венграми. А норманисты утверждаютъ что лѣтописцы лгутъ и что это должно-быть русскіе бѣглецы временъ татарскаго нашествія, то-есть относятъ начало Угорской Руси къ XIII вѣку. Дѣйствительно венгерскіе лѣтописцы не отличаются правдивостію; однако они много говорятъ и правды. А мы думаемъ что Русское племя могло обитать въ Карпатахъ и подъ Карпатами еще прежде Угровъ, то-есть оно было тамъ старожилами. Вся Карпатская Русь есть живой протестъ противъ норманистовъ, и потому они вооружаются на нее всѣми силами. Такъ, они возражаютъ: что ло нашей лѣтописи Карпатская область была населена племенемъ Хорватовъ, и слѣдовательно лѣтописцы наши отличали ее отъ Руси; что Хорваты ло большей части выселились въ Иллирію, и остатки ихъ потомъ подчинены Русскими при князьяхъ Рюрикова дома. Противъ этого мы напомнимъ то что̀ говорили о разныхъ объемахъ которые принимало названіе Русь. И Кривичей, и Волынянъ лѣтописцы отличаютъ отъ Руси - Полянъ; однако это не мѣшало имъ сознавать себя русскимъ народомъ. Но что̀ скажутъ норманисты когда имя Хорватовъ мы сблизимъ съ именемъ Кривичей? Въ источникахъ встрѣчаются различные варіанты того и другаго названія, напримѣръ; Кроваты, Кровиты и Кривиты или Кривичи. Это имя существовало въ сѣверной Руси, въ Галиціи и на Балканскомъ полуостровѣ и никоимъ образомъ нельзя объяснять его переселеніями. Точно также имя Сербовъ мы находимъ на Десnѣ (Сѣверянъ), на Эльбѣ и на Дунаѣ, и отсюда въ правѣ заключить что такія названія какъ Кривиты и Сербы принадлежали къ наиболѣе любимымъ славянскимъ названіямъ. Сокращенная форма названія Кривичей или Хорватовъ будетъ Кровы или *Кревы*. Наоборотъ имя Сербы или Сервы въ болѣе полной формѣ было: Серваты, Сарваты,

Саваромaты, Савроматы или *Сарматы*.* Названіе Рось или Русь было также однимъ изъ любимыхъ и наиболѣе распространенныхъ славянскихъ названій, и потому нѣтъ ничего удивительнаго что оно въ сѣверной Венгріи древнѣе пришествія Угровъ. То же названіе, только въ другой формѣ, распространялось и на значительную часть Панноніи; мы говоримъ о *Ругіи*, у Нѣмцевъ *Rugiland*. *Ругія*—это, по всей вѣроятности, одно изъ многихъ видоизмѣненій слова *Русь* или *Русія*. Такъ въ латинскихъ лѣтописяхъ мы находимъ названіе нашей Ольги *regina Rugorum* (что не мѣшало носить имя Руговъ и нѣкоторой части Нѣмцевъ; опять напомнимъ Англовъ и Угличей, а также славянскихъ Руянъ или Ругіанъ на Балтійскомъ морѣ). Итакъ Угорскую и Карпатскую Русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и Хорватами, что не мѣшало ей быть въ то же время Русью въ обширномъ смыслѣ, подобно нашимъ Кривичамъ. И имя это, какъ оказывается, совсѣмъ не означаетъ горцевъ, то-есть не происходитъ отъ слова *грбъ*— *горбъ* или *хрбъ*—*хребетъ*. Подобныя объясненія суть только попытки осмыслить названія смыслъ которыхъ давно затерялся. Примѣровъ неудачнаго осмысливанія очень много. Такъ названіе *Нѣмцы* до сихъ поръ производятъ отъ *нѣмой*. Но возможное ли дѣло чтобы Славяне назвали своихъ ископыхъ сосѣдей и когда-то соплеменниковъ для себя непонятными, то-есть нѣмыми? Названіе Нѣмцы очень древне, и напоминаетъ германскихъ Неметовъ у Тацита (на что уже указывали нѣкоторые ученые и прежде, но тщетно). Славянское „Нѣмцы“ представляетъ аналогію съ французскимъ „allemands“: имя одного народа перенесено на цѣлое племя.

Норманисты изощрялись доказывать что и названіе Русинъ въ Угріи означаетъ собственно не человѣка русскаго племени, а человѣка русской вѣры. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводился разговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Кто ты такой?“—„Русинъ (или Руснакъ).“—„Какой ты вѣры?“—„Русской.“—„А въ какой землѣ ты живешь?“—„Въ Угорщинѣ.“ Отсюда дѣ-

---

* Такимъ образомъ въ этихъ столь извѣстныхъ древнему міру Сарматахъ (и Скиѳахъ) славянскіе ученые до сихъ поръ еще не признали своихъ предковъ и ждутъ пока это докажутъ имъ наиболѣе безпристрастные и добросовѣстные изъ Нѣмцевъ Что послѣдніе отчасти уже и дѣлаютъ.

лался прямой выводъ: самъ народъ считаетъ свою землю Угорскою, а не Русскою, слѣдовательно онъ пришелъ сюда послѣ Угровъ, а Русиномъ называетъ сѣбя въ смыслѣ унита или православнаго. Но въ такомъ случаѣ, напримѣръ, прусскіе Поляки отвѣчающіе что они живутъ въ Пруссіи или въ Нѣмечинѣ, или нѣкоторые Западноруссы, говорившіе что они живутъ въ Польшѣ и т. п., все это будутъ не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманская школа обыкновенно представляла Варяговъ, приходившихъ изъ Скандинавіи, свободно разгуливающими на своихъ лодкахъ по главнымъ рѣчнымъ путямъ Россіи вдоль и поперекъ ея, то въ качествѣ торговцевъ, то въ качествѣ пиратовъ. До сихъ поръ почти никто не обращалъ серіознаго вниманія на это представленіе. Развѣ Россія была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западѣ мы видимъ что Норманны иногда устьями рѣкъ врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать съ такимъ продолжительнымъ и многотруднымъ путемъ, каковъ былъ такъ-называемый греческій путь изъ Балтійскаго моря по Волхову, Ловати и Днѣпру въ Черное. На этомъ пути мы видимъ по тому времени довольно густое населеніе и укрѣпленные города. Если Варяги и плавали по немъ, то не иначе какъ при мирныхъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ туземными державцами или общинами. На походы Скандинавовъ въ Константинополь большими массами нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помѣхи со стороны населенія: кромѣ громаднаго протяженія пути они должны были встрѣчать препятствія естественныя. Между Днѣпромъ и Ловатью лежитъ поперечный бассейнъ Западной Двины; слѣдовательно надобно было перейти два волока. Притомъ гораздо короче былъ другой путь изъ Варягъ въ Греки, по Западной Двинѣ; а Волховъ и Нева представляли весьма длинный крюкъ. Мы сомнѣваемся чтобы лодки поднимавшіяся изъ Балтійскаго моря по Двинѣ или по Волхову дѣйствительно перетаскивались потомъ волокомъ до Днѣпра. Гораздо естественнѣе предположить что торговцы должны были везти свои товары по этимъ волокамъ на телѣгахъ или, что вѣроятнѣе, зимой на саняхъ, и достигши Днѣпра, пересаживались въ лодки, которыя они нанимали или покупали у туземцевъ. Съ нашимъ предположеніемъ вполнѣ согласуется извѣстіе Константина Багрянороднаго о плаваніи

рускихъ караванов въ Черное Море: обитатели приднѣпровскихъ областей въ теченіе зимы рубили лодки однодеревки; весной, во время разлитія водъ, сплавляли ихъ въ Днѣпръ къ Кіеву; здѣсь торговцы покупали эти лодки, оснащивали ихъ и снаряжали караваны. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ съ какими усиліями эти караваны проходили сквозь Днѣпровскіе пороги; но замѣчательно что объ ихъ обратномъ плаваніи мы ничего не знаемъ. Раждается вопросъ: какимъ образомъ они проходили пороги противъ теченія? Сомнѣваемся чтобы тѣ же самыя лодки возвращались въ Кіевъ. Замѣчательно что скандинавскія саги, столь много разказывающія о походахъ Норманновъ, совершенно молчатъ объ ихъ плаваніи по Днѣпру и его порогамъ. Точно также молчатъ о томъ и западные лѣтописцы. Адамъ Бременскій замѣчаетъ что путь изъ Швеціи въ Византію по Русской землѣ былъ мало посѣщаемъ, по причинѣ варварскихъ народовъ, и что ему предпочитали плаваніе по Средиземному морю. Мы знаемъ что Варяги или Норманны приходили въ Кіевъ; но приходили въ качествѣ гостей или наемныхъ дружинниковъ. Есть примѣры ихъ путешествія изъ Кіева въ Константинополь, но только съ позволенія кіевскаго князя. Извѣстно что Владиміръ Святой, утвердясь въ Кіевѣ, самъ отправилъ часть излишней варяжской дружины въ Византію, и конечно на русскихъ же лодкахъ. Замѣчательно что это былъ первый случай отправленія Варяговъ въ Грецію изъ Руси; о болѣе раннемъ не говорятъ никакіе источники. О томъ чтобы Варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю не можетъ быть и рѣчи. Сами Руссы, по замѣчанію Константина Багрянороднаго, могли предпринимать плаваніе въ Черное Море только въ то время когда были въ мирѣ съ Печенѣгами.

Оба извѣстія о великомъ водномъ пути, Константина Багрянороднаго и нашей лѣтописи, относятся къ той эпохѣ когда сѣверная и южная Русь объединились подъ владычествомъ одного княжескаго рода, и слѣдовательно плаваніе судовъ подъ покровительствомъ князей могло довольно свободно совершаться отъ Ладожскаго озера до нижняго теченія Днѣпра. Кратчайшій путь изъ Балтійскаго моря въ Черное по Западной Двинѣ стоялъ на второмъ планѣ вслѣдствіе того значенія которое пріобрѣлъ Новгородъ, какъ торговый и отчасти политическій центръ.

Итакъ, повторяемъ, великій водный или Греческій путь

сдѣлался довольно торною дорогой собственно со времени русскихъ князей и въ связи съ ихъ господствомъ, а не прежде ихъ водворенія вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связяхъ между Русью и *Варягами-Норманнами*. (Подъ этимъ именемъ разумѣемъ обитателей Скандинавіи, Датскихъ острововъ и южнаго Балтійскаго поморья.) Многіе факты изъ X и XI вѣковъ убѣждаютъ насъ что связи эти дѣйствительно существовали. Мы видимъ наемныя варяжскія дружины въ войскахъ русскихъ князей и даже варяжскій гарнизонъ въ Новгородѣ. Видимъ иногда брачныя и вообще родственныя отношенія Рюриковичей съ норманскими конунгами. При дворѣ русскихъ князей встрѣчаются норманскіе принцы и знатные люди; варяжскіе купцы или гости были не рѣдки, особенно въ Новгородѣ; въ случаяхъ нужды русскіе князья посылаютъ нанимать Варяговъ, а иногда сами ищутъ убѣжища у ихъ конунговъ. Однимъ словомъ, мы видимъ иногда довольно дѣятельныя сношенія. Но что же изъ этого. Слѣдуетъ ли отсюда будто Руссы пришли изъ Скандинавіи? Нисколько. Подобныя связи и сношенія мы находимъ и съ другими народами, какъ-то съ Греками, Поляками, Нѣмцами, Половцами и т. д. Замѣчательно что скандинавскія саги въ общихъ чертахъ ло ловоду отношенія Норманновъ къ Руси сходятся съ нашими лѣтописями, за исключеніемъ басни о призваніи Варяговъ, которая самимъ Скандинавамъ была неизвѣстна, также какъ и другимъ средневѣковымъ источникамъ. Новые скандинавскіе историки тѣмъ не менѣе повторяютъ эту басню, но повторяютъ ее съ нашего же голоса. Скандинавскія саги не только не подтверждаютъ басни о призваніи или о завоеваніи Руси Норманнами, напротивъ онѣ еще яснѣе чѣмъ наши лѣтописи характеризуютъ ту роль которую играли на Руси Норманны въ качествѣ наемныхъ дружинъ: хорошее вознагражденіе, вотъ что болѣе всего тянуло къ намъ этихъ сѣверныхъ кондотьеровъ, и они торгуются съ нашими князьями не хуже всякихъ другихъ наемниковъ. По всему видно что великокняжескій Кіевскій дворъ привлекалъ ихъ своимъ богатствомъ и блескомъ, какихъ имъ не приходилось видѣть у себя на родинѣ. Не изъ бѣдной, полудикой Скандинавіи проникали тогда въ Россію сѣмена цивилизаціи, а развѣ наоборотъ, изъ Руси въ Скандинавію. Южно-русскіе Славяне со временъ глубокой древности находились въ сношеніяхъ съ греческими припонтійскими колоніями, и отъ нихъ конечно получили начатки своей

гражданственности. Въ этомъ отношеніи они не были менѣе счастливы чѣмъ Германцы жившіе на границахъ Римскаго міра. Цвѣтущее состояніе русской гражданственности, открывающееся предъ нами въ XI и XII вѣкахъ, не могло получить начало только со второй половины IX вѣка, то-есть со времени мнимаго призванія Варяговъ. Нѣтъ, такому цвѣтущему состоянію предшествовалъ безспорно долгій періодъ постепеннаго развитія. Только убѣдившись въ этой истинѣ, мы оцѣнимъ все значеніе варварскаго татарскаго ига въ Россіи: прошло четыре вѣка со времени нашего освобожденія, а наша гражданственность все еще позади, тогда какъ въ XII вѣкѣ она стояла почти на равной высотѣ съ нѣмецкою и была выше польской.

Въ русскихъ лѣтописяхъ и въ скандинавскихъ сагахъ нашлось нѣсколько сходныхъ преданій. Напримѣръ, о смерти Олега отъ своего коня, о взятіи Коростена Ольгой при помощи воробьевъ и голубей, и пр. И вотъ еще доказательство скандинавскаго происхожденія! Интересно при этомъ незамѣченное норманистами обстоятельство что русскія саги повидимому древнѣе исландскихъ! Исландскій разказъ о томъ какъ Гаральдъ Смѣлый взялъ въ Сициліи одинъ городъ помощію птицъ относитъ событіе къ половинѣ XI вѣка, а русская сага объ Ольгѣ и Коростенѣ говоритъ о половинѣ X вѣка. Кто же у кого заимствовалъ преданіе? Вопросъ еще болѣе усложняется, если обратимъ вниманіе на восточныя сказанія, по которымъ войско Чингизъ-хана такимъ же способомъ взяло одинъ непріятельскій городъ. Сходные миѳическіе мотивы можно встрѣчать и постоянно встрѣчаются не только у родственныхъ народовъ, но также у народовъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга. Между тѣмъ у насъ есть цѣлые ученые трактаты толкующіе о заимствованіяхъ Русскими пѣсенъ, сказокъ и пр. то съ востока, то съ запада. Остается только предположить что и весь Русскій народъ откуда-нибудь заимствовалъ! Народъ который своею многочисленностію и своеобразнымъ характеромъ издавна поражалъ иноземцевъ. Въ половинѣ XII вѣка Матвѣй, епископъ Краковскій, выражается такимъ образомъ: „Русь это какъ бы особый міръ; этотъ Русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ подобенъ звѣздамъ небесным.“

Откуда же взялась легенда о призваніи князей и о призваніи именно изъ Скандинавіи?

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

(*До слѣд. №.*)

ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНЫ

(ИЗЪ РАЗКАЗОВЪ ОЧЕВИДЦА.) *

I.

Въ началѣ іюня 1870 года, г. де-Робервиль, владѣтель зáмка де-Бокуръ, въ Шампаньи, вошелъ однажды въ свою столовую. Былъ уже двѣнадцатый часъ, то-есть давно уже время завтракать. Между тѣмъ въ столовой еще никого не было, чѣмъ г. де-Робервиль, повидимому, остался очень недоволенъ.

— Что̀ это значитъ, замѣтилъ онъ вошедшему въ эту минуту слугѣ,—развѣ вы еще не звонили?

— Съ четверть часа по крайней мѣрѣ тому назадъ, отвѣтилъ слуга, но госпожа де-Робервиль, вмѣстѣ съ княгиней и дѣтьми, должно-быть въ церкви, а оттуда не слыхать колокола. **

— Сію же минуту сбѣгайте за ними, скажите что я умираю отъ голода, что скоро будетъ двѣнадцать часовъ, что подобная неаккуратность ни на что̀ не похожа....

Пока слуга исполнялъ его порученіе, г. де-Робервиль съ

* Всѣ подробности этого разказа вѣрны; лица упомянутыя въ немъ дѣйствительно существуютъ, и авторъ съ ними коротко знакомъ, онъ перемѣнилъ одни только имена ихъ.

** Къ одной изъ наружныхъ стѣнъ почти каждаго французскаго зáмка привѣшенъ колоколъ, которымъ призываются обитатели его къ завтраку и обѣду.

нетерпѣніемъ началъ прохаживаться по комнатѣ, затѣмъ онъ подошелъ къ окну и впалъ въ глубокую задумчивость. Мы воспользуемся ею чтобы познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Г. де-Робервиль происходитъ отъ очень древняго и знатнаго рода. Предки его отличались во время крестовыхъ походовъ, занимали важныя должности при дворѣ, одинъ изъ нихъ былъ даже любимцемъ Лудовика VII или VIII, не припомню въ точности; кромѣ того они имѣли богатѣйшія помѣстья въ различныхъ частяхъ Франціи, но мало-по-малу все это величіе и богатство рушились, какъ рушились величіе и богатство столькихъ и древнихъ и знатныхъ французскихъ семействъ. Дѣдъ г. де-Робервиля окончилъ свою карьеру подпрефектомъ маленькаго города Витри, имѣя всего 400 гектаровъ * удобной и неудобной земли. Отецъ его не достигъ даже этой скромной іерархической ступени, онъ оставилъ службу лѣсничимъ ** третьяго разряда; самъ г. де-Робервиль вышелъ въ отставку простымъ подпоручикомъ, не сдѣлавъ карьеры, несмотря на большія деньги которыя родители его истратили на его воспитаніе.

Онъ былъ единственнымъ ихъ сыномъ, и они возлагали на него огромныя надежды. „Вотъ кто снова подыметъ имя де-Робервиля“, часто повторялъ отецъ его, смотря на умное и выразительное лицо своего хорошенькаго Эдмонда, „вотъ кто возвратитъ намъ значеніе, почетъ и вѣроятно богатство, съ помощью выгодной женитьбы.“ Увы! отецъ ошибался.

Несмотря на свое умное и выразительное личико, хорошенькій Эдмондъ не только не отличался своими успѣхами въ наукѣ, но былъ почти всегда послѣднимъ въ своемъ классѣ, сначала въ приходскомъ училищѣ, потомъ въ пансіонѣ и наконецъ въ лицеѣ. Экзамена своего для полученія бакалаврской степени онъ не выдержалъ, точно также какъ экзамена для поступленія въ Политехническую Школу, куда назначалъ его отецъ; затѣмъ онъ попробовалъ было поступить въ инженерное училище, въ Сен-Сирскую школу, но вездѣ встрѣтилъ полнѣйшее fiasco. Видя тщетность своихъ усилій, онъ испросилъ

---

* Французскій гектаръ=0,915 нашей десятины.

** Надзирателемъ казенныхъ лѣсовъ, conservateur des forets de l'Etat. Надзиратель 1го разряда получаетъ, по выходѣ въ отставку, 12.000 франковъ пенсіи; 2го—9.000; 3го—6.000; 4го—3.000.

однажды у отца позволеніе поступить простымъ рядовымъ въ какой-то пѣхотный полкъ, на что тотъ согласился безъ большаго труда. Любовь его къ сыну, къ которой примѣшивалась не малая доля эгоизма и тщеславія, значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ какъ возложенныя на него надежды не оправдались.

Прослуживъ въ полку девять мѣсяцевъ, сначала рядовымъ потомъ капраломъ и унтеръ-офицеромъ и наконецъ квартергеромъ, sergent fourrier, и фельдфебелемъ, sergent major, молодой де-Робервиль достигъ чина подпоручика и пріѣхалъ въ отпускъ къ своимъ родителямъ. Въ то время это былъ очень видный и красивый мущина лѣтъ тридцати, отлично играющій на биліардѣ, глотающій свою польшную водку, absinthe, по всѣмъ правиламъ искусства, и ухаживающій съ большимъ успѣхомъ за провинціальными актрисами и другими красавицами ejusdem generis и возбуждающій, своимъ военнымъ шикомъ, большую зависть въ статской молодежи.

Увидя его, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, родители его рѣшили что для Эдмонда настала торжественная пора женитьбы. „Въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ онъ оправдаетъ мои надежды“, подумалъ старикъ де-Робервиль и немедленно написалъ одной дальней родственницѣ, постоянно живущей въ Парижѣ, гдѣ она имѣла много связей и нѣкоторое вліяніе въ большомъ свѣтѣ. Онъ подробно описалъ ей наружный видъ и моральныя качества своего Эдмонда, настоящее его положеніе въ обществѣ, очень скромное правда, mais honorable et pouvant conduire à tout, упомянулъ о ежегодной суммѣ которую онъ назначитъ ему въ случаѣ его женитьбы, о состояніи на которое онъ можетъ разчитывать послѣ смерти своихъ родителей и т. д. Письмо свое онъ оканчивалъ убѣдительною просьбой похлопотать о пріисканіи невѣсты своему сыну.

Прочитавъ письмо, родственница, которая принадлежала къ числу великосвѣтскихъ свахъ Сенъ-Жермейскаго предмѣстья, тотчасъ же записала имя Эдмонда въ свой списокъ, настрочила Робервилю очень любезный отвѣтъ и принялась хлопотать. Только шесть мѣсяцевъ спустя однакожъ она извѣстила его что нашла кажется партію приличную во всѣхъ отношеніяхъ въ лицѣ молодой русской княжны, находящейся въ настоящее время въ Парижѣ вмѣстѣ со своею матерью и посѣщающей нѣкоторые salons du grand monde.

Извѣстіе это несказанно обрадовало старика де-Робервиля „Русская княгиня“, подумалъ онъ, „вращающаяся въ лучшемъ

обществѣ и, конечно, богатая, иначе кузина не назвала бы эту партію приличною во всѣхъ отношеніяхъ, какое счастіе для моего олуха! Такая жена одна можетъ еще вывести его въ люди, но не дастъ ли онъ и тутъ промаха, отъ него все можно ожидать. Какъ бы то ни было нужно ковать желѣзо пока оно горячо, то-есть не терять дорогаго времени."

Между старикомъ и его кузиной завязалась дѣятельная переписка, которая продолжалась ровно два мѣсяца.... Изъ писемъ онъ мало-по-малу узналъ что княгиня также хлопочетъ о выдачѣ замужъ своей дочери, что она обращалась съ этою цѣлью къ одной общей знакомой, маркизѣ де-Латуръ, которая сообщила ей о томъ и очень скоро представила самой княгинѣ. Совершивъ этотъ важный шагъ, кузина въ дальнѣйшихъ своихъ матримоніальныхъ маневрахъ обнаружила искусство, которое сдѣлало бы честь любому дипломату. Не торопясь, выбирая удобныя минуты и тщательно взвѣшивая каждое свое слово, она постепенно вызвала княгиню на интимные разговоры, во время которыхъ имя Эдмонда де-Робервиля стало произноситься все чаще и чаще. Этими разговорами она наконецъ достигла очень важнаго результата, о которомъ и поспѣшила извѣстить своего кузена въ слѣдующемъ письмѣ. *

Парижъ, 4го декабря 1861.

„Любезный родственникъ!

„Дѣла наши идутъ отлично. Я только-что уговорила княгиню, которая на будущей недѣлѣ отправляется въ Ниццу съ дочерью, заѣхать къ вамъ въ Везуль ** на нѣсколько дней. Крюкъ будетъ небольшой, между тѣмъ это единственное для нея средство познакомиться съ вами и съ госпожей де-Робервиль. Съ отъѣздомъ ея изъ Парижа роль моя въ этомъ деликатномъ предпріятіи оканчивается; дальнѣйшій успѣхъ его будетъ зависѣть отъ васъ и отъ вашей супруги и потому я очень совѣтую вамъ не пренебрегать слѣдующими инструкціями, которыя посылаю во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній съ вашей стороны.

„Я много говорила княгинѣ о древности вашего рода, о заслугахъ вашихъ предковъ и т. д.; упоминайте также о нихъ, но какъ бы мимоходомъ. Въ глазахъ ея почетное мѣсто которое имя де-Робервилей занимаетъ во французской родословной книгѣ достаточно выкупаетъ ваше настоящее скромное положеніе.... Я ей объясняла что вы душой и сердцемъ преданы Генриху V и ежели согласились служить во время прав-

* Копія съ этого любопытнаго документа находится въ рукахъ автора

** Главный городъ департамента Верхней Соны.

ленія Наполеона III, котораго она ненавидитъ,—какъ всѣ знатныя русскія дамы, княгиня ревностная легитимистка,—то единственно въ силу слѣдующаго политическаго соображенія, которое, конечно, вамъ извѣстно, хотя, къ сожалѣнію, оно и не руководило вами при поступленіи на службу. Когда Генриху V будетъ возвращенъ престолъ его предковъ, онъ будетъ очень радъ найти вокругъ себя свѣдущихъ и опытныхъ помощниковъ; свѣдѣнія же эти и опытъ они могутъ пріобрѣсти одною долголѣтнею службой. Такъ какъ объясненіе это вполнѣ удовлетворило княгиню, вамъ нечего безпокоиться насчетъ вашего отступничества. Не касайтесь въ своихъ разговорахъ нравовъ и обычаевъ Россіи, о которыхъ вы ровно ничего не знаете. Однажды я спросила княгиню: „правда ли что въ Петербургѣ дамы, по случаю жестокаго холода, не иначе показываются на улицахъ какъ въ маскахъ?“—„Можно ли имѣть такія нелѣпыя свѣдѣнія, des notions si absurdes, о нашемъ миломъ отечествѣ“ воскликнула она съ очень замѣтнымъ неудовольствіемъ. Когда вамъ случится упоминать о Россіи, говорите о ней какъ можно поверхностнѣе, напримѣръ, какъ о богатой и могущественной странѣ, съ самымъ блестящимъ будущимъ, но старательно избѣгайте всякія подробности, которыя могли бы обнаружить ваше полное невѣжество всего что̀ касается отечества de notre chère princesse.

„Княгиня любитъ вистъ по вечерамъ, примите это къ свѣдѣнію и отыщите ей заблаговременно приличныхъ партнеровъ, ежели таковые имѣются въ вашей ямѣ, dans votre trou de Vesoul. Княжна отлично играетъ на фортепіано; ежели, чего Боже сохрани, у васъ въ домѣ нѣтъ этого инструмента, непремѣнно обзаведитесь имъ на нѣсколько дней, хотя вамъ пришлось бы выписать его изъ Дижона. И та и другая привыкли къ роскоши и любятъ комфортъ; похлопочите заранѣе чтобы лучшія комнаты лучшей везульской гостиницы были убраны какъ слѣдуетъ къ ихъ пріѣзду. Ежели въ нихъ, чего нужно ожидать, нѣтъ приличныхъ ковровъ, занавѣсокъ, диванов̀ъ и т. д., перенесите все это изъ вашего дома или возьмите на прокатъ въ мебельномъ магазинѣ. Княгиня пьетъ чай два раза въ день, утромъ когда она встаетъ и вечеромъ часовъ въ девять, но о немъ вамъ нечего безпокоиться, такъ какъ она имѣетъ свой собственный чай и для приготовленія онаго прекрасную серебряную урну, которую она называетъ un samowar. Княжна за то пьетъ по утрамъ шоколатъ, составленный по рецепту который я прилагаю къ настоящему письму; передайте этотъ рецептъ вмѣстѣ съ двумя или тремя фунтами самаго лучшаго шоколата содержателю гостиницы въ которой остановится княгиня.

„Вотъ и все кажется, по крайней мѣрѣ на сегодня.... Ежели вамъ нужны будутъ совѣты, смѣло обращайтесь ко мнѣ безъ всякаго опасенія обезпокоить меня. Во всемъ остальномъ я надѣюсь на вашу природную проницательность и на тотъ инстинктъ, свойственный лицамъ хорошаго происхожденія,

который, въ этомъ случаѣ, долженъ предохранить васъ отъ всякихъ промаховъ и ошибокъ, несмотря на то что вы провели большую часть своей жизни въ разныхъ провинціальныхъ трущобахъ. Передайте выраженіе моей искренней дружбы госпожѣ де-Робервиль; ежели предстоящее свиданіе окончится благополучно, нужно будетъ чтобъ Эдмондъ * взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Ниццу въ качествѣ претендента на руку княжны. Въ то время отъ него будетъ зависѣть довершеніе того что̀ мы теперь только начинаемъ, но сколько я могу судить о немъ по описанію его нравственныхъ и физическихъ качествъ, которое вы своевременно доставили мнѣ, я нисколько не сомнѣваюсь въ его окончательномъ успѣхѣ. За симъ, пожелавъ вамъ, любезный де-Робервиль, исполненія всѣхъ вашихъ желаній, остаюсь

„на всегда преданная вамъ кузина

„Алиса виконтесса д'Арамбекуръ".

Инструкціи виконтессы были въ точности исполнены ея родственниками. Они выписали изъ Дижона отличное фортепіано Эрара, они отыскали приличныхъ партнеровъ для сіятельнаго виста: префекта, директора мѣстнаго банка и главнаго сборщика прямыхъ и косвенныхъ податей, persepteur des contributions directes et indirectes. Они убрали наславу лучшія комнаты лучшей везульской гостинницы, пополнивъ многое изъ лучшаго везульскаго мебельнаго магазина. Они передали содержателю означенной гостинницы шоколатъ вмѣстѣ съ рецептомъ для его приготовленія.

Совершивъ всѣ приготовленія, они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стали ожидать пріѣзда дорогихъ гостей.

II.

Княгиня Салунская, несмотря на свое знатное происхожденіе, завидное положеніе въ обществѣ и другія преимущества, вовсе не походила на великосвѣтскую даму. Это была очень добродушная, привѣтливая и ласковая старушка, нѣсколько робкая и застѣнчивая, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, очень набожная, сердобольная и добродѣтельная. Въ одной только слабости ее можно было упрекнуть, а именно въ непомѣрномъ баловствѣ своей дочери, которая дѣлала изъ нея рѣшительно что̀ хотѣла.

---

* Эдмондъ де-Робервиль находился въ то время съ полкомъ въ окрестностяхъ Алжира.

Княжна Алина принадлежала къ числу тѣхъ лимфатическихъ красавицъ которыми такъ изобилуетъ нашъ далекій Сѣверъ. Матовый, не совсѣмъ здоровый цвѣтъ лица, изящная nonchalance во всѣхъ движеніяхъ, не совсѣмъ правильныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятныя черты лица, кому неизвѣстенъ этотъ типъ, которымъ, вѣроятно, въ силу контрастовъ, восторгаются лылкіе Французы? Княгиня Алина была своенравна, капризна, упряма и себялюбива; для удовлетворенія своего я она безъ всякаго зазрѣнія совѣсти жертвовала спокойствіемъ, вкусами и часто здоровьемъ слишкомъ слабой матери. Главнымъ девизомъ ея было слово „веселиться“; другой цѣли въ жизни она не знала отъ семнадцати до двадцати семи лѣтъ включительно. Достигнувъ этого роковаго для дѣвицы возраста, она не на шутку призадумалась и начала помышлять о супружествѣ, о которомъ до тѣхъ поръ и слышать не хотѣла. Въ одинъ прекрасный день она объявила матери что хочетъ замужъ, но не иначе какъ за Француза древняго происхожденія и со связями въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Вслѣдствіе этого рѣшенія строптивой княжны, обѣ дамы отправились сначала въ Парижъ, а потомъ въ Везуль, гдѣ ихъ приняли согласно инструкціямъ обязательной виконтессы д'Арамбекуръ.

Когда онѣ выѣхали оттуда чтобъ отправиться въ Ниццу, между матерью и дочерью произошелъ слѣдующаго рода разговоръ:

— Ну, что, Алина, какъ тебѣ нравятся де-Робервили?

— Чрезвычайно. Какая патріархальность, простота нравовъ....

— Не находишь ли ты ихъ нѣсколько провинціальными?

— Безъ сомнѣнія; но этотъ недостатокъ и всякіе другіе обильно выкупаются у нихъ древностью рода. Вспомните что гербъ Робервилей украшенъ девизомъ напоминающимъ знаменитый девизъ Рогановъ: „Roi ne puis, prince ne daigne, Rohan je suis.“

— Никто конечно не цѣнитъ больше меня древности происхожденія, но для супружескаго счастія оно еще далеко не все. Мнѣ очень не понравились между прочимъ всѣ эти вопросы насчетъ моего имѣнія, насчетъ того что я тебѣ назначаю и такъ далѣе.

— Да вѣдь все это для свадебнаго контракта, maman; здѣсь такъ уже принято, и можно ли укорять Французовъ за то что они стараются обезпечить будущность своихъ дѣтей?

— Конечно нельзя; но мы вѣдь жениха даже не видали, очень легко можетъ быть что онъ тебѣ не понравится, и что всѣ

наши планы разлетятся на вѣтеръ: какъ же не считать подобные вопросы крайне неумѣстными?

— Я имѣю какое-то предчувствіе что онъ мнѣ понравится; госпожа де-Робервиль говоритъ что онъ такой тихій, скромный, послушный, что онъ никогда не подавалъ имъ малѣйшаго повода къ неудовольствію. Повѣрьте, maman, я буду счастлива съ такимъ мужемъ; свѣтскія удовольствія мнѣ опротивѣли, и я жажду семейной жизни. Ну, а вы не разстанетесь со мною, не правда ли, милая, дорогая maman?

Княжна расчувствовалась, что̀ случалось съ ней очень рѣдко, но такимъ припадкомъ нѣжности подвержены, говорятъ, зрѣлыя дѣвицы, когда имѣютъ на примѣтѣ красавца жениха. Что касается до княгини, то ей чрезвычайно не понравились де-Робервили; ихъ очень замѣтныя угодливость и заискиванія были противны ея прямому и открытому нраву. Она рѣшилась разочаровать свою дочь на ихъ счетъ, пофрондировать немного, но съ весьма слабою надеждой на успѣхъ своихъ возраженій. Она слишкомъ хорошо знала княжну Алину чтобы сомнѣваться на одну минуту что она все-таки поставитъ на своемъ ежели уже забрала въ голову выходить за молодаго де-Робервиля.

Въ Ниццѣ, въ ту зиму, было большое накопленіе иностранцевъ разныхъ національностей, въ томъ числѣ много Русскихъ. Между всѣми удовольствіями и развлеченіями которыми изобилуетъ этотъ прекрасный городъ болѣе другихъ цѣнились балы и танцовальныя утра, matinée dansantes, происходившіе въ роскошной каютъ-компаніи русскаго фрегата *Олафъ*. * Прекрасное общество офицеровъ, морская обстановка, какое-то очаровательное laisser aller, не принятое въ гостиныхъ, но допускаемое на морѣ, и наконецъ отличные ужины, сервированные иногда на палубѣ фрегата, все это придавало этимъ праздникамъ необыкновенную прелесть, о которой до сихъ поръ вспоминаютъ съ удовольствіемъ всѣ лица принимавшія въ нихъ участіе.

Попавъ въ вихрь ниццкаго зимняго сезона, княжна Алина очень скоро забыла о Робервиляхъ, о своемъ отвращеніи къ свѣту, о своей жаждѣ семейной жизни, и потому когда однажды, по возвращеніи съ пикника, она узнала отъ матери

---

* Во время зимы 1861—62 года онъ находился въ военной гавани Виллафранка, въ двухъ километрахъ отъ Ниццы.

что *онъ* пріѣхалъ, сдѣлалъ ей визитъ и обѣщался быть на другой день, она нахмурилась, сдѣлала нетерпѣливый жестъ и воскликнула съ досадой:

— Какъ некстати, не могъ онъ подождать еще два мѣсяца, мнѣ теперь рѣшительно не до него.

— Да развѣ ты не сама настаивала на необходимости его скораго пріѣзда?

— Конечно, maman; но то было въ Везулѣ, а не въ Ниццѣ; мой образъ мыслей нѣсколько перемѣнился съ тѣхъ поръ.

— Ты значитъ не хочешь больше замужъ?

— Нѣтъ, хочу, но погодя немного. Кстати, какъ вы его нашли?

— Онъ очень красивъ собою, и военная форма чрезвычайно ему къ лицу, но за то онъ черезчуръ уже робокъ и застѣнчивъ; мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій чтобы нѣсколько ободрить его. Впрочемъ ты сама его завтра увидишь.

Княжна Алина не только увидѣла, но и влюбилась въ него на другой же день, что̀ сразу замѣтилъ молодой де-Робервиль, который постепенно и очень ловко отдѣлался отъ своей напускной застѣнчивости, предписанной ему отцомъ въ письмѣ наполненномъ инструкціями. Ровно черезъ недѣлю послѣ пріѣзда въ Ниццу онъ сдѣлалъ свое предложеніе, на которое княжна отвѣтила ему слѣдующимъ образомъ:

— Я должна предупредить васъ, Mr Edmond, что я нѣсколько своенравна и очень дорожу своею свободой, и потому ежели вамъ вздумается быть деспотическимъ мужемъ....

— Какъ вы мало меня знаете, mademoiselle;* я буду послушнымъ рабомъ своей жены, малѣйшее ея желаніе будетъ для меня закономъ....

— Вы даете мнѣ въ томъ торжественное обѣщаніе?

— Не только обѣщаніе, но клятву, ежели вы потребуете ее отъ меня.

— Въ такомъ случаѣ вотъ вамъ моя рука.

Свадьба этой интересной четы была сыграна въ Парижѣ два мѣсяца спустя. Обрядъ былъ совершенъ въ церкви Св. Магдалины аббатомъ Дюгерри,** который въ подобающей случаю рѣчи упомянулъ о величіи Франціи и о могуществѣ Россіи, о блестящемъ будущемъ ожидающемъ какъ ту, такъ и другую, о

---

* Во Франціи дѣвицы имѣющія титулъ называются просто mademoiselle.

** Разстрѣляный коммунистами въ прошломъ маѣ.

симпатіи существующей между Французами и Русскими, о радости которую возбуждаетъ въ немъ это сочетаніе одного изъ сыновей великой Франціи съ одною изъ дщерей могущественной Россіи и т. д. Въ блистательно освѣщенной церкви присутствовали многіе представители какъ русской, такъ и французской аристократіи, во время обряда пѣли не только первоклассные пѣвчіе, но самъ знаменитый Форъ, которому акомпанировалъ одинъ изъ лучшихъ парижскихъ органистовъ; вообще свадьба была объявлена удавшеюся даже людьми вполнѣ компетентными по этой части. Но какое горькое разочарованіе ожидало бѣдную княжну послѣ совершенія оной!

Мужъ ея на другой же день сбросилъ давно уже тяготившую его маску и обнаружилъ себя такимъ какимъ создала его природа, то-есть страшнымъ эгоистомъ, домашнимъ тираномъ, мелкимъ, суетливымъ деспотомъ, очень худо воспитаннымъ въ добавокъ и щедро надѣленнымъ разными гарнизонными привычками. Несчастная Алина ужаснулась, когда подумала о будущемъ которое готовится ей съ подобнымъ мужемъ, но она была слишкомъ горда чтобы подѣлиться своимъ горемъ съ кѣмъ бы то ни было, даже съ матерью.

Съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Алина такъ искусно разыгрывала все время роль нѣжно любящей супруги что очень немногіе догадываются о томъ что она вынесла въ эти страшныя для нея девять лѣтъ. Большинство ея родныхъ и знакомыхъ, видя какъ она горячо принимаетъ сторону мужа, когда на него нападаютъ, какъ она старается угождать ему во всемъ, какъ ея характеръ изъ своенравнаго и строптиваго сдѣлался тихимъ и кроткимъ, твердо убѣждены что она вполнѣ счастлива. Что касается до старика де-Робервиля, то онъ не нахвалится своимъ сыномъ, котораго онъ такъ долго считалъ олухомъ. „Молодецъ!“ вырывается у него часто въ интимныхъ кружкахъ, „укротилъ таки русскую княжну, кто бы ждалъ отъ него этого?“ Княгинѣ также не мало пришлось вынести отъ этого укротителя, но она охотно жертвовала собою ради дочери, настоящее положеніе которой было хорошо ей извѣстно, несмотря на скрытность ея.

Вскорѣ послѣ своей женитьбы Эдмондъ вышелъ въ отставку, купилъ на женины деньги имѣніе,—отъ отца онъ получалъ всего 1.500 франковъ въ годъ,—и зажилъ помѣщикомъ. Въ то время когда начинается нашъ разказъ, положеніе его, въ гла-

захъ по крайней мѣрѣ мѣстныхъ жителей, сдѣлалось очень завиднымъ, вслѣдствіе назначенія въ главный городъ департамента новаго префекта, съ которымъ онъ состоялъ въ близкомъ родствѣ. Но пора, кажется, вернуться въ ту столовую въ которой мы оставили его въ началѣ первой главы.

III.

— Edmond, мой другъ, мы заставили тебя ждать, сказала Алина де-Робервиль, робко подходя къ мужу.

Кто бы узналъ въ этой блѣдной, исхудалой, залуганной женщинѣ когда-то блестящую княжну Салунскую, царицу не одного бала?

— Ты тогда только будешь довольна, когда уложишь меня въ могилу. Ну слыханное ли это дѣло? Двѣнадцать часовъ, а у меня еще во рту росинки не было. Гдѣ вы пропадали?

— Мы ходили навѣстить бѣдную дочь столяра, знаешь, Альфонсину: она опасно заболѣла третьяго дня... Мы застали у нея одну изъ сестеръ * и доктора, потомъ зашелъ Mr le curé; ** ну мы разговорились, а я какъ на бѣду оставила дома свои часы....

— Да ужь ты вѣчно что-нибудь забудешь: русская разсѣянность, апатія, хорошъ, нечего сказать, вашъ національный характеръ! Но къ чорту его. Jean! завтракъ на столъ! кликнулъ во весь голосъ проголодавшійся Эдмондъ.

— Позволь, мой другъ, я схожу за maman...

— Совсѣмъ не нужно, сама придетъ.

— Ну такъ пошли по крайней мѣрѣ за дѣтьми, они вѣроятно играютъ гдѣ-нибудь въ саду и рискуютъ остаться безъ завтрака.

— Ты даже за своими дѣтьми не умѣешь смотрѣть, я долженъ обо всемъ заботиться....

Но въ эту минуту въ столовую вошла княгиня; ее сопровождали два хорошенькіе мальчика, одинъ лѣтъ четырехъ, другой лѣтъ семи. Эдмондъ холодно поклонился своей тещѣ, которую въ душѣ онъ ненавидѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ побаивался, потому что

* Въ каждой французской деревнѣ есть по двѣ сестры милосердія, которыя обучаютъ дѣвочекъ грамотѣ и кромѣ того ухаживаютъ за больными.

** Приходскій священникъ.

кошелекъ, la bourse, все-таки былъ въ ея рукахъ. Но эта боязнь нисколько не мѣшала ему быть домашнимъ деспотомъ, даже въ отношеніи къ ней; но только въ тѣхъ случаяхъ когда заходилъ уже слишкомъ далеко, неожиданно смирялся, просилъ извиненія, подходилъ къ ручкѣ, разыгрывалъ, однимъ словомъ, ту комедію которая такъ прекрасно удалась ему до свадьбы. Что касается до княгини, то она, изъ любви къ дочери, терпѣла многое, но не все; она сама иногда покрикивала на Эдмонда; стычки между ними были не рѣдкость; къ сожалѣнію, эти протесты нисколько не поправляли дѣла. Княгиня не имѣла довольно твердости характера чтобы достигнуть ими какого-нибудь результата, она даже совѣстилась своихъ минутныхъ вспышекъ, сама готова была извиняться за нихъ, и зять ея какъ нельзя лучше это зналъ. Своихъ дѣтей онъ страшно баловалъ, позволялъ имъ играть съ уличными мальчишками, безпрестанно бѣгать на кухню, вслѣдствіе чего они то-и-дѣло произносили разныя неблагопристойныя слова, которыя заставляли княгиню краснѣть до ушей, а его напротивъ хохотать до упаду.

— Какъ вамъ не стыдно-такъ воспитывать своихъ дѣтей? часто замѣчала она ему.

— Я не хочу чтобъ изъ нихъ вышли мямли, пусть побѣгаютъ, пошалятъ даже, это очень полезно для ихъ здоровья.

— Вашему старшему сыну уже семь лѣтъ, а онъ даже азбуки не знаетъ.

— Успѣетъ еще, я вѣдь не прочу его въ члены Института.

— Они безпрестанно произносятъ всуе святое имя своего Создателя.

— Повѣрьте что Онъ не будетъ на нихъ за то въ претензіи.

— Они скорѣе походятъ на мужичковъ чѣмъ на потомковъ знаменитаго рода де-Робервилей.

— Тѣмъ лучше; изъ нихъ, значитъ, выйдутъ современемъ отличные помѣщики, а это въ нашъ положительный вѣкъ гораздо важнѣе всякаго происхожденія отъ крестоносцевъ.

— Не такъ вы разсуждали до своей женитьбы, Edmond.

— Мало ли что, неужели вы были такъ простодушны, belle-maman, чтобы вѣрить въ бредни влюбленнаго жениха?

— Гмъ, влюбленнаго....

— Да, я былъ страшно влюбленъ въ Алину, и до сихъ поръ обожаю ее.... по-своему.

— Кто могъ подумать въ то время что идоломъ вашимъ бу-

детъ не Генрихъ V, а этотъ отвратительный Наполеонъ III, стыдно, стыдно вамъ, Эдмондъ де-Робервиль.

— Гораздо стыднѣе было бы съ моей стороны уважать такую ни къ чему не способную старую бабу, какою уже давно оказывается вашъ Шамборъ. Да, я люблю своего императора, мало того, обожаю его до самоотверженія, до фанатизма. Я считаю его за великаго человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ своего правленія больше сдѣлалъ для славы и блага Франціи, чѣмъ могли бы сдѣлать цѣлыя поколѣнія Бурбоновъ, да еще съ Орлеанами въ придачу. Онъ возвысилъ ее до степени первой державы въ Европѣ; благодаря его генію....

— Въ чемъ же именно обнаружился его геній, позвольте васъ спросить?

— Да хоть бы въ томъ что онъ подъ Севастополемъ смирилъ гордость вашей слишкомъ зазнавшейся Россіи. Но это только первый его шагъ на славномъ поприщѣ, который обезсмертитъ его имя.

— Вторымъ шагомъ вашего идола вы вѣроятно считаете объединеніе Италіи, которая, благодаря этому объединенію, можетъ въ данную минуту сдѣлаться для Франціи весьма опасною сосѣдкой.

— Наполеонъ раздавитъ Италію, ежели она вздумаетъ подняться противъ него, противъ своего благодѣтеля.

— Ну, а третьимъ шагомъ его что вы считаете? Вѣроятно позволеніе дарованное имъ Австріи и Пруссіи раздавить несчастную Данію? Ежели это не ошибка, то что же можно назвать ошибкой? Благодаря ей, Пруссія въ свою очередь, раздавила Австрію, завладѣла Ганновером, Касселемъ, Нассаускимъ герцогствомъ и сдѣлалась тоже опасною и очень опасною сосѣдкой для Франціи.

— Ну, ужь опасною; побѣдой своею надъ Австріей она исключительно обязана своимъ игольчатымъ ружьямъ.

— Положимъ что такъ. Я первая вполнѣ убѣждена что въ случаѣ войны съ Пруссіей, Франція осталась бы побѣдительницей; но зачѣмъ же накликать на себя такое страшное бѣдствіе какъ война, каковъ бы ни былъ ея исходъ? Сколько мнѣ кажется, главная задача мудраго правителя должна состоять въ томъ чтобъ устранять ее насколько возможно.

— Виды императора слишкомъ глубоки чтобы непосвященный въ его тайны могъ проникнуть ихъ.

— Глубину этихъ видовъ не особенно доказала Мексиканская кампанія.

— Эхъ, belle-maman, съ вами нельзя разсуждать о политикѣ; вы смотрите на нее съ женской точки зрѣнія и въ добавокъ почерпаете свои убѣжденія въ лживой и пристрастной *Union*. *

— *Union* во сто кратъ правдивѣе и безпристрастнѣе вашей *Pays*, ползающей предъ Наполеономъ.

— И прекрасно, on ne saurait trop ramper devant lui.

— Стыдно вамъ, Эдмондъ де-Робервиль.

— Не стыдно, а похвально. Поступать иначе значило бы высказать преступную неблагодарность къ человѣку которому Франція обязана своимъ настоящимъ величіемъ и благоденствіемъ. Вникните повнимательнѣе въ его мудрыя распоряженія и вы поневолѣ преклонитесь предъ геніемъ его, очень мало уступающимъ генію Наполеона I. Посмотрите что онъ сдѣлалъ для Франціи въ торговомъ и промышленномъ отношеніи: какое приращеніе желѣзныхъ дорогъ, сколько цвѣтущихъ фабрикъ....

— Гораздо меньше чѣмъ вы полагаете; многія изъ нихъ пришли въ упадокъ или вовсе закрылись послѣ трактата съ Англіей.

— Это вы прочли въ *Union*: c'est l'*Union* qui vous a chanté cela?

— Да. Она упоминаетъ также о рабочихъ стачкахъ, которыя повторяются безпрестанно и угрожаютъ разореніемъ самыхъ богатыхъ фабрикантовъ.

— Мало ли о чемъ она упоминаетъ! И никто не читаетъ, ей никто не вѣритъ, кромѣ васъ да нѣкоторыхъ отсталыхъ легитимистовъ. Стачки бываютъ вездѣ, въ Англіи, въ Германіи; онѣ нисколько не мѣшаютъ общему преуспѣянію промышленнаго дѣла.

— Во Франціи, гдѣ народъ и безъ того расположенъ къ революціямъ, онѣ имѣютъ гораздо болѣе серіозный характеръ чѣмъ въ другихъ странахъ.

— Взгляните наконецъ на Парижъ, вѣдь императоръ сдѣлалъ изъ него столицу вселенной.

— Онъ и достойный сподвижникъ его Гауссманъ. Они несравненно лучше сдѣлали бы ежели оставили бы его просто столицей Франціи.

---

* Легитимистскій органъ. Въ числѣ сотрудниковъ его состоитъ между прочимъ соотечественникъ нашъ князь Августинъ Голицынъ.

— Это почему, позвольте васъ спросить?

— Потому что Парижъ, за это непрошенное съ его стороны обновленіе, вошелъ къ неоплатные почти долги.

— Парижъ нуждался въ обновленіи.

— Нѣкоторыя только части его, въ которыхъ, по причинѣ узкихъ улицъ, воздухъ былъ уже слишкомъ спертъ; но зачѣмъ напримѣръ было разрушать улицу Мира, которая считалась одною изъ самыхъ красивыхъ парижскихъ артерій?

— Въ обновленномъ Парижѣ улица Мира сдѣлалась бы настоящимъ анахронизмомъ.

— Я гдѣ-то прочла эту фразу, Edmond.

Княгиня любила таки подразнить зятя, который былъ не далекъ и бралъ только своимъ французскимъ жаргономъ. Во время споровъ ихъ о политикѣ онъ иногда забывался, до такой степени кричалъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ, и т. д. что княгиня вставала съ мѣста и съ достоинствомъ уходила изъ комнаты. Въ такихъ случаяхъ Эдмондъ бросался вслѣдъ за нею, испрашивалъ прощеніе, обѣщалъ что это болѣе не повторится и держалъ свое обѣщаніе до слѣдующаго политическаго спора, который очень часто возобновлялся на другой же день. Въ этихъ спорахъ гжа де-Робервиль не принимала участія, она оставалась вполнѣ нейтральною и только изрѣдка вставляла какую-нибудь успокоительную фразу, въ родѣ слѣдующей:

— Ахъ, maman, Edmond, перестаньте спорить, право не стоитъ. Не будетъ Наполеона, такъ будетъ другой; тоже надѣлаетъ ошибокъ....

— Такъ ты тоже сознаешь ошибки со стороны этого геніальнаго человѣка?

— Нисколько, мой другъ, я готова сознать въ немъ все что тебѣ будетъ угодно.

— То-то же.

Послѣ завтрака Эдмондъ обыкновенно былъ баклуши, фланировалъ сплошь до самаго обѣда. Онъ заходилъ въ ту или другую кофейню,—въ деревнѣ Бокуръ ихъ насчитываютъ до четырехъ,—вступалъ въ разговоръ съ хозяиномъ или съ посѣтителями оной, излагалъ свои политическія мнѣнія, причемъ очень рѣдко встрѣчалъ оппозицію, потому что въ Шампаньи въ то время бонапартисты составляли значительное большинство. Между поселянами де-Робервиль пользовался не малымъ почетомъ, по случаю близкаго родства его съ префектомъ департамента. Хорошо зная какую важную роль игралъ тогда

непотизмъ, они со дня на день ожидали его назначенія въ меры Бокура. Вечера свои Эдмондъ Альбертовичъ проводилъ также въ кофейной или у какого-нибудь сосѣда-помѣщика; за эти отлучки отъ домашняго очага не претендовали на него ни жена его, ни княгиня, онѣ рады были отвести душу между собою въ его отсутствіи.

Въ іюнѣ 1870 года главнымъ предметомъ разговора во Франціи былъ недавній плебисцитъ, упрочившій на долго, какъ думали, пошатнувшійся было престолъ Наполеона III. Радовались ему не одни бонапартисты, а приверженцы другихъ партій, кромѣ той къ которой принадлежалъ Рошфоръ, сидѣвшій въ то время въ тюрьмѣ. Всѣ, видя въ этомъ плебисцитѣ залогъ порядка, долголѣтняго мира со всѣми благами сопряженными съ ними, радовались и съ упованіемъ смотрѣли на будущее, какъ вдругъ на политическомъ горизонтѣ показалась черная точка, послѣдствіямъ которой никто сначала не придалъ особеннаго значенія; она только глубоко уязвила французское самолюбіе. Графу Бисмарку вздумалось назначить на испанскій престолъ одного изъ Гогенцоллерновъ, дерзость неслыханная, вполнѣ достойная его коварнаго ума.

— Да о чемъ же думали наши посланники, слышалось со всѣхъ сторонъ? Вѣдь это уже давно заготовлялось à leur nez et à leur barbe, ихъ слѣдуетъ отдать подъ судъ и т. д. Въ Бокурѣ болѣе всѣхъ кричалъ Эдмондъ де-Робервиль; онъ выучивалъ наизусть изъ своего любимаго *Pays* цѣлыя тирады трактующія объ этомъ предметѣ и декламировалъ каждому встрѣчному.

Несмотря, однакожъ, на страшную бурю поднятую во Франціи Гогенцоллернскимъ вопросомъ, всѣ, начиная съ герцога де-Граммона, были твердо убѣждены что гора разрѣшится мышью; излишне было бы прибавлять что всѣ желали такого исхода.

IV.

Но гора, какъ извѣстно, не разрѣшилась мышью. Въ тотъ день когда война была объявлена между Франціей и Германіей, Эдмондъ де-Робервиль, вмѣстѣ съ женой и тещей, обѣдалъ у родственника своего г. де-Сенъ-Клера, префекта города ***. Г. де-Сенъ-Клеръ, когда-то легитимистъ, олицетворялъ собою вполнѣ типъ администратора второй имперіи. Его манеры отличались большою изысканностію, съ нѣкоторою при-

мѣсью придворнаго лоска; когда при немъ произносилось священное для него имя императора Французовъ, всѣ черты лица, поза, малѣйшій жестъ его выражали благоговѣніе, достигшее своихъ крайнихъ предѣловъ. Нужно было слышать какъ онъ выговаривалъ слова: Sa Majesté; c'est le desir de Sa Majesté; c'est entrer dans les vues de Sa Majesté и т. д., ими высказывалось рѣшительно все: преданность, самоотверженіе, мало того, полное самозабвеніе, глубокое пониманіе долга, все однимъ словомъ. Г. де-Сенъ-Клеръ, какъ всѣ служебные дѣятели, облеченные личнымъ довѣріемъ императора, прежде всего домогался популярности. Для достиженія ея онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, хорошо зная что только этою популярностью онъ можетъ добиться тѣхъ результатовъ за которые Наполеонъ III такъ щедро награждалъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ этихъ результатовъ было между прочимъ избраніе, въ подвѣдомственныхъ ему департаментахъ, офиціальныхъ кандидатовъ во время выборовъ въ законодательное собраніе. Слѣдуя духу второй имперіи, г. де-Сенъ-Клеръ любилъ женщинъ подозрительнаго поведенія, роскошь, удовольствія и слѣдовательно деньги, безъ которыхъ всѣ эти блага немыслимы. Чтобы добыть послѣднія въ количествѣ соразмѣрномъ его прихотямъ и затѣямъ, онъ занимался биржевыми спекуляціями и вслѣдствіе этого часто ѣздилъ въ Парижъ, куда его также тянула одна изъ танцовщицъ опернаго кордебалета, состоявшая у него на содержаніи. Повторяю, все это было въ духѣ второй имперіи, и никто въ департаментѣ не порицалъ за то своего префекта.

Въ день объявленія войны, о которомъ въ *** узнали впрочемъ только вечеромъ, у г. де-Сенъ-Клера обѣдало нѣсколько почетныхъ гостей: бригадный генералъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ, городской меръ, префектъ сосѣдняго департамента, главный сборщикъ податей, директоръ мѣстнаго банка и т. д. Разговоръ шелъ о наиболѣе вѣроятномъ исходѣ переговоровъ между Эмсомъ и Парижемъ; военные и за ними Эдмондъ де-Робервиль считали войну неминуемою, статскіе, les pekins, все еще надѣялись на возможность мира, одинъ хозяинъ осторожно молчалъ. Положеніе его, sa position de haut fonctionnaire, не позволяло ему излагать свое мнѣніе о такомъ щекотливомъ вопросѣ.

— Эхъ, господа, сказалъ онъ наконецъ,—зачѣмъ заглядывать въ будущее? Исходъ настоящихъ переговоровъ, каковъ бы онъ ни былъ, все-таки послужитъ къ славѣ великой націи и ея

достойнаго императора, и потому выпьемте лучше за его здоровье.

Гости приподняли было свои бокалы, но въ эту минуту префекту подана была телеграмма. Онъ прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ, затѣмъ всталъ, обвелъ глазами своихъ гостей и торжественно произнесъ слѣдующую фразу:

— Господа, Франція, чувствуя себя оскорбленною Пруссіей, объявила ей сегодня войну. Да здравствуетъ императоръ, да здравствуетъ Франція!

— Да здравствуетъ императоръ, да здравствуетъ Франція! повторили за нимъ всѣ гости.

Любопытно было посмотрѣть на нихъ въ эту минуту; нѣкоторые прослезились, другіе начали обнимать другъ друга; у всѣхъ зашевелилась патріотическая фибра, заставившая въ этомъ случаѣ самого г. де-Сенъ-Клера разстаться со своею офиціальною невозмутимостію.

Когда впечатлѣніе произведенное этимъ потрясающимъ извѣстіемъ нѣсколько изгладилось, гости принялись разсуждать о предстоящей кампаніи.

— Однако жаль, господа, замѣтилъ генералъ,—война будетъ ужь черезчуръ коротка; намъ вѣдь достаточно двухъ сраженій чтобъ открыть себѣ дорогу до Берлина.

— А я такъ думаю что и этихъ двухъ сраженій не будетъ, сказалъ г. де-Сенъ-Клеръ,—мнѣ почему-то представляется будущая кампанія въ видѣ военной прогулки.

— Прогулки съ препятствіями, г. префектъ.

— Разумѣется, но все же прогулка.

— Правда ли что разказываютъ про митральезы? спросила княгиня,—если вѣрить слухамъ, это настоящія адскія машины.

— Болѣе чѣмъ адскія, но мы врядъ ли пустимъ ихъ въ дѣло, furia francese не допуститъ до того.

— Достаточно будетъ французскихъ штыковъ чтобъ истребить всѣхъ этихъ негодяевъ, воскликнулъ Эдмондъ де-Робервиль.

Здѣсь присутствовавшія на обѣдѣ дамы сочли за долгъ вступиться за этихъ негодяевъ.

— Пощадите ихъ, господа, вѣдь они такіе же люди какъ и вы и нисколько не виноваты что ихъ заставляютъ драться противъ васъ.

— Успокойтесь, Mesdames, французскій солдатъ страшенъ

только на полѣ сраженія; для побѣжденныхъ и раненыхъ онъ исполненъ великодушія.

При прощаніи генералъ подошелъ къ гжѣ де-Робервиль и спросилъ не будетъ ли у нея какихъ-нибудь порученій въ Берлинъ.

— Ужь если вы такъ любезны, mon général, то я попрошу васъ купить мнѣ нѣсколько фунтовъ разноцвѣтной шерсти; она тамъ превосходнаго качества.

Алина де-Робервиль сказала это совершенно серіозно: она была твердо убѣждена что стоящій предъ нею генералъ точно недѣли черезъ двѣ будетъ въ Берлинѣ, и вотъ во время одной изъ своихъ прогулокъ онъ войдетъ въ магазинъ и купитъ для нея разноцвѣтной шерсти. Но кого не охватило въ то время, и это конечно не въ одной Франціи, полное ослѣпленіе насчетъ возможныхъ результатовъ предстоящей войны? Ослѣпленіе это было такъ велико у жителей *** что когда они прочли воззваніе Наполеона III къ Французскому народу, въ которомъ онъ между прочимъ предупреждалъ его что война будетъ и тяжка, и продолжительна, они нисколько не призадумались надъ этими двумя прилагательными.

„Ясно, рѣшили они, что императоръ хочетъ возвысить Пруссаковъ въ нашихъ глазахъ, показать ихъ болѣе опасными чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ, потому что какая же слава побѣждать безсильнаго врага; à vaincre sans peril, on triomphe sans gloire.“

На другой день послѣ объявленія войны, въ мирномъ и спокойномъ *** царствовали необыкновенныя пестрота и оживленіе. Всѣ дома были увѣшены флагами, по улицамъ проходили разныя делутаціи отправляющіяся къ префекту, къ воинскому начальнику, въ казармы, для поощренія солдатъ и т. д. Ихъ сопровождала цѣлая толпа, неистово кричавшая: „Да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Франція! долой Прусаковъ! долой Бисмарка! Въ Берлинъ, въ Берлинъ!“ Никогда популярность Наполеона III не достигала такихъ огромныхъ размѣровъ какъ въ первые дни послѣ объявленія войны; всѣ видѣли въ немъ защитника отечества, народной чести, будущаго побѣдителя ненавистныхъ Прусаковъ; его прославляли даже враждебныя ему партіи, и все это за какой-нибудь мѣсяцъ до Седана, то-есть до того постыднаго для него дня когда онъ упалъ такъ низко во мнѣніи Французовъ, какъ никогда не падалъ ни одинъ

изъ его предшественниковъ. О, суета и превратность всего мірскаго!

Принимая делутацію, г. де-Сенъ-Клеръ произносилъ подобающія въ такомъ случаѣ рѣчи: хвалилъ патріотизмъ жителей ***, преданность ихъ императору, настаивалъ на необходимости жертвъ, обѣщалъ войнѣ самый блистательный исходъ и т. д. Онъ былъ большой мастеръ на подобныя импровизаціи; зналъ гдѣ возвышать голосъ и гдѣ понизить его, гдѣ заставить его задрожать, какой жестъ употребить при произнесеніи той или другой фразы. Это умѣнье онъ пріобрѣлъ въ адвокатурѣ, которою началъ свою карьеру. Въ настоящемъ случаѣ голосъ его почти постоянно дрожалъ, но волненіе обнаруженное имъ было совершенно офиціальнаго закала; личный энтузіазмъ его не пережилъ перваго впечатлѣнія испытаннаго имъ наканунѣ.

Нѣсколько дней послѣ того, дивизія расположенная въ *** получила приказъ выступать. Солдаты начали собираться въ походъ, но какъ-то нехотя и противъ воли; на это обстоятельство никто въ то время не обратилъ вниманія. Они конечно старались скрыть это чувство отъ посторонихъ, но есть несомнѣнныя доказательства что оно существовало, и такъ было въ большинствѣ французской арміи. Иначе собиралась она въ походъ предъ Крымскою и другими кампаніями; правда что въ то время дисциплина еще не ослабѣла, * офицеры усерднѣе занимались службой, ревностнѣе заботились о благосостояніи своихъ солдатъ; наконецъ въ то время революціонная партія не успѣла еще распространить между нижними чинами свои зловредныя теоріи. Достовѣрно одно, что въ 1870 году во французской арміи существовали серіозные признаки разложенія, которымъ только такіе генералы какъ Лебёфъ и К° могли не придавать значенія; эти признаки, какъ извѣстно, обнаружились во всей своей силѣ послѣ первыхъ же пораженій.

Торжественно проводивъ защитниковъ отечества на станцію желѣзной дороги, жители *** притихли на время и стали ожидать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ извѣстій съ театра войны.

---

* Дисциплина начала ослабѣвать во французской арміи въ 1859 году, послѣ Италіянской войны.

V.

Нетерпѣніе подвергалось всевозможнымъ испытаніямъ въ продолженіе трехъ недѣль, показавшихся вѣчностью. Наконецъ получено было извѣстіе о побѣдѣ при Саарбрюккенѣ, которая никого особенно не поразила и не обрадовала. Ее не только нашли совершенно естественною, но и слишкомъ мизерною въ сравненіи съ тѣми блистательными побѣдами на которыя разчитывала вся Франція, тотчасъ же послѣ открытія кампаніи. Тѣмъ не менѣе, въ честь ея, г. де-Сенъ-Клеръ далъ большой обѣдъ, на который пригласилъ всѣхъ почтенныхъ лицъ ввѣреннаго ему города. Во время заздравныхъ тостовъ онъ произнесъ спичъ въ которомъ сказалъ между прочимъ что эта побѣда, какъ бы она ни была незначительна, воодушевитъ храброе французское войско и приготовитъ его, какъ нельзя лучше, къ тому полному уничтоженію прусской арміи которому суждено совершиться, что моральные результаты взятія Саарбрюккена гораздо важнѣе чѣмъ они кажутся на первый взглядъ, что Наполеонъ III будетъ на полѣ брани достойнымъ преемникомъ своего безсмертнаго дяди и т. д.

Онъ еще не докончилъ своего спича какъ ему подана была телеграмма, точь-въ-точь какъ въ день объявленія войны. Извиняясь предъ своими гостями, онъ послѣпно распечаталъ и нѣсколько минутъ просидѣлъ въ глубокомъ раздумьи и затѣмъ всталъ съ грустнымъ, но рѣшительнымъ видомъ.

— Господа, сказалъ онъ,—я имѣю сообщить вамъ печальную новость.

— Что такое, г. префектъ? Какое-нибудь семейное горе? Откройте намъ его, вы найдете въ насъ полное сочувствіе....

— Нѣтъ, господа, это горе касается не одного меня, а васъ и всего нашего возлюбленнаго отечества....

— Говорите, ради Бога, г. префектъ.

— Это горе, впрочемъ, легко исправимо, оно уязвляетъ только, да и то немного, наше народное самолюбіе. Мнѣ телеграфируютъ что Прусаки вчерашній день взяли приступомъ нашу крѣпость Вейсембургъ....

— Не можетъ быть! вырвалось у всѣхъ гостей.

— Генералъ Дуэ убитъ; пятьсотъ плѣнныхъ, одно орудіе и весь нашъ лагерь достались непріятелю.

Въ залѣ водворилось гробовое молчаніе, длившееся нѣсколько минутъ; его прервалъ префектъ.

— Я хотѣлъ скрыть отъ васъ это извѣстіе, сказалъ онъ,—но это значило бы сомнѣваться въ вашемъ патріотизмѣ, который въ этомъ случайномъ пораженіи долженъ видѣть лишь минутное торжество нашего врага; это торжество, впрочемъ, очень сомнительно и скорѣе на сторонѣ нашихъ храбрыхъ солдатъ, которые въ этомъ случаѣ дрались одинъ противъ девяти.

— Но зачѣмъ же начальство не знало о присутствіи такого многочисленнаго войска, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Вейсембурга?

— Это, конечно, непростительная оплошность съ его стороны, но она сдѣлаетъ его осторожнѣе на будущее время, и въ добавокъ, кольнетъ самолюбіе нашихъ молодцовъ. Повѣрьте что пораженіе имѣетъ точно такіе же моральные результаты какъ и блистательная побѣда. Вы увидите что слѣдующая телеграмма принесетъ намъ самыя радостныя извѣстія; я готовъ поклясться въ томъ.

Но два дня послѣ обѣда даннаго префектомъ, телеграфъ извѣстилъ жителей *** объ изгнаніи Французовъ изъ Саарбрюккена, вслѣдъ затѣмъ пришли извѣстія о дѣлѣ при Форбахѣ, въ которомъ былъ разбитъ корпусъ генерала Фроссара, о приближеніи Прусаковъ къ Мецу и т. д. Всѣ эти извѣстія, столь противоположныя тѣмъ которыхъ они ожидали, распространили между ними уныніе и тоску, за которыми скоро послѣдовалъ открытый ропотъ противъ императора и его сподвижниковъ. Слова „измѣна“, „продажа непріятелю“ стали произноситься все чаще и громче; стали обвинять самого префекта, который тутъ былъ рѣшительно не при чемъ, но извѣстно что Французы любятъ сваливать свои неудачи на чужія плечи, и это безъ всякаго разбора. Положеніе его въ то время было болѣе чѣмъ непріятно; онъ опасался революціи и между тѣмъ не имѣлъ никакихъ средствъ подавить ее; бо́льшая часть мобилей, которымъ была поручена защита города, не получили еще своихъ ружей изъ военнаго депо; въ добавокъ эти мобили, которые знали о дисциплинѣ только по наслышкѣ, открыто братались, fraternisaient, съ недовольными на улицѣ и въ кофейняхъ, гдѣ они проводили бо́льшую часть своего времени. Въ случаѣ безпорядковъ, можно было разчитывать на однихъ городовыхъ сержантовъ, но ихъ было ужъ слишкомъ мало, всего пятьдесятъ человѣкъ. Непопулярность бѣднаго де-Сенъ-Клера

росла между тѣмъ не по днямъ, а по часамъ. Однажды его карету закидали грязью, онъ сунулся было въ окно, но получивъ комокъ грязи въ самое лицо, приказалъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе. Толпа сопутствовала его криками: „измѣнникъ, обманщикъ, Наполеоновскій блюдолизъ, долой его!“ „Господи, думалъ онъ въ тотъ вечеръ, шагая вдоль и поперекъ по своему префекторальному кабинету, son cabinet préfectoral, хотя бы малѣйшая побѣда, такая побѣда, напримѣръ, какъ при Саарбрюккенѣ, это было бы единственное средство предупредить самыя ужасныя можетъ-быть послѣдствія.“

Но вмѣсто побѣды, ему принесли однажды извѣстіе что прусскіе развѣдчики показались въ пяти километрахъ отъ ***.

„Собрать немедленно военный совѣтъ“, приказалъ онъ.

Военный совѣтъ состоялъ изъ одного стараго генерала, изъ начальника мобилей и его офицеровъ, между которыми былъ только одинъ настоящій военный, какой-то отставной подпоручикъ; всѣ прочіе были статскіе, произведенные въ настоящіе свои чины единственно по протекціи.

— Господа, сказалъ г. де Сенъ-Клеръ, когда военный совѣтъ собрался,—непріятель у нашихъ воротъ, что вы думаете предпринять для защиты города?

— Что же можно предпринять для защиты открытаго города? отвѣтилъ генералъ.

— Не сдаваться же намъ, какъ Наполеонъ, четыремъ уланамъ?

— Конечно нѣтъ! воскликнулъ начальникъ мобилей, l'honneur avant tout.

— L'honneur avant tout! повторили за нимъ всѣ его офицеры.

— Ежели спасать только честь, а не городъ, возразилъ на это генералъ,—то всѣ средства хороши, лишь бы было сопротивленіе съ нашей стороны.

— Но все же надо заранѣе составить какой-нибудь планъ дѣйствія...

— Позвольте... есть можетъ-быть средство нѣсколько уравновѣсить наши шансы противъ Прусаковъ?

— Какое же это средство, генералъ?

— А просто допустить непріятеля на близкое разстояніе, да завязать съ нимъ рукопашный бой; этимъ мы по крайней мѣрѣ причинимъ ему уронъ, хотя конечно не спасемъ города. Для рукопашнаго боя не требуется ни пушекъ, которыхъ мы не имѣемъ, ни ружей, которыя намъ выслали въ недостаточномъ

количествѣ, да и то старинnаго образца. Я уже не разъ телеграфировалъ о нихъ военному министру, но въ послѣднее время онъ не удостоиваетъ меня даже отвѣтомъ; не до насъ видно ему теперь. Обойдемся какъ-нибудь и безъ него; въ городѣ холоднаго оружія много, а съ нимъ сумѣютъ справиться даже наши moblots; * но предлагаемый мною рукопашный бой не долженъ мѣшать тѣмъ изъ обывателей которые имѣютъ ружья пожертвовать ими для общей пользы. Ну что вы скажете на это, господа? Одобряете ли вы мой планъ или нѣтъ?

— Что касается до меня, отвѣтилъ префектъ,—то я одобряю его вполнѣ; лучшаго нельзя и придумать въ нашемъ критическомъ положеніи.

То же самое подтвердили начальникъ мобилей и всѣ его офицеры.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же прикажу ударить тревогу.

Пока били тревогу, префектъ отправился въ городскую ратушу, гдѣ его ожидали члены муниципальнаго совѣта. Почти всѣ они были домовладѣльцы и потому подняли страшный протестъ, лишь только онъ заговорилъ о необходимости сопротивленія.

— Да вѣдь наше сопротивленіе будетъ только такъ, для одной формы, сказалъ онъ наконецъ.

— Какъ это для формы, г. префектъ?

— Единственно чтобы не сказали что вотъ городъ *** сдался безъ боя непріятелю, какъ Нанси; вамъ конечно извѣстно что Нанси, своею трусливостью, наложилъ на себя вѣчное пятно; неужели мы послѣдуемъ его примѣру?

— Все это не объясняетъ намъ, г. префектъ, какимъ образомъ вы предполагаете дѣйствовать чтобы...

— А вотъ какъ. Вы знаете что всѣ наши дороги перерыты на далекое разстояніе отъ города и въ добавокъ завалены огромными пнями и деревьями; вы знаете также что всѣ окрестные мосты взорваны. Эти препятствія не ломаютъ конечно Прусакамъ завладѣть городомъ, но они все-таки задержатъ ихъ наступленіе и не допустятъ сразу приблизиться къ намъ на пушечный выстрѣлъ. ** Покуда они будутъ про-

* Такъ называли мобилей въ насмѣшку.

** Эти препятствія не задержали бы Прусаковъ ни на одну минуту. Городъ лежитъ въ плоской равнинѣ, по которой не дорогами такъ лугами можно подойти къ самому городу. На всѣ эти испорченныя шоссе,

чищать дороги и разводить свои мосты, наши мобили завяжутъ съ ними перестрѣлку, вступятъ, ежели нужно, въ рукопашный бой....

— Въ отмщеніе котораго разъяренные Прусаки непремѣнно сожгутъ и разграбятъ нашъ городъ.

— Нисколько, повѣрьте. Сопротивляясь въ этомъ случаѣ, мы ни на волосъ не нарушаемъ законы войны; къ тому же отступленіе съ нашей стороны начнется лишь только признано будетъ что мы сдѣлали все что отъ насъ зависѣло для спасенія города, ну а для этого потребуется гораздо меньше кровопролитія чѣмъ вы можетъ-быть думаете. Долгъ нашъ будетъ исполненъ, и нѣсколько дней спустя мы вѣроятно прочтемъ въ *Офиціальномъ Журналѣ* что городъ ***, своею геройскою защитой оказалъ заслугу отечеству, — объ императорѣ префектъ не счелъ нужнымъ упоминать: — въ донесеніи же своемъ я не премину помѣстить что на необходимости сопротивленія болѣе всѣхъ настаивали гг. члены муниципальнаго совѣта. Ежели вы хотите, я помѣщу даже въ немъ ваши фамиліи.

Это предложеніе разсѣяло послѣднія сомнѣнія осторожныхъ членовъ.

— Что же, рѣшили они,—сопротивляться, такъ сопротивляться, nous sommes Français après tout, дѣйствуйте какъ лучше знаете, г. префектъ, но не забудьте что въ случаѣ сожженія нашихъ домовъ Прусаками, страховое общество не заплатитъ намъ ни одного сантима.

— Будьте покойны, господа, ваши интересы мнѣ очень близки къ сердцу.

Покончивъ съ ними, префектъ воротился домой, заперся въ своей спальнѣ и вышелъ оттуда черезъ четверть часа переодѣтый въ охотничій костюмъ, напоминающій нѣкоторыя картинки парижскихъ модныхъ журналовъ. Тирольская шляпа à la Freyshutz, хорошенькая жакетка, veston, перетянутая лаковымъ кушакомъ, шаровары, шпоры, патронташъ, ножъ, все въ этомъ костюмѣ было безукоризненно и шикарно, le chic du vrai sportsman; въ правой рукѣ г. де-Сен-Клеръ держалъ превосходное ружье Зевима. * Изъ спальни онъ направился прямо въ канцелярію префектуры..

порубленыя деревья и взорванные мосты Французы были особенно падки въ то время, бо́льшею частью безъ всякой нужды, а иногда для одного удовольствія разрушать.

* Лучшій оружейный мастеръ въ Парижѣ.

— Господа, крикнулъ онъ своимъ подчиненнымъ, qui m'aime— me suive!

Подчиненные его, предувѣдомленные заранѣе, успѣли вооружиться кто какъ могъ. Они не заставили префекта ловторить свое приглашеніе и поспѣшили за нимъ на главную площадь, гдѣ въ эту минуту собирались народъ и войско. И кто смотря на это войско не пожалѣлъ бы о жителяхъ ***, вынужденныхъ довѣрять ему свою защиту?

Оно состояло изъ двухъ баталіоновъ мобилей, на двѣ трети необмундированныхъ; отъ обыкновенныхъ смертныхъ они отличались однимъ кепи изъ чернаго сукна съ чуть замѣтнымъ краснымъ околышемъ. Въ рядахъ ихъ можно было замѣтить представителей разныхъ слоевъ общества: поселянъ, работниковъ, фабричныхъ, ремесленниковъ, нѣсколько солдатъ бѣжавшихъ изъ плѣна; однихъ нищихъ только не было. Смотря на ихъ испитыя и пахальныя физіономіи, на ихъ изодранное или засаленное платье, на ихъ дырявые сапоги, каждый отвернулся бы съ отвращеніемъ, нисколько не подозрѣвая что Франціи очень скоро придется, для защиты своей, разчитывать на однихъ этихъ жалкихъ вошивъ.

Начальникамъ ихъ стоило не малаго труда чтобы построить ихъ въ развернутый фронтъ; напрасно кричали они: en avant, tonnere du diable, en avant! appuyez sur votre droite, appuyez sur votre gauche, serrez vos rangs и т. д., мобили путались, цѣплялись другъ за друга, спотыкались и даже падали. Наконецъ фронтъ составился, хотя съ грѣхомъ пополамъ, и въ эту самую минуту префектъ со своими подчиненными показался на площади. Генералъ сейчасъ же подскакалъ къ нему.

— Вотъ что я называю настоящимъ патріотизмомъ, воскликнулъ онъ,—браво, браво! г. префектъ, ну куда вы прикажете васъ назначить?

— На самый опасный пунктъ, генералъ.

— Въ такомъ случаѣ я совѣтую вамъ отправиться со своими въ лѣсокъ который лежитъ въ двухъ километрахъ отсюда: отличный обсерваціонный пунктъ. Въ провожатые я вамъ дамъ опытнаго унтеръ-офицера, который объяснитъ вамъ какъ нужно наблюдать за непріятелемъ; въ случаѣ же нападенія, мы будемъ близко и сейчасъ же прилетимъ на выручку.

Г. де-Сенъ-Клеръ направился въ назначенный ему лѣсокъ; народъ и „войско“ прокричали ему вслѣдъ: „Да здравствуетъ

г. префектъ! Честь и слава г. префекту!" Патріотическая его выходка воротила ему на минуту; но только на минуту, всю прежнюю его популярность; по минованіи опасности надъ нею много смѣялись въ ***.

Опасность эта была впрочемъ чисто воображаемая: прусскіе развѣдчики удалились, и къ утру, вмѣсто ожидаемыхъ Прусаковъ, пришло вовсе неожиданное извѣстіе о Седанскомъ погромѣ и о плѣненіи Наполеона. Чтобы понять всю горечь впечатлѣнія произведеннаго имъ, нужно припомнить что Французы ожидали самыхъ блестящихъ результатовъ отъ соединенія корпуса Макъ-Магона съ корпусомъ Базена. Они твердо разчитывали что Прусаки попадутся въ приготовленную имъ западню и непремѣнно будутъ раздавлены, но вмѣсто того самъ Макъ-Магонъ попался въ западню, и ежели его корпусъ не былъ раздавленъ, то единственно благодаря трусости Наполеона III, трусости безпримѣрной въ исторіи. Какое жестокое возвращеніе изъ фантастическаго міра иллюзій и ни на чемъ не основанныхъ надеждъ къ горькой дѣйствительности!

Послѣ Седана во Франціи впервые раздались роковыя слова: „мы пропали"; это было твердое убѣжденіе всѣхъ, за исключеніемъ развѣ Гамбетты, l'ardent lion; увѣряютъ впрочемъ что въ то время, даже онъ смотрѣлъ довольно безнадежно на положеніе дѣлъ, правда онъ не былъ еще диктаторомъ. Въ *** всѣ дамы облеклись въ глубокій трауръ; по просьбѣ ихъ, мѣстные священники, для спасенія отечества, начали служить обѣдни, девятины, neuvaines, и разные молебны въ несмѣтномъ количествѣ. Узнавъ о плѣненіи своего властелина, г. д. Сенъ-Клеръ, заперся въ своемъ префекторальномъ кабинетѣ и просидѣлъ въ немъ цѣлыя сутки.

„Служите же послѣ этого такому господину, думалъ онъ, а вовсе отречься отъ него все-таки не слѣдуетъ: онъ такъ ловокъ, что легко можетъ воротить себѣ престолъ. Надо какъ-нибудь лавировать между нимъ и новымъ правительствомъ, опредѣлить которое въ настоящую минуту такъ трудно. Я не вѣрю чтобы регентство могло продержаться, императрица слишкомъ непопулярна и въ добавокъ окружена вовсе неспособными людьми; вѣрнѣе всего что будетъ одинъ изъ Орлеанскихъ принцевъ или можетъ-быть республика; но какъ бы то ни было, лавировать необходимо; il faut ménager la chèvre et le chou."

Этой системы, какъ извѣстно, придерживается по сю пору большинство бонапартистовъ; несмотря на возрастающую во

Франціи непопулярность Наполеона, эти господа все еще вѣрятъ въ возможность его возвращенія и потому не отрекаются отъ него вполнѣ даже въ тѣхъ случаяхъ когда поступаютъ на службу къ нынѣшнему правительству, что случается съ ними все чаще и чаще.

Въ незабвенный день 4го сентября, въ 8 часовъ вечера, жители *** узнали что въ Парижѣ провозглашена республика; это извѣстіе обрадовало ихъ, какъ радуетъ дѣтей новая игрушка. Они начали величать другъ друга „гражданиномъ“ citoyen, переименовали нѣсколько улицъ: улицу 2го декабря въ улицу 4го сентября, улицу императрицы въ улицу Жюля Фавра и т. д., поколотили городовыхъ сержантовъ, побили нѣсколько стеколъ, исполнили, однимъ словомъ, въ точности все что принято исполнять во Франціи послѣ провозглашенія каждой республики. Совершивъ эти необходимыя прелиминаріи, они принялись разсуждать о благихъ послѣдствіяхъ перемѣны формы правленія для отечества.

— Одна республика, разсуждали они,—можетъ поправить ошибки имперіи и породить въ сердцѣ каждаго изъ насъ тотъ священный огонь который въ 1792 году превратилъ въ героевъ необученныхъ и оборванныхъ волонтеровъ, высланныхъ для защиты нашей границы.

— Но вѣдь въ то время непріятель еще не былъ въ предѣлахъ Франціи? возражали на это скептики.

— Это ничего не значитъ, ежели для изгнанія его потребуется патріотизмъ Растопчина, le patriotizme de Rostoptshine, то-есть ложары и раззореніе, за нами дѣло не станетъ.

— Очень сомнительно чтобъ этотъ родъ патріотизма понравился нашимъ домовладѣльцамъ? возражаютъ тѣ же скептики.

— Ихъ заставятъ согласиться на эту необходимую жертву и т. д.

Что касается до г. де-Сенъ-Клера, то онъ поспѣшилъ подать въ отставку, во избѣжаніе предложенія объ оной со стороны новаго министра, и затѣмъ отправился въ Виши, въ водахъ котораго нисколько не нуждалось его очень крѣпкое здоровье. Но Виши очень пріятное мѣсто, въ которомъ послѣ Седана и республики пріютились многіе, въ тревожномъ ожиданіи что дальше будетъ.

VI.

Въ деревнѣ Бокуръ между тѣмъ царствовала полная неурядица какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Меръ, отъ природы робкій человѣкъ, совершенно потерялъ голову съ той самой минуты какъ Прусаки вступили на почву Шампаньи, члены муниципальнаго совѣта послѣдовали его примѣру и мало-по-малу прекратили свои совѣщанія въ ратушѣ, такъ что несчастная община осталась подъ конецъ безъ всякаго управленія и въ добавокъ безъ всякаго полицейскаго надзора, такъ какъ охраняющіе ее жандармы были вытребованы въ дѣйствующую армію. На всѣ эти упущенія высшее начальство не обратило никакого вниманія, хотя они ему были вполнѣ извѣстны.

Полевыя и другія работы совершенно прекратились въ то время; почти весь хлѣбъ стоялъ на корню съ пустыми колосьями; по немъ безпрепятственно ходили скоть и домашняя птица. На такое жалкое состояніе своихъ полей крестьяне смотрѣли съ какимъ-то апатическимъ равнодушіемъ: „Къ чему намъ работать, говорили они, когда бѣгство неминуемо и плоды нашихъ трудовъ достанутся варварамъ?“ Въ невѣжествѣ своемъ касательно всего иностраннаго, они представляли себѣ Прусаковъ чуть что не людоѣдами....

Въ мѣстную телеграфную контору стали то-и-дѣло заходить разныя, подозрительнаго вида личности, которыя съ жадностью спрашивали извѣстій изъ Парижа: не дерутся ли тамъ, не строятъ ли тамъ баррикады! Когда имъ отвѣчали что въ столицѣ все спокойно, онѣ опускали голову и удалялись съ очень замѣтною досадой и раздраженіемъ.... Не трудно было догадаться что это были за личности, но на прописки ихъ смотрѣли съ тѣмъ же апатическимъ равнодушіемъ: „Красные“, шептались между собой жители....

Въ замкѣ де-Бокуръ состояніе умовъ было нисколько не отраднѣе. Съ самаго вторженія непріятеля во Францію княгиня перестала получать изъ Россіи какъ письма, такъ и доходы свои.... Послѣднее обстоятельство было тѣмъ болѣе печально что запасной суммы у нея не было, война могла продлиться Богъ знаетъ еще какъ долго; занять же въ это критическое

время было чрезвычайно затруднительно, даже подъ залогъ драгоцѣнностей. Однажды впрочемъ она получила тратту на Лондонъ, но мѣстный банкиръ рѣшительно отказался выплатить ло ней.

Кромѣ опасенія скораго безденежья, у бѣдной княгини были еще другія заботы самаго тревожнаго свойства. Дочь ея была беременна и до такой степени запугана мыслью о скоромъ нашествіи Прусаковъ что всѣ серіозно опасались за участь ея ребенка. Самъ докторъ былъ такого мнѣнія что онъ родится или идіотомъ, или уродомъ, можетъ-быть и мертвымъ. Эдмонда могли ежеминутно потребовать на службу, и тогда что̀ станется съ ними? Одни, безъ денегъ, безъ защитника, на чужой землѣ, подверженной всѣмъ бѣдствіямъ войны и внутренняго раздора, какая ужасная перспектива! Всѣ эти тревожныя мысли пораждали у нея почью страшные кошмары, отъ которыхъ она просыпалась съ пронзительнымъ крикомъ, на который тотчасъ же прибѣгала страдавшая въ то время безсонницей Алина.

— Что̀ съ вами, maman? спрашивала она дрожащимъ голосомъ.

— Ничего, мой другъ, успокойся, это я во снѣ....

— Вамъ вѣроятно снились Прусаки?

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ что-нибудь, успокойся пожалуста.

Но Алина не хотѣла успокоиться; она начинала плакать, увѣрять что все это сведетъ ее въ могилу, что она ничѣмъ не заслужила такую горькую участь и т. д. Въ напрасныхъ стараніяхъ утѣшить ее бѣдная мать иногда проводила остальную часть ночи.

Что касается до Эдмонда де-Робервиля, то его неспокойный и безъ того характеръ сдѣлался еще неспокойнѣе въ несчастіи. Обманутый въ своихъ надеждахъ на блистательныя побѣды, разочарованный въ своей вѣрѣ въ геніальныя способности Наполеона, вынужденный сознавать ложность своихъ политическихъ убѣжденій, отчего жестоко страдало его самолюбіе, онъ сдѣлался утрюмъ, придирчивъ и раздражителенъ до неприличія. Накипѣвшую у него желчь онъ безъ церемоніи разливалъ на всѣхъ окружающихъ его, своихъ и чужихъ. Мера онъ публично и въ лицо называлъ коллакомъ и мокрою курицей, помощниковъ его онъ распекалъ безъ всякаго на то права, полеваго сторожа онъ ругалъ самыми неприличными словами и т. д. И все это ему процалось потому что онъ былъ родственникъ префекта, что̀

въ глазахъ простодушныхъ Бокурцевъ придавало его личности огромное обаяніе. Но за то, когда была провозглашена республика, и г. де-Сенъ-Клеръ вышелъ въ отставку, они, несмотря на свой упадокъ духа, угостили Эдмонда кошачьимъ концертомъ, по окончаніи котораго была пропѣта хоромъ извѣстная демагогическая лѣсня:

Ah! ça ira, ça ira, ça ira.
Les aristocrates à la lanterne.

Что только вынесли жена и теща его во время этой адской музыки, одному Богу извѣстно. Воображенію ихъ вдругъ представились всѣ ужасы террора: арестованіе Эдмонда, приведеніе его предъ грозный революціонный комитетъ, le comité revolutionnaire, заточеніе въ Консьержери, гдѣ содержалась Марія Антуанетта, и наконецъ проѣздъ въ тряской телѣгѣ къ страшной гильйотинѣ.

— Ахъ, maman, плакала Алина, — онъ такой вспыльчивый, позабудетъ что теперь республика, обругаетъ ихъ и непремѣнно себя погубитъ.

Но Эдмондъ, несмотря на свою ограниченность, былъ дипломатъ въ своемъ родѣ и отлично умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ, когда того требовала необходимость. Онъ неожиданно притихъ и ступшевался, какъ только лишился своего покровителя, и положительно сталъ заискивать у мера, у помощника его, у полеваго сторожа, у всѣхъ, однимъ словомъ....

Видя такое смиреніе его, Бокурцы великодушно простили ему всѣ старыя прегрѣшенія его противъ нихъ.

VII.

Однажды, это было уже въ концѣ октября, Эдмонъ де-Робервиль сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и грустно помышлялъ о томъ что котелекъ у княгини пустѣетъ, надежда на тратты самая плохая, а тратить все-таки приходится, хотя бы на домашніе расходы. Въ то время въ замкѣ его стали проявляться тѣ первые признаки безденежья, которые такъ трудно сносятъ люди привыкшіе ежели не къ роскоши, то къ обилію. Уменьшеніе топлива, замѣнъ стеариновыхъ свѣчъ экономическими, скудный столъ, дешевыя сигары, разныя притѣсненія со стороны мелкихъ кредиторовъ: булочника, мясника, лавочника и т. д. „Чортъ знаетъ что такое, думалъ Эдмондъ, вѣдь

ежели это затянется, положительно придется умирать съ голода и съ холода. Надо непремѣнно продать что-нибудь, лошадей, экипажи, но кто теперь купитъ?...“

Нить его тяжкихъ размышленій прервалъ въ эту минуту слуга.

— Monsieur, объявилъ онъ, — къ вамъ пожаловалъ какой-то капитанъ подвижной гвардіи.

— Просите, сказалъ Эдмондъ, нѣсколько озадаченный этимъ посѣщеніемъ,—ужь не на службу ли меня? подумалъ онъ.

Въ комнату вошелъ офицеръ среднихъ лѣтъ, очень пріятной наружности, съ иглообразными усами, бородкой и тѣмъ особеннымъ шикомъ во всѣхъ движеніяхъ которымъ отличались военные второй имперіи. Онъ вѣжливо поклонился и отрекомендовалъ себя такимъ образомъ:

— Капитанъ Реньеръ, служилъ долго dans le 87 de ligne,* потомъ въ отставкѣ, въ настоящее время въ такомъ-то баталіонѣ подвижной гвардіи.

— Чрезвычайно пріятно съ вами познакомиться, сказалъ Эдмондъ, — я самъ долгое время служилъ въ военной.... Чему я обязанъ честью вашего посѣщенія?

— Я пробуду можетъ-быть здѣсь нѣкоторое время и потому счелъ долгомъ сдѣлать вамъ визитъ.

— Мнѣ очень лестно.... Вы конечно прибыли сюда съ какимъ-нибудь порученіемъ....

— Да; мнѣ предписано изучить здѣшнюю мѣстность, и въ виду весьма вѣроятнаго нашествія Прусаковъ, привести ее въ оборонительное положеніе. Въ военныхъ сферахъ деревня Бокуръ считается стратегическимъ пунктомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же вы думаете предпринять?

— Разрушить мосты, ежели таковые имѣются у васъ, перерыть дороги, устроить караулы, ночные патрули и т. д.; со мною здѣсь рота мобилей и два инженера.

— У насъ всего одинъ мостъ, постройка котораго очень дорого стоила общинѣ: жаль будетъ....

— Что же дѣлать? Впрочемъ предписанія нашего начальства до такой степени сбивчивы и противорѣчивы что очень можетъ быть что насъ вызовутъ отсюда прежде чѣмъ я успѣю исполнить свое порученіе.... Каково настроеніе здѣшнихъ жителей?

— Самое плачевное: боятся Прусаковъ какъ огня, меръ на-

* Въ 87мъ пѣхотномъ полку.

стоящая баба.... вы очень ошибаетесь, ежели разчитываете на ихъ содѣйствіе въ случаѣ сопротивленія.

— А содѣйствіе ихъ тѣмъ болѣе необходимо что мобили наши изъ рукъ вонъ плохи; впрочемъ унывать не слѣдуетъ.

Капитанъ Реньеръ пробылъ въ Бокурѣ ровно недѣлю, причемъ перерылъ нѣсколько дорогъ, вырубилъ нѣсколько деревьевъ и уже добирался до моста, когда получилъ предписаніе отправиться на другой стратегическій пунктъ.

Такъ-то спасали Французы свою территорію во время этой злополучной войны. Ежели свести итогъ ихъ добровольныхъ и слишкомъ часто ненужныхъ опустошеній и сравнить его съ итогомъ опустошеній въ которыхъ они такъ жестоко упрекаютъ Прусаковъ, перевѣсъ конечно останется на ихъ, французской, сторонѣ и даже въ значительныхъ размѣрахъ.

VIII.

Насталъ ноябрь, сырой, холодный, пасмурный, съ чисто лондонскими туманами; сама природа, какъ будто скорбя о бѣдствіяхъ постигшихъ несчастную націю, облеклась въ глубокій трауръ. Никто въ Бокурѣ не помнилъ такой осени; мѣстныя старушки видѣли въ ней всѣ признаки скораго свѣтопреставленія, мущины надѣялись что она изгонитъ Прусаковъ изъ Франціи. A quelque chose malheur est bon, твердили они.

Однажды семейство де-Робервиль сидѣло за завтракомъ; на столѣ красовался кусокъ баранины, одинъ видъ которой доказывалъ всю ея жесткость и неудобосваримость; въ каминѣ, несмотря на страшный холодъ, медленно тлѣло одно лишь жалкое полѣно; бѣдная княгиня сидѣла закутанная въ своей русской шубѣ, но и та плохо согрѣвала ее....

— Извольте-ка справиться съ этою штукой, сказалъ Эдмондъ, принимаясь рѣзать баранину, — для такого рода мяса нужны спеціальные ножи.

— Да и хлѣбъ не мягокъ, замѣтила Алина,—булочникъ сталъ печь только разъ въ недѣлю.

Въ эту минуту послышался стукъ быстро приближающихся колесъ, у подъѣзда остановился экипажъ, и въ комнату торопливо вошелъ старикъ де-Робервиль. Онъ видимо былъ чѣмъ-то встревоженъ.

— Батюшка! воскликнулъ Эдмондъ, выбѣгая ему на встрѣчу,—какой пріятный для насъ сюрпризъ!

— Очень, очень пріятный, подтвердили дамы.

— Я уже давно собирался къ вамъ, разсѣянно сказалъ старикъ.—Кстати, Эдмондъ, мнѣ нужно сказать тебѣ пару словъ наединѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, батюшка.

Отецъ и сынъ удалились въ сосѣднюю комнату; дамы съ безпокойствомъ переглянулись между собой; онѣ предчувствовали что-то зловѣщее въ этомъ таинственномъ разговорѣ.

— Что такое, батюшка? спросилъ Эдмондъ.

— А то что Прусаки будутъ здѣсь черезъ два часа.

— Не можетъ быть!

— Я видѣлъ ихъ собственными глазами; они уже заняли деревни Вилье, Маржри, Ла-Гаренъ и быстро приближаются сюда.

— Что же вы мнѣ совѣтуете сдѣлать?

— Разумѣется бѣжать, забравъ съ собой все необходимое.

— Да куда же бѣжать?

— Въ ***.

— Чтобы жить въ *** нужны деньги, а у насъ ихъ нѣтъ; у самой княгини всего на всего остался наполеондоръ.

— Я знаю тамъ одного господина, который ссудитъ тебя ими подъ залогъ серебра и драгоцѣнностей.

— Ежели такъ, то я послѣдую вашему совѣту.

Онъ послѣшилъ предупредить княгиню, которая въ свою очередь предупредила дочь. Послѣдняя приняла роковое извѣстіе съ гораздо бо́льшимъ хладнокровіемъ, чѣмъ того ожидали. Начались сборы, которые были очень непродолжительны, запрягли лошадей. Пока семейство его усаживалось въ карету, Эдмондъ всячески старался успокоить свою прислугу.

— Не робѣйте, говорилъ онъ,— я ворочусь назадъ лишь только пристрою своихъ.

Но прислуга съ испугомъ посматривала въ ту сторону откуда должны были появиться Прусаки; въ эту минуту она старала желаніемъ бѣжать и скрыться куда-нибудь, хотя бы въ преисподнюю.

IX.

Ровно два часа послѣ отъѣзда де-Робервилей въ Бокуръ вступили прусскіе квартиргеры и нашли его почти пустымъ; испуганные жители разбѣжались во всѣ стороны. Это обстоятельство ни на минуту не озадачило ихъ и они принялись исполнять свои обязанности со свойственною Нѣмцамъ аккуратностью: выбрали помѣщеніе для офицеровъ, для лазарета, для канцеляріи, для гауптвахты и т. д. Назначеніе каждаго дома было отмѣчено ими мѣломъ на наружной его двери. Пока они распоряжались, къ замку Эдмонда подъѣхалъ кавалерійскій лейтенантъ, въ сопровожденіи четырехъ улановъ. Одному изъ нихъ онъ приказалъ звонить, что было исполнено имъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ: прибѣжалъ оторопѣвшій слуга.

— Дома хозяинъ? спросилъ офицеръ очень плавно, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Онъ часа два тому назадъ уѣхалъ въ *** со своимъ семействомъ.

— Побоялся насъ? Напрасно: ежели послѣ этого у него пропадетъ что-нибудь, пусть онъ пеняетъ на одного себя. Ну, а вы кто такой, управляющій его что ли, son régisseur?

— Нѣтъ, monsieur l'officier, я просто слуга г. де-Робервиля.

— Это рѣшительно все равно.... вотъ что, мой любезный, убраны ли у васъ комнаты? Сюда къ шести часамъ долженъ прибыть нашъ генералъ со своею свитой.

— Господа мои уложились наскоро и оставили комнаты въ страшномъ безпорядкѣ.

— Уберите ихъ сейчасъ же, разведите огонь во всѣхъ комнатахъ, перемѣните вездѣ бѣлье....

— Все бѣлье подъ замкомъ, monsieur l'officier, какъ постельное, такъ и столовое.

— Это ничего не значитъ, у моихъ молодцовъ есть отмычки. Столъ вы накройте на пятнадцать приборовъ; есть у васъ вино, провизія?

— Вино есть, но провизіи не много: господа мои жили въ послѣднее время очень скудно.

— За провизіей дѣло не станетъ, на то у насъ уланы. Есть у васъ кухарка?

— Есть, monsieur l'officier.

— Пошлите ее сейчасъ же, я закажу ей menu сегодняшняго обѣда.

— J'y cours, monsieur l'officier.

Явилась кухарка, блѣдная, растрепанная, вся дрожащая отъ страха. Лейтенантъ поспѣшилъ успокоить ее.

— Что съ вами, ma bonne dame, сказалъ онъ,—мы страшны только для тѣхъ которые идутъ намъ на перекоръ.... Ну что вы можете сготовить?

— Все что вамъ благоугодно будетъ приказать.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайте то-то и то-то; чего нѣтъ изъ провизіи мы вамъ доставимъ; да смотрите отличитесь, генералъ нашъ тонкій гастрономъ.

— Будьте покойны, monsieur l'officier, je ferai de mon mieux.

— Кстати ежели вамъ нужна подмога, я могу приставить къ вамъ двухъ изъ этихъ молодцовъ; они очень смирны и послушны и прекрасно знаютъ какъ обходиться съ прекраснымъ поломъ.

— Vous êtes mille fois trop bon, monsieur l'officier, я справлюсь какъ-нибудь одна.

Лейтенантъ самъ отправился въ замокъ чтобы наблюсти за точнымъ исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній. Подъ его искуснымъ руководствомъ все очень скоро приняло самый комфортабельный видъ, не безъ ущерба, конечно, для Эдмонда, въ видѣ поломки нѣсколькихъ замковъ, убіенія весьма жирнаго тельца предназначеннаго для продажи и т. д., но какъ весьма остроумно заключалъ распорядительный лейтенантъ, à la guerre comme à la guerre.

Ровно въ шесть часовъ пріѣхалъ генералъ, настоящій прусскій генералъ: важный, плотный, солидный, съ большою окладистою бородой.... Онъ немедленно удалился въ отведенные ему покои, пробылъ тамъ съ полчаса и затѣмъ отправился въ столовую, гдѣ поджидали его приглашенные имъ офицеры.

— За столъ, за столъ, господа! воскликнулъ онъ,—да прошу безъ церемоніи, здѣсь мы всѣ товарищи; генералъ былъ въ тотъ день въ отличномъ расположеніи духа.

Послѣ обѣда, во время котораго было выпито очень много такого вина которое бѣдный Эдмондъ берегъ лучше зѣницы ока, гости нѣсколько навеселѣ отправились въ гостиную.

— А надо сознаться что эти бестіи Французы отлично умѣютъ жить, замѣтилъ генералъ, принимаясь разсматривать развѣшанные по стѣнамъ портреты. Два изъ нихъ нѣсколько

озадачили его; они изображали двухъ военныхъ въ русскихъ генеральскихъ мундирахъ.

— Розенбергъ, обратился онъ къ своему адъютанту, — это кажется русскіе мундиры?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Какимъ же образомъ они попали въ этотъ французскій домъ? Очень, очень странно....

— Можно спросить у здѣшняго слуги, ваше превосходительство:—ей Joseph, Joseph! кликнулъ онъ.

— Чьи это портреты, любезный? спросилъ генералъ у вошедшаго Жозефа.

— Отца и дѣда госпожи де-Робервиль, votre Excellence.

— Да развѣ супруга здѣшняго владѣльца Русская?

— Oui, votre Excellence, и теща его также, madame la princesse de Salonsky.

— Гм., гм., sehr wunderbar. Ну и эта княгиня живетъ вмѣстѣ съ ними?

— Точно такъ, votre Excellence.

— Можете идти, любезный, ну а вы, Розенбергъ, посмотрите чтобы наши деньщики не дотрогивались до имущества здѣшняго владѣльца. У этой княгини вѣроятно есть родня въ Петербургѣ, ну можетъ написать что мы растащили и т. д. Не хорошо, не хорошо. Вы строго имъ запретите.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Но утро вечера мудренѣе, и генералъ видно раздумалъ. Когда на другой день выступили Прусаки, среди обоза ихъ красовалась одна изъ повозокъ злосчастнаго Эдмонда, нагруженная разнымъ принадлежащимъ ему добромъ.

Не успѣли убраться незваные гости, какъ воротились одни за другими всѣ убѣжавшіе жители. Надъ ними много подтрунивали тѣ немногіе смѣльчаки которые остались въ Бокурѣ несмотря на Прусаковъ.

— Ну что, кричали они имъ, — опять въ свои норы? А въ норахъ многаго не досчитаетесь; сами виноваты, къ чему было бѣжать? Вотъ у насъ такъ все цѣло. Да и что вы нашли такого страшнаго въ Прусакахъ, ce sont de très bons enfants для тѣхъ которые умѣютъ съ ними ладить.

Не замедлилъ воротиться и Эдмондъ. Онъ тотчасъ же составилъ списокъ похищеннаго у него имущества, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Списокъ вещей, похищенныхъ у меня Прусаками во время пребыванія ихъ въ моемъ замкѣ, 17го и 18го ноября 1870 года:

„Большіе бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ въ гостиной.
„Таковые же маленькіе изъ спальни княгини.
„Двѣ пары новыхъ подсвѣчниковъ.
„Русская машина для приготовленія чая, un samowar.
„Двѣ дюжины салфетокъ.
„Дюжина простынь.
„Патентованная швейная машина.
„Всѣ мои трости, хлыстики и бичи.
„Всѣ бильярдные kiu и шары и т. д., и т. д.

Этотъ списокъ, очень длинный и разнообразный, хранится въ настоящее время въ семейномъ архивѣ де-Робервилей.

X.

Съ ноября мѣсяца до заключенія мира Прусаки прошли чрезъ Бокуръ ровно семнадцать разъ. Жители, наученные горькимъ опытомъ, уже не бѣгали отъ нихъ, а напротивъ постоянно встрѣчали съ привѣтливою и радушною улыбкой. Эдмондъ, съ своей стороны, придерживался въ отношеніи къ нимъ слѣдующей тактики. Лишь только они вступали въ деревню, онъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, угощалъ ихъ отличнымъ завтракомъ,—въ то время у него опять завелись деньги,—забавлялъ и смѣшилъ разными шутками и мало-помалу совершенно располагалъ въ свою пользу.

— Ce cher Mr de Roberville, говорили офицеры, — такой славный, отличный малый. Благодаря этой тактикѣ, онъ спасъ однажды отъ разстрѣлянія какого-то бѣднаго подозрѣваемаго въ шпіонствѣ, добился не разъ уменьшенія цифры назначенныхъ реквизицій, наказанія солдатъ притѣснявшихъ жителей и т. д. Его умѣнье ладить съ Прусаками и оказанныя услуги воротили ему въ глазахъ Бокурцевъ прежнее его обаяніе и значеніе, они снова начали клаияться ему, просили совѣта или заступничества; меръ ничего не предпринималъ безъ его спеціальнаго разрѣшенія.

Случалось и такъ что Эдмондъ неосторожно вступалъ съ офицерами въ болѣе серіозные разговоры, причемъ постоянно дѣлалъ самые непростительные промахи, смѣшивалъ напримѣръ столицу Баваріи съ столицей Венгріи, Стокгольмъ съ Копен-

гагеномъ и т. д. Но эти промахи нисколько не вредили ему въ глазахъ его собесѣдниковъ, напротивъ, они только лукаво переглядывались между собою, еще чаще прежняго повторяли:

— Ce cher Mr de Roberville, ce brave Mr de Roberville!

Во время господства коммуны въ Парижѣ, въ Бокуръ были присланы два эскадрона гусаръ, которые пробыли въ немъ шесть недѣль. Какъ командиры, такъ и прочіе офицеры этихъ эскадроновъ были люди съ состояніемъ, прекрасно воспитанные и въ добавокъ *всѣ* бароны, такъ-таки всѣ отъ перваго до послѣдняго. Они разсыпались въ любезностяхъ предъ княгиней и гжой де-Робервиль, которыя находили въ нихъ нѣкоторое сходство съ русскими гвардейскими офицерами.

— Такіе же любезные и благовоспитанные, говорила Алина, — и вѣроятно такъ же хорошо танцуютъ. Они аккуратно платили по поданнымъ имъ счетамъ, за что пріобрѣли большую популярность, угождали по возможности всѣмъ и каждому и были на ты съ Эдмондомъ, который приходилъ отъ нихъ въ настоящій восторгъ. Въ то время онъ поносилъ все французское и до безконечности восхвалялъ все прусское, не исключая и самого Бисмарка.

— Вотъ у кого намъ слѣдуетъ поучиться, твердилъ онъ Бокурцамъ, показывая на какого-нибудь солдата, усердно разводящаго скребницей по своей лошади, — вотъ кто доказалъ намъ что мы глупцы, des imbeciles и больше ничего. Пруссаки народъ образованный, передовой можно сказать, ну, а императоръ ихъ, le grand Guillaume, какой огромный контрастъ между нимъ и нашимъ Наполеономъ, который не съумѣлъ даже умереть вовремя и какъ слѣдовало.

Бокурцы разумѣется усердно вторили ему; въ настоящее же время они, да и онъ также, снова ругаютъ и поносятъ Пруссаковъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Таковъ французскій характеръ. Непостоянство, легкомысліе, пристрастіе ко впечатлѣнію минуты, ради котораго Французы во всякое время готовы пожертвовать самыми закоренѣлыми своими убѣжденіями и предразсудками.

XI.

Въ прошломъ маѣ княгиня воротилась въ Россію, гдѣ вскорѣ и скончалась. Ея мягкая и впечатлительная натура не выдержала всѣхъ тревогъ испытанныхъ ею во время этой страшной войны.

Эдмондъ де-Робервиль продолжаетъ пребывать въ своемъ замкѣ, гдѣ играетъ довольно важную роль, по случаю недавняго назначенія его въ меры Бокура. Этимъ назначеніемъ объясняется можетъ-быть его внезапное обращеніе въ ярые приверженцы Тьера и настоящаго правительства. Досужее свое время онъ посвящаетъ изученію географіи; насмѣшливые взоры прусскихъ офицеровъ не ускользнули, какъ видно, отъ его вниманія. Теперь онъ не только знаетъ чьи столицы Стокгольмъ и Копенгагенъ, но даже подъ какимъ градусомъ широты и долготы эти столицы находятся. Къ дѣтямъ своимъ онъ приставилъ нѣмецкаго гувернера, изъ Альзасцевъ, и англійскую гувернантку. Все это, какъ вы хотите, прогрессъ или по крайней мѣрѣ тѣнь прогресса, прямо проистекающаго изъ недавняго жестокаго урока.

Вмѣсто ожидаемаго идіота или урода, Алина родила въ прошломъ мартѣ очень здороваго и хорошенькаго мальчика, котораго она, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, назвала Митрофаномъ, Mr Mitrophan de Roberville. Такой выборъ съ ея стороны тѣмъ болѣе страненъ что имени Митрофана нигдѣ нѣтъ въ длинной родословной книгѣ князей Солунскихъ; на французскомъ же языкѣ это сущая аномалія, диссонансъ какой-то, un nom tout à fait impossible.

Старикъ де-Робервиль ни съ того ни съ сего вдругъ сдѣлался легитимистомъ, entendons nous, легитимистомъ не трехцвѣтнаго, а бѣлаго знамени. Между тѣмъ и другимъ огромная разница. Говорятъ впрочемъ что обращенію его не мало способствовала бывшая сваха Эдмонда, викомтесса Марія-Луиза-Анна-Шарлотта д'Арамбекуръ.

Г. де-Сенъ-Клеръ, попрежнему бонапартистъ, усердно хлопочетъ объ избраніи его въ члены генеральнаго совѣта *** департамента. Онъ увѣряетъ что всѣ шансы на его сторонѣ, но на этотъ счетъ бабушка еще можетъ-быть надвое сказала.

ГРАФЪ ДЕ-БАЛЬМЕНЪ.

8го октября 1871 года.

ПОСЛѢ ОСАДЫ

Bruxelles. Sempronius. *Histoire de la Commune de Paris en 1871.*

I.

Книга заглавіе которой мы выписали заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе страшныхъ событій совершившихся въ Парижѣ послѣ 18го марта; авторъ былъ очевидцемъ ихъ и остался живъ только благодаря вступленію версальскихъ войскъ въ истерзанную и выжженную столицу Франціи. „События вызвавшія этотъ неслыханный разгромъ, говоритъ онъ въ предисловіи, не были результатомъ какой-нибудь случайности. Нѣтъ! эти осадки человѣчества, скопившіеся на днѣ огромнаго города, взволновались не сами собою. Начало революціи 18го марта восходитъ къ іюньскимъ днямъ 1848 года. Интернаціоналка, основанная съ разрѣшенія послѣдняго императора и поддерживаемая его капиталами, приняла наслѣдіе побѣжденныхъ той эпохи и взбудоражила всю парижскую грязь.“

Когда республика 1848 года пала и утвердилось императорское правительство, рядомъ съ республиканскою партіей, группировавшеюся около г. Жюля Фавра и его друзей, организовалась другая республиканская партія, болѣе дѣятельная, подвижная, смѣло начертившая на своемъ знамени слово: *соціализмъ*. Составившаяся изъ обломковъ іюньскаго возстанія,— изъ членовъ Интернаціоналки, изъ изгнанниковъ и ссыльныхъ декабрьскаго переворота 1851 года, изъ рабочихъ большихъ городовъ и мануфактурныхъ центровъ, изъ толпы

разныхъ личностей не желавшихъ слѣдовать за признанными сторонниками умѣренной республики, партія эта вела въ послѣднее время жизнь самую тревожную и мощно содѣйствовала разстройству общества, долженствовавшему при первомъ случаѣ низвергнуть имперію. Надо замѣтить что соціалистская партія не имѣла настоящихъ вождей, но въ средѣ ея было множество горячихъ головъ, которыя давали ей направленія, повидимому, самыя противоположныя, но въ сущности стремившіяся къ одной и той же цѣли: къ разрушенію всего что существовало, къ осуществленію идеальнаго соціальнаго положенія, которое предполагалось изучить тогда только когда все прежнее будетъ разрушено. Соціалистская партія, вслѣдствіе различныхъ направленій принимавшихъ на себя обязанность руководить ею, дѣлалась чудовищнымъ смѣшеніемъ самыхъ противоположныхъ ученій: самый свирѣпый якобинизмъ соединялся въ ней съ жирондистскими идеями, матеріализмъ принималъ оттѣнокъ мистицизма, а экономическое ученіе, только-что зарождавшееся, заимствовало свои неопредѣленныя формулы отъ самыхъ безумныхъ утопистовъ минувшихъ вѣковъ.

Партія эта не могла жить въ добромъ согласіи съ партіей Жюля Фавра и компаніи, она чувствовала что эта послѣдняя, въ случаѣ паденія Наполеона III, захватитъ въ свои руки наслѣдіе имперіи и вслѣдствіе этого издавна приготовилась оспаривать у нея это наслѣдіе.

Впрочемъ антагонизмъ между партіей соціалистскою и либеральною, вызвавшій іюньскіе дни 1848 года, обнаруживался все яснѣе. Огонь открылъ г. Верморель къ *Courrier français*, газетѣ смѣлость которой возбудила подозрѣніе въ сношеніяхъ ея съ полиціей. И дѣйствительно *Courrier français* съ одинаковымъ ожесточеніемъ нападалъ какъ на правительство, такъ и на вождей республиканской партіи. Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Гле-Бизуанъ, Карно, Пельтанъ, Пикаръ, Геру и пр. подвергались его нападкамъ, къ великому удовольствію читателей Бельвилля, Ла-Вильеты и предмѣстья Сентъ-Антуана; ошибки ихъ выставлялись на видъ, къ великому соблазну для искреннихъ республиканцевъ, которые въ этихъ дѣйствіяхъ видѣли только попытки разстроить демократію и выдать ее руками и ногами правительству. Образъ дѣйствія Вермореля, котораго друзья и братья заподозрили въ шпіонствѣ (Рошфоръ, кумиръ Бельвильцевъ, провозгласилъ это съ трибуны законодательнаго корпуса), могъ имѣть вредное вліяніе на демо-

кратію, но несомнѣнно онъ нанесъ первый изъ ударовъ низвергнувшихъ зданіе Наполеоновской имперіи. Путь пробитый стараніями *Courrier français* вскорѣ заняли другіе; воинственная и задорная печать основалась на почвѣ политической и литературной; соціалистская партія подкрѣпилась молодыми и буйными писателями, которые начали противъ правительства войну, сначала тайную, потомъ открытую. Трибуналы были загромождены процессами печати, а въ Сентъ-Пелажи поочередно попадали люди которые въ послѣднее время пріобрѣли такую прискорбную извѣстность какъ напримѣръ Верморель, Рошфоръ, Клюзере, Делеклюзъ, Жюль Валлесъ, Лермина и пр.

Въ то время какъ соціалистская партія волновала общественное мнѣніе съ помощью своихъ газетъ, ей явилось со стороны неожиданное и драгоцѣнное подкрѣпленіе.

Правительство имперіи, какъ доказали всѣ его дѣйствія, всегда кокетничало съ соціализмомъ. Оно не скрывало своего отвращенія къ тому что̀ принято называть *буржуазіей;* оно явно и какъ бы на показъ опиралось на армію и на рабочихъ. Громадныя работы, безумно предпринятыя по всей Франціи и особенно въ Парижѣ, измѣнили экономическія условія жизни, и рабочіе, плата которымъ уже далеко не соотвѣтствовала возвышенію жизненныхъ потребностей, при существующихъ законоположеніяхъ о стачкахъ, находились въ полной зависимости у хозяевъ и терпѣли страшную нужду. Множество забастовокъ устроилось разомъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, на различныхъ пунктахъ территоріи. Правительство, предоставляя правосудію дѣйствовать свободно, не скрывало своихъ симпатій; императоръ, пользуясь правомъ помилованія предоставленнымъ ему конституціей, не только освобождалъ осужденныхъ, но оказывалъ имъ помощь изъ собственныхъ суммъ.

Въ присутствіи такого неожиданнаго покровительства, рабочіе усилили свои притязанія; между ними организовались общества сопротивленія, по образцу англійскихъ, и стачки устраивались все чаще и чаще, какъ по серіознымъ, такъ и по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Тогда правительство приняло на себя инціативу закона (1864), коего благосклоннымъ докладчикомъ былъ г. Эмиль Оливье и который предоставилъ французскимъ рабочимъ свободу стачекъ, утвердившуюся въ Англіи съ 1824 года.

Но во Франціи никакой вопросъ не можетъ оставаться на экономической почвѣ; по своему темпераменту Французы всегда

переносятъ его на почву политическую. Каждое общество сопротивленія сдѣлалось въ скоромъ времени революціоннымъ центромъ, гдѣ все стремилось къ ниспроверженію императорскаго правительства, что̀ дало бы свободу примѣненія соціальныхъ доктринъ.

Тогда-то возникла *Интернаціональная Ассоціація рабочихъ*. Правительство, поощрявшее ее въ началѣ, вскорѣ принуждено было принять противъ нея строгія мѣры, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, взволнованнаго страшными ученіями которыя проповѣдывало означенное Общество. Многочисленные процессы повели къ заключенію въ Сентъ-Пелажи главныхъ вождей Интернаціоналки. Тамъ эти вожди сошлись съ журналистами-соціалистами, и тюрьма повела къ сліянію различныхъ фракцій соціалистской партіи.

Относительная свобода собраній, предоставленная закономъ 6го іюня 1868, доставила соціалистской партіи случай показать свою однородность: она одна откровенно воспользовалась имъ, и несмотря на штрафы и тюремныя заключенія, заявила громко и публично тѣ странныя теоріи которыя можно было бы принять за бредъ сумашедшаго, еслибъ опытъ парижской коммуны не доказалъ такимъ страшнымъ образомъ что люди ихъ провозгласившіе смотрѣли на дѣло свое совершенно серіозно.

Какое же положеніе въ это время приняли Жюль Фавръ, Жюль Симонъ, Пельтанъ, Кремьё, Араго и пр.? Положеніе самое фальшивое, ничтожное, не политическое. Люди эти остались тѣмъ чѣмъ они были въ 1848 году, готовые на тѣ же ошибки и неловкости. Ограничивалсь систематическою, узкою, мелочною оппозиціей, лишенною подъ часъ всякаго патріотизма, они смотрѣли на соціалистское движеніе, не думая присоединиться къ нему, чтобы направить то что̀ въ немъ было хорошаго и практическаго и устранить всѣ его опасныя увлеченія. Нѣтъ! они съ презрѣніемъ смотрѣли на соціалистовъ, повторяя обвиненія что корифеи этой партіи не что̀ иное какъ полицейскіе шпіоны.

На выборахъ 1869 года началась борьба между обѣими партіями. Выборы Рошфора и Гамбетты были дѣломъ соціалистской партіи и доказали ея силу. Вступленіе Рошфора въ составъ правительства 4го сентября было уступкой этой партіи. Что касается до Гамбетты, то онъ уже успѣлъ самъ завоевать себѣ мѣсто въ новомъ правительствѣ.

Какъ только провозглашена была республика 4го сентября и организовалось правительство національной обороны, то на другой день, къ общему удивленію, во всѣхъ округахъ Парижа организовались *наблюдательные комитеты*, тайные продукты Интернаціоналки, поставившіе себѣ задачей наблюдать за „измѣнниками и подозрительными“ (достаточно было быть честнымъ чтобы попасть въ одну изъ этихъ категорій) и помогать правительству въ дѣлѣ обороны Парижа.

Наблюдательные комитеты имѣли очень мало вліянія въ центрѣ города, но въ подгородной полосѣ, присоединенной къ Парижу въ 1860 году, благодаря снисхожденію и простодушію муниципальныхъ администраторовъ, они сдѣлались настоящею властью; они организовали въ Вожирарѣ, Гренеллѣ, Монружѣ, Де-Муленѣ, Берси, въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуана, въ Бельвиллѣ, Ла-Вильетѣ, Монмартрѣ публичныя собранія подъ предлогомъ обсужденія наилучшихъ средствъ для спасенія Парижа, но съ дѣйствительною цѣлію низвергнуть правительство. На этихъ собраніяхъ наблюдательные комитеты призывали къ отвѣту офицеровъ національной гвардіи по жалобамъ ихъ подчиненныхъ, и взводили на генерала Трошю и прочихъ членовъ правительства самыя гнусныя и грязныя обвиненія, которымъ легко вѣрило населеніе, разслабленное и истомленное страданіями осады безпримѣрной въ исторіи.

Интернаціоналка не ограничилась основаніемъ наблюдательныхъ комитетовъ; она поспѣшила устроить отдѣленія на всѣхъ пунктахъ Парижа. Съ другой стороны, ассоціаціи носящія названія республиканскихъ, тайныя и явныя, основались также во множествѣ.

Парижъ, какъ всѣ большіе города, заключаетъ въ себѣ грязное населеніе бывшихъ каторжниковъ, мошенниковъ, воровъ по профессіи и пр. Въ Парижѣ ихъ можно насчитать болѣе ста тысячъ; они-то и были обычными посѣтителями собраній устраиваемыхъ названными ассоціаціями, съ прибавкой къ нимъ контингента зѣвакъ, которые собирались слушать нелѣпости и безумныя выходки тамошнихъ ораторовъ, не подозрѣвая бездны которая была у нихъ подъ ногами. Надо было посѣтить эти собранія чтобы понять всю лживость и развратъ вождей этихъ партій и всю циническую наивность слушателей. Тамъ уже развивались отвратительныя доктрины которыя потомъ управляли Парижемъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; тамъ злонамѣренные и невѣжественные ораторы возбуждали всѣ дурныя

страсти своихъ слушателей, развивая предъ ними торжество рабочаго, основанное на разореніи хозяина, зловреднаго буржуа. Тамъ проповѣдывалось уничтоженіе религіи, собственности, семейства, съ тою же яростью съ которою потомъ истреблялись всѣ сокровища науки и искусства въ Парижѣ. На этихъ-то собраніяхъ, гдѣ появились всѣ знаменитости соціалистической партіи, въ первый разъ произнесено было слово: *Коммуна*. Все дѣло было въ томъ что республика уже была провозглашена, и необходимо было придумать другое слово чтобъ увлечь и направить массы; вожди и придумали свое дикое движеніе обозначить именемъ коммуны, въ воспоминаніе коммуны 1793 года, коей они мечтали быть подражателями. Но они усвоили себѣ только безумства своихъ предшественниковъ, и не могли сослаться на облегчающія обстоятельства, которыя допускаются въ пользу первыхъ. Люди 93 года имѣли сколько-нибудь понятное побужденіе и политическую цѣль; коммунисты 1871 года были не что иное какъ толпа честолюбцевъ, завистниковъ и бандитовъ собравшаяся для грабежа, убійства и разрушенія, и оставившая послѣ себя развалины, груды труповъ и имена зайклеменныя позоромъ.

Такимъ образомъ правительство національной обороны находило подъ знаменами коммуны постоянныхъ противниковъ, которые старались преувеличить его ошибки и неудачи военныхъ дѣйствій, и ожидали только случая отнять у него власть. Такой случай представился когда въ Парижѣ узнали о капитуляціи арміи Базена и о сдачѣ Меца.

Замѣчено уже было что каждая изъ попытокъ къ перевороту, ставившая Парижъ и Францію на край пропасти во время войны 1870 и 1871, совпадала съ попыткой къ примиренію и соглашенію. Числа и событія непререкаемо свидѣтельствуютъ что партія анархіи поставила себѣ задачей препятствовать всякому исходу борьбы и увеличивать тягость послѣдней катастрофы. Заявленія г. фонъ-Бисмарка послѣ каждаго движенія достаточно доказываютъ это.

31го октября, утромъ, правительство обнародовало слѣдующее извѣщеніе за подписью г. Жюля Фавра:

„Г. Тьеръ прибылъ сегодня въ Парижъ и немедленно отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ представилъ правительству отчетъ о своей миссіи. Благодаря сильному впечатлѣнію произведенному въ Европѣ сопротивленіемъ Парижа, четыре великія нейтральныя державы: Англія, Россія,

Австрія и Италія, выразили одну и ту же идею. Онѣ предлагаютъ воюющимъ сторонамъ перемиріе, цѣлію коего есть созваніе національнаго собранія. Само собою разумѣется что условіями такого перемирія должны быть: снабженіе Парижа продовольствіемъ и избраніе собранія всею страной".

За этимъ слѣдовалъ офиціальный отчетъ о сдачѣ Меца.

Афиши эти произвели глубокое и тягостное впечатлѣніе. Но въ центральныхъ кварталахъ не происходило никакого движенія враждебнаго правительству. Только предъ Городскою Думой вожаки-ораторы красныхъ клубовъ неистово разглагольствовали, и какъ бы по данному сигналу все увеличивались взволнованныя группы ихъ окружавшія. Изъ среды ихъ раздавались крики, сначала робкіе, потомъ оглушительные: „Да здравствуетъ коммуна!... долой Трошю!... въ Версаль!... къ оружію, къ оружію!"

Несмотря на проливной дождь, въ полдень роты національной гвардіи собрались предъ большими воротами Городской Думы, около улицы Риволи. Отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ подняли страшный крикъ. Г. Этьенъ Араго намѣревается говорить съ ними, онъ взбирается на стулъ, энергически жестикулируетъ, но его не слышно. Одинъ изъ его помощниковъ, г. Шарль Флоке, заступаетъ его мѣсто: „Граждане! восклицаетъ онъ, пора отсрочекъ миновала. Надо дѣйствовать. Парижскій муниципалитетъ намѣренъ обновиться всеобщею подачей голосовъ. Да здравствуетъ республика!"

— Да здравствуетъ коммуна! да здравствуетъ республика! отвѣчаетъ шумная толпа, стараясь ворваться на дворъ Думы.

Около половины 2го, толпа врывается подъ своды и встрѣчаетъ мобилей, расположившихся въ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ. На ступеняхъ главнаго подъѣзда стоитъ генералъ Трошю. Наступающіе несутъ доску съ надписью. *Не надо перемирія! Да здравствуетъ республика! Сопротивленіе на смерть!* Они кричатъ: „Долой Тьера! долой ренегата!... Онъ насъ продалъ.... онъ намъ измѣнилъ!..."

Генералъ Трошю хочетъ говорить; ему отвѣчаютъ свистками. Г. Жюль Симонъ взбирается на стулъ, но принужденъ удалиться въ Городскую Думу вмѣстѣ съ генераломъ. Раздается нѣсколько выстрѣловъ; одна пуля задѣваетъ послѣдняго. Мобили заряжаютъ ружья и готовятся дать отпоръ. Вдругъ страшные удары посыпались въ средніе ворота. Мертвое молчаніе господствуетъ въ Городской Думѣ. Ожидаютъ страшнаго

столкновенія между людьми которые готовятся выломать ворота и мобилями расположенными внутри и раздраженными новымъ выстрѣломъ направленнымъ на ихъ генерала...

Но ворота отворяются безъ потрясенія и пропускаютъ волны народа. Отворилъ ихъ просто привратникъ, находившій весьма естественнымъ отворить ворота когда въ нихъ стучатся. Этой случайности никто не предусмотрѣлъ!

Въ залѣ совѣта, куда вторглась толпа, меры и помощники ихъ оканчивали формулованіе слѣдующаго рѣшенія, въ которомъ обнаруживается ихъ тревога и которое есть уступка мятежу:

„Не надо перемирія! Гражданинъ Доріанъ назначается президентомъ временнаго правительства національной обороны. Выборы въ коммуну должны быть произведены въ теченіе 48 часовъ. Это временное правительство состоитъ изъ семи членовъ: гг. Доріанъ, Луи Бланъ, Феликсъ Піа, Викторъ Гюго, Бланки, Густавъ Флурансъ, Делеклюзъ."

Тысячи бюллетеней, приготовленныхъ заранѣе, бросаются въ окна съ извѣщеніемъ о рѣшеніи коммуны.

Кто-то поднимается на столъ президента совѣта. Это Феликсъ Піа, одобряющій рѣшеніе меровъ и ихъ выборъ и требующій чтобы къ списку прибавлено было имя Тибальди.

— Но онъ Италіянецъ! восклицаетъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Потому-то онъ и нуженъ, возражаетъ Феликсъ Піа,—онъ будетъ представителемъ всемірной республики въ нѣдрахъ парижской коммуны!

Суматоха въ залѣ поднимается невообразимая; всѣ тѣснятся, толкаютъ другъ друга; даже мущины падаютъ безъ чувствъ. Нѣкоторые изъ нихъ ходятъ по топитрамъ муниципальныхъ совѣтниковъ, подламывающимся подъ ихъ тяжестію. Всѣ кричатъ, жестикулируютъ, предлагаютъ членовъ коммуны. Во всѣхъ залахъ Городской Думы повторялись тѣ же сцены; въ каждой организовали правительство, списокъ котораго бросали въ окна народу; и нѣкоторыя имена зачинщиковъ, каковы Флурансъ, Бланки, Делеклюзъ, Феликсъ Піа появлялись на каждомъ. На каждомъ появлялось также имя Доріана, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ не выяснилось. Вездѣ также провозглашалась слѣдующая программа, формулованная заранѣе:

1) Низложеніе правительства національной обороны, члены коего объявляются измѣнниками отечеству;

2) Поголовное возстаніе и устраненіе всякихъ переговоровъ о перемиріи;

3) Немедленное устройство революціонной коммуны.

Въ тронной залѣ прибытіе Рошфора производитъ страшный шумъ. Онъ взбирается на столъ и пытается говорить; одни ему апплодируютъ, другіе шикаютъ. Онъ отказывается отъ своего намѣренія, и мѣсто его заступаетъ человѣкъ предлагающій списокъ правителей, во главѣ коихъ стоитъ Доріанъ. Вотъ этотъ списокъ, шумно одобренный толпой, биткомъ набившеюся въ залѣ: „Доріанъ, Бланки, Луи Бланъ, Феликсъ Піа, Бонвало, Ледрю-Ролленъ, Вердюръ, Шельхеръ, Жуаньйо, Греппо, Мартенъ Бернаръ.“ Дополнительное голосованіе присоединяетъ къ нимъ имена Флуранса и Межи.

Около половины 4го, у дверей залы засѣданій правительства появляется генералъ Тропю въ мундирѣ. Толпа окружаетъ его съ криками: „Долой Тропю!... Долой неспособныхъ!... Что ты сдѣлалъ съ Бурже?“ Генералъ идетъ не говоря ни слова; онъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ. Дверь галлереи бюстовъ закрывается за нимъ. Толпа бросается къ этой двери, но не отпираетъ ее и кричитъ: „Они оттуда не выйдутъ! Ихъ надо продержать тамъ пока будетъ провозглашена коммуна.“

И эта великолѣпная зала, наполненная массами отвратительныхъ лицъ, превращается въ арестантскую и становится мѣстомъ дѣйствія самыхъ буйныхъ сценъ. За столомъ по срединѣ комнаты сидятъ гг. Жюль Фавръ, Гарнье Пажесъ, Жюль Симонъ, Жюль Ферри. Рядомъ съ ними, по выходѣ изъ тронной залы, помѣщается генералъ Тропю. За нимъ вслѣдъ входилъ генералъ Тамизье.

Раздаются крики и угрозы. Мѣста занимаются силой; всѣ тѣснятся къ столу и съ дерзостью обращаются къ членамъ правительства. „Низложеніе, низложеніе!“ раздается со всѣхъ сторонъ. Г. Жюль Фавръ встаетъ, произноситъ нѣсколько словъ, но продолжать не можетъ отъ страшнаго шума. Онъ садится опять и остается по наружности совершенно спокоенъ посреди криковъ и угрозъ.

Морисъ Жоли, Шассенъ, Лефрансе и Верморель входятъ въ тронную залу и въ залу совѣта; они говорятъ всѣ разомъ о коммунѣ и выборахъ; президентомъ правительства объявляютъ г. Доріана, какъ избраннаго подачей голосовъ меровъ и народа.

Морисъ Жоли наклоняясь къ членамъ правительства говоритъ имъ: „Сдѣлайте же то что мы требуемъ, или сію же минуту учреждено будетъ десять правительствъ.“

— Да, да! согласитесь на это отъ имени народа, который васъ избралъ и провозгласилъ.... продолжаетъ Лефрансе.

Г. Гарнье Пажесъ, блѣдный какъ смерть, пытается отвѣчать и взобраться на столъ: „Я содѣйствовалъ тремъ великимъ революціямъ; революціи 1830 года, революціи....“—„Долой, долой! намъ не нужно исторіи!“ кричитъ уличный мальчишка, успѣвшій взобраться на одну изъ великолѣпныхъ канделябръ и усѣвшійся на ней верхомъ. Толпа подхватываетъ этотъ крикъ, и почтеннаго участника трехъ революцій гг. Жюль Симонъ и Жюль Фавръ усаживаютъ на его мѣсто и тѣмъ избавляютъ отъ оскорбленій толпы.

Тогда появляется Флурансъ; онъ душа движенія, потому что его поддерживаетъ Бельвильскій баталіонъ. Онъ составляетъ новый списокъ правительства, въ которомъ все-таки значатся имена Доріана и его собственное. Правительство дѣйствительно въ рукахъ мятежниковъ; суматоха достигаетъ крайнихъ предѣловъ между національгардами различныхъ баталіоновъ, которые оспариваютъ другъ у друга входы и двери муниципальнаго совѣта. Делегація 4го сентября готова была исчезнуть подъ давленіемъ коммуны, какъ вдругъ совершается мгновенно перемѣна декорацій. Около девяти часовъ вечера 106й баталіонъ, съ трубачемъ во главѣ, заставляетъ отворить себѣ настежъ ворота Городской Думы и въ стройномъ порядкѣ прямо вступаетъ въ комнаты. При входѣ офицеровъ въ залу, остаются только стрѣлки отряда Тибальди, которые прицѣливались въ парижскаго губернатора въ ту минуту когда онъ исчезалъ въ дверь противоположную той которая ведетъ въ тронную залу. Тибальдійцы не отступаютъ, прицѣливаются въ прочихъ членовъ правительства и готовы дать залпъ, если хотя одинъ выстрѣлъ раздастся въ Городской Думѣ. При удостовѣреніи ихъ что въ плѣнъ не будутъ брать никого и что только отряды Тибальди и Флуранса будутъ разоружены и распущены по домамъ, они побросали оружіе и разбѣжались, при громкомъ хохотѣ національгардовъ 106го баталіона. Виновникомъ этой чудесной развязки былъ г. Пикаръ, который успѣлъ ловко ускользнуть изъ Городской Думы при началѣ мятежа, велѣлъ бить сборъ, созвалъ баталіоны, поставилъ свои силы противъ отряда Флуранса, принявшаго противниковъ за под-

крѣпленіе. Словомъ, мятежъ и узурпація захвачены были въ сѣти въ ту минуту когда уже ихъ агенты вывѣшивали афиши, объявлявшія объ ихъ торжествѣ, созывая избирателей на выборы въ коммуну; афишу подписали: Доріанъ, Шельхеръ, Этьенъ Араго, Флоке, Гериссонъ, Анри Бриссонъ и Клама-жеранъ.

Правительство, послѣ трехчасоваго плѣна у вождей мятежа, держало ихъ теперь въ своихъ рукахъ, и считало дѣломъ великой политики не только отпустить ихъ, но даже охранять ихъ отступленіе отъ ярости національной гвардіи и мобилей партіи порядка. Ошибка эта возбудила общее изумленіе: населеніе какъ бы предчувствовало несчастія которыя должны его постигнуть.

Послѣ этого такъ-называемаго октябрьскаго мятежа волненіе не прекращалось; тамъ и сямъ происходили вспышки, благодаря слабости правительства 4го сентября; главы заговора не переставали волновать общественное мнѣніе и утомлять національную гвардію. Такъ дѣло шло до 22го января, бывшаго повтореніемъ 31го октября.

Вслѣдствіе новыхъ демонстрацій, имѣвшихъ цѣлію вовлечь войска въ мятежныя движенія бельвильскихъ и вильетскихъ шаекъ, Густавъ Флурансъ, самовластно распоряжавшійся ими и не слагавшій съ себя званія и мундира полковника, былъ задержанъ съ толпой и посаженъ въ Мазасъ. Но г. Гамбетта, отъ котораго зависѣлъ личный составъ тюремнаго надзора, заблагоразсудилъ замѣнить директора этой тюрьмы нѣкіимъ Бойе, который слылъ „свирѣпымъ другомъ и братомъ“. Онъ оправдалъ свое прозваніе, и въ ночь съ 21го на 22е января побратался съ толпой бродягъ, которые ночью стучали къ нему въ дверь, и добровольно выдалъ имъ Флуранса и его сообщниковъ. Толпа, состоявшая тогда человѣкъ изъ полутораста, безпрерывно увеличивалась, расхаживая по улицамъ съ барабаннымъ боемъ и увлекая въ тріумфъ Флуранса и другихъ. Она спустилась по предмѣстью Сентъ-Антуана и поднялась по улицѣ Ла-Рокеттъ, чтобы захватить Бельвильскую мерію со стороны внѣшняго бульвара. Между тѣхъ обычные ораторы начали собирать сходки, возвѣщали на нихъ неизбѣжное наступленіе коммуны. Полковникъ Вабръ, командовавшій карауломъ Городской Думы, принявъ дѣятельныя мѣры противъ всякаго внезапнаго нападенія, велѣлъ запереть рѣшетки. Въ половинѣ втораго двѣ-три сотни бунтовщиковъ въ костюмѣ

національгардовъ подступили къ Думѣ и зарядили ружья. Одна изъ дверей Думы отворилась и изъ нея вышли человѣкъ десять мобилей, которые прицѣлились въ толпу. Мятежниками овладѣла паника и они разбѣжались. Мобили возвратились назадъ и все пришло въ прежній видъ.

Но мятежники собрались снова на набережной у моста *Notre Dame*. Они возвратились съ ружьями на плечахъ, колонной прошли по площади и расположились въ боевомъ порядкѣ на тротуарѣ улицы Риволи, всѣ лавки коей разомъ заперлись, какъ бы по командѣ. Раздались крики: „Да здравствуетъ коммуна! Долой Бретонцевъ!“

Послѣ волненія принимавшаго все болѣе и болѣе угрожающій видъ, часа въ три двинулась толпа человѣкъ въ триста улицей Тампль. Эти имѣли уже видъ рѣшительный. Они идутъ колонной и становятся на самомъ тротуарѣ Городской Думы. Они кричатъ: „Долой Трошю! да здравствуетъ коммуна!“ и пытаются сломать рѣшетку. Изъ лѣвой двери, называемой *дверью бюро*, выходятъ гг. Вабръ, де-Лежъ, командиръ 3го филистерскаго баталіона, и капитанъ того же баталіона Бернаръ. Стоя за рѣшеткой они спрашиваютъ мятежниковъ, что имъ нужно?

— Люди ваши будутъ стрѣлять въ народъ? спросилъ полковника Вабра человѣкъ въ офицерскомъ мундирѣ національной гвардіи.

— Какимъ же образомъ они будутъ стрѣлять, когда мы здѣсь переговариваемся съ вами? отвѣчалъ полковникъ.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ изъ толпы мятежниковъ раздался выстрѣлъ по группѣ офицеровъ, и г. Бернаръ, пораженный тремя пулями, упалъ на тротуаръ. Полковникъ и баталіонный командиръ бросаются къ двери, но не могутъ ее отворить. Въ нихъ летятъ нѣсколько выстрѣловъ, но безъ результата, и они укрываются въ будки стоящія у воротъ. Тогда окна во всѣхъ этажахъ Городской Думы открываются разомъ, въ нихъ появляются мобили и даютъ залпъ по мятежникамъ, которые разбѣгаются въ разныя стороны. Самые храбрые укрываются за кучами леску, и въ особенности за львами канделябръ, чтобы подъ этимъ прикрытіемъ стрѣлять въ окна. Другіе стрѣляютъ съ угла улицы Риволи и съ набережной. Нѣкоторые прячутся въ углубленіи воротъ и за углами проспекта Викторіи. За этимъ прикрытіемъ они заряжаютъ ружья, стрѣляютъ и прячутся снова.

Перестрѣлка продолжалась полчаса, и затѣмъ въ проспектѣ

Викторіи появились два человѣка изъ толпы, махая бѣлыми платками. Крикъ: „Не стрѣляйте!“ раздался со всѣхъ сторонъ. Мятежъ просилъ о помилованіи. Войско тотчасъ же прекратило огонь, и изъ числа инсургентовъ, бѣжавшихъ во всѣ стороны, успѣли захватить до 50 плѣнниковъ, изъ коихъ половина была еще съ оружіемъ въ рукахъ. Площадь Городской Думы, лѣтописи которой заключаютъ въ себѣ столько кровавыхъ страницъ, была снова покрыта лужами крови, убитыми и ранеными; нѣкто Селіа, одинъ изъ самыхъ задорныхъ политическихъ бунтовщиковъ, былъ убитъ въ уличной будкѣ, откуда онъ стрѣлялъ по войскамъ.

Вотъ офиціальный отчетъ объ этомъ дѣлѣ:

„Парижъ, 22го января.

„*Парижскій меръ командующимъ девятью отдѣлами.*

„Нѣкоторые мятежные національгарды, принадлежащіе къ 101му маршевому баталіону, пытались захватить Городскую Думу. Они стрѣляли по дежурнымъ офицерамъ и тяжело ранили одного капитана мобилей. Войско отвѣчало имъ. Въ Городскую Думу летѣли выстрѣлы изъ домовъ расположенныхъ насупротивъ ея съ другой стороны площади, которые и заняты были съ этою цѣлію. Въ насъ бросали бомбы и стрѣляли разрывными пулями. Нападеніе было съ самаго начала самое гнусное и возмутительное, потому что дано было до ста выстрѣловъ по полковнику и офицерамъ въ ту минуту, когда они говорили съ депутаціей допущенною на минуту къ Городской Думѣ; не менѣе гнусно было и послѣдующее дѣйствіе: когда послѣ перваго залпа опустѣла площадь и мы прекратили огонь, то въ насъ посыпались выстрѣлы изъ оконъ насупротивъ. Объясните все это въ точности національгардамъ и сообщите мнѣ, все ли пришло въ порядокъ. Республиканская стража и національная гвардія занимаютъ площадь и всѣ окрестности.

„*Жюль Ферри.*“

По обыкновенію, начальники ускользнули, и процессъ послѣдовавшій затѣмъ поразилъ только второстепенныя орудія. Пришлось удовольствоваться заочнымъ приговоромъ надъ Густавомъ Флурансомъ, Бланки и Феликсомъ Піа. А между тѣмъ еслибъ ихъ захватили въ этотъ день, еслибъ ихъ не освободили такъ нелѣпо 31го октября, сколькихъ бѣдствій избѣжалъ бы Парижъ и сколько драгоцѣнной крови было бы сохранено!

Вслѣдъ за происшествіями 22го января, страшная вѣсть пронеслась въ Парижѣ и во всей Франціи. Афиша г. Жюля Фавра извѣстила что правительство національной обороны

принуждено капитулировать, что перемиріе дарованное Парижу распространяется на всю Францію и должно повести за собою заключеніе мира. Трудно представить себѣ чувства гнѣва и отчаянія овладѣвшія всѣмъ населеніемъ, которое съ готовностью приносило всѣ жертвы, но которому всего труднѣе было преклониться предъ этимъ новымъ ударомъ. На выборахъ 8го февраля отразилось это настроеніе. Во Франціи, гдѣ всеобщая подача голосовъ считается въ теоріи самымъ серіознымъ средствомъ къ выраженію общественнаго мнѣнія, голоса подаютъ обыкновенно въ формѣ протеста, чѣмъ и объясняются странныя причуды избирательной урны. Реслубліка 1870 года, по общему убѣжденію, должна была спасти Францію; она этого не исполнила, значитъ, она была во всемъ виновата. Вслѣдствіе этого страна отправила въ Бордо роялистское собраніе, съ явною цѣлію вести переговоры о мирѣ, но съ тайнымъ намѣреніемъ возстановить короля на престолѣ.

Соціалистская партія эксплуатировала всѣми силами общее недовольство въ большихъ городахъ. Въ особенности въ Парижѣ роль ея была самая лукавая. Въ продолженіе пятимѣсячной осады, множество рабочихъ привыкли къ праздности; масса ихъ наполнявшая ряды національной гвардіи съ ужасомъ ожидала наступленія законнаго порядка, при которомъ имъ пришлось бы приняться опять за работу. Вопросъ о квартирахъ тревожилъ средніе классы. Торговцы разоренные осадой были ошеломлены, когда въ Бордо утвержденъ былъ законъ о срокѣ платежа по векселямъ. Всѣ были недовольны національнымъ собраніемъ и его двусмысленными отношеніями къ реслубликѣ. Наступилъ часъ благопріятный для революціи: Интернаціональное Общество поняло это и поспѣшило имъ воспользоваться.

Между тѣмъ какъ правительство, лишенное силы и единства, боролось съ затрудненіями возстававшими противъ него со всѣхъ сторонъ, Интернаціонална опутала бо́льшую часть національной гвардіи чѣмъ-то въ родѣ федераціи, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ и съ делегатами этого комитета въ каждой ротѣ. Тогда рядомъ съ правильною властью начала дѣйствовать другая власть, которая даже не приняла на себя труда скрывать себя. Главный штабъ федераціи помѣстился въ Монружѣ въ улицѣ *Maison-Dieu*, и нѣкто Анри принялъ надъ нимъ начальство, съ титуломъ генерала. Тогда возстаніе было уже готово и ожидало только благопріятнаго часа, который и не замедлилъ наступить.

Какъ только въ Парижѣ было офиціально возвѣщено о капитуляціи 28го января 1871, то вопросъ объ оружіи сдѣлался главнымъ предметомъ заботъ арміи и національной гвардіи. Заявлено было что по смыслу конвенціи. Нѣмцы имѣли право требовать только выдачи оружія и снарядовъ находящихся въ фортахъ и внѣ ограды. Генералъ Винуа тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе чтобы ввезти въ городъ все что̀ возможно изъ боеваго матеріала находившагося въ периметрѣ внѣшнихъ парижскихъ верковъ. Тогда канонирки могли быть возвращены безъ затрудненія съ полнымъ вооруженіемъ и снарядами. Но во время этой операціи, исполненной людьми упавшими духомъ и деморализованными, посреди неописанной суматохи, сдѣланы были гибельныя упущенія, доставившія непріятелю добычу, на которую онъ никакъ не разчитывалъ. Во многихъ фортахъ и преимущественно въ Монъ-Валерьенѣ, онъ не только захватилъ значительное число боевыхъ снарядовъ, но и складъ провіанта приготовленнаго для гарнизоновъ, существованія котораго никто не подозрѣвалъ, въ виду голода удручавшаго Парижъ. На различныхъ пунктахъ, по недоразумѣнію ли, или по недостатку людей и лошадей, оставлены были также весьма важныя артиллерійскія батареи. Такимъ образомъ въ периметрѣ Италіянской заставы, Монружа, на Ваграмской площади находилось нѣсколько парковъ, которые могли бы также сдѣлаться добычей чужестранцевъ, когда группы національгардовъ приняли на себя обязанность возвратить ихъ внутрь столицы. Они были перевезены, частію на людяхъ, на четыре главные пункта: за Италіянскую заставу, въ паркъ Монсо, на Монмартрскіе холмы и на Вогезскую площадь, гдѣ уже находилось значительное число орудій. Этотъ послѣдній пунктъ вскорѣ сдѣлался главнымъ центромъ, и при господствовавшемъ тогда безпорядкѣ, при недостаткѣ энергіи со стороны главнокомандующаго, не умѣвшаго справиться съ арміей, совершенно деморализованною, пушки и картечницы различныхъ отдѣловъ были увезены въ Монмартръ, гдѣ ихъ собрано было болѣе двухсотъ. При этомъ необходимо замѣтить что всѣ національгарды которымъ было поручено это дѣло принадлежали къ предмѣстьямъ Ла-Вильетѣ, Бельвилю, Монмартру, Батиньйолю, что это были тѣ же самые люди которыми руководили зачинщики мятежей и буйныхъ манифестацій Городской Думы.

Правительство одаренное хотя малѣйшею предусмотритель-

постью не поколебалось бы ни на минуту. Но дѣятели 4го сентября не сдѣлали въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни малѣйшей попытки чтобы выйти изъ такого ненормальнаго состоянія. Бельвильцамъ предоставляли свободу организоваться, устанавливать батареями пушки, направлять ихъ на городъ копать рвы, воздвигать редуты, словомъ, превращать Монмартръ въ неприступную крѣпость, и при этомъ,—характеристическая черта, которая должна сохраниться въ исторіи,—правительство аккуратно выплачивало имъ по 30 су.

Отъ времени до времени въ газетахъ высказывались общія опасенія. Ихъ обвиняли въ распространеніи пустыхъ страховъ. „Пусть ихъ стерегутъ свои пушки, отвѣчали на замѣчанія благоразумныхъ людей генералы Вандомской площади, когда имъ это надоѣстъ, они разойдутся сами.“

Но они не расходились, а напротивъ, число ихъ все умножалось. Доступы къ Монмартру становились все затруднительнѣе; раздавался глухой шумъ; центральный комитетъ заявлялъ себя дѣйствіями, афишами, собраніями, которыя отзывались порохомъ. Междуусобная война была неизбѣжна.

А между тѣмъ власти, пораженныя какою-то слѣпотой, не хотѣли или не умѣли понять что готовится. Парижъ до такой степени желалъ спокойствія что это желаніе заглушало всѣ опасенія и даже биржа повышалась. Съ 14го по 17е рента повысилась на 1 франкъ. А въ эту-то минуту и произошелъ взрывъ.

17го марта генералъ Винуа, возбужденный наконецъ общею тревогой, разглагольствіями клубовъ, гдѣ открыто развивались проекты центральнаго комитета, объявилъ что онъ покончитъ съ вопросомъ о пушкахъ. Префектомъ полиціи назначили генерала Валантена, человѣка весьма энергическаго, и правительство было убѣждено что они вдвоемъ съ генераломъ Винуа тотчасъ же возстановятъ безопасность въ городѣ. Но вмѣсто того чтобы дѣйствовать дружно и энергически, они отправляютъ отрядъ артиллеристовъ съ лопатами и пострómками, чтобы припрячь ихъ къ лафетамъ на Вогезской площади и увезти орудія. Въ кварталѣ бьютъ тревогу, и національная гвардія собирается и не выдастъ *своихъ пушекъ*. Артиллеристы, не имѣвшіе приказаній на такой случай, колеблятся и спрашиваютъ инструкцій на Вандомской площади. Имъ присылаютъ въ подкрѣпленіе сильный отрядъ республиканской стражи, съ приказаніемъ дѣйствовать. Офицеръ заводитъ переговоры съ національгардами, требуя чтобъ ему отперли рѣшетку, но

получаетъ формальный отказъ. Офицеръ національгардовъ объявляетъ что пушки могутъ взять только силой, и въ такомъ случаѣ, присовокупилъ онъ, отвѣтственность за пролитую кровь падетъ на войско. Командующій отрядомъ республиканской стражи не счелъ себя въ правѣ настаивать; онъ отступилъ съ своими артиллеристами, и за ними вслѣдъ на Вогезскую площадь явились отряды 66го, 80го, 94го, 135го и 180го баталіоновъ національной гвардіи, которые запряглись въ лафеты, увезли 56 пушекъ въ Бельвиль и на Шомонскіе холмы.

Монмартрскіе мятежники тотчасъ же принимаютъ оборонительныя мѣры и не скрываютъ своего угрожающаго положенія. Центральный комитетъ, называющій себя делегаціей 215 баталіоновъ, собираетъ въ Вокзалѣ до 3.000 національгардовъ, и это собраніе облекаетъ его чрезвычайными полномочіями. Коммиссія изъ сорока членовъ замѣняетъ временный комитетъ засѣдавшій въ улицѣ *de la Corderie-du-Temple.*

Волненіе въ Парижѣ доходитъ до крайней степени. Правительство думало укротить его воззваніемъ къ благоразумію и патріотизму населеній, изданнымъ за подписью г. Тьера, но воззваніе это не произвело никакого впечатлѣнія. Ночь съ 17го на 18е была ужасна. Набатъ, барабанный бой и звукъ трубъ раздавались всю ночь проведенную безъ сна жителями Парижа. Весь Монмартръ былъ на ногахъ, ожидая нападенія. 18го въ четыре часа утра, артиллеристы, таща за собою пушки и картечницы, выступили изъ улицы Лафайета и Маджентскаго бульвара и заняли позицію на бульварѣ Орнано. Въ то же время по Амстердамской улицѣ и параллельнымъ съ нею баталіоны пѣхоты, жандармы и парижская стража подходили къ площади Пигаль.

При видѣ такого движенія войскъ, жители этихъ кварталовъ, стоя у своихъ запертыхъ лавокъ, разспрашивили солдатъ; нѣкоторые предлагали вопросъ: не возвратились ли снова въ Парижъ Прусаки? На всѣ эти вопросы солдаты отвѣчали молчаніемъ.

Было восемь часовъ утра, когда артилерія на бульварѣ Орнано, подъ предводительствомъ генерала Леконта, пришла въ движеніе и заняла позиціи на углахъ улицъ Мюллера. Сентъ-Мари, на площадяхъ Бланшъ и Пигаль. Артиллеристы, вооруженные одними ружьями и подкрѣпляемые егерями, приблизились къ аванпостамъ національной гвардіи охранявшей

артиллерійскій паркъ Монмартрскаго холма. Изъ рядовъ войскъ выступилъ парламентеръ для переговоровъ съ командиромъ поста. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, этотъ офицеръ согласился на выдачу артиллерійскихъ орудій. И дѣйствительно, часъ спустя артиллеристы могли безъ сопротивленія овладѣть ими.

Между тѣмъ, извѣщенные барабаннымъ боемъ о случившемся, встревоженные движеніемъ войскъ по ихъ кварталу, національгарды Клиньякура съ оружіемъ въ рукахъ высыпали на улицу, предшествуемые барабанщикомъ, бившимъ сборъ, и спустя нѣсколько времени, почувствовавъ себя довольно сильными для сопротивленія, они ринулись на холмы, гдѣ войско встрѣтило ихъ ружейнымъ огнемъ. Нѣсколько національгардовъ, одна женщина и ребенокъ упали. Тогда начались переговоры между нападавшими и линейнымъ войскомъ, ряды смѣшались, національгарды отправились угощать солдатъ, которые тотчасъ же подняли ружья прикладами вверхъ. Въ эту минуту генералъ Лекомтъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Артиллеристы, по примѣру линейной пѣхоты, приняли участіе въ попойкѣ предложенной національгардами. Они не только бросили орудія, которыми только-что завладѣли, но оставили въ рукахъ мятежниковъ и привезенныя ими.

На площади Бланшъ, генералъ Винуа, поспѣшившій на мѣсто дѣйствія, встрѣтилъ сотни двигавшихся противъ него національгардовъ. Войско дало залпъ; національгарды отвѣчали. Капитанъ и нѣсколько солдатъ упали. Тогда по всей линіи обложенія солдаты обнаружили прискорбное колебаніе. Затѣмъ они стали отступать въ безпорядкѣ, и слѣдовавшіе за ними офицеры не могли ихъ удержать.

Часъ спустя Монмартръ остался во власти возмутившейся національной гвардіи.

Во время этой схватки, гдѣ отсутствіе дисциплины и деморализація распространенная въ войнѣ обнаружились въ такомъ плачевномъ видѣ, всѣ подступы къ Монмартру и Бельвилю покрылись баррикадами, клубы на открытомъ воздухѣ распространяли мятежъ, и насилія совершались надъ прохожими которыхъ объявляли подозрительными уличные мальчишки, играющіе обыкновенно дѣятельную роль во всѣхъ парижскихъ мятежахъ.

На лѣвомъ берегу мятежъ не встрѣчалъ такого сочувствія со стороны національной гвардіи; Монружъ даже отказывался

отвѣчать на призывъ къ общему сбору. Въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ все было спокойно, но начиная съ Люксамбура, сдѣлавшагося настоящимъ лагеремъ, до Бастиліи, волненіе усиливалось съ минуты на минуту. На Іюльской колоннѣ развѣвалось красное знамя.

День окончился тѣмъ что ворота казармъ, гдѣ собраны были войска, отворены были мятежниками, и что войска побратались съ послѣдними.

Прокламаціи гг. Тьера, Пикара, генерала Орелля де-Паладина появлялись во множествѣ и до ночи вывѣшивались на стѣнахъ, но не произвели никакого вліянія—мятежъ торжествовалъ.

Роковой день 18го марта ознаменовался не только убійствомъ солдатъ и гражданъ, которые хотѣли исполнить свой долгъ и воспротивиться мятежу, но еще смертію генераловъ Леконта и Клемана Тома, казнь которыхъ мятежниками представляетъ цѣлую драму.

Генералъ Леконтъ былъ однимъ изъ лучшихъ генераловъ французской арміи, товарищемъ по военной школѣ генераловъ Дюкро и Тротю; отъ роду ему было 59 лѣтъ. Со времени капитуляціи онъ командовалъ бмъ отдѣломъ, въ составъ коего входили Ла-Мюэтъ, Пасси и Отёйль, и при вступленіи Пруссаковъ выказалъ твердость и тактъ, которымъ всѣ отдавали справедливость. Солдаты которыми командовалъ Леконтъ въ роковой день 18го марта и которые, не колеблясь, подняли ружья прикладами вверхъ, почти не знали его. Они принадлежали къ арміи Шанзи и поступили подъ его команду только съ 9го марта. Еслибы 117й или 118й полки, которыми онъ прежде командовалъ, были тамъ, то они не оставили бы своего храбраго и любимаго начальника.

Окружавшіе его офицеры умоляли его удалиться и представляли ему что онъ безо всякой пользы подвергается неизбѣжной и страшной опасности.

— Я не могу удалиться, холодно отвѣчалъ Леконтъ.—Вотъ приказъ генерала Вишуа, предписывающій мнѣ держаться *что бы ни случилось*. Я останусь тутъ пока не получу другаго приказа.

Четверть часа спустя его отвели въ Шато-Ружъ.

Клеманъ Тома былъ одинъ изъ тѣхъ людей которые, даже во мнѣніи противниковъ, дѣлаютъ честь республиканской партіи. Онъ игралъ видную роль въ 1848 году, и осужденный

на изгнаніе во время декабрьскаго переворота, возвратился во Францію лишь послѣ паденія Наполеоновской династіи. Онъ командовалъ національною гвардіей во время осады и во всѣхъ случаяхъ обнаруживалъ непоколебимое мужество и твердость въ исполненіи долга. Отъ роду ему было 62 года. Онъ былъ представителемъ департамента Жиронды въ 1848; его избрали полковникомъ 2го легіона парижской національной гвардіи, и потомъ главнокомандующимъ оной, за его блестящіе подвиги во время покушенія 15го мая. Въ іюньскіе дни онъ былъ замѣненъ генераломъ Шангарнье.

18го марта, встревоженный слухами объ участи своего товарища, генерала Леконта, онъ отправился въ гражданскомъ платьѣ и въ кепи развѣдывать о немъ. Онъ добрался до линій монмартскихъ инсургентовъ.

Около четырехъ часовъ пополудни одинъ подпоручикъ національной гвардіи подошелъ къ нему съ вопросомъ:

— Не вы ли генералъ Клеманъ Тома?

— Да, отвѣчалъ генералъ,—что вамъ нужно отъ меня?

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Генералъ проговорилъ что-то. Подпоручикъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Во имя республики, я арестую васъ!

Его тотчасъ же отвели въ Шато-Ружъ. Національгарды находившіеся тамъ окружили его и поставили вмѣстѣ съ генераломъ Лекомтомъ. Ихъ потребовали тотчасъ же нѣсколько бѣснующихся и отвели обоихъ въ одинъ домъ на улицѣ *des Rosiers*, гдѣ засѣдала какая-то коммиссія принявшая названіе центральнаго комитета, коего она была только отдѣленіемъ.

Что ни говорили защитники возстанія, тамъ не было никакого подобія суда. Между тѣмъ какъ въ домѣ разсуждали какимъ образомъ устроить военный судъ, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ находились плѣнники, было выбито окно и ихъ повлекли въ садъ, гдѣ и окончилась страшная трагедія.

Оба генерала поставлены были къ забору въ глубинѣ сада. Человѣкъ двадцать подошли къ нимъ, осыпали ихъ ругательствами, обращаясь главнымъ образомъ къ Клеману Тома.

— Вы негодяй, говорили они,—вы намъ измѣнили во время осады, вы насъ продали и безо всякой пользы вели на убой.

Генералъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на оскорбителей и не удостоилъ ихъ отвѣтомъ.

— Осмѣлитесь ли вы поклясться что никогда не измѣняли ни Франціи, ни республикѣ?

Генералъ пожалъ плечами.

Раздаются два выстрѣла; генералъ остается невредимъ. Онъ кланяется своимъ убійцамъ. Составляется взводъ, отступаетъ на пять шаговъ и прицѣливается.

— Подлецы вы! сказалъ Клеманъ Тома.

— Feu! командуетъ капитанъ.

Генералъ Леконтъ, пораженный прямо въ сердце, падаетъ сначала на колѣна, очевидно уже мертвый. Одинъ изъ гнусныхъ убійцъ, въ костюмѣ національгарда, подходитъ къ убитому и даетъ ему пощечину; трупъ падаетъ на землю.

Но Клеману Тома не посчастливилось; онъ только раненъ; три раза пораженный не смертельно, онъ падаетъ и поднимается снова предъ своими палачами. Раздается хохотъ со стѣнъ, на которыхъ верхомъ сидятъ мальчишки, присутствующіе при этой бойнѣ, какъ въ спектаклѣ.

Выстрѣлы повторяются, и на этотъ разъ Клеманъ Тома падаетъ мертвый. Ему нанесли тридцать ранъ!

Крикъ торжества привѣтствуетъ его паденіе; убійцы бросаются на трупы, стрѣляютъ въ нихъ, и пронизываютъ ихъ штыками; затѣмъ женщины и мальчишки бросаются на кровавые останки и срываютъ съ нихъ все что̀ можно. Четверть часа спустя въ улицѣ *des Rosiers* продавали ихъ луговицы по 50 сантимовъ. Наконецъ одинъ національгардъ схватилъ за бороду трупъ генерала Тома и потащилъ его къ воротамъ сада, чтобы показать его черни.

Трупы, отнятые наконецъ изъ рукъ этихъ дикарей, были положены на доскахъ въ домѣ примыкавшемъ къ мѣсту убійства и покрыты простыней, которую принесла какая-то бѣдная женщина; они оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ пока врачъ объявилъ что необходимо ихъ похоронить.

Тогда ночью ихъ перенесли на кладбище и велѣли бросить въ общую могилу. Но друзья и родственники покойныхъ генераловъ успѣли выручить ихъ тѣла и похоронить съ честью.

Послѣ убійства генераловъ Леконта и Клемана Тома, Парижъ представлялъ невообразимое зрѣлище. Вся верхняя часть города въ страшномъ броженіи; повсюду воздвигаются баррикады, раздаются ружейные выстрѣлы, хотя рѣшительная борьба не начинается; Монмартръ, Бельвиль, Батиньёль,

Ла-Вильета, Бастилія, Вогезская площадь, холмы Шоманскіе Клиши, Менильмонтанъ оглашаются звуками набата и барабаннымъ боемъ, которые вскорѣ охватываютъ самые мирные и наименѣе населенные кварталы.

Поверхностный наблюдатель потерялся бы въ этомъ хаосѣ; но въ немъ несомнѣнно была своя тактика. Все дѣло заключалось въ томъ чтобы распространить общую тревогу въ городѣ и захватить позиціи, заранѣе и опредѣленно обозначенныя вождями движенія. Послѣдніе не отступали отъ своего плана, коему благопріятствовало разстройство вскорѣ овладѣвшее комендантами фортовъ и самимъ правительствомъ.

Прежде всего инсургенты двинулись на Городскую Думу, цѣль всѣхъ предшествовавшихъ возстаній, и на этотъ разъ захватили ее безъ труда. Занятіемъ ея пріобрѣтался центръ дѣйствія и важный стратегическій пунктъ.

Толпа изъ двухъ-трехъ тысячъ національгардовъ, принадлежавшихъ большею частію къ Монмартрскимъ баталіонамъ,п риближается къ Вандомской площади, гдѣ находится еще главный штабъ, и не встрѣчаетъ никакого сопротивленія на пути. Поднявшись вверхъ по улицѣ Мира, она очутилась лицомъ къ лицу съ нѣсколькими ротами 1го баталіона, командиръ коего, г. Барре, приказываетъ имъ остановиться, и убѣдясь въ ихъ намѣреніи продолжать путь, командуетъ заряжать ружья. Въ виду этого энергическаго положенія Монмартрцы подняли приклады вверхъ, требуя чтобъ и 1й баталіонъ послѣдовалъ ихъ примѣру, но онъ оставался твердъ, ожидая приказаній своего командира. Начались переговоры и, по распоряженію главнаго штаба, 1й баталіонъ отступилъ, и Вандомская площадь предоставлена была Монмартрскимъ баталіонамъ. Нѣсколько времени спустя, главный штабъ національной гвардіи и мѣсто расположенія 1ой военной дивизіи заняты были мятежными національгардами, которые вскорѣ захватили также министерство юстиціи, расположенное насупротивъ, личный составъ коего бѣжалъ Люксамбургскою улицей.

Такимъ образомъ 18го вечеромъ въ рукахъ инсургентовъ находились уже главный штабъ національной гвардіи, министерство юстиціи и Городская Дума. Въ теченіе дня, генералъ Вину переправился черезъ Сену со своимъ штабомъ и остановился на лѣвомъ берегу, предоставляя возстановленіе порядка одной національной гвардіи. Это дѣйствіе главнокомандующаго

парижскою арміей объясняется очевиднымъ настроеніемъ солдатъ, которые повсюду, гдѣ только представлялся случай, выказывали полнѣйшее сочувствіе мятежникамъ. Для усмиренія послѣднихъ на нихъ невозможно было разчитывать, а рѣшившись на это, можно было рисковать что они съ оружіемъ и снарядами перейдутъ къ мятежникамъ и только усилятъ ихъ ряды.

Глава исполнительной власти, г. Тьеръ, отправилъ предписаніе министерствамъ переправиться въ Версаль съ ихъ личнымъ составомъ и важнѣйшими документами, что̀ было исполнено со всевозможною послѣдностію.

Въ воскресенье 19го марта въ Парижѣ было два правительства, изъ коихъ каждое издавало прокламацію за прокламаціей. Правительство Городской Думы обнаружило въ этотъ день лихорадочную дѣятельность и первымъ дѣломъ его было водрузить красное знамя на фронтонѣ Думы. На мосту Лудовика-Филиппа и при входѣ въ аллею Викторіи выстроены были баррикады, на которыя каждый прохожій долженъ былъ приносить камни. Въ Городской Думѣ найдено было громадное количество ружей Шасспо, которыми тотчасъ и вооружилась національная гвардія.

Центральный комитетъ поспѣшилъ заявить о своемъ существованіи двумя прокламаціями, изъ коихъ одна была обращена къ парижскому народу, другая къ національной гвардіи; въ нихъ онъ извѣщалъ что выполнилъ свое полномочіе, состоявшее въ томъ чтобъ организовать оборону и низвергнуть правительство. Декретомъ своимъ обнародованнымъ въ тотъ же день вечеромъ комитетъ созывалъ избирателей по отдѣленіямъ для назначенія парижскаго общиннаго совѣта.

Къ населеніямъ департаментовъ центральный комитетъ издалъ особую прокламацію, возвѣщавшую что „парижскій народъ, доказавшій съ 4го сентября свой патріотизмъ и преданность республикѣ, явился снова на высотѣ своего призванія“. Онъ выражаетъ увѣренность что „провинція, соединясь со столицей, докажетъ Европѣ и цѣлому міру что вся Франція желаетъ избѣжать всякаго внутренняго раздора и всякаго кровопролитія.“

Заявивъ свои принципы, комитетъ приступилъ къ правительственнымъ распоряженіямъ: осадное положеніе Сенскаго департамента было снято; военные суды закрыты; объявлена амнистія за всѣ политическіе проступки и преступленія; министерства и всѣ административныя вѣдомства поручены

различнымъ лицамъ по назначенію комитета. При этомъ объявлялось что республиканскія власти будутъ уважать свободу печати и всѣ прочія вольности, и что они рѣшились твердо соблюдать прелиминаріи мира.

Населеніе съ недовѣрчивостью встрѣчало эти программы, которыя ежеминутно опровергались насиліемъ и произволомъ. Самый видъ города внушалъ чувство тревоги и страха. То былъ настоящій хаосъ, видъ совершеннаго разложенія соціальной жизни. Арміи уже не было, и остатки ея гнѣздились за баррикадами и въ шинкахъ; солдаты, въ мундирахъ покрытыхъ грязью, распродавали тамъ и слимъ за нѣсколько су разныя принадлежности своей аммуниціи, и промѣнивали первому встрѣчному бандиту патроны выданные для борьбы съ непріятелемъ за рюмку водки. Ружья Шассло продавались инсургентамъ за 30 су, и негодяи продававшіе ихъ укрывались потомъ за баррикадами, считая себя освобожденными отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Суматоху увеличивало еще смѣшеніе мундировъ, въ которые одинаково одѣты были и солдаты порядка и мятежники; послѣднихъ можно было узнать потому что баталіоны ихъ заключали въ себѣ національгардовъ, линейныхъ солдатъ, зуавовъ, артиллеристовъ и даже моряковъ.

Извѣстіе о прибытіи генерала Шанзи, вызваннаго изъ Тура г. Тьеромъ, дошло до инсургентовъ. Поѣздъ привезшій его остановился по обыкновенію впереди укрѣпленій, гдѣ контролеры собирали билеты у пассажировъ. На Монмартръ дано было знать о прибытіи генерала. Пока стоялъ поѣздъ, нѣсколько человѣкъ съ револьверами въ рукахъ подошли къ дверцамъ вагона гдѣ сидѣлъ генералъ и потребовали чтобъ онъ слѣдовалъ за ними. Съ четырехъ часовъ вечера Орлеанская станція была занята баталіономъ инсургентовъ. Сопротивленіе было невозможно, и главнокомандующій Луарскою арміей, попавшій въ руки центральнаго комитета національной гвардіи, былъ заключенъ въ одно изъ зданій Гобеленевскаго квартала, обращеннаго во временную тюрьму. Ему грозила участь Клемана Тома и Леконта, но одинъ изъ членовъ комитета возымѣлъ мысль что лучше оставить его заложникомъ и разстрѣлять въ возмездіе за перваго генерала инсургентовъ который будетъ убитъ Версальцами.

20го марта центральный комитетъ издалъ новую прокламацію, въ которой онъ извѣщалъ снова о своей рѣшимости сложить

съ себя власть. Приводимъ эту прокламацію какъ образецъ слога, тогдашнихъ правителей Парижа:

„Облеченные полномочіемъ, возложившимъ на нашу голову страшную отвѣтственность, мы выполнили его безъ колебаній, безъ страха, и какъ только достигли цѣли, то говоримъ народу, доказавшему намъ свое уваженіе тѣмъ что онъ послушалъ нашихъ совѣтовъ, которые нерѣдко противорѣчили его нетерпѣнію: Вотъ полномочіе которое ты намъ ввѣрилъ: тамъ гдѣ начался бы нашъ личный интересъ, наша обязанность оканчивается; исполняй свою волю. Господинъ нашъ! ты освободилъ себя. Неизвѣстные нѣсколько дней тому назадъ, мы снова возвратимся неизвѣстными въ твои ряды и докажемъ правителямъ что можно спускаться съ поднятою головой по ступенямъ твоей Городской Думы, съ увѣренностью встрѣтить внизу лѣстницы пожатіе твоей честной и здоровой руки.“

Подъ этою прокламаціей было 38 подписей людей совершенно неизвѣстныхъ (каковы Асси, Бильойре, Ферра, Бабикъ, Эдуардъ Моро, Дюпонъ, Варленъ, Мортье, Бурсье, Гуйе, Лавалетъ, Журдъ, Люллье, Гланше, Барру, Віаръ и пр.), * но ни одного имени главныхъ зачинщиковъ и вождей въ прежнихъ попыткахъ, каковы Густавъ Флурансъ, Феликсъ Піа, Клюзере и ихъ товарищи; равно не видимъ никакихъ признаковъ жизни гражданъ Вермореля и Бланки.

Замѣтимъ что съ этой минуты инсургенты дали себѣ наименованіе *федералистовъ*.

Г.

(Продолж. слѣд.).

---

* Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ напримѣръ Журдъ, Люллье, стали уже извѣстны во время процесса противъ членовъ центральнаго комитета и коммуны, но когда они появились въ первый разъ подъ прокламаціями центральнаго комитета, то всѣ съ изумленіемъ спрашивали: что это за люди и откуда они взялись? единственное извѣстное лицо былъ Асси, какъ главный зачинщикъ забастовокъ на заводахъ г. Шнейдера въ Крёзо.

РАЗКАЗЪ РУССКАГО ОЧЕВИДЦА

О ПЕРВЫХЪ ДНЯХЪ КОММУНЫ

Третьяго марта нынѣшняго года, то-есть вскорѣ послѣ заключенія знаменитаго мира, положившаго, повидимому, конецъ безпримѣрнымъ несчастіямъ разразившимся надъ Франціей, я выѣхалъ изъ Вѣны, via Bruxelles, съ тѣмъ чтобы при первой возможности пробраться изъ этого города въ Парижъ. Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ была лунная, теплая. Прибрежные рейнскіе городки и деревни блистали побѣдными иллюминаціями. Всюду факельщуги, почные хоры, фантастическія огненныя линіи въ воздухѣ и трескъ фейерверочныхъ бураковъ. Зáмки, разсѣянные по берегамъ *зеленой рѣки*, и тѣ представляли необычайное зрѣлище. Эти сѣдыя мертвыя массы освѣщались порой бенгальскими огнями, и изъ оконъ ихъ, обрамленныхъ плющемъ, струилось красноватое пламя смоляныхъ бочекъ. Словомъ, волшебныя декораціи на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ миль, торжественныя, но, нужно признаться, довольно однообразныя картины. Наконецъ зазвучалъ французскій языкъ.... Мы переѣхали бельгійскую границу. Холодная, надменная, побѣдоносная Германія была у насъ за спиной, и мы разставались съ ней чуть ли не съ чувствомъ негодованія. Даже мелкія дорожныя неудачи и непріятности, встрѣченныя нами по пути въ Брюссель, непріятности очевидно вызванныя военнымъ временемъ: частыя остановки, безцеремонное обращеніе съ нашимъ багажемъ, столкновеніе съ за-

чумленнымъ поѣздомъ раненыхъ близъ Кельна, пьяная пирушка прусскихъ офицеровъ во франкфуртскомъ Ландсбергъотель, все это съ какимъ-то злорадствомъ ставили мы въ вину неумѣренно, по нашему мнѣнію, ликовавшей Пруссіи. Таково уже сердце человѣческое: побѣдитель рѣдко кому бываетъ симпатиченъ.

Изъ Брюсселя, гдѣ я прожилъ недѣлю, питаясь довольно живыми парижскими корреспонденціями въ мѣстныя газеты, я тронулся во Францію. Поѣздъ (второй или третій train direct по Южной желѣзной дорогѣ) былъ громадной величины. Какъ въ распахнувшіяся двери театра послѣ долгаго томительнаго ожиданія рванулась въ Парижъ эта разношерстная толпа пассажировъ. Въ Крейлѣ, я носъ съ носомъ столкнулся съ двумя соотечественниками, въ замасленныхъ картузахъ и высокихъ нечищенныхъ калошахъ. Полагать нужно изволили торопиться по дѣламъ коммерціи въ „мѣстечко Парижа“.

По всей линіи желѣзной дороги попадались нѣмецкія войска. На станціяхъ, не исключая и Сенъ-Дени, расхаживали чопорные Прусаки, покуривая трубки и громко разговаривая между собою. Французы видимо отъ нихъ сторонились. Съ нами въ вагонѣ ѣхала пожилая женщина, Парижанка, съ молодою дѣвушкой, спасшейся, какъ я узналъ изъ ихъ разговора, въ Бельгію предъ самымъ открытіемъ войны. Подвижная юная блондинка такъ и впивалась полуиспуганными глазами въ нѣмецкихъ солдатъ: „Dieu, qu'ils sont laids, лепетала она, oh! les méchantes gens!“ На что старушка отвѣчала внушительно: „Alphonsine, pas de reflexions, mon enfant, pas de reflexions“, но сама устремилась къ окну, бросая направо и налѣво жадные, безпокойные взоры.

По дорогѣ особенно рѣзкихъ слѣдовъ войны я не замѣтилъ. Только въ St.-Quentin бросились въ глаза обгорѣлые остатки станціоннаго дома, да маленькія возвышенности, разсѣянныя въ полѣ въ родѣ муравьиныхъ кучъ, могилы падшихъ воиновъ. Черезъ Оазу мы прошли пѣшкомъ по деревянному временному мосту (постоянный былъ взорванъ), таща наши ложитки въ рукахъ, такъ какъ администрація желѣзной дороги въ Брюсселѣ отказалась принять ихъ въ багажъ. Впрочемъ поля всюду были вспаханы, засѣяны и мѣстами покрыты уже прекрасными зеленями. Подъ самымъ Парижемъ къ намъ въ вагонъ набралось множество Французовъ. Они съ запальчивостью и негодованіемъ разсуждали о положеніи дѣлъ въ столицѣ.

По словамъ ихъ, терроръ царствовалъ тамъ во всемъ ужасѣ. 164 орудія, поставленныя на Монмартрскихъ высотахъ, денно и нощно угрожали домамъ и людямъ; аресты слѣдовали за арестами: національные гвардейцы не хотѣли признавать никакихъ властей и даже оставались глухи къ увѣщаніямъ собственныхъ женъ, которымъ удалось однако взобраться на Монмартръ и увлечь за собою нѣсколько малодушныхъ солдатъ съ криками: „assez de canons comme cela!“ „Версалю остается одно, доказываетъ тучный лавочникъ, couper les vivres á ces coquins.“ „Версаль Версалемъ, горячился одинъ молодой офицеръ въ статскомъ платьѣ,—а этимъ мерзавцамъ не слѣдовало бы забывать что Прусаки у нашихъ дверей.“ — Междуусобица на носу, говорили одни; „она неизбѣжна“, подхватывали другіе. „Что скажетъ непріятель, что скажутъ вообще иностранцы? Парижъ жилъ иностранцами, а теперь кто изъ нихъ сунется въ Парижъ? Dites, monsieur?“ обратился ко мнѣ какой-то ораторъ и, не дождавшись отвѣта, скороговоркой продолжалъ:— „иностранцевъ вздумали вѣдь преслѣдовать, какъ шліоновъ, оскорблять на улицахъ, въ кофейняхъ, на биржѣ. Да что иностранцы, мы сами, Французы, то-есть люди порядка, послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ нами во время войны, снова вынуждены трепетать ежеминутно за наши дома, за наши семейства, за нашу жизнь. Смерть и разореніе позади насъ, эшафотъ впереди. Блокада Парижа Версальцами немнуема, а съ блокадой голодъ и рѣзня на улицахъ. Въ помочь всѣ ворота въ городѣ на замкѣ, и сообщеніе возможно только посредствомъ желѣзнодорожныхъ линій.“

Послѣ двѣнадцати-часоваго путешествія мы въѣхали въ Парижъ. Чѣмъ-то не ласковымъ пахнули на меня полуосвѣщенныя залы Маджентской горы. Вмѣсто ослѣпительнаго газа коегдѣ мерцающіе керасиновые фонари, вмѣсто обычнаго веселаго гула и толкотни пассажировъ, какой-то сдержанный шопотъ и медленно подвигающіеся люди съ недовольными, раздраженными лицами. На станціонномъ дворѣ ни одной кареты. Попался какой-то полупьяный гвардеецъ: перекинулъ мой чемоданъ черезъ плечо и поплелся, качаясь вправо и влѣво. Мы шли по плохо-освѣщеннымъ улицамъ, мимо закрытыхъ магазиновъ и полупустыхъ кафе, но когда чрезъ пассажъ Жуффруа мы вступили на Монмартрскій бульваръ, неожиданно-яркая картина бросилась мнѣ въ глаза. То былъ прежній, знакомый, наполеоновскій Парижъ! Лѣвая сторона тротуаровъ запружена по обык-

новенію густыми массами народа; несмолкаемый шумъ, пронзительное выкрикиваніе вечернихъ газетъ, скитаніе взадъ и впередъ сержантовъ, которымъ успѣли уже дать новую форму (тесаки вмѣсто шпагъ и какія-то бляхи на груди), щелканье кучерскихъ бичей и глухой громъ тяжеловѣсныхъ омнибусовъ, блескъ зеркальныхъ кафе и сіяніе знаменитой серебряной горы изъ суповыхъ ложекъ на углу улицы Ришелье, небольшія группы гражданъ у Весласьяновскихъ колонокъ и таинственно-шныряющія фигуры ночныхъ фрипъ. „Да какъ же говорили что Тропю во время осады выгналъ изъ Парижа всѣхъ этихъ *bouches inutiles*?“ — „Мало ли что говорятъ? Когда вы вернетесь домой, поучалъ меня знакомый ювелиръ изъ Chaussée d'Antin,— разкажите тамъ что Дюкро, нашъ знаменитый лгунъ Дюкро, который клялся возвратиться въ Парижъ побѣдителемъ, passait son temps á s'amuser avec des cocottes. О! эти дамы отлично ведутъ свои дѣла. Онѣ не пропускаютъ ни одного вечерняго поѣзда въ St.-Denis безъ того чтобы не повидаться съ своими пріятелями - Прусаками, и это несмотря на свистки и плевки уличныхъ мальчишекъ“.

Переодѣвшись наскоро въ отелѣ, я пошелъ побродить по бульварамъ: удостовѣрился что бо́льшая часть магазиновъ открыта, театръ Varietés открытъ; Helder, Brebant, Peters и т. п. развеселыя ночныя пристанища открыты, и не мало подивился спокойнымъ лицамъ и безпечному смѣху прохожихъ. Что это, легкомысліе, равнодушіе? Едва ли. Скорѣй привычка. Вѣдь Парижъ такой городъ который видѣлъ и Варѳоломеевскую ночь, и сентябрьскіе дни великой революціи, и coup d'état втораго декабря. Поневолѣ нервы притупятся. Отъ частой смѣны впечатлѣній (и какихъ еще впечатлѣній!) человѣкъ дѣлается ко всему равнодушнымъ или становится философомъ.

На другой день съ ранняго утра приступилъ къ болѣе подробному осмотру Парижа. Въ Палероялѣ перемѣнъ никакихъ нѣтъ, только на фасадѣ, выходящемъ на улицу Риволи, большими черными буквами на бѣломъ фонѣ написано: Republique française une et indivisible, съ прибавкой завѣтныхъ словъ: liberté, égalité, fraternité. Позднѣе я прочелъ подобныя же надписи на большей части общественныхъ зданій, не исключая и церквей. Любопытно знать когда успѣли сдѣлать эти надписи и гдѣ нашлись для начертанія ихъ свободныя руки? Неужели во время страшной четырехъ-мѣсячной осады люди заботились еще о революціонномъ декорумѣ?

Тюйлерійскій дворецъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе. Окна всѣ были настежь, словно провѣтривали комнаты послѣ покойника. Въ распахнувшіяся двери врывался сухой, свѣжій, рѣзкій вѣтеръ. „Настоящій реслубликанскій вѣтеръ“, подумалъ я. Солнце свѣтило ярко, ровно, не жгло своими лучами; лужки, обрамленные золочеными рѣшетками, разстилались, какъ изумрудныя бляхи, но на деревьяхъ не было еще и признаковъ зелени, и знаменитый каштанъ 20го марта, связанный съ судьбами Наполеоновской династіи, выглядывалъ какимъ-то жалкимъ, общипаннымъ привидѣніемъ. Въ собственномъ его императорскаго величества садикѣ, неприступномъ дотолѣ святилищѣ для публики, разгуливали дѣти и неистово чирикали воробьи, купаясь въ пескѣ. Ни конныхъ часовыхъ со стороны Карусельской площади, ни шальныхъ курьеровъ: одни раненые солдаты съ коротенькими трубченками въ зубахъ мирно расхаживали по широкому двору (Тюйлери былъ, какъ извѣстно, обращенъ въ госпиталь). На стѣнахъ надписи кистью и углемъ: proprieté nationale, logement à louer, vidé pour cause d'utilité publique и т. п. Дворцовый садъ или, вѣрнѣе, паркъ былъ запертъ. Сквозь рѣшетки виднѣлись бараки довольно красивой постройки, симметрично расположенные въ боковыхъ аллеяхъ, солдаты, варившіе тутъ же кашу, лошади, стога сѣна и кучи навоза. Бассейнъ былъ превращенъ въ водолой.

Дальше меня ожидали новыя чудеса. Статуи украшающія площадь Согласія, эту красивую, но холодную площадь, нѣсколько похожую, благодаря своимъ безчисленнымъ фонарямъ и обелиску, на крышу какого-то гигантскаго зданія, такъ же тяжело и непоэтично возсѣдали на своихъ пьедесталахъ, какъ и прежде; но теперь ихъ каменныя лица прикрывались черными флеровыми масками. Фонтаны на весеннемъ солнцѣ били, какъ въ самый разгаръ имперіи, а вокругъ колоссальной фигуры Страсбурга, повитой знаменами, колошилась и гудѣла толпа народа и неустанно раздавались крики: „да здравствуетъ реслубликa, да здравствуетъ Урихъ!“ Дико какъ-то высматривала въ сторонѣ забытая всѣми Вандомская колонна: и почетнаго часоваго нѣтъ, и увядшіе вѣнки изъ иммортелей сорваны съ рѣшетки, и бронзовый цезарь на вышкѣ словно наканунѣ позорнаго сверженія.

За Сеной противъ ожиданія я не нашелъ ничего особеннаго. Говорили что Вожирарская улица очень пострадала, но это

оказалось вздоромъ. Заглянулъ я на дворикъ hôtel de Lisbonne, гдѣ лѣтъ 12 тому назадъ нашелъ мой первый пріютъ въ великомъ городѣ. Какъ пахнуло счастливою стариной.... На лѣвой башнѣ Св. Сульпиція еле-еле виднѣлись пробоины. Не сумѣю сказать были ли онѣ результатомъ коническихъ ядеръ, ужасающіе образцы которыхъ я успѣлъ замѣтить въ витринахъ Лепажа и Лефошё.

Мою наблюдательную экскурсію я продолжалъ и на другой день; видѣлъ какъ снимались тяжеловѣсныя досчатыя брони, прикрывавшія во время осады барельефы Тріумфальной арки. Для чего, спрашивается, Рошфоръ потрудился надъ ихъ сооруженіемъ, могли ли онѣ устоять противъ полуаршинныхъ стальныхъ заостренныхъ цилиндровъ, наличканныхъ разрывнымъ снадобьемъ? За Тріумфальною аркой возвышалась баррикада изъ земли и камней, скрѣпленныхъ цементомъ, — архитектура весьма почтенная. Миновавъ ее, я очутился въ avenue Urich, прежнемъ avenue de l'Imperatrice. Тутъ слѣды осаднаго времени были очевидны: деревья по ту и другую сторону вырублены, земля взрыта, водопроводы поломаны, чугунная рѣшетка сорвана съ петлей и разнесена по частямъ. Въ Булонскомъ лѣсу на огромномъ пространствѣ курились обгорѣлые пни деревъ. * Я хотѣлъ было перешагнуть за черту городскаго вала, но голосъ часоваго: „on ne passe pas, citoyen“ остановилъ меня.

Физіономія города или, вѣрнѣе сказать, бульваровъ представляла для опытнаго глаза нѣчто необычайное. Въ кофейняхъ засѣдали странно костюмированныя личности: франтирёры въ коричневыхъ куртках, мобили (большинство въ подлитіи), гарибальдійцы съ длинными палашами и красными высокими шапками съ разноцвѣтными перьями, порядочные фарсёры, которымъ публика кричала иногда издали: à Chaillot, à Chaillot! Тротуары были уставлены переносными лавченками съ разнокалиберным товаромъ: политическими карикатурами, осколками прусскихъ бомбъ, книженками соблазнительнаго содержанія, монетами величиной въ лятакъ съ изображеніемъ „седанскаго человѣка“ и съ надписью: Napoléon le misérable, потайнымъ оружіемъ и т. п. дребеденью. На каждомъ шагу попадались нищіе—неслыханное явленіе во времена имперіи! Нельзя было присѣсть за кофейный столикъ безъ того чтобы

* Замѣчательно что мѣстами подсаживали уже новыя деревья.

васъ буквально не осаждали ободранныя, изможденныя бѣдныя фигуры просителей. Французы грубо отталкивали ихъ словами: filez, или adressez vous allieurs. За нищими выступали уличные музыканты, мальчишки и дѣвчонки, распѣвавшіе съ невѣроятными тѣлодвиженіями: „*Voici le sire de Fiche-ton-camp, qui s'en va-t'en guerre*“. На площадяхъ лодъ какой-нибудь аркой гремѣлъ цѣлый оркестръ изъ маленькихъ италіянскихъ виртуозовъ, и звуки Травіаты чередовались съ зажигательными акордами *Марсельезы*. Здоровая глотка блузника тутъ же заливалась надъ самымъ ухомъ: Demandez le *Mot d'odre* du citoyen Rochefort, deux sous, dix centimes! а потомъ противъ Passage des princes какой-то аферистъ установилъ телескопъ и за ½ франка предлагалъ любоваться на Монмартрскія батареи.

Все что̀ напоминало минувшее царствованіе было наскоро устранено. Такъ вмѣсто дощечекъ съ надписями: boulevard Hausmann или rue du X Decembre, на угольныхъ домахъ красовались рукописныя бумажныя вывѣски: boulevard Urich или rue du IV Septembre. Черная мраморная плита на которой значился годъ окончательнаго соединенія Лувра съ Тюйлери была сорвана, чья-то пуританская рука нахлобучила грязные мѣшки на орлы украшающіе колонны Новой Олеры. Уличная жизнь кипѣла попрежнему. Публика тѣснилась въ ресторанахъ, маленькихъ театрахъ, cafés chantants, и даже пресловутые казино Cadet и Valentino аккуратно отворяли свои двери съ 8 часовъ вечера. Только благопристойности ради свирѣпыя кадрили смѣнились concerts-promenades. Арбанъ по-старому неистово размахивалъ смычкомъ.... Словомъ, послѣ четырехмѣсячнаго поста Парижъ съ жадностью накинулся на удовольствія *добраго стараго времени*. Нѣкоторые театры простерли безсовѣстность до того что не потрудились даже измѣнить своихъ прежнихъ программъ. Вчужѣ было совѣстно читать на афишахъ: *Frou-frou*, *la Chatte blanche*, *les Bavards* Оффенбаха и т. п. Точно мертвые изъ гробовъ поднимались. Впрочемъ, если въ искусствѣ публика довольствовалась драмматическими спектрами, то въ политикѣ она явно искала новыхъ идеаловъ. Журнальный міръ обогатился безчисленными ежедневными листками самаго радикальнаго свойства. Вотъ имена газетъ этой бурной эпохи (нѣкоторыя изъ нихъ на неопрятной сѣрой бумагѣ появились послѣ 18го марта): *Пароль* (*Mot d'ordre*) А. Рошфора, *Порядокъ* (*Ordre*) Вермореля, *Отецъ*

Дюшенъ (*Le père Duchène*) Вермеша, *Мститель* (*Le Vengeur*) Феликса Піа, *Другъ народа* (*L'ami du peuple*) Марата (перепечатка настоящаго прошловѣковаго Марата съ мрачнымъ эпиграфомъ: „умри, коли нужно, но не скрывай правды“) и множество другихъ съ болѣе или менѣе причудливыми названіями, какъ-то: *Le Mont Aventin*, *La Bouche de fer* (П. Груссе), *La nouvelle république*, *Le chatîment*, *La Carmagnole*, *L'Avant garde*, *Le Cri du peuple* (Ж. Валлеса), *La Commune*, *La Sociale*, *La Montagne*, *Le Bonnet rouge* и т. д. и т. д. Какъ интересную подробность нужно упомянуть что каждый газетный нумеръ помѣчался числомъ почерпнутымъ изъ революціоннаго календаря, напримѣръ, samedi 12 ventose, mardi 21 germinal и т. п. Бо́льшая часть стеклянныхъ будочекъ или такъ-называемыхъ kiosковъ, гдѣ въ прежнее время сосредоточивалась исключительно продажа журналовъ, была закрыта. Ихъ покупали теперь у уличныхъ разносчиковъ, оглашавшихъ воздухъ своими пронзительными криками.

По вечерамъ въ различныхъ частяхъ города открывались клубы. Мнѣ довелось въ послѣдствіи не разъ присутствовать на засѣданіяхъ въ club national или de l'union (хорошенько не помню), помѣщавшемся въ пассажѣ Жуффруа, въ подземной залѣ театра Séraphin. Въ числѣ ораторовъ здѣсь подвизались граверъ Шаберъ, паркетщикъ Ферье и другія болѣе или менѣе темныя личности изъ рабочаго класса. Но нужно было послушать съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ и краснорѣчіемъ говорили эти люди: о подготовкѣ, о предварительной обработкѣ тутъ, конечно, не было и помину. Часто въ самый разгаръ рѣчи публика громко выражала свое нетерпѣніе, и ораторъ, не смущаясь, легко и складно переходилъ къ другимъ вопросамъ. На возраженіе противника сыпался дождь возраженій. Насмѣшка, шпилька, пущенная изъ заднихъ рядовъ амфитеатра, гдѣ засѣдала, разумѣется, консервативная часть публики, встрѣчала мгновенный отпоръ на трибунѣ. Нигдѣ и никогда мнѣ не случалось слушать такого живаго, жгучаго, страстнаго слова, какъ въ маленькомъ театрѣ Séraphin. Правда, люди говорившіе съ этихъ подмостковъ, скудно освѣщенныхъ парой керосиновыхъ лампъ, играли своими головами. Всякій вступавшій на трибуну заранѣе обрекалъ себя безпощадной мести Версальцевъ въ случаѣ ихъ торжества. Въ числѣ наиболѣе выдающихся ораторовъ назову національнаго гвардейца Шабера, нѣсколько застѣнчиваго сгорбленнаго человѣчка, съ надорваннымъ,

но весьма симпатическимъ голосомъ. Какихъ-нибудь недѣли три спустя голосъ этотъ навсегда оборвался, потому что его обладатель былъ проткнутъ въ спину версальскимъ штыкомъ. Шаберъ былъ умѣренный соціалистъ, и рѣчи его отличались довольно примирительнымъ характеромъ. Рѣзкимъ контрастомъ ему являлся Гальяръ, господинъ старо-якобинскаго покроя, которому въ послѣдствіи коммуна поручила сооруженіе баррикадъ и управленіе подземными минами. Его подвижная фигура, небольшой ростъ, тонкія губы, лицо обрамленное всклокоченными бакенбардами и, главное, рѣчь усыпанная такими зловѣщими словечками какъ гильйотина, кровь, измѣна, месть, производили не совсѣмъ успокоительное впечатлѣніе на публику. „Мы зашли такъ далеко, говорилъ онъ, что отступить намъ невозможно. Наши личные счеты съ жизнью покончены, мы взлетимъ съ Парижемъ на воздухъ, но не сдадимся Версали“. Въ костеръ, разжигаемый Гальяромъ, подливалъ масло нѣкто Брюль, блѣдный, заросшій черною бородой, молодецъ, должно-быть, изъ адвокатовъ. Личный врагъ Шабера, который откровенно признавался что ему, скромному рабочему, чрезвычайно тяжело являться предъ многочисленною публикой въ качествѣ клубнаго оратора, онъ увлекалъ слушателей своею острожною, язвительною и немного шарлатанскою болтовней. Но нужно отдать ему справедливость: я рѣдко встрѣчалъ человѣка который бы такъ изловчился въ риторическихъ эффектахъ и умѣньи строить кадансированныя фразы. Одного ему недоставало: искусства соотвѣтствующихъ пластическихъ движеній. Онъ только и умѣлъ что заворачивать обшлага своихъ рукавовъ, словно мясникъ, собирающійся сразить однимъ ударомъ быка. „Слушайте граждане, восклицалъ онъ, вотъ страница изъ отечественной исторіи. Однажды я нахожусь въ кабинетѣ Тьера. Тьеръ расхаживаетъ взадъ и впередъ, скрестивши на груди руки, подобно своему излюбленному герою (да не осквернитъ его имя моего языка!). Citoyen, обращаюсь я къ нему, нѣтъ сомнѣнія вы въ одинъ прекрасный день прикажите меня разстрѣлять... разстрѣлять, что конечно много, вы не кровожадны, но citoyen.... и т. д. и т. д.

О другихъ ораторахъ едва ли стоитъ и упоминать, за исключеніемъ впрочемъ Маркса, делегата отъ Интернаціональнаго Лондонскаго Общества, человѣка съ пламенною рѣчью на ломаномъ французскомъ языкѣ, и нѣкоего Дюрси, который однимъ своимъ появленіемъ возбуждалъ цѣлую бурю въ малень-

кой залѣ, биткомъ набитой слушателями. У этого господина было что-то сенъ-жюстовское въ выраженіи лица и пріемахъ, холодное, непреклонно-мстительное. Я помню, онъ только разъ увлекся, коснувшись дѣяній Трошю (заподозрѣннаго будто бы въ подкупѣ Прусаками), Тьера, Жюля Фавра и Гамбетты. „О! воскликнулъ онъ, смерть имъ, смерть, смерть!...“ и при этомъ судорожно топнулъ ногой, и лицо его покрылось мертвенною блѣдностью. Клубомъ президировали господа не очень высоко поставленные, но державшіе себя чинно и съ большимъ достоинствомъ. Бронзовый колокольчикъ позванивалъ одинаково хорошо, какъ въ рукахъ ларкетныхъ дѣлъ мастера Ферре, такъ и у лысаго куафёра изъ passage des panorames N. N.

18го марта въ 5 часовъ утра меня разбудилъ страшный барабанный грохотъ. Я съ-просонья выскочилъ на балконъ, не успѣвъ накинуть халата. Время стояло холодное, пасмурное. Chaussée d'Antin, улица столь многолюдная въ извѣстные часы дня, была еще совершенно пуста; только дворники мели тротуаръ, да изъ оконъ сосѣднихъ домовъ торчали полусонныя, испуганныя физіономіи обывателей. Со стороны Италіянскаго бульвара, гимнастическимъ шагомъ, въ синихъ коротенькихъ плащахъ, подвигались два барабанщика, производя неистовую трескотню на своихъ инструментахъ; за ними другіе два и еще два.... Не успѣлъ я придти въ себя отъ удивленія, какъ вдругъ раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, и вслѣдъ за ними, какъ бы догоняя ихъ, посыпалась сухая ружейная дробь. Въ головѣ у меня мелькнуло: „вотъ оно начало“, и я съ ужасомъ сталъ прислушиваться къ этой зловѣщей прелюдіи междуусобной войны. Схватка національныхъ гвардейцевъ съ линейными полками, оставшимися вѣрными версальскому правительству, произошла, какъ я узналъ въ послѣдствіи, на buttes Montmartre, гдѣ были разстрѣляны генералы Clement Thomas и Lecomte (расправа освирѣпѣвшихъ солдатъ, принявшихъ одного изъ нихъ за шпіона), и продолжалась на бульварѣ Клиши и въ rue Blanche, то-есть въ двухъ шагахъ отъ отеля гдѣ я стоялъ.

Такъ началась знаменитая революція 18го марта....

Вскорѣ прошла вѣсть о бѣгствѣ въ Версаль представителей законнаго правительства, Вину, главно-командующаго французской арміи, возбудившаго страшное негодованіе въ извѣстныхъ кружкахъ своимъ систематическимъ преслѣдованіемъ радикальной прессы, Ореля-Паладина, храбраго, но крайне непопулярнаго

генерала, и всѣмъ ненавистнаго префекта полиціи Валентина. Изъ огромныхъ афишъ, появившихся на всѣхъ улицахъ Парижа, мы узнали что власть отнынѣ сосредоточивалась въ рукахъ такъ-называемаго *комитета національной гвардіи*, состоявшаго изъ гражданъ Арно, Арнольда, Асси, Бержере, Бабика, Бильйоре и т. д., числомъ, кажется, до 36. По вечерамъ въ кофейняхъ можно было слышать приблизительно подобные разговоры: „Боже, въ какихъ непріятныхъ запахъ очутилась столица цивилизованнаго міра! Что за шваль засѣдаетъ въ ратушѣ: шляпочникъ Амуру, переплетчикъ Варленъ, башмачникъ Дёреръ, бывшій тайный агентъ Наполеона Асси, тотъ самый Асси который въ прошедшемъ году на англійскія деньги организовалъ стачку въ Крёзо, и т. д.“ — „Да, тяжелыя времена, добавляли другіе; кое-гдѣ уже проявились отвратительныя красныя тряпки; разказываютъ что сегодня въ полдень какой-то негодяй, при огромномъ стеченіи народа, взобрался на іюльскую колонну и, сѣвъ верхомъ на ангела, облилъ его пунцовымъ шарфомъ. Коли такъ пойдетъ, доживемъ пожалуй и до гильйотины.“

Нечего и говорить что радикальная печать отзывалась о совершившихся событіяхъ совершенно иначе. „Монмартрскія пушки, пояснялъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ органовъ этой печати, пушки которыми такъ предательски хотѣли было завладѣть линейцы Вишуа, принадлежатъ безспорно національной гвардіи: вопервыхъ, потому что граждане заплатили за нихъ по подпискѣ собственныя деньги, вовторыхъ, потому что еслибъ эти орудія принадлежали арміи, то презрѣнные авторы парижской капитуляціи не преминули бы ихъ сдать Прусакамъ на основаніи такой-то и такой-то статьи январской конвенціи (convention du 28 Janvier).“ Объ убійствѣ генераловъ Тома и Леконта *Офиціальный Журналъ Французской республики*, который въ скоромъ времени долженъ былъ переименоваться въ *Офиціальный Журналъ Парижской коммуны*, разсуждалъ такимъ образомъ: „Всѣ реакціонныя газеты печатаютъ болѣе или менѣе драматическіе разказы о томъ что они величаютъ постыднымъ убійствомъ. Конечно, это фактъ достойный сожалѣнія, но ради безпристрастія нужно замѣтить что 1) генералъ Леконтъ отдалъ приказаніе стрѣлять въ толпу женщинъ и дѣтей, какового приказанія было выполнено четыре раза кряду; 2) что генералъ Тома арестованъ въ ту минуту когда онъ, переряженный въ статское платье, снималъ планы съ Монмартр-

скихъ баррикадъ. Эти люди пали слѣдовательно жертвой военнаго закона, который не допускаетъ ни пліонства, ни убійства невинныхъ женщинъ и дѣтей." Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ того же журнала мы нашли замѣтку оправдывающую фактъ разстрѣлянія въ еще болѣе энергическихъ выраженіяхъ. Она начиналась фразой нѣсколько странно звучащею въ офиціальномъ органѣ: „Со временъ Брута еще не рѣшено насколько извинительны политическія убійства...."

Послѣ взрыва 18го марта бойкая городская жизнь какъ будто притихла. Парижъ повѣсилъ немного носъ. Правда, публика продолжала посѣщать еще нѣкоторые театры, но актеры играли вяло, нехотя, и зрители, съ своей стороны, оставались безучастными къ тому что происходило на сценѣ, какъ будто и тѣ и другіе понимали что все это совершенно неумѣстно и несвоевременно. Чтобы развлечься, я зашелъ было въ Палероялькій театръ, гдѣ давался очень смѣшной фарсъ *Le Carnaval du merle blanc*; но, Боже мой, что за мрачное настроеніе въ партерѣ, какія вытянутыя физіономіи!... На улицахъ съ утра до поздняго вечера стояли группы людей съ азартомъ разсуждавшихъ о политикѣ. Ихъ не тревожила ни полиція, которая исчезла неизвѣстно куда, ни экипажная ѣзда, которая почти совсѣмъ прекратилась. На бульварахъ было пусто, даже суетливая, кипящая жизнь ночныхъ ресторановъ, и въ томъ числѣ *Café de Madrid*, этого маленькаго якобинскаго клубика, и та словно замерла. Въ эти дни всякій чувствовалъ что-то недоброе, зловѣщее въ воздухѣ. Грозная туча, Богъ знаетъ откуда приползшая, повисла надъ беззаботнымъ, блестящимъ Парижемъ.

Туча лопнула 23го марта—въ утро ознаменовавшееся лобощемъ на Вандомской площади. Произошло оно, какъ извѣстно, по случаю манифестаціи такъ-называемой партіи порядка, которая съ распущенными знаменами и криками: „à bas le comité, vive l'ordre!" двинулась громадною массой, тысячъ въ десять человѣкъ, по направленію къ улицѣ Мира. Здѣсь, почти у самой подошвы Вандомской колонны, она наткнулась на баррикаду, охраняемую національными гвардейцами. Произошла схватка, стоившая жизни 10 или 15 человѣкамъ. Народъ отхлынулъ на бульвары въ страшномъ смятеніи, и въ ту же минуту съ Монмартрскихъ высотъ загудѣли пушки. Я въ числѣ другихъ зрителей успѣлъ укрыться въ *Café Riche*. Двери за нами захлопнули, ставни опустили, и мы высидѣли

въ потемкахъ около получаса. Хорошо еще что судьба не толкнула насъ въ сосѣдній кафе, гдѣ двѣ пули пронизали желѣзныя жалюзи и въ дребезги превратили стѣнныя зеркала. Сумятица не скоро успокоилась, народныя толпы ходили какъ разъяренныя волны, въ разные концы неслись омнибусы биткомъ набитые солдатами. На имперіалахъ стояли люди, неистово размахивая руками и воля: „къ оружію, граждане, къ оружію!“

Нѣсколько-дней спустя, то-есть 28го марта, послѣдовало провозглашеніе коммуны. Къ пущему блеску этой церемоніи присоединился какъ нарочно великолѣпный солнечный день. Баталіоны національныхъ гвардейцевъ, въ новенькихъ мундирахъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, выступили по направленію къ Городской Думѣ. Въ 4 часа пополудни, тотчасъ по объявленіи съ балкона *Hôtel de Ville* новой псевдо-муниципальной власти, началась пушечная пальба, и 40 тысячъ голосовъ затянуло знаменитую *Марсельезу*. Впрочемъ церемонія эта, о которой такъ много писалось въ журналахъ, прошла какъ-то незамѣтно въ Парижѣ. Многіе узнали объ ней только вечеромъ. Я помню, за table d'hôte, въ пассажѣ Жуффруа, когда туда пришла вѣсть о провозглашеніи коммуны, какой-то господинъ апатично процѣдилъ сквозь зубы: „коммуна такъ коммуна; почему бы не прямо комитетъ общественнаго спасенія?“

Между тѣмъ общій видъ Парижа быстро измѣнялся. На углахъ большихъ улицъ (Drouot, Vivienne и т. п.), площадяхъ и бульварныхъ перекресткахъ появились патрули; городъ сталъ покрываться баррикадами. Пойдешь бывало къ Палероялю, наткнешься на каменную стѣну, выросшую за ночь, съ пушечными жерлами и военнымъ карауломъ; сунешься въ другое мѣсто—„au large, citoyen!“ Театры одинъ за другимъ позакрылись, бульварные рестораны также. Магазины и кафе при малѣйшей тревогѣ захлопывали двери и ставни, какъ устрицы свои створки. Домовыя стѣны начали украшаться надписями: „смерть ворамъ!“ Само собою разумѣется что крайняя демагогическая печать при этомъ не дремала. Какъ образчикъ тогдашняго журнальнаго краснорѣчія, приведу слѣдующія строки Феликса Піа, изъ его газеты *Мститель:* „Граждане! вы совершили безпримѣрную въ исторіи революцію. Ея значеніе въ томъ что въ ней нѣтъ ничего личнаго, индивидуальнаго. Это не захватъ, не насиліе, не государственный переворотъ, это дѣло общественной совѣсти, дѣло естественное, чуждое фальши, роковое, колоссальное. Его творецъ „презрѣнная чернь“, то-есть власть

нормальная, самопроизвольная, не нуждающаяся ни въ обаяніи громкаго имени, ни въ авторитетѣ и блескѣ славы, ни въ хитростяхъ и тайныхъ пружинахъ, къ которымъ прибѣгаютъ разныя партіи. Члены вашего народнаго правительства неизвѣстны. Тѣмъ лучше. Чье имя могло бы создать 220 баталіоновъ національгардовъ? Гдѣ та партія или та глава партіи которая могла бы увлечь въ революціонный водоворотъ весь Парижъ? Звѣздные лучи взаимно затмѣваются, страсти партій взаимно парализуются. Только темные люди способны дѣйствовать по чувству долга во имя единства." (Передаю смыслъ, а не самый текстъ.)

Естественно что при напливѣ подобныхъ произведеній въ періодической печати, голоса умѣренной журналистики одинъ за другимъ вынуждены были смолкнуть. Я уже не говорю о какомъ-нибудь *Figaro* или *Gaulois*, редакціи которыхъ провалились въ провинцію, но даже *Temps*, *Siècle*, *Soir*, *Liberté* и т. д. позакрыли свои типографіи. Въ видѣ контрабанды можно было еще кое-какъ доставать *Journal officiel de Versailles*. Газета эта продавалась тайкомъ, чуть не изъ-подъ полы.

Отношенія между Парижемъ и Версалемъ становились все натянутѣе и запутаннѣе. Разрывъ былъ неминуемъ, его ждали съ часа на часу. И дѣйствительно, въ ночь на третье апрѣля 40 баталіоновъ національной гвардіи, подъ начальствомъ Бержере и Флуранса, двинулись къ Mont-Valérien. Бержере я никогда не видалъ и потому ничего не могу о немъ сказать, но Флурансъ * былъ мнѣ весьма памятенъ по прошлогоднему событію, нагремѣвшему на всю Европу,—я разумѣю убійство Виктора Нуара принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ,—убійство вызвавшее бурныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ Нёльи. Викторъ Нуаръ былъ самъ по себѣ ничтожность, журналистъ втораго или третьяго разряда; но онъ принадлежалъ къ республиканской партіи, и рука сразившая его сразила въ немъ одного изъ представителей этой партіи. Отсюда цѣлая буря. 12го января съ ранняго утра, подъ проливнымъ дождемъ, громадная толпа хлынула въ Нёльи, по направленію къ дому гдѣ въ открытомъ гробу лежалъ окровавленный трупъ Нуара. Здѣсь, послѣ двухчасоваго ожиданія, распахнулось окно во второмъ этажѣ и показались двѣ фигуры, одна исхудалая,

* Сынъ извѣстнаго физіолога, прославившійся своими похожденіями во время Критскаго возстанія.

желтая какъ церковная свѣча, съ глубокими морщинами вокругъ рта и носа; другая — блѣдная какъ полотно, украшенная огромнымъ, взбитымъ по-мефистофельски хохломъ. То были Делеклюзъ и Рошфоръ, недавніе враги, нынѣ, благодаря посредничеству Ледрю-Роллена, примирившіеся и братски пожимавшіе другъ другу руку. Это нѣсколько театральное появленіе произвело взрывъ восторга въ несмѣтныхъ толпахъ зрителей. Въ воздухѣ повисъ, такъ-сказать, одинъ продолжительный стонъ привѣтствій и виватовъ; но когда заговорилъ Делеклюзъ, когда онъ бросилъ въ толпу эти зажигательные слова: „Граждане! мы молча выносили восьмнадцатилѣтнее рабство; нынѣ пробилъ часъ, и мы требуемъ мщенія.“—„Мщеніе, мщеніе! бѣшено заревѣлъ народъ, nous demandons la tête de Bonaparte!“ Мнѣ кажется что Делеклюзу стоило тогда махнуть рукой, и эти люди, пришедшіе сюда съ желтыми значками на груди и револьверами за пазухой, ринулись бы на Парижъ съ неудержимою силой лавины. Но вдругъ Рошфоръ, этотъ неудавшійся Комиль-Дюмуленъ нашего времени, выдвинулся впередъ и задыхающимся отъ волненія голосомъ произнесъ: „Граждане, будь мы въ центрѣ нашей любезной столицы, посреди лабиринта нашихъ родныхъ улицъ, гдѣ насъ знаетъ каждый камень мостовой, облитой кровью нашихъ братьевъ, — вблизи нашихъ женъ и дѣтей, я бы первый предложилъ вамъ инсуррекцію; но здѣсь, въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточились всѣ наличныя силы революціи, гдѣ за каждымъ домомъ стерегутъ насъ кассъ-теты и штыки непріятеля, гдѣ при малѣйшемъ покушеніи на серіозное движеніе насъ встрѣтятъ картечью, умоляю васъ, воздержитесь отъ всякой безполезной манифестаціи. Вамъ совѣтуютъ везти священныя останки нашего друга въ Парижъ. Берегитесь. Намъ придется пробираться сквозь тучи сержантовъ, по открытому, стратегическому пути, примыкающему къ Эннсейскимъ полямъ, а тамъ за Дворцомъ Промышленности курятся уже фитили надъ пушками. Не къ Парижу слѣдуетъ направить похоронную процессію, а къ Монмартрскому кладбищу. Вамъ дорогъ случай, вы боитесь упустить его. Э, полноте, на то и Бонапартизмъ чтобы создавать подобные случаи десятками.“

Въ эту минуту изъ оконъ верхняго этажа полетѣли свернутые билетики на головы слушателямъ. Они заключали два слова и два вопросительные знака: „Парижъ? Пёльи?“ * И всѣ

* Монмартрское кладбище находится въ Нёльи.

толпы заколыхались и двинулись сами не зная куда. На поворотѣ у дома гдѣ находился покойникъ, чья-то опытная рука устроила слѣдующую сцену, совершенно въ парижскомъ духѣ. Угольное окно, съ опущенными дотолѣ жалюзи, вдругъ отворилось, и зрителямъ, достаточно наэлектризованнымъ предыдущими сценами, представилась трогательная картина семейства Виктора Нуара: плачущая мать, сестра, какой-то ребенокъ (сколько мнѣ помнится) и еще третья женщина, блѣднѣе самой смерти,—невѣста несчастнаго молодаго человѣка. Гробъ въ которомъ покоилась жертва поставили на погребальную колесницу, и шествіе тронулось по avenue Neuilly къ Монмартрскому кладбищу. Приблизительно на половинѣ дороги, въ то время какъ восторженная толпа подняла на импровизованныхъ носилкахъ брата Виктора, Луи Нуара, произошла неописанная суматоха. Флурансъ и Верморель (господинъ заподозрѣнный въ тайныхъ связяхъ съ правительствомъ) устремились къ колесницѣ, схватили лошадей подъ устцы и стали ихъ сворачивать по направленію къ Парижу. Рошфоръ, сидѣвшій около кучера, напрасно уговаривалъ ихъ бросить эту затѣю. Сбитый съ козелъ, онъ упалъ подъ ноги лошадямъ и чуть не былъ ими раздавленъ. Его отнесли безъ чувствъ въ ближайшую аптеку. Печальная, тяжелая сцена... Но мнѣ кажется что, увлекшись воспоминаніями, я слишкомъ отклонился отъ своего разказа. Разказывать впрочемъ осталось немного.

Вслѣдъ за покушеніемъ Флуранса обогнуть Mont-Valerien и броситься на Версаль,—покушеніи имѣвшемъ, какъ извѣстно, столь плачевные результаты, начались нескончаемыя битвы при Медонѣ, Шатильйонѣ, Монружѣ и Нёльи. Различныя перипетіи этихъ битвъ, дальній отголосокъ которыхъ долеталъ до Трокадерскихъ высотъ (Парижане ѣздили туда любоваться въ телескопъ причудливо расплывающимися въ воздухѣ клубами пороховаго дыма), предоставляю описывать другимъ. Я скромно сознаюсь что кромѣ раскатовъ эхо отъ пушечной пальбы и лживыхъ побѣдныхъ бюллетеней, дождемъ сыпавшихся изъ версальскихъ и парижскихъ типографій, я ничего не слыхалъ и не видалъ. За то происшествія внутри города не могли ускользнуть отъ вниманія. Здѣсь шли демонстраціи за демонстраціями: тріумфальныя прогулки національгардовъ, съ митральезами и красными знаменами во главѣ, сопровождаемыя криками: „Да здравствуетъ коммуна!“ исполинскія колесницы съ падшими жертвами и т. д. Выйдешь бывало на улицу,

все кажется попрежнему, но тутъ вдругъ пронесутъ на окровавленныхъ носилкахъ человѣка съ разрубленнымъ черепомъ, или, глядишь, два-три солдата подлетятъ къ омнибусу и начнутъ выпрягать лошадей, подъ предлогомъ военной реквизиціи; тамъ на углѣ, неизвѣстно почему, раздается ружейный выстрѣлъ, а здѣсь глазъ невольно остановится на афишѣ, гласящей: „По смыслу декрета отъ 29го марта, такой-то національгардъ, положимъ шестаго баталіона, приговоренъ къ смерти.“

Понятно что такая обстановка не могла не дѣйствовать самымъ раздражающимъ образомъ на нервы. Въ сгустившейся, словно накаленной революціонными страстями атмосферѣ, въ которой вращался Парижъ, становилось положительно душно. Нельзя было чашки кофе выпить безъ акомпанимента лупечнаго гула. Лица Парижанъ осунулись. Женщины кое-какъ крѣпились и сохраняли свой обычный кокетливый видъ; но мущины давно перестали бодриться и предались полнѣйшей апатіи. Я говорю, разумѣется, не о національныхъ гвардейцахъ. Тѣ храбро дрались и умирали по окрестностямъ города.

Въ самый разгаръ этой томительной драмы подкралось однако незамѣтно время дальше котораго я не могъ оставаться въ Парижѣ. Выбраться изъ него было не такъ легко какъ я воображалъ. Касса для раздачи билетовъ на Сѣверной желѣзной дорогѣ, охраняемая вооруженными людьми, долго не отпиралась. Сначала комитетъ національной гвардіи отмѣнилъ было вечерній поѣздъ въ Saint-Denis; но пришло разрѣшеніе коммуны, и билеты стали продавать, съ большими однако предосторожностями и сортировкой пассажировъ. Такъ какъ въ силу послѣдняго декрета парижскаго правительства каждый гражданинъ не достигшій сорокалѣтняго возраста обязывался, подъ страхомъ смертной казни, служить въ національной гвардіи, то пассажирамъ имѣвшимъ нѣсколько юношескій видъ отказывали наотрѣзъ въ билетахъ. Я, какъ иностранецъ, долженъ былъ предъявить свой паспортъ. Кассиръ протянулъ неохотно карточку, окинувъ меня предварительно испытующимъ, недовѣрчивымъ взглядомъ....

Въ нашемъ вагонѣ толковали о гильйотинѣ, выплывшей изъ какихъ-то таинственныхъ погребовъ на свѣтъ Божій и публично сожженной на набережной Вольтера....

Д. КОВАЛЬСКІЙ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО
СЪ ВОЕЙКОВЫМЪ
ВЪ 1830 ГОДУ
И ЕГО ПЯТНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОБРАНІЯ*

IX.

Воейковъ имѣлъ страсть разоблачать псевдонимы, хотя самъ не любилъ когда разоблачали тѣ псевдонимы (Алексѣя Кораблинскаго, Никиты Луговаго и Ѳеоктиста Нагайкина) которыми онъ часто прикрывался. Такъ онъ, когда находился въ немилостивомъ ко мнѣ расположеніи духа, что̀ въ теченіи нашего знакомства случалось не разъ, снималъ тотчасъ завѣсу и съ моего Виктора Басковскаго или Бориса Волжина, которыми я маскировалъ свое настоящее имя, особенно съ того времени какъ, съ 1835 года, сталъ служить въ военномъ министерствѣ, гдѣ въ ту пору сдѣлано было распоряженіе тогдашнимъ министромъ, графомъ (въ послѣдствіи бывшимъ свѣтлѣйшимъ княземъ) А. И. Чернышевымъ, чтобы всѣ находящіеся на службѣ подъ его начальствомъ обязались подпиской, подъ опасеніемъ исключенія изъ службы, ничего не печатать подъ своимъ именемъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія директоромъ канцеляріи, статсъ-секретаремъ М. М. Брискорномъ. Распоряженіе это

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9, 10.

послѣдовало по слѣдующему случаю: молодой чиновникъ министерства, только-что вышедшій тогда изъ Царскосельскаго лицея, талантливый стихотворецъ г. Деларю напечаталъ въ одной изъ первыхъ книгъ *Библіотеки для Чтенія* свое счастливое подражаніе Виктору Гюго въ звучныхъ и хорошихъ стихахъ, которые были, пожалуй, лучше подлинника. Вотъ эти стихи:

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница, тогда бъ повергъ я предъ тобой
Все, все что̀ власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой.

И еслибъ Богомъ былъ,—селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй. *

Въ нынѣшнее время, то-есть почти 47 лѣтъ спустя послѣ этого случая, вѣроятно, никто не обратилъ бы на нихъ въ цензурномъ отношеніи вниманія. Да и тогда, при довольно стѣснительной цензурѣ, цензоръ пропустилъ ихъ безпрепятственно. Но въ стихахъ этихъ тогдашній митрополитъ Серафимъ, не понятно какимъ образомъ ихъ читавшій, усмотрѣлъ что-то не православное и вошелъ объ этомъ обстоятельствѣ со всеподданнѣйшимъ докладомъ. Государь императоръ Николай Павловичъ прогнѣвался и приказалъ разузнать о переводчикѣ этихъ стиховъ, которые, однако, какъ тогда слышно было, по благозвучію своему самому государю понравились. Со всѣмъ тѣмъ молодой стихотворецъ г. Деларю, помнится, былъ посаженъ на гауптвахту и лишился службы подъ начальствомъ военнаго министра, который нашелъ нужнымъ, въ огражденіе себя на будущее время отъ подобныхъ непріятныхъ случайностей, сдѣлать то распоряженіе о которомъ я сейчасъ упомянулъ. Послѣ этого можно себѣ представить какъ непріятна была каждому служащему молодому писакѣ страсть г. Воейкова къ разоблаченію псевдонимовъ, которою онъ умѣлъ донимать даже Сенковскаго,

* По поводу этихъ стиховъ нашъ знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ отозвался о нихъ г. Деларю такъ:

Мой другъ, когда бы былъ ты Богъ,
Такой бы глупости сказать не могъ.

(*Русская Старина* 1869.)

печатая безпрестанно: Баронъ Брамбеусъ (Сенковскій); Морозовъ (Сенковскій); А. Бѣлкинъ (Сенковскій); Тютюнджи-Оглу (Сенковскій) и пр. Но забавно было то что онъ, Воейковъ, никакъ не хотѣлъ считать рецензента *Телескопа* и *Молвы* настоящимъ Виссаріономъ Бѣлинскимъ, а не вымышленнымъ псевдонимомъ. При этомъ не лишнее сказать что Воейковъ къ Бѣлинскому, тогда уже проявлявшему зачатки своего замѣчательнаго таланта, питалъ ненависть, ежели можно, еще сильнѣйшую чѣмъ къ Полевому, Булгарину и Сенковскому и не могъ о критикахъ и разборахъ его говорить иначе какъ со свойственнымъ ему желчнымъ остервенѣніемъ, заходившимъ за предѣлы не только умѣренности и приличій, но даже здраваго смысла. Въ этотъ вечеръ какъ нарочно шелъ между гостями Воейкова довольно оживленный разговоръ о Бѣлинскомъ и его партизанскихъ литературныхъ „наскокахъ“, какъ иные называли рѣзкій способъ рецензированія, какой въ тѣ патріархально-идиллическія времена начиналъ вводиться, съ легкой руки Полеваго, въ особенности Бѣлинскимъ и тою молодою дружиной, въ Москвѣ его окружавшею, которая нанесла окончательный ударъ педантизму и схоластикѣ въ нашей, еще тогда столь молодой литературѣ. Воейковъ долго, долго слушалъ эти разговоры, въ которыхъ одни рьяно нападали на новые литературные взгляды и порядки, другіе, нехотя и съ осторожностью, старались выставлять хорошія стороны этого новаго литературнаго строя. Воейковъ все время грызъ набалдашникъ своей клюки и потомъ, схвативъ грифельную доску, началъ на ней что-то строчить и объявилъ что, не принимавъ участія въ разговорѣ, онъ становится на сторону противниковъ *вредныхъ* нововведеній.

— У меня, господа, заволилъ Воейковъ, — есть эпиграмма о томъ какимъ топомъ извощичьяго ухарства хочетъ, повидимому, блистать современая quasi-критика. Прошу позволенія моихъ любезныхъ гостей прочесть ее.

Разумѣется посыпались просьбы: „Сдѣлайте одолженіе!“ „Пожалуста!“ „Ради Бога!“ и пр. Воейковъ не заставилъ себя ждать и съ аспидной доски прочелъ слѣдующее, какъ бы возглашаемое самимъ Бѣлинскимъ и consorts:

Прочь съ презрѣнною толпою,
Цыцъ, схоластики, молчать!
Вамъ ли черствою душою
Жаръ поэзіи понять?
Дико, бѣшено стремленье,

Чѣмъ поэтъ одушевленъ:
Тамъ въ безумномъ упоеньи
Богъ поэтовъ, Аполлонъ
Съ Марсіаса содралъ кожу!
Берегись его дѣтей:
Эпиграммой хлопнутъ въ рожу,
Рифмой бѣшеной своей
Въ поэтическія плети
Пріударятъ дураковъ,
И позоръ вашъ, мрака дѣти,
Отдадутъ на свистъ вѣковъ.

Эта эпиграмма, правду сказать, довольно бойкая, произвела впечатлѣніе на слушателей, такъ что партизаны *вредныхъ* (какъ говорили противники ихъ) стремленій новой критики, особенно критики Бѣлинскаго, будто маленько пріуныли. Это пріятно пощекотало самолюбіе старика-сатирика. * Онъ, по-своему, хрипло засмѣялся и, усмотрѣвъ появленіе слуги и мальчика-казачка съ закуской и водкой, пригласилъ весело и радушно гостей ужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Всѣ встали и пошли въ столовую, гдѣ оказалось что Богъ послалъ цѣлое блюдище жареныхъ рябчиковъ, съ двумя или тремя салатниками съ огурцами, пикулями и салатами разнаго рода, кромѣ полсотни тонкихъ ломтей холоднаго ростбифа съ шампиньйонами, при нѣсколькихъ бутылкахъ довольно порядочнаго вина. Началось, разумѣется, съ того что всѣ старались, по возможности и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій, себя угостить вслѣдствіе хозяйскаго приглашенія; а потомъ опять завязались различные отдѣльные разговоры, причемъ нѣкоторые гости на ломберныхъ столикахъ записывали разныя разности приходившія имъ на память и которыя назначались въ печать для хлѣбосольнаго журналиста-амфитріона. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и усердно ѣлъ и

---

* Впрочемъ хотя Воейковъ въ то время и прочелъ стихи эти какъ свои собственные, они ему не принадлежали, а вышли, какъ слышно, изъ подъ пера одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей, чуть ли не князя П. А. Вяземскаго. Воейковъ частенько выдавалъ чужіе стихи за свои, и въ *Біографіи профессоровъ Московскаго университета* сохранилась одна интересная подробность, а именно что Воейковъ часто съ Мерзляковымъ игрывалъ въ карты на стихи, забирая у него переводомъ строфъ *Дѣлилевыхъ Садовъ* вмѣсто проигранныхъ имъ денегъ.

смѣялся. Вдругъ однако l'enfant terrible, Якубовичъ, нашелъ нужнымъ объявить что стихи графа Хвостова къ Зонтагъ до такой степени нелѣпы и отличаются такимъ дурнымъ стихосложеніемъ что едва ли можно ихъ напечатать. Это напоминаніе объ этихъ несчастныхъ стихахъ, напечатаніе которыхъ срамило изданіе, а между тѣмъ обусловливалось обязательствомъ съ которымъ соединялась значительная матеріальная выгода, было крайне непріятно Воейкову и подняло его желчь. Началось съ того что онъ высказалъ нѣсколько дерзостей Якубовичу, причемъ вылетѣли выраженія: „лица курицу учатъ; молоко на губахъ не обсохло; не для того пускаю къ себѣ въ домъ чтобы слышать глупые совѣты; всякъ сверчокъ знай свой шестокъ"; и пр. и пр. Когда же гнѣвъ на несчастнаго Якубовича поубавился, Воейковъ пришелся за графа Хвостова, восклицая: „Связала же меня нелегкая съ этимъ сумашедшимъ метроманомъ!"

Мягкій и кроткій Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ старался всячески успокоить расходившагося желчнаго и первознаго старика; но всѣ эти уговариванья были въ родѣ подливанья масла въ огонь. Ловкій Вердеревскій понялъ это и началъ разказывать анекдоты о графѣ Хвостовѣ. Эти анекдоты поспособствовали охлажденію Воейковскаго пыла и заставили его даже ухмыльнуться сначала, а потомъ и просто-на-просто смѣяться,—явный знакъ что бѣшенство замѣнено иронiей и сатирой, которыя для Хвостова были хуже Воейковскаго гнѣва, потому что заставили Воейкова повторить предъ своими гостями извѣстные свои, впрочемъ далеко не мудрые и не острые, стихи на Хвостова:

Хвосты есть у синицъ,
Хвосты есть у лисицъ,
Хвосты есть у клутовъ,
Такъ бойся же, Хвостовъ!

Вердеревскій разказалъ совершенно свѣженькій анекдотъ о Хвостовѣ. Дѣло въ томъ что знаменитый нашъ баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ иногда занималъ деньжонки у графа Дмитрiя Ивановича, ссужавшаго его ими всегда съ величайшимъ удовольствiемъ, потому что проценты, конечно громадные, больше нынѣшнихъ еврейскихъ по 15 въ мѣсяцъ, уплачивались прослушиванiемъ галиматейныхъ стихотворенiй графа. На дняхъ Ивану Андреевичу понадобились гроши, и на этотъ разъ не бездѣльные, и онъ поѣхалъ къ своему

банкиру, то-есть къ Хвостову. Но, къ горю того и другаго, въ этотъ разъ графъ самъ былъ à sec, потому что на дняхъ только отдалъ Сленину весьма значительную сумму денегъ для изданія своихъ виршей.

— Да развѣ не на свое иждивеніе Сленинъ, какъ онъ объявляетъ въ предисловіяхъ, издаетъ произведенія графа? спросилъ кто-то, чуть ли не благодушный Подолинскій.

— Какой оселъ, вскричалъ Воейковъ,—кромѣ самого автора, рѣшится тратить свои деньги на изданіе всей этой галиматьи! Само собою разумѣется что Сленинъ тутъ только коммиссіонеръ-факторъ, и коммиссіонеръ наживающій себѣ порядочный кушъ на этомъ дѣльцѣ, потому что старый стихоплетъ понятія не имѣетъ о цѣнахъ бумаги, типографіи, художниковъ, переплетчика, коммиссіонерскихъ и пр. А вы развѣ не знаете что когда вся эта, въ пяти, шести или больше томахъ, дребедень бываетъ издана въ свѣтъ, то Хвостовъ раздаетъ экземпляры на коммиссію, платя за эту коммиссію не по нашему 15—20%, а 40—50%, вотъ какъ-съ! Затѣмъ онъ разъѣзжаетъ по книжнымъ лавкамъ и справляется о продажѣ своихъ твореній. Оказывается что творенія его застряли и сидятъ ни прру, ни ну, сколько Сленинъ, на счетъ автора, ни объявляетъ широковѣщательно о ихъ выходѣ во всѣхъ газетахъ, и вотъ тогда Хвостовъ снабжаетъ деньгами своихъ агентовъ, которымъ велитъ отправляться по книжнымъ лавкамъ и скупать тамъ его экземпляры, разумѣется, не упоминая о томъ что они этимъ исполняютъ его порученія. Впрочемъ, не онъ первый, не онъ послѣдній пускался на такую штучку: знаменитый французскій романистъ д'Арленкуръ, когда романы его всѣми были раскуплены и всѣмъ порядкомъ оскомину набили, дѣлалъ точь въ точь то же самое.

— А почему это, спросилъ опять, помнится, Подолинскій же,— графъ такъ часто издаетъ свои не раскупающіяся изданія: въ 1818, 1821, 1827, 1830 годахъ и все одно и то же, съ нѣкоторыми свѣжими прибавленіями?

— А это, изволите видѣть-съ, для того, вѣщалъ Воейковъ,— чтобы, какъ его сіятельство объявляетъ всегда въ своихъ предисловіяхъ (при этомъ онъ развернулъ первый томъ новаго изданія Хвостова) слѣдующее: „Многіе можетъ-быть порицали „меня за часто повторенныя изданія“. Съ чего это онъ беретъ и кому какая нужда до его нелѣпыхъ изданій? Издавай хоть ежедневно, себѣ на потѣху, людямъ на посмѣяніе. „А дѣлалъ

„оныя, и если жизнь моя продлится *, всегда дѣлать буду, на „счетъ авторскаго славолюбія (и на счетъ своего кармана!), „единственно для удобнѣйшаго *исправленія погрѣшностей* (да каждый томъ есть огромная погрѣшность!), которое необхо„димо нужно, если авторъ желаетъ чтобы его стихи,

„.... когда покажутся въ столицу
„Не первые пошли обертывать корицу!"

— И безъ корицы найдется что̀ въ нихъ обертывать, хохоталъ Воейковъ,—про то хорошо знаетъ мой новый гость Владиміръ Петровичъ.

За симъ онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность разказать почтеннѣйшей публикѣ во всевозможныхъ подробностяхъ мой случай въ магазинѣ Дюливье со стихами графа на холеру и съ посвященіемъ моей особѣ даренаго экземпляра, въ который мадамъ Дюливье распорядилась завернуть какой-то корсетъ, купленный престарѣлою графиней Хвостовой у нея въ магазинѣ.

— Все это прекрасно, замѣтилъ кто-то, —но все это остановило Василья Евграфовича съ анекдотомъ о Крыловѣ и Хвостовѣ.

Разкащикъ продолжалъ:

— Итакъ, графъ Дмитрій Ивановичъ страдалъ безденежьемъ, почему онъ предложилъ Ивану Андреевичу вмѣсто денегъ, налицо не имѣвшихся, только-что изготовленные для продажи 500 полныхъ экземпляровъ своихъ *Стихотвореній* въ 5 томахъ. „Возьмите, Иванъ Андреевичъ, все это на ломоваго извощика, говорилъ Хвостовъ, и отвезите Смирдину. Я продаю экземпляръ по 20 р. асс.; но куда не шло, для милаго дружка сережка изъ ушка, отдайте все эту Смирдину, для скорости, по 5 р., по 4 р. экз., и вы будете имѣть отъ 2 до 2.500 р. разомъ, т.-е. болѣе чѣмъ сколько вамъ нужно". Крыловъ, думая что за эту

* Графъ Хвостовъ умеръ въ 1835 или 1836 году, при престранныхъ обстоятельствахъ: онъ, чрезъ министра двора князя П. М. Волконскаго, испрашивалъ себѣ дозволеніе однажды осенью осмотрѣть подробно Александрію близь Петергофа, въ тѣхъ видахъ чтобы потомъ *воспѣть* это интимное царское лѣтнее жилище. Государь посмѣялся и велѣлъ исполнить желаніе знаменитаго всевоспѣвателя, т.-е. предоставить ему подробный осмотръ Александріи. Но, увы! Александрія осталась не „воспѣтою" графомъ Хвостовымъ, который столько же любилъ строчить вирши, какъ ѣсть лакомыя блюда, какими былъ, по повелѣнію державнаго хозяина, въ Александріи угощенъ по-царски. У старика 85ти-лѣтняго сдѣлалось несваренье желудка, и онъ черезъ два дня умеръ, не успѣвъ воспѣть Александріи.

массу книгъ, роскошно изданныхъ, дадутъ таки ежели не по 4, то по 2 р., соображая что тутъ, ежели разчитывать на вѣсъ, наберется почти около сотни пудовъ, даже не принимая въ соображеніе тяжеловѣсности стиховъ (острилъ разкащикъ), — поблагодарилъ графа, добылъ, чрезъ графскую прислугу, ломоваго извощика и, не взирая на свою обычную лѣнь, препроводилъ весь этотъ грузъ лично къ Смирдину, конвоируя самъ этотъ литературный транспортъ отъ Сергіевской до дома Петропавловской церкви, на легковомъ извощикѣ тажкомъ. Но каково было удивленіе и разочарованіе Крылова, когда Смирдинъ наотрѣзъ отказалъ ему въ принятіи этого, какъ онъ говорилъ, хлама, которымъ, по словамъ книгопродавца, безъ того уже завалены всѣ петербургскіе книжные магазины. Въ задумчивости, но не разставаясь со своею флегмой, вышелъ Иванъ Андреевичъ на Невскій проспектъ, гдѣ ломовой извощикъ присталъ къ нему съ вопросомъ: „Куда прикажетъ его милость таскать всѣ эти книги?“ — „Никуда не таскай, другъ любезный, сказалъ нашъ русскій Лафонтенъ,—никуда, а свалика здѣсь на улицу около тротуара. Кто-нибудь да подберетъ“. И всѣ 2.500 книгъ твореній Хвостова, опасающагося такъ обвертокъ на корицу, были громадною массой свалены у тротуара противъ подъѣзда въ книжный магазинъ. Имъ бы лежать тутъ пришлось долго, да вскорѣ проскакалъ по Невскому проспекту, на своей залихватской парѣ рысаковъ съ пристяжной на отлетѣ, оберъ-полицеймейстеръ Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ. Подлетѣлъ къ грудѣ книгъ, подозвалъ вертѣвшагося тутъ квартальнаго, удостовѣрился что все это творенія нашего знаменитаго лѣвца Кубры и велѣлъ разузнать отъ Смирдина, въ чемъ вся суть? Когда его превосходительство проѣзжалъ обратно, книгъ тутъ уже не было: всѣ онѣ, по распоряженію частнаго пристава, отвезены были обратно къ графу Хвостову, о чемъ, съ пальцами у кокарды треуголки, частный отрапортовалъ генералу, пояснивъ съ полицейскимъ юморомъ происхожденіе этой исторіи, авторомъ которой былъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Его превосходительство изволили смѣяться и на слѣдующее утро имѣли счастіе обо всемъ этомъ докладывать, въ числѣ городскихъ происшествій, государю императору, которому этотъ случай доставилъ нѣсколько веселыхъ минутъ. Отъ послѣдняго обстоятельства, графъ Дмитрій Ивановичъ, въ качествѣ вѣрноподданнаго, былъ въ радостномъ восхищеніи.

— Анекдотъ хоть куда, замѣтилъ Воейковъ,—да та бѣда что ни одинъ изъ цензоровъ нашихъ его не пропуститъ. Но завтра же я объ немъ буду бесѣдовать съ графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ, которому тѣмъ, конечно, доставлю не мало удовольствія и утѣхи.

Между тѣмъ пять томовъ роскошнаго Слѣпшскаго, *на деньги графа*, изданія его стихотвореній разсматривались гостями, занявъ на столѣ тѣ мѣста которыя были уже свободны отъ рябчиковъ, салатовъ и ростбифа.

— Очень мило то, говорилъ Волковъ, — что въ предисловіи издателя, этотъ издатель-неиздатель, восхваляетъ, подъ диктантъ давшаго ему деньги съ избыткомъ на изданіе, высокій талантъ автора, владѣющаго превосходно всѣми родами отечественнаго языка. Ха! ха! ха!

— А вотъ, указалъ Якубовичъ,—вишьетка—лира, и подъ нею слова: „За трудъ не требую и не нуждаюсь славы.“

— На другомъ томѣ, замѣтилъ Карлгофъ,—другой эпиграфъ: „Люблю писать стихи и отдавать въ печать“. Это очень мило! А въ текстѣ также стихи, которые замѣчательны своею наивностію; да та бѣда что на дѣлѣ ихъ авторъ не сдержалъ обѣта не отдавать своихъ стиховъ въ печать, и отдавалъ ихъ очень, даже слишкомъ много. Послушайте:

Стихи писать
И ихъ читать
Вездѣ намѣренъ.

— И эту часть своей программы авторъ свято выполнилъ.

Въ печать ихъ никогда не буду отдавать —
Не будетъ и меня никто критиковать,
Я въ томъ увѣренъ.

— Въ послѣднихъ обстоятельствахъ авторъ оказался рѣшительно несостоятеленъ.

Баронъ Розенъ наткнулся на одно стихотвореніе въ которомъ Хвостовъ гласитъ будто бы безсмертный Суворовъ, его дядя, съ удовольствіемъ слушалъ его стихи, когда онъ, племянникъ, ему ихъ читалъ, и выражается такъ:

Гордись, о муза восхищенна,
Своимъ безсмертнымъ торжествомъ!
Герой, котораго вселенна
Считаетъ въ браняхъ божествомъ,

Съ кѣмъ Россъ противъ стихій сражался,
Подъ кѣмъ верхъ Альповъ унижался,
Полвѣка славой кто блисталъ,
Кто образецъ мужей великихъ,
Суворовъ средь побѣдъ толикихъ,
Какъ другъ, твой мирный гласъ внималъ.

— А вотъ какъ безсмертный фельдмаршалъ относился къ стихотвореніямъ своего племянника, сказалъ баронъ Розенъ.—Я слышалъ это отъ Василія Андреевича Жуковскаго и отъ одного изъ близкихъ людей къ покойному графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу. Вопервыхъ, свѣтлѣйшій князь Суворовъ очень часто въ интимномъ кругу жаловался на мономанію своего племянника, сына родной своей сестры, какъ онъ его называлъ, Митохи Стихоплётова; вовторыхъ, когда въ 1800 году, по возвращеніи изъ Италіянскаго похода, князь Александръ Васильевичъ умиралъ въ Петербургѣ, въ большой Коломнѣ, тамъ гдѣ нынче строится циркъ, * кончавшійся великій полководецъ въ опочивальнѣ своей преподавалъ предсмертныя наставленія и совѣты близкимъ къ себѣ людямъ, которые входили къ нему поодиночкѣ на цыпочкахъ и оставались нѣсколько минутъ въ присутствіи духовника, лейбъ-медика императрицы Маріи Ѳедоровны, Англичанина Лейтона, и исторически знаменитаго камердинера Прошки. Когда вошелъ къ умиравшему Хвостовъ, тогда еще человѣкъ среднихъ лѣтъ, и сталъ на колѣни, цѣлуя почти уже холодную руку дяди, послѣдній сказалъ ему: „Любезный Митя, заклинаю тебя всѣмъ что̀ для тебя есть святаго, брось твое виршеслагательство, главное, не печатайся, не печатайся. Помилуй Богъ! Это къ добру не поведетъ: ты сдѣлаешься посмѣшищемъ всѣхъ порядочныхъ людей“. Графъ Дмитрій Ивановичъ плакалъ, цѣловалъ руку умиравшаго и вышелъ тихонько, видя что дядя закрылъ глаза и замѣтивъ жесты врача, который совѣтовалъ ему удалиться, чтобы не тревожить отходившаго ко сну вѣчному. Когда Хвостовъ возвратился въ залу, гдѣ было много лицъ интересовавшихся состояніемъ здоровья князя Италійскаго, знакомые подошли къ Хвостову съ разспросами: „Что̀ князь, какъ себя чувствуетъ?“ — „Увы! отвѣчалъ горюющій племянникъ — забывается и *бредитъ*!“ **

* Изъ цирка въ послѣдствіи выстроенъ былъ Маріинскій театръ.

** Этотъ анекдотъ подтверждаетъ и извѣстный нашъ воинъ-писатель Д. В. Давыдовъ, въ письмѣ своемъ къ поэту Языкову, напеча-

— Изъ всего этого, не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію, ясно что стихотвореніе графа Дмитрія Ивановича, грѣша противъ законовъ стихосложенія, грѣшитъ противъ правды.

X.

Я съ намѣреніемъ разказалъ здѣсь *первую мою пятницу у Воейкова* со всѣми ея фазами и подробностями, не соблюдая однако строгаго историческаго и синхронистическаго порядка и представляя собраніе разновременныхъ фактовъ, заразъ группированныхъ въ одномъ цѣломъ. Это не поденныя записки, которыя были бы слишкомъ утомительны и скучны, а очерки журальнаго быта въ тридцатыхъ годахъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ моихъ посѣщеній гостиной А. Ѳ. Воейкова я былъ свидѣтелемъ многихъ болѣе или менѣе знаменательныхъ случаевъ, въ которыхъ и мнѣ иногда приводилось играть какую-нибудь роль. Конечно, еслибъ я захотѣлъ разказывать не только то что̀ видѣлъ и слышалъ по пятницамъ самъ, но и узнавалъ отъ другихъ, то могъ бы разказать несравненно болѣе и чрезвычайно расширить рамы моей картины; но это не было бы согласно съ принятою мною на себя задачей чисто ретроспективнаго характера, какой былъ данъ мною и первой моей статьѣ о журналистикѣ и журналистахъ тридцатыхъ годовъ, напечатанной въ № 4мъ журнала *Заря* 1871 года, подъ названіемъ *Четверги у Н. И. Греча*, обратившей на себя нѣкоторое вниманіе нашей печати. Эти „Четверги“ писаны были мною вполнѣ на память или лучше прямо „изъ памяти“ безъ помощи даже тѣхъ краткихъ записокъ какія сохранились въ моихъ домашнихъ портфеляхъ. Но для написанія настоящей моей статьи потребовались мнѣ справки, для освѣженія въ памяти, если не обстоятельствъ и случаевъ, не характеровъ и портретовъ, то нѣкоторыхъ чиселъ, нѣкоторыхъ именъ, нѣкоторыхъ извлеченій изъ статей, вписанныхъ нѣкогда въ мою агенду и въ вѣрности которыхъ я ручаюсь.

Вотъ опять восемь, обращенныхъ на Шестилавочную улицу,

танномъ въ первомъ томѣ *Библіографическихъ записокъ* г. Аѳонасьева 1858 года.

оконъ одно-этажнаго домика ярко освѣщены, и наружная дверь часто створяется, чтобы впускать гостей, большею частью приходящихъ пѣшкомъ, отчасти пріѣзжающихъ на извощикахъ, по одиночкѣ или вдвоемъ, всего же меньше въ собственныхъ экипажахъ.

Входимъ въ знакомыя намъ довольно уютныя комнаты и встрѣчаемъ почти все то же общество, состоящее преимущественно изъ пишущей молодой и старой братіи, подъ предсѣдательствомъ самого хозяина, неразлучнаго съ своимъ громаднымъ, чернымъ, неуклюжимъ парикомъ, съ своими очками въ золотой оправѣ, клюкой съ грызомою рукоятью, мефистофельскою улыбкой и вальяжнымъ орденомъ Св. Владиміра 3й степени на шеѣ, не снимаемымъ, статута ради, даже въ интимномъ домашнемъ быту, что имѣетъ свою порядочную дозу странности. Не будемъ перечислять гостей—мы ихъ знаемъ.

Когда я входилъ въ гостиную изъ столовой, мнѣ показалось что была произнесена моя фамилія кѣмъ-то изъ сидѣвшихъ, по обыкновенію, вокругъ большаго круглаго стола предъ длиннымъ и широкимъ диваномъ, раздѣленнымъ многими подушками на нѣсколько отдѣленій.

Слухъ мой меня не обманулъ, потому что когда только-что вошелъ я въ комнату, Александръ Ѳедоровичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Легки, юноша, на поминѣ: мы сейчасъ только объ васъ говорили; да и съ упрекомъ, извините, дражайшій, съ упрекомъ. Какъ же это можно? На что это похоже? Находитесь въ такихъ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ издателемъ французской газетки *Furet*, читаемой въ нашихъ аристократическихъ гостиныхъ, а между тѣмъ допустили его напечатать въ его листочкѣ статейку о китайскомъ журналистѣ, битомъ палками по приказанію разбѣсившагося на этого журналиста китайскаго же мандарина. Вѣдь всѣмъ въ городѣ извѣстно что богатѣйшій и самодурнѣйшій старецъ проживающій въ Москвѣ бѣлокаменной, князь, этотъ аристократическій обломокъ чуть ли не до-Екатерининскихъ временъ, разгнѣвался на Полеваго за то что тотъ въ своемъ *Телеграфѣ*, подъ рубрикой *Живописца русской жизни*, изобразилъ его сіятельство въ крайне непривлекательной картинѣ, конечно псевдонимно, но прозрачно-псевдонимно, среди его крѣпостнаго гарема. Гнѣвъ вельможнаго старца, какъ не только слышно, но официально подъ сурдинкой

извѣстно, разразился на раменахъ нашего знаменитаго публициста-историка-романиста и юмориста, при содѣйствіи наемныхъ палокъ и батоговъ. Этого рода случаи надо стараться всегда лозамять и въ гласность не пускать; а теперь вашъ „Французикъ, подбитый вѣтеркомъ“ обрадовался скандалу случившемуся въ Россіи между un boyard russe, котораго онъ назвалъ мандариномъ, и русскимъ литераторомъ, причемъ Французикъ вздумалъ еще доказывать что эти палочные удары лестны и блистательны для литератора, на сторонѣ котораго будетъ общественное мнѣніе. Нѣтъ, какъ хотите, юный нашъ парнасскій камрадъ, а вамъ грѣхъ, великій грѣхъ было не остановить пера мусье Сенъ-Жульена въ этомъ случаѣ.

Я спокойно выслушалъ весь этотъ выговоръ отъ Воейкова, который хоть и говорилъ о необходимости и обязанности скрывать подобные случаи отъ иностранцевъ и вообще отъ высшей публики, и безъ того не долюбливающей русскихъ литераторовъ, однако замѣтно радовался что именно Полевой, а не онъ самъ, напримѣръ, былъ жертвой такого отвратительнаго проявленія самоуправства.

По выслушаніи всей рѣчи Воейкова, лившейся плавно, противъ его обыкновенія говорить какими-то скачками, я объяснилъ какъ ему, такъ и всей честной компаніи что я не нахожусь въ достаточно близкихъ отношеніяхъ къ издателю *Furet* чтобъ имѣть вліяніе на напечатаніе въ его газеткѣ тѣхъ или другихъ, имъ или его сотрудниками сочиняемыхъ статей. Что же касается до статьи въ № 62 о кантонскомъ журналистѣ, оскорбленномъ такъ жестоко самоуправнымъ мандариномъ Поднебесной Имперіи, то, прочитавъ ее въ воскресномъ листкѣ и не понимая апологическаго ея смысла, я при свиданіи вчера съ г. Сенъ-Жюльеномъ узналъ отъ него очень просто что онъ, встрѣтясь на Невскомъ съ Булгаринымъ, узналъ отъ послѣдняго о происшествіи бывшемъ будто бы въ Москвѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ и настрочилъ нелѣпую эту статейку по совѣту и наставленію Ѳаддея Венедиктовича.

Тогда тотчасъ посыпались ругательства, какъ произносимыя самимъ Воейковымъ, такъ и другими лицами изъ числа тутъ бывшихъ, на Булгарина. Въ особенности, помнится, бѣшено отзывался г. Струйскій, въ которомъ, какъ я выше сказалъ, извѣстно, *Сѣверная Пчела* упорно отвергала даже умѣнье составлять стихи. И при этомъ онъ, да и нѣкоторые другіе

восклицали бывшіе тогда не въ печати, а на языкѣ почти всей публики стихи Пушкина:

Онъ Польшу спасъ отъ негодяя,
И Русскихъ братствомъ запятналъ.

Замѣчательно однако что Воейковъ, упрекавшій меня какъ сотрудника *Furet* за напечатаніе этой статьи, лоистинѣ столь неумѣстной и безтактной, самъ чрезъ свой органъ далъ ей большую гласность и развилъ эту гласность завязавъ по поводу своей статейки полемику съ другими журналами. Въ этомъ обмѣнѣ неприличныхъ выходокъ, газовый вуаль, прикрывавшій истину происшествія, ежели только оно точно было, а не выковано клеветой или сплетней, дѣлался все прозрачнѣе и прозрачнѣе, пока наконецъ цензура не приняла мѣръ противъ излишней тревоги поднятой по этому случаю журналистикой. Первая статья напечатанная Воейковымъ, основавшая весь этотъ сумбуръ, была слѣдующая:

„*О томъ что еслибы какой писатель за дерзость былъ побитъ и княжескою палкой, то сіе не придало бы ему ни блеска, ни сіянія.* Въ №. 62 газеты *Furet* сказано: „Литераторовъ „весьма уважаютъ въ Нанкинѣ, первопрестольномъ градѣ Не„беснаго Государства; но мандарины (les boyards) до нихъ не „охотники: недавно одинъ изъ нихъ велѣлъ своимъ слугамъ по„колотить (batonner) одного почтеннаго китайскаго писателя. „Мандарину нельзя будетъ отъ стыда никуда глазъ показать, а „журналистъ, выздоровѣвши отъ батожья, явится еще сіятель„нѣе отъ низкаго съ нимъ поступка непріятеля.“

За симъ авторъ русской статьи, будто присланной изъ Ямбурга, отъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара барона Адама Адамовича фонъ-деръ-Дрейгрюненъ-Ундшварценберга, дѣлаетъ различные вопросы, глумится, сомнѣвается въ истинной честности китайскаго литератора, который де, какъ извѣстно въ Ямбургѣ, старается представить въ дурномъ видѣ превосходную *придворную* исторію Поднебесной Имперіи и пр., и пр., и пр., причемъ употребляютъ всѣ старанія къ тому чтобы сдѣлать флёровый вуаль совершенно дырявымъ и окончательно прозрачнымъ.

Прямодушный баронъ Розенъ, постоянно воевавшій съ Полевымъ, хотя когда-то былъ его сотрудникомъ, въ этотъ вечеръ выразилъ благородное сомнѣніе насчетъ достовѣрности слуха о побитіи палками Полеваго, такъ какъ слухъ этотъ вы-

шелъ изъ грязнаго источника, отъ Ѳаддея Булгарина, ненавидящаго и Полеваго, и Россію.

На это Карлгофъ сказалъ что онъ дѣйствительно имѣетъ извѣстія изъ Москвы о томъ что Николай Алексѣевичъ боленъ и не выходитъ изъ комнатъ; но причина его болѣзни неизвѣстна.

— Заболѣешь, небось, и не такъ, какъ отдуютъ батожьями! воскликнулъ старикъ Руссовъ; а Воейковъ на это громко захохоталъ, прибавивъ:

— Передать надо объ этомъ графу Дмитрію Ивановичу, чтобъ онъ алоѳезозировалъ батожьё. Ха, ха, ха!

Снова кто-то выразилъ сомнѣніе относительно происшествія съ Полевымъ, сдѣлавшимся жертвой самодурства и нахальства ветхаго старика-богача; но Воейковъ, поднявъ очки и вперивъ глаза въ сомнѣвавшагося, сказалъ съ обычнымъ своимъ завываніемъ и какъ-то особенно позитивно:

— Я видѣлъ офиціальную бумагу у благодѣтеля моего Леонтія Васильевича Дубельта. Приказано Полевому быть въ статьяхъ осторожнѣе и не задѣвать знатныхъ богачей, много жертвующихъ на государство; а Крезу конфиденціально дано знать чтобъ онъ не самоуправничалъ.

Затѣмъ разговоръ принялъ другое направленіе, переходя съ одного журнала и журналиста на другаго; но какъ всегда вращался преимущественно въ любезной Воейкову сферѣ новостей, превращавшихся большею частію въ пошленькія сплетни, повтореніе которыхъ, по истеченіи сорока лѣтъ, не только забавно, но и нѣсколько назидательно, показывая что ежели нынче мы не занимаемся тѣмъ же, то полагать надо что усовершенствовались нравственно, и что прежнимъ продѣлкамъ смѣло можемъ дать въ эпиграфъ извѣстный стихъ Грибоѣдова:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Постоянная тетрадь, въ видѣ альбома, лежала предъ Воейковымъ на маленькомъ пюпитрѣ, который выдвигался изъ его огромнаго вольтеровскаго кресла. Въ тетрадь эту онъ прилежно вписывалъ разнаго рода новости, сообщаемыя гостями. Впрочемъ это занятіе, то-есть записываніе новостей, острот и вицовъ разнаго рода, раздѣляли его секретари-волонтеры: которые также имѣли карманныя тетради и карандаши въ карманахъ своихъ фраковъ или сюртуковъ. И дѣло шло какъ по маслу: агендочки наполнялись, и потомъ все что было можно

напечатать при существованіи строгой предварительной цензуры * печаталось въ изданіяхъ Воейкова. Гости такъ привыкли собирать новости и сыпать различныя свои замѣтки и наблюденія въ Воейковской гостиной что хозяину не было малѣйшаго труда направлять ихъ къ этому.

Вдругъ въ это самое время влетаетъ главный глашатай новостей, Якубовичъ, и едва поздоровавшись, объявляетъ что онъ сейчасъ изъ кандитерской Вольфа, которая и тогда была тамъ же гдѣ находится теперь, у Полицейскаго моста, но имѣла характеръ рѣшительно петербургскаго café Procope или Cadran bleu, нѣкогда столь славившихся въ Парижѣ сходками французскихъ литераторовъ и журналистовъ, хотя, правду сказать, далеко не отличалась изящною наружностью, а была-таки порядочно неуклюжа и грязновата.

— Ну, что же новаго? спросилъ хозяинъ въ унисонъ съ нѣсколькими голосами, предлагавшими тотъ же вопросъ въ то время, когда вслѣдъ за Якубовичемъ входилъ его соперникъ по части нувеллизма, Платонъ Волковъ, вологодскій помѣщикъ, довольно представительной наружности, съ красивыми бакенбардами и густыми волосами. Имѣлъ манеры довольно рѣзкія, любилъ говорить довольно громко, старался примировать. Онъ во всѣ журналы давалъ довольно бойкія статьи, наконецъ вздумалъ самъ издавать журналъ *Петербургскій Зритель*, выпустилъ одинъ нумеръ, да тѣмъ и покончилъ, уѣхавъ сначала къ себѣ домой, а потомъ, какъ слышно было, въ чужіе края.

— А вотъ новость та, восклицалъ Якубовичъ,—что явилось сегодня прямо изъ Англійскаго клуба новое четверостишіе Пушкина. Слушайте:

„Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь.
Иль Сенковскаго найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь.“

— Ха, ха, ха! смѣялись нѣсколько голосовъ, повторяя: „въ Булгарина наступишь!“

— Наступишь! Какъ это картинно, словно въ груду какую-нибудь богомерзкую! вопилъ Воейковъ, записывая четверостишіе.

---

* Впрочемъ далеко не столь строгой какою явилась цензура послѣ февральской революціи 1848 года, когда, напримѣръ, одинъ цензоръ вычеркивалъ слова: *„вольный духъ“* въ поваренной книжкѣ г-жи Авдѣевой.

— Впрочемъ, кричалъ Волковъ,—есть уже сегодня же и другой варіантъ, а именно, въ третьемъ стихѣ, вмѣсто: „иль Сенковскаго найдешь“, „иль на Греча попадешь“. Этотъ варіантъ, говорятъ, вѣрнѣе, потому что не слѣдуетъ разлучать нашихъ Сіамскихъ близнецовъ, которыхъ срастила одна кишка общихъ интересовъ и всякаго проходимства.

— Нѣтъ, нѣтъ, лицалъ баронъ Розенъ,—нѣтъ, нѣтъ, воля ваша, Николай Ивановичъ не чета Булгарину, право не чета.

Волковъ.— А вотъ я знаю чудную новость о Булгаринѣ, новость совершенно свѣженькую. Вы сегодня въ *Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Инвалидѣ* и въ *Полицейской Газетѣ* прочли объявленіе книгопродавца Лисенкова (магазинъ въ домѣ Пажескаго корпуса, на Садовой) что у него продается портретъ знаменитаго парижскаго сыщика Видока?

Нѣсколько голосовъ.—Прочли, прочли. Ну что жь?

Волковъ.—Да то-съ что это портретъ не Видока, а почтеннѣйшаго автора *Выжигина*, *Самозванца* и пр., Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, только съ подписью имени Видока, наклеешаго внизу, вмѣсто имени нашего знаменитаго публициста. Одинъ изъ первыхъ покупателей этого портрета, цѣна которому 5 руб., сипшка, былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, много, говорятъ, хохотавшій въ магазинѣ этой продѣлкѣ. Потомъ поэтъ нашъ со своей покупкой, не одного, а чуть ли не пятка экземпляровъ, пошелъ по Невскому проспекту. На тротуарѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ пріятелей, которыхъ тотчасъ снабдилъ этою прелестью, а другимъ указалъ адресъ Лисенкова, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не было у Ивана Тимоѳеевича (то-есть Лисенкова) отбоя отъ покупателей портрета Видока. Хохота-то, хохота сколько было! Одинъ экземпляръ этого превосходнаго произведенія остроумія нашего обязательнаго и ловкаго книгопродавца Пушкинъ собственноручно прибилъ гвоздиками въ книжномъ магазинѣ Слѣпина, со строгимъ запретомъ снимать со стѣны. Къ Слѣпину весь день гурьбами ходили любоваться этимъ портретомъ любопытствующіе.

Воейковъ.—Прелесть! Чудо! Выдумка стоитъ тысячи червонцевъ. Завтра же ѣду къ моему милому Ивану Тимоѳеевичу и расцѣлую его за эту чудную и умную продѣлку.

Волковъ.—Только не знаю, будетъ ли Лисенковъ доволенъ вашими поздравленіями, Александръ Ѳедоровичъ. Дѣло-то приняло не совсѣмъ пріятный для него оборотъ.

Восйковъ. — Какъ, что, какимъ образомъ?

Волковъ. — Изволите видѣть: узналъ объ этой исторіи Гречъ, чуть ли не отъ самого Пушкина, и мигомъ поскакалъ къ Лисенкову, котораго сталъ уговаривать положить экземпляры портрета подъ спудъ. Вы знаете ихъ отношенія: Николай Ивановичъ долженъ состоитъ Лисенкову по заемному письму сколько-то тысячъ. Но не тутъ-то было: Лисенковъ закабенился, доказывая что онъ не виноватъ въ томъ что у Видока и у Булгарина въ физіономіяхъ какое-то феноменальное сходство; а при этомъ плутъ помаргиваетъ, да хихикаетъ.

Восйковъ. — Молодецъ Иванъ Тимоѳеевичъ, молодецъ! Исполать ему!

Волковъ. — Однако Гречъ этимъ не удовольствовался и доказывалъ что это точный портретъ Булгарина, что даже на портретѣ сохранена въ петлицѣ фрака и миніатюрная золотая сабелька, съ какою Булгаринъ себя вездѣ изображаетъ, хотя, служа подъ русскимъ знаменемъ, сабли за храбрость, какъ видно изъ его формуляра, не получалъ. Пока Гречъ съ Лисенковымъ спорили, вдругъ шаркъ въ магазинъ самъ Булгаринъ, да съ своею бамбуковою палкой....

Восйковъ. — Ахъ! Господи! Былъ бы я тамъ, тотчасъ вооружилъ бы Ивана Тимоѳеевича вотъ этимъ моимъ костылемъ.

Волковъ.—Это была бы роскошь оружія, потому что, говорятъ, Иванъ Тимоѳеевичъ и самъ былъ не промахъ; схватилъ первый попавшійся ему подъ руку стулъ.

Восйковъ. — Браво! брависсимо! Кто побѣдилъ: сарматъ или казакъ? *

Волковъ.—Гречъ остановился, говорятъ, побоище, угрожалъ бойцамъ что онъ кликнетъ полицію. Но городская молва гласитъ будто оружіе свою роль съ той и съ другой стороны исправно разыграло. Гречъ и Булгаринъ что-то переговорили между собою по-французски и уѣхали изъ магазина; а подъ вечеръ, такъ съ часъ тому назадъ, хлопоты Греча и Булгарина увѣнчались успѣхомъ довольно хорошимъ для нихъ: продажа портрета прекращена переодѣтыми жандармами, экземпляры конфискованы и, правда ли нѣтъ ли, а говорятъ будто Лисенкову придется заплатить какую-то пешуточную сумму Булгарину за безчестье.

Вслѣдъ за этою гроссъ-куріозною новостью, какъ назвалъ ее

---

* Лисенковъ родомъ Малороссіянинъ изъ Харьковской губерніи.

Воейковъ, скорбѣвшій о томъ что эти дни онъ не можетъ выѣзжать со двора, по болѣзни, хозяинъ объявилъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ о томъ что въ сегодняшнемъ нумерѣ *Пчелы*, старинный его пріятель, министръ внутреннихъ дѣлъ Дм. Нйк. Блудовъ, горько оскорбилъ его, напечатавъ свой протестъ, объявившій что буквы *Д. Б.*, которыми подписана въ *Инвалидѣ* статья о новомъ томѣ *Забавъ и отдохновеній Николая Назарьевича Муравьева* * (этого, впрочемъ поистинѣ, какъ его называли въ обществѣ, *Хвостова въ прозѣ*) ему вовсе не принадлежитъ, какъ то могутъ полагать люди не знающіе его и не понимающіе что онъ, Блудовъ, не способенъ къ проявленію того отвратительно неприличнаго тона въ какомъ написана вся статья въ періодическомъ изданіи выходящемъ подъ редакціей г. Воейкова.

— А небось, ворчалъ Воейковъ, въ былыя времена *арзамазства* нынѣшній вельможа его высокопревосходительство не гнушался Воейковымъ, котораго самъ въ *Арзамазіи* окрестилъ двумя собрикетами: „Печурка“ и „Двѣ огромныя руки“. Да и Воейковъ не гнѣвался, когда Дмитрій Николаевичъ приставалъ къ нему съ эпиграммой на него.

— Какая это эпиграмма? спрашивалъ Карлгофъ.

— Вотъ она господа! И Воейковъ съ легкимъ завываньемъ прочиталъ:

Хвала Воейковъ, кротъ, *Сады*
Делилевы изрывшій,
И царскосельскіе пруды
Стихами затопившій!

---

* Н. Н. Муравьевъ былъ въ аракчеевскія времена статсъ-секретаремъ и принималъ участіе въ занятіяхъ коммиссіи судившей декабристовъ, въ 1826 году, когда былъ назначенъ начальникомъ I отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Онъ былъ человѣкъ умный и даже образованный, но впалъ въ послѣдствіи въ мономаническую страсть писать и печатать свои сочиненія, никѣмъ не читаемыя и никѣмъ не покупаемыя, кромѣ какъ агентами автора. Это былъ поистинѣ *Хвостовъ въ прозѣ*. Будучи въ отставкѣ, онъ, живя въ Новгородской деревнѣ, состряпалъ и напечаталъ чуть ли не XV томовъ своихъ сочиненій, подъ названіемъ *Забавъ и Отдохновеній*, надъ каждымъ изъ которыхъ, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, глумились журналисты до неприличности. Одна изъ такихъ гаерныхъ критикъ за подписью *Д. Б.* заставила Д. Н. Блудова, не желавшаго слыть авторомъ этой неприличной статьи, протестовать противъ всякаго своего въ ней участія весьма энергично.

За нимъ, предъ нимъ свистятъ свистки
И воетъ горько муза....
Онъ добръ: Виргилія въ толчки,
Пинкомъ Делиля въ пузо!

— Кстати объ эпиграммахъ, замѣтилъ баронъ Розенъ.—Сегодня я, рывшись въ моихъ бумагахъ, нашелъ эпиграмму на *Телеграфъ*, еще 1826 года, впрочемъ. Вотъ она, можетъ-быть пригодится вамъ, Александръ Ѳедоровичъ:

„Man kann, was man will,"
Глаголетъ смѣло *Телеграфъ*:
Что захочу могу! Судить не будемъ строго
Его ни цѣлей мы, ни правъ:
Что хочетъ онъ—невѣсть, а можетъ онъ немного.

Воейковъ (принимая клочекъ исписанной бумаги). — Спасибо, баронъ! Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть! Я стоялъ за Полеваго, вы всѣ помните, до 1828 года, когда онъ отступился отъ логики и правды. Тогда и я отступился отъ него. И теперь, когда онъ зашелъ за предѣлы всякаго добра, чести и разума, я не могу не идти противъ него. Боже милостивый! Что онъ осмѣлился напечатать, дѣлая рецензію на драму Нестора Васильевича Кукольника, драму, перлъ патріотизма и *исторической правды*! Поэтому я въ *Инвалидѣ* завтра же тисну: „Издатель *Телеграфа* принялъ за правило противорѣчить всему тому что признято цѣлымъ свѣтомъ за истину, утверждено неотразимыми доказательствами, освящено вѣками и мнѣніемъ людей мудрыхъ, не лжесвидѣтелей, людей строгой добродѣтели, не имѣвшихъ никакой причины быть пристрастными. Онъ отвергаетъ свидѣтельство милліона очевидцевъ, называетъ не важными событія происходившія въ глазахъ цѣлаго государства и на единогласіи всѣхъ современныхъ писателей основанныя."

Какое-то тяжелое чувство вдругъ пронизало одновременно почти всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ развѣ Руссова, свирѣпо ненавидѣвшаго Полеваго. Другіе же почти всѣ испытали непріятное нравственное ощущеніе, заставлявшее ихъ понимать доносъ въ томъ что имъ сейчасъ прочелъ хозяинъ, принимавшій теперь ихъ съ любезностью амфитріона. Замѣтивъ впечатлѣніе произведенное на своихъ гостей послѣднею статьей, предназначенною въ печать, Воейковъ сталъ читать другую:

„Когда Самохвальцевъ перестанетъ величать Гомера—мясникомъ, Анакреона — пьяницей, Титъ-Ливія — лжецомъ, Тацита — невѣждой; когда перестанетъ онъ уничижать Ломоносова, насмѣхаться надъ Державинымъ, презрительно говорить о князѣ Шаховскомъ, объ Александрѣ Ивановичѣ Писаревѣ, ставить себя выше Карамзина, бросать грязью въ Качеповскаго и Греча, въ Булгарина и Погодина, въ Сомова и Олина, въ князя Шаликова и Рапча, въ Надеждина и Воейкова, въ Аладьина и Филимонова, тогда публика сниметъ съ него дурацкій колпакъ съ погремушками, сшитый ему общими усиліями, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ бумаги, писателями, переводчиками, журналистами, газетчиками и альманачниками.“

— Кто же это, господа, кто? скажите на милость! вопилъ Воейковъ.

Нѣсколько голосовъ, дружно крикнули: „Полевой, Полевой!“

XI.

Воейковъ, казалось, торжествовалъ свою дешевую побѣду и тотчасъ заговорилъ о Брамбеусѣ. Въ нападеніяхъ на *Библіотеку для Чтенія*, жестоко щелкавшую почти каждаго изъ тѣхъ господъ, печатавшихъ въ журналахъ и альманахахъ, да и отдѣльными книгами, которые теперь здѣсь засѣдали, Воейковъ встрѣтилъ много симпатіи, съ какою были приняты его, напримѣръ, 102 примѣра что редакторъ *Библіотеки для Чтенія*, увѣщевая всѣхъ насъ писать *разговорнымъ языкомъ*, самъ не имѣетъ понятія даже о чистой русской разговорной рѣчи и пишетъ языкомъ *книжнымъ*. Еще забавно было для слушателей весьма тщательное и обстоятельное исчисленіе Воейковымъ числа подписчиковъ *Библіотеки для Чтенія*, ежегодно уменьшавшихся. Такъ, когда по случаю появленія нѣсколькихъ новыхъ журналовъ, Сенковскій глумился, увѣряя что *Библіотека для Чтенія* ихъ не читаетъ и еще спрашивалъ о ихъ здоровьи, увѣрял что никогда еще *Библіотека для Чтенія* не была въ столь цвѣтущемъ состояніи, — то на это Воейковъ замѣчалъ печатно что по собраннымъ наиточнѣйшимъ даннымъ извѣстно что *Библіотека для Чтенія* за послѣдніе годы лишилась 1.500 подписчиковъ. Цифры эти, взятыя изъ газетной экспедиціи и всячески секретно собранныя, были Сенковскому ножъ острый, по причинѣ своей убійственной правды. Вообще

выходки Воейкова противъ Сенковскаго многимъ очень правились, и онъ ихъ охотно и съ любовью къ дѣлу сатиры читалъ на своихъ вечерахъ.

Затѣмъ Воейковъ перешелъ къ исчисленію твореній знаменитаго въ то время писаки, издававшаго въ Москвѣ безчисленное множество книгъ въ томъ, два, иныя до пяти, именно нѣкоего *Александра Анфимовича Орлова*, или, какъ печаталъ Воейковъ, обижавшійся за знаменитую фамилію графовъ Чесменскихъ — *Арлова*. Этотъ Арловъ издалъ въ короткое время нѣсколькихъ лѣтъ — 42 сочиненія, изъ числа которыхъ многія направлены были противъ Булгарина. Таковы были довольно замысловатыя книжонки:

1) *Хлыновскіе степняки, дѣти Ивана Выжигина.*
2) *Хлыновскія свадьбы дѣтей Ивана Выжигина.*
3) *Смерть Ивана Выжигина.*
4) *Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина.*
5) *Два кума или крестный отецъ Ивана Выжигина.*
6) *Родословная Ивана Выжигина.*
7) *Бѣгство Ивана Выжигина въ Польшу и препровожденіе по этапу въ Сибирь.*

Не могъ однако утерпѣть Воейковъ чтобы не возвратиться къ Полевому; Борисъ Михайловичъ Ѳедоровъ, читавшій въ отдаленномъ углу, подъ ярко свѣтившимъ кенкетомъ, сегодня же вечеромъ съ почты принесенный новенькій, свѣженькій, съ неразрѣзанными страницами нумеръ *Московскаго Телеграфа*, вдругъ всталъ со стула и съ книгой журнала, одѣтаго въ лиловую обертку, въ рукѣ, подошелъ къ столу около котораго сидѣло общество, и сказалъ:

— Ну, господа защитники Полеваго, воля ваша, а онъ просто бѣснуется!

Воейковъ пришелъ въ восторгъ и, потирая руки, воскликнулъ:

— Покажитетка, покажитетка что такое!

Ѳедоровъ отмѣтилъ въ книгѣ ногтемъ одно мѣсто, и Воейковъ во всеуслышаніе прочелъ:

„*Московскій Телеграфъ* есть журналъ которымъ должна гордиться Россія, журналъ который одинъ стоитъ за нее на стражѣ противъ старовѣрцевъ, одинъ для нея *на ловлѣ европейскаго просвѣщенія.*“

Можно себѣ представить какія посыпались ругательства изъ устъ Воейкова, Ѳедорова и Руссова, при помощи взвиз-

гиваній барона Розена и восклицаній Волкова. Глѣбова, Дьячкова, Аладьина, на *Московскій Телеграфъ* и на его издателя.

— Какъ же не Самохвальцевъ, какъ же не Самохвальцевъ! кричалъ Воейковъ. — Въ этомъ человѣкѣ страсть къ себявосхваленію доходитъ до мономаніи. Онъ положительно сумасшествуетъ! Ему мѣсто не въ русской литературѣ и не въ моемъ *Домѣ Сумасшедшихъ*, а въ заправскомъ желтомъ домѣ, тамъ, тамъ на девятой верстѣ Петергофской дороги!

Дѣйствительно, этою выходкой Полевой шагнулъ ужь до того далеко что даже постоянный защитникъ его Карлгофъ молчалъ, сдѣлался мраченъ и не дождавшись конца вечера, уѣхалъ.

Воейковское пятничное общество ликовало побѣду, и тотчасъ нѣсколько лицъ, и въ томъ числѣ старикъ Руссовъ, громъ другихъ, заявили желаніе, какъ они выражались по-своему, печатно *отдѣлать* Полеваго за его самохвальство, причемъ слышался голосъ и слова самого Воейкова:

— Зададимъ же мы ему и докажемъ что иныя перья потяжелѣе и похлыще батожья!

Хотя въ ту пору я лично не зналъ Полеваго, да, правду сказать, когда въ послѣдствіи, въ 1836 году, узналъ его въ Петербургѣ, то къ личности его не имѣлъ никакой симпатіи; но мнѣ всѣ эти, раздававшіяся около меня, выраженія, до того показались неприличными между литераторами въ примѣненіи къ ихъ же собрату, ненавидимому или изъ зависти или по чувству обиженнаго имъ самолюбія что я готовъ былъ послѣдовать примѣру Карлгофа, удалиться втихомолку, да та бѣда что шляпа моя была далеко, и взять ее, не обративъ на себя вниманія зоркаго хозяина, не было возможности. Вдругъ въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги, съ легкимъ брянчаньемъ шпоръ. Хозяинъ мигомъ вскочилъ и заковылялъ къ двери, у которой онъ, со свойственнымъ ему, въ извѣстныхъ случаяхъ, гиперболическимъ восторгомъ, принималъ, цѣлуя въ плечи, извѣстнаго воина-писателя, или скорѣе именно „солдатскаго писателя“, какъ самъ себя онъ именовалъ, генералъ-лейтетанта Ивана Никитича Скобелева. Въ это время я бывалъ уже частымъ воскреснымъ гостемъ Ивана Никитича, почему онъ тотчасъ со мною поздоровался, по-своему, съ восклицаніемъ: „Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ!“ и, раскланявшись со всѣми, усѣлся по приглашенію хозяина на диванѣ и занялся поданнымъ ему чаемъ.

— Однако, господа, сказалъ онъ, — когда я начиналъ брать

лозицію этой комнаты, у васъ шла какая-то, словно, перестрѣлка, или скорѣе гремѣлъ дружный батальный залпъ, ха! ха! ха!

При этомъ, какъ водится, онъ лицомъ дѣлалъ судорожныя какія-то движенія, отдававшіяся въ лѣвомъ плечѣ, гдѣ подъ пустымъ рукавомъ мундирнаго сюртука была четверть его лѣвой руки, оторванной ядромъ подъ Минскомъ въ 1830 году. Отъ этихъ усиленныхъ движеній золотыя генеральскія эполеты сильно вздрагивали и вскидывались.

Воейковъ объяснилъ причину того общаго увлеченія котораго генералъ былъ свидѣтелемъ и, въ доказательство справедливости общаго неудовольствія на Полеваго, прочелъ его нестерпимо хвастливую выходку, напечатанную имъ въ *Телеграфѣ*.

— Ну, друзья любезные, сказалъ Иванъ Никитичъ,—конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается, такъ ужь на то мы люди и человѣки чтобъ ошибаться. Не даромъ гласитъ пословица: „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!“ Не могу же не согласиться съ вами что камрадъ нашъ и сородичъ, а мой даже и совсѣмъ, какъ Курчанинъ, землячокъ, Николай Алексѣевичъ, этотъ разъ хватилъ черезъ край. Ну да быль молодцу не укоръ! А вѣдь умёнъ же онъ, право, умёнъ, дьяволъ! Не понимаю какъ это онъ такъ опростоволосился на этотъ разъ. Завтра въ матушку Москву отъѣзжаетъ вашъ же братъ литераторъ, а мой, по бабѣ моей, родственничекъ, Пименъ Араповъ, и я всенепремѣнно съ нимъ пошлю писаночку моему драгоцѣнному алмазу самородному, Николаю, Алексѣевичу, попросивъ его почаще читать „Отцовъ церкви“ и помнить что всѣ мы люди и не должны черезчуръ возноситься, ибо горделивыхъ Богъ смиряетъ. А ты, братъ, Александръ Ѳедоровичъ, ха, ха, ха! генералъ-отъ-кавалеріи всей литературы и главный атаманъ всей партизанщины, преложи гнѣвъ на милость и не казни моего любезнѣйшаго и лоистшѣ умнѣйшаго Николая Алексѣевича. А вотъ вмѣсто всей этой боевой тревоги, съ сѣдымъ эсауломъ справа, да съ куцымъ слѣпышомъ слѣва *, которые, конечно, поведутъ у тебя атаку на славу, ты усадитка Николая Полеваго, моего-то землячишку, въ твой *Домъ Сумашедшихъ*, гдѣ, ей же ей, до того хорошая компанія подобралась что посади меня туда, я сяду съ превеликою моею радостью и всласть посижу.

Воейковъ сталъ смѣяться и отстрѣливался шутками съ Ива-

* Такъ шутя, довольно картинно, Иванъ Никитичъ называлъ сѣдымъ Авзова, а куцымъ приземистаго и коротенькаго Ѳедорова.

номъ Никитичемъ, который былъ въ веселомъ расположеніи духа и вдругъ сказалъ:

— А я сейчасъ отъ Николая Ивановича Греча, гдѣ былъ свидѣтелемъ прекуріозной штуки, о которой, какъ случившейся съ однимъ изъ вашей же литущей братіи, хочу вамъ отрапортовать всѣмъ сколько васъ тутъ налицо. Знаете вы, есть какой-то штабъ-лѣкарь Владиміръ Ивановичъ Даль, что̀ печатаетъ всякія ловѣстушки подъ именемъ казака Владиміра Луганскаго, оттого, какъ болтаютъ люди, что родился на Луганскомъ заводѣ, то-есть въ землѣ гдѣ когда-то казачество было, да гдѣ и поднесь народъ запорожскаго закала.

— Какъ не знать Владиміра Ивановича, отозвался Воейковъ,— спасибо не оставляетъ меня, грѣшнаго, прокаженнаго, своими статейками и недавно еще у меня была напечатана его ловѣсть *Проклятіе*. О! какая великолѣпная вещь. *

— Ну, продолжалъ Скобелевъ,—такъ этотъ самый Даль или Луганскій, залихватски хорошо пишетъ, особенно про нашу про солдатскую, да про матросскую жизнь, которая ему въ корень знакома и вѣдома. И вотъ онъ собралъ всѣ свои, что̀ только были у него въ ларцѣ, разказы про солдатушекъ, матросиковъ, да мужичковъ православныхъ и составилъ книжечку препузатенькую, которая на этихъ дняхъ явится въ книжныхъ лавкахъ всей столицы. И ужъ если мою бѣдную *Переписку русскихъ солдатъ* публика расхватила какъ словно яблоки въ Спасъ или красныя яица въ Свѣтлый День, то, конечно, книжка этого Даля, али Луганскаго, однимъ изданіемъ разлетится много что въ недѣлю, хоть бы за одно свое забористое, лучше всякаго Березинскаго табака, названіе. Я его нарочно записалъ. Прелесть! Книжонка подъ заглавіемъ: „Русскія сказки изъ преданія народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому пришаровленныя и поговорками ходячими раскрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ“, съ эпиграфомъ:

„И много за моремъ грибовъ,
Да не по нашему кузову.“

И вотъ онъ-то, этотъ Даль-Луганскій, вставилъ въ эту

* Воейковъ по пословицѣ: „дареному коню въ зубы не смотрятъ“ хвалилъ все что̀ только ему дарили, а какъ у него печаталось все даровое, то онъ все свое и хвалилъ. Повѣсть *Проклятіе* далеко не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній В. И. Даля.

книжку одну сказку о томъ какъ въ раю и аду путешествуетъ настоящій русскій солдатикъ,—что ни есть полковая крупа, — и встрѣчаетъ онъ, конечно ужь въ раю, нашего безпримѣрнаго батюшку Александра Васильевича Суворова, графа Рымникскаго, князя Италійскаго. Завязался у крупы-то этой, у пуговицы съ метелкой, * разговоръ съ батюшкой Суворовымъ, который радъ радехонекъ повстрѣчаться съ такимъ солдатикомъ что въ рай только на побывку отпущенъ. Вотъ и ну его разспрашивать объ теперешнихъ-то армейскихъ порядкахъ. А крупа-то растреклятая, какъ есть безъ всякаго гвардейскаго цивильства и комильфотства, и пошла лупить съ плеча, да такъ палупила крупа-то наша армейская, простодушная, безъ всякой фальшивости что словыя шишки посыпались на бѣднаго Макара въ лицѣ самого то есть автора сказокъ. Книжка еще изъ типографіи не выдвигалась, какъ одинъ ея экземпляръ поступилъ на глаза къ высшему начальству. Ну, автору и не сдобровалось: кажись прежде всего на крѣпостную гауптвахту друга милаго угодили, а оттуда вѣдь и до Алексѣевскаго рукой подать. Узналъ обо всемъ этомъ Николай Ивановичъ Гречъ, который какъ-то въ сильной дружбѣ состоитъ съ Далемъ-Луганскимъ. Хлопоталъ и кланялся Гречъ вездѣ и у всѣхъ, гдѣ слѣдовало хлопотать и кланяться. Дѣло объяснилось: убѣдились что авторъ худаго ничего не хотѣлъ сказать; да та бѣда что сказалъ не то что другимъ хотѣлось. Велѣли только эту повѣстушку о солдатикѣ въ раю и въ аду передѣлать на другой ладъ, и ужь она теперь перепечатывается; а самого автора-то, перепугавшагося Даля-Луганскаго, вчера я видѣлъ у Николая Ивановича Греча на его обычномъ четвергѣ. Молодой, сухопарый, въ лѣкарскомъ безъэполетномъ мундирѣ, — этотъ авторъ пробѣгъ, гляжу, отъ дверей по всей залѣ почти какъ скороходъ, а шпагу съ ножнами въ рукѣ держитъ, и какъ бросится къ Николаю Ивановичу. Николай Ивановичъ его крѣпко, крѣпко обнялъ и оба прослезились. Ну а я, дуракъ, какъ вижу что двое плачутъ, самъ плакать пришлося. Ну слава Богу небесному и богу земному, человѣкъ спасенъ изъ петли, да важно то что крѣпко теперь себѣ ума-разума нажилъ: на всю жизнь сторожиться будетъ.

---

* На армейскихъ пуговицахъ было прежде изображеніе гранаты, которое наши солдатики принимали за изображеніе метлы.

— Сколько сегодня у насъ любопытнаго разказывается, воскликнулъ Воейковъ и вмѣнилъ себѣ въ обязанность вслѣдъ за этимъ разказать его превосходительству Ивану Никитичу о происшествіи съ портретомъ Булгарина продаваемымъ за портретъ Видока.

— Слышалъ и я сегодня что-то объ этомъ, сказалъ смѣясь Скобелевъ, — давича у меня за обѣдомъ кто-то изъ молодежи это разказывалъ, и мой Пименъ Николаевичъ Арѣловъ, вышереченный мой роденька, утвердительно говорилъ что и онъ для Москвы купилъ чуть ли не десятокъ экземпляровъ. Увидѣлъ что у этого шпіона, фискала или сыщика французскаго образца-то вылитый нашъ Ѳаддей Венедиктовичъ. Только Пименъ Николаевичъ ничего не заподозрѣвалъ чтобъ это былъ портретъ автора *Выжигина*, а все напиралъ на разительное сходство между этими двумя знаменитыми господами. Завтра же сообщу эту куріозную новость Николаю Алексѣевичу Полевому: пусть порадуется!

Интимные отзывы генерала о Полевомъ очевидно были не по сердцу какъ Воейкову, такъ нѣкоторымъ изъ его гостей, и они замѣтно морщились; но никакихъ однако рѣзкостей, благодаря заступничеству Ивана Никитича, заявляемо не было, только бесѣда какъ-то не клеилась. Вдругъ Иванъ Никитичъ обратился лично ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что, дружокъ милый, не видать тебя было вчера вечеромъ у Николая Ивановича? Я было подумалъ что ты захворалъ, и хотѣлъ, коли бы не повстрѣчалъ здѣсь, послать къ тебѣ на квартиру тебя провѣдать. Вѣдь ты, кажись, жительствуешь нынче въ Фурштадтской улицѣ, въ домѣ почтеннаго старика Семена Агафоновича Бикеича, который до Максима Максимовича Брискорна былъ директоромъ канцеляріи военнаго министра?

Я объяснилъ что ежели не былъ вчера у Н. И. Греча, то потому что случилось быть на танцовальномъ вечерѣ на Васильевскомъ острову.

— У кого же, ежели это не секретъ? спросилъ генералъ.

— У одной госпожи Р—вой, отвѣчалъ я.

— А, засмѣялся Иванъ Никитичъ, — у той Р—вой у которой молодежь пляшетъ до трехъ часовъ утра и разъѣзжается не получивъ даже напереска бульйона, ужь не говоря о заправскомъ ужинѣ.

—Именно такъ, Иванъ Никитичъ, отвѣчалъ я,—и въ третьемъ

часу по полуночи, страшно проголодавшійся, я былъ очень доволенъ что гостепріимный Доминикъ, хотя и заперся уже, а все-таки отперъ намъ маленько дверь и далъ возможность утолить довольно сносно голодъ.

— Ну теперь, другъ любезный, говорилъ съ обычными своими ухватками и конвульсическими подергиваніями Скобелевъ,—когда мы договорились до вчерашняго или сегодняшняго вашего ужина, я буду продолжать разказъ о томъ что тамъ у Доминика происходило. Къ сожалѣнію, это сегодня извѣстно у оберъ-полицеймейстера; мнѣ объ этомъ давича сказывалъ Николай Ивановичъ.

Воейковъ и прочіе навострили уши; а Скобелевъ, нѣсколько не ласково взглянувъ на меня и перенеся глаза на всю компанію, столпившуюся около насъ, возгласилъ:

— Изволите видѣть: этотъ юноша съ какимъ-то усатымъ Французомъ, котораго встрѣтилъ у Р—вой, поѣхалъ вмѣстѣ съ этимъ Французомъ въ его двухмѣстной каретѣ искать ужина, и они пріѣхали къ Доминику. Все это прекрасно. Тебѣ, братъ Владиміръ, мой солдатскій разказъ смѣшонъ; а дѣло-то могло бы быть и не смѣшно, ежели бы благороднѣйшій и добрѣйшій Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ не былъ такъ снисходителенъ къ литераторамъ и художникамъ. Онъ велѣлъ все это замять; а больше всего потому что тутъ принимала участіе „рука Всевышняго“.

— Вы хотите сказать, замѣтилъ я, — что тутъ принималъ участіе авторъ драмы *Рука Всевышняго Отечество спасла*, что совершенно справедливо.

— Какъ, Несторъ Васильевичъ Кукольникъ? возгласилъ Воейковъ.

— Ну да, Кукольникъ, продолжалъ Скобелевъ,—Кукольникъ, о которомъ стали всѣ такъ говорить съ тѣхъ поръ что государь призывалъ его къ себѣ въ ложу и благодарилъ за его патріотическую піесу. А жаль что этотъ господинъ разными деботирствами занимается, да еще вмѣстѣ съ какими-то живописцами въ разгульной компаніи, причемъ и тебя юношу, вѣроятно никогда не упивавшагося, такъ накачали что вы вздумали, — извѣстное дѣло пьяному море по колѣно, — какого-то спавшаго тамъ у Доминика на диванѣ Нѣмца, или Жида что ли, такъ избить что онъ едва улепетнулъ бѣдный и весь избитый жаловался сегодня рано утромъ оберъ-полицеймейстеру. Да еще чѣмъ драться-то четверо или пятеро съ однимъ они

вздумали, пострѣлы треклятые, чѣмъ бы вы думали? Французскими булками, которыми, вмѣсто камней, они мнили повторить Лазарево избіеніе. Ха! ха! ха! Надобно же для этого быть ужь чортъ знаетъ какъ пьянымъ, чтобы даръ Божій, хлѣбъ насущный, употреблять вмѣсто камней. Да ужь видно у Доминика-то и хлѣбъ по почамъ на манеръ каменнаго, жестокъ такъ что можетъ за камень служить. Мнѣ говорилъ Николай Ивановичъ что Нѣмецъ весь въ синякахъ. Однако Доминика было подвергла полиція штрафу за слишкомъ позднее приниманіе гостей въ неурочные часы; да вступился за Доминика знаменитый живописецъ Брюловъ, что̀ написалъ картину *Послѣдній день Помпеи*, которая во дворцѣ, и оберъ-полицеймейстеръ простилъ трактирщика.

— Вы кончили, генералъ? спросилъ я.

— Кончилъ, отвѣчалъ Скобелевъ холодно.

— Такъ позвольте же мнѣ, объяснялъ я, — разказать какъ вашему превосходительству, такъ Александру Ѳедоровичу и всему обществу, какъ дѣло было дѣйствительно, а не какъ Николай Ивановичъ Гречъ благоволитъ разказывать. Я непремѣнно желаю передать все по чистой истинѣ, чтобы мнѣ можно было уйти отсюда, не оставивъ въ комъ-либо изъ членовъ этого уважаемаго мною общества мнѣнія очень мнѣ нелестнаго, будто я могъ быть пьянъ до забвенія себя, тѣмъ болѣе что никто изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, въ опьяненномъ состояніи не былъ. Слова мои могутъ засвидѣтельствовать: Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, Карлъ Павловичъ Брюловъ, Яковъ Ѳедосѣевичъ Яненко и Александръ Алексѣевичъ Валуевъ.

— Какой Валуевъ это? спросилъ Скобелевъ,—не служилъ ли онъ въ кампанію 1812 года въ Лубенскихъ гусарахъ?

— Это тотъ самый, замѣтилъ я,—который служилъ въ Лубенскихъ гусарахъ, вездѣ храбро дрался, а въ 1826 году вышелъ въ отставку для управленія своими большими имѣніями, оставшимися ему послѣ отца. Теперь онъ полковникъ въ отставкѣ, семьянинъ, владѣлецъ того громаднаго въ четыре этажа дома который у Кокушкина моста. А вы, Иванъ Никитичъ, приняли его за Француза, по разказамъ Николая Ивановича Греча, вѣроятно со словъ того прикидывавшагося спящимъ шпіона въ котораго Кукольникъ пустилъ булкой, пролетѣвшею мимо его.

— Такъ это, заговорилъ генералъ,—тотъ Александръ Але-

ксѣевичъ Валуевъ котораго я зналъ въ войну 1812 года поручикомъ Лубенскаго гусарскаго полка! Славный человѣкъ! Непремѣнно постараюсь съ нимъ свидѣться. А ты, между тѣмъ, другъ любезный, разкажи намъ всю исторію объ избіеніи вчерашняго числа шпіона у Доминика.

— Дѣло было просто: когда съ А. А. Валуевымъ, человѣкомъ вдвое меня старшимъ, но необыкновенно милымъ и любезнымъ, заигравшимся у госпожи Р—вой въ карты, мы вошли къ Доминику въ три часа утра, тамъ застали мы Н. В. Кукольника, К. П. Брюлова и Я. Ѳ. Янешко, кончившихъ давно свой ужинъ и вовсе не ольяненныхъ, а бесѣдовавшихъ о живописи, причемъ Кукольникъ, какъ всегда, спорилъ съ Брюловымъ. Я съ ними поздоровался, какъ съ знакомыми болѣе или менѣе людьми, и принялся усердно за котлеты съ шампиньйонами и за жареную сѣрую куропатку, предложенныя мнѣ г. Валуевымъ, который превосходно, какъ немногіе даже Французы, владѣетъ французскимъ языкомъ и любитъ преимущественно говорить по-французски. Бесѣда наша на французскомъ діалектѣ шла особо отъ бесѣды Кукольника съ Брюловымъ, такъ какъ мы говорили о предметахъ иныхъ, а именно, помнится, о театрѣ и о театральныхъ новостяхъ французской труппы. Александръ Алексѣевичъ велѣлъ подать шампанскаго и съ любезностью настоящаго джентльмена, какимъ онъ и былъ, просилъ моихъ знакомыхъ не отказать ему въ чести роспить съ нами бокалъ вина. Разумѣется, отказа не послѣдовало, и Брюловъ, владѣвшій бойко французскою рѣчью, даже на парижскій ладъ, принимая А. А. Валуева за иностранца, повелъ съ нимъ легко бесѣду о театрѣ, искусствахъ, Италіи, Римѣ, Флоренціи, Парижѣ и пр. Разговоръ кипѣлъ и шампанское пѣнилось въ бокалахъ. Кукольнику очень полюбился нашъ амфитріонъ и онъ страшно мучилъ себя чтобы говорить по-французски съ Валуевымъ, продолжая принимать его за иностранца. Наконецъ я нашелъ нужнымъ познакомить этихъ трехъ господъ, и тогда Кукольникъ, всегда угловатый и грубоватый, вскипѣлъ гнѣвомъ на меня за то что я долго не снималъ маски иностранца съ русскаго человѣка, и потомъ напалъ на русскаго человѣка который такъ похожъ на иностранца; но этотъ мнимый иностранецъ скоро угомонилъ Нестора Васильевича, принявшись хвалить изо всей силы его драму и предложивъ попробовать розовый кремъ, ради чего и добрѣйшій Янешко былъ разбуженъ для принятія участія въ важ-

номъ дѣлѣ испытанія этого ароматнаго, тогда модnаго, а нынче вовсе, кажется, неизвѣстнаго вина. Проснувшійся Яненко, протирая глаза, замѣтилъ намъ что на диванѣ въ углубленіи комнаты еще кто-то спитъ и спитъ очень давно, то-есть спалъ и тогда когда Кукольникъ, Брюловъ и онъ, Яненко, вошли сюда въ двѣнадцатомъ часу ночи, послѣ разъѣзда изъ Александринскаго театра. Въ эту же пору было уже около пяти часовъ утра. Такой сонъ показался всѣмъ намъ подозрительнымъ, почему Кукольникъ нашелъ справедливымъ попавшійся ему подъ руку трехкопѣечный французскій хлѣбъ устремить въ сторону этого сони. Хлѣбъ, не долетѣвъ до цѣли, упалъ около этого субъекта, нашедшаго нужнымъ тотчасъ встать и уйти въ буфетъ. Вскорѣ мы услышали какъ довольно шумно отворена и затворена была наружная дверь, а въ комнату гдѣ мы находились вошелъ прикащикъ кафе, объяснившій намъ что уже шестой часъ утра, и что разбуженный нами персонажъ объявилъ ему что онъ будетъ жаловаться на бывшее у него позднее общество, ежели хозяинъ не купитъ его молчанія. Прикащикъ, понявъ что имѣетъ дѣло съ мелкимъ полицейскимъ агентомъ-сыщикомъ, далъ ему полтинникъ, которымъ индивидуумъ однако остался недоволенъ, разчитывая на большее возмездіе, и съ тѣмъ ушелъ. Мы посмѣялись, разсчитались съ прикащикомъ и оставили гостепріимный кровъ Доминика, разъѣхавшись каждый къ своимъ пенатамъ, причемъ Кукольникъ и Брюловъ взяли карточки г. Валуева, снабдивъ его своими, и, разставаясь, обѣщали непремѣнно продолжать знакомство. Только Кукольникъ все-таки дружески попенялъ Александру Алексѣевичу за то что онъ, русскій драматургъ, часъ цѣлый мучался, чтобы говорить очень скверно на ненавидимомъ имъ французскомъ діалектѣ.

Это все было мною разказано уже за Боейковскимъ скромнымъ ужиномъ, послѣ котораго Иванъ Никитичъ завезъ меня ко мнѣ домой въ своей каретѣ, совершенно примиренный и ворча что Гречъ любитъ видно подчасъ смастерить бабью сплетню. И при этомъ сказалъ мнѣ:

— Эхъ, братъ, Володя, плохо! На старости лѣтъ попался я въ вашъ журнальный водоворотъ какъ куръ во щи.

XII.

Въ одну изъ пятницъ, пришелъ я къ Воейкову, въ то время когда собраніе обычныхъ посѣтителей было почти въ комплектѣ, и я засталъ Воейкова въ какомъ-то особенно хорошемъ расположеніи духа, съ видомъ какъ бы торжествующимъ и знаменательнымъ. Одновременно почти со мною вошло еще нѣсколько гостей. Когда всѣ мы поздоровались съ хозяиномъ, онъ вынулъ, изъ постоянно лежавшаго предъ нимъ портфеля, завернутое въ особенный полистъ бѣлой бумаги, какое-то письмо и сказалъ, обращаясь ко мнѣ и къ двумъ-тремъ новопришедшимъ:

— Сегодня утромъ у меня былъ очень молодой человѣкъ, нѣкто Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій, кончившій курсъ въ Безбородкинскомъ лицеѣ въ Нѣжинѣ, почти одновременно съ Н. В. Кукольникомъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ уже нѣсколько годовъ и состоитъ на службѣ въ департаментѣ удѣловъ. Въ *Литературной Газетѣ* была съ подписью его имени статья въ прозѣ: *Женщины*, вещь замѣчательная! * Кромѣ этого онъ писалъ и печаталъ стихи, даже какую-то поэму, да только этотъ родъ литературныхъ занятій не былъ ему удаченъ и благодаренъ. Онъ теперь сталъ испытывать себя, по совѣту друга и благодѣтеля моего В. А. Жуковскаго и боготворимаго мною поэта А. С. Пушкина, въ сочиненіяхъ вальтерскоттовскаго закала, описывая въ очеркахъ, повѣстяхъ и разказахъ знакомый ему малороссійскій бытъ и, такимъ образомъ, создалась вотъ эта книга господина Гоголя: *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки, сочиненія пасѣчника Панька Рудаго.* Сегодня авторъ принесъ мнѣ эту книгу свою, съ письмомъ отъ Александра Сергѣевича Пушкина. Пожалуста кто-нибудь потрудитесь прочесть это письмо вслухъ: у меня эти дни глаза что-то не совсѣмъ въ порядкѣ.

При всемъ томъ что Воейковъ старался дипломатничать и разыгрывать предъ всѣми нами роль человѣка совершенно

* Доказательство безвкусія А. Ѳ. Воейкова, потому что статья эта была до крайности ученическая, хотя и нравилась, повидимому, самому юному автору, подписавшему подъ нею свое имя въ первый разъ, тогда какъ подъ неудавшимися ему стихотвореніями онъ имени не выставлялъ.

равнодушнаго ко вниманію оказанному ему такою славною и громадною знаменитостью, какова былъ тогда Пушкинъ, — не нужно было быть слишкомъ проницательнымъ чтобы не видѣть ясно какъ письмо это не только радовало, но восхищало мелочнаго Воейкова, сильно придерживавшагося русской нашей страстишки преклоняться во прахъ предъ всякимъ свѣтиломъ, ежели это свѣтило или богато, или чиновно, или знатно, или находится подъ могучею протекціей высшей власти.

Письмо Пушкина прочелъ Якубовичъ, читавшій очень отчетисто и пріятно. Вотъ это письмо:

„Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней литературѣ что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали что когда сочинитель вошелъ въ типографію гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукой. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгой, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на *дурной тонъ* и пр. Пора, пора намъ осмѣять Les Précieuses ridicules нашей словесности, людей толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ и, все это слогомъ профессора Тредьяковскаго.“

Прочитавъ это письмо, Якубовичъ объявилъ что не нужно для этой книги иной рецензіи какъ напечатаніе этого письма. потому что, прибавилъ онъ, когда кто такъ счастливо начинаетъ свою литературную карьеру, подъ покровительствомъ такихъ крестныхъ папенекъ, каковы: В. А. Жуковскій, А. С. Пушкинъ и П. А. Плещеевъ—зачѣмъ хлопотать о мнѣніи журналовъ? *

— Ежели бы вскорѣ, какъ это и возможно, вставилъ свое мнѣніе, почти всегда нѣмой, Аладьинъ,—потребовалось второе

* Этотъ самый г. Якубовичъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* напечаталъ за своею полною подписью рецензію о книгѣ Гоголя, введя въ свою статью, крайне короткую и далеко не пламенную,—письмо Пушкина къ Воейкову цѣликомъ отъ слова до слова.

изданіе этой книги, то я принялъ бы его на свой счетъ и еще заплатилъ бы щедро автору, въ случаѣ когда бы авторъ дозволилъ, съ разрѣшенія Александра Сергѣевича и Александра Ѳедоровича, тиснуть въ объявленіяхъ объ этой книгѣ письмо сейчасъ намъ прочтенное.

Это заявленіе Аладьина заставило невольно многихъ улыбнуться; а Александръ Ѳедоровичъ даже не утерпѣлъ и сказалъ, съ своимъ волчьимъ смѣхомъ:

— Извѣстно дѣло, вы Штиглицъ!

Карлгофъ, куря манильскую сигару, склонился на столъ и перелистывалъ книгу Гоголя.

— Однако, сказалъ онъ,—вотъ тутъ знакомая повѣсть, которую я читалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свиньина: *Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы.*

— Обратите вниманіе, Вильгельмъ Ивановичъ, замѣтилъ баронъ Розенъ, — на примѣчаніе сдѣланное къ этой повѣсти ея авторомъ. Оказалось что почтеннѣйшій Павелъ Петровичъ Свиньинъ, не понявъ всѣхъ наивныхъ прелестей малороссійскаго неподдѣльнаго юмора, позволилъ себѣ сдѣлать въ этой повѣсти разнаго рода передѣлки какого-то канцелярскаго цвѣта. Авторъ, по поводу этихъ непрошеныхъ имъ передѣлокъ, заставляетъ двухъ лицъ вести между собою разговоръ, въ которомъ одно, цирый хохолъ, выражается очень мило по-хохлацки. Намъ съ вами малороссійскій языкъ не чуждъ, Вильгельмъ Ивановичъ, благодаря нашимъ стоянкамъ на Украйнѣ, такъ потрудитесь прочесть это примѣчаніе и эту фразу, на которую я ссылаюсь и въ которой выражена жалоба автора на самовольство петербургскаго журналиста, не умѣвшаго раскусить прелести малороссійскаго жарта.

Карлгофъ, найдя указанное мѣсто, прочелъ слова дѣйствующаго въ разговорѣ лица, Ѳомы Григорьевича: „Що то вже якъ у кого чортма клѣпки въ голови!“ вслѣдствіе чего онъ и Розенъ засмѣялись, а имъ вторилъ Якубовичъ. Не знающіе же малороссійскаго нарѣчія также поняли въ чемъ суть и смѣялись.

Затѣмъ баронъ Розенъ объяснилъ что въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* была Гоголева же повѣсть *Гетьманщина*, подъ которою вмѣсто подписи поставлено было четыре буквы О рядомъ (ОООО), потому что въ имени и фамиліи „Николай Гоголь-Яновскій“ буква эта четыре раза повторяется. Независимо отъ этого въ *Литературной Газетѣ* была статья: *Учитель*, за подписью „Глечикъ“. Обѣ эти статьи, принятыя Полевымъ за

статьи принадлежащія ненавистному ему Оресту Сомову, писавшему свои изъ малороссійскаго быта повѣсти подъ псевдонимомъ „Порфирія Байскаго“, въ *Телеграфѣ* были разбранены жестоко.

— Не худо бы, Вильгельмъ Ивановичъ, завопилъ Воейковъ, обращаясь къ Карлгофу,—еслибы вы черкнули цыдулочку вашему любезному Николаю Алексѣевичу, попросивъ его принять къ свѣдѣнію что между Рудымъ Панькой и Сомовымъ нѣтъ ничего общаго, да и прибавить бы не мѣшало какое участіе въ этой книгѣ и ея авторѣ принимаютъ В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ.

— Я такъ увѣренъ, сказалъ съ напыщенною торжественностью Карлгофъ,—въ справедливости и безпристрастіи Николая Алексѣевича Полеваго что не могу допустить мысли чтобъ онъ бѣлое, ежели только оно вполнѣ бѣло, назвалъ чернымъ, увлекаясь чувствомъ личнаго нерасположенія къ автору. Что же касается до указанія на почтенные авторитеты, то я знаю что этого рода указаній Николай Алексѣевичъ терпѣть не можетъ и они способны ужасно огорчить его.*

Во время этихъ разговоровъ о Гоголѣ и его книгѣ, явился тихонько самъ Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій.

Какъ только онъ вошелъ въ комнату, Воейковъ приподнялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу новому гостю, пожалъ ему дружески руку, сказавъ громко:

— А! Николай Васильевичъ, милости просимъ. Сегодня всѣ мои гости другаго занятія не имѣютъ какъ разсматриваніе вашей книги, и другаго разговора, какъ объ этой книгѣ.

— О моемъ-то „поросѣ“, улыбаясь сказалъ Гоголь, усаживаясь и здороваясь съ барономъ Розеномъ и съ В. Н. Щастнымъ, которыхъ только и зналъ изъ всего общества.

---

* Надежды г. Карлгофа не сбылись: Н. А. Полевой просто *обругалъ* книгу *Вечера на Хуторѣ*, единственно потому именно что принималъ ее за сочиненіе Сомова. Объ этомъ въ послѣдствіи, во время пребыванія его въ Петербургѣ, мнѣ случилось слышать разказъ его самого на вечерѣ который давалъ И. П. Песоцкій нашему военному исторіографу генералу Михайловскому-Данилевскому. Этого рода грубая ошибка не дѣлала чести не только правиламъ Полеваго какъ журналиста, но и его критическому вкусу, введшему его въ такой промахъ.

— Какъ „поросѣ“? вопрошалъ удивленно, поднимая очки на лобъ, Воейковъ, котораго это названіе такъ озадачило что онъ не зналъ что̀ и сказать и въ раздумьи сталъ вытирать стекла снятыхъ имъ очковъ.

— Это такъ взбрехнулось мнѣ, объяснялъ Гоголь,—назвать мои *Вечера на Хуторѣ* поросенкомъ, хотя къ этому была коекакая причина. Дѣло въ томъ что у меня какъ-то оказался довольно большой баулъ изъ лапки. А на крышкѣ этого баула съ наружной стороны была гравированная раскрашенная картинка, изображавшая блуднаго сына, пасущаго свиней, изъ которыхъ одна отдѣлилась отъ стада и видна была на первомъ планѣ, ближе и яснѣе чѣмъ даже видѣнъ былъ самъ-то блудный сынъ, сидѣвшій гдѣ-то вдали подъ деревомъ. Находящійся у меня въ услуженіи, взятый изъ дома, служитель прозвалъ баулъ этотъ „порося“, я же нашелъ удобнымъ складывать въ этотъ баулъ всѣ матеріалы назначенные для *Вечеровъ на Хуторѣ*, и вотъ причина данная мною всей книгѣ забавнаго прозвища.

Воейковъ, получивъ отъ автора поутру этого дня, съ знаменитымъ письмомъ Пушкина, экземпляръ книги *Гоголя*, очевидно думалъ что еще нигдѣ кромѣ ближайшихъ къ издателю-сочинителю лицъ и его, какъ будущаго Мецената, никто не читалъ еще *Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки*, между тѣмъ какъ по одному экземпляру этой книги было роздано почти всѣмъ книгопродавцамъ, изъ числа которыхъ больше другихъ зналъ тогда я добраго Михаила Ивановича Заикина (въ домѣ Балабина въ Большой Садовой, гдѣ нынѣче, кажется, лавка царскосельскихъ обоевъ), печатавшаго мои труды-первенцы, издававшіеся подъ разными псевдонимами и имѣвшіе назначеніемъ чтеніе для дѣтей, преимущественно. И вотъ, этотъ-то книгопродавецъ бывало обязательно снабжалъ меня, для прочтенія, такими новыми книгами, получаемыми имъ на коммиссію или пріобрѣтаемыми, въ случаѣ ихъ успѣха въ публикѣ. Такимъ образомъ, я, до прихода къ Воейкову, прочелъ *Вечера на Хуторѣ*, и, признаюсь, когда услышалъ мнѣніе объ нихъ нашего безсмертнаго поэта, Пушкина, то искренно порадовался тому что мое о нихъ мнѣніе вполнѣ совпадало съ мнѣніемъ такого знаменитаго человѣка какъ Пушкинъ, встрѣченнаго мною въ послѣдствіи на четверговомъ вечерѣ у Н. И. Греча, который и представилъ меня, вмѣстѣ съ другими своими гостями, этому столь

любимому тогда всею Россіей поэту. * Помню что чтеніе *Вечеровъ на Хуторѣ* доставило мнѣ одно изъ сладостнѣйшихъ удовольствій, какое когда-либо я ощущалъ при чтеніи книги, ежели не считать то упоеніе съ какимъ прочитанъ былъ, какъ теперь помню, нѣсколько лѣтъ спустя, первый томъ *Мертвыхъ Душъ* того же самого автора. Вслѣдствіе этого было совершенно естественно то вниманіе съ какимъ я въ вечеръ встрѣчи Гоголя у Воейкова всматривался въ этого, тогда еще только что начинавшаго, сдѣлавшагося знаменитымъ въ послѣдствіи, писателя, избравшаго для своихъ сочиненій именно тотъ нравоописательный жанръ, который всегда мнѣ такъ нравился. Тогдашнее мое всматриваніе въ личность юнаго Гоголя оставило слѣды въ моей памяти, достаточно глубокіе для того чтобы я могъ теперь, по истеченіи такого большаго промежутка времени, передать здѣсь портретъ его именно такой какой я видѣлъ. При этомъ я не могу не замѣтить что сколько я ни встрѣчалъ портретовъ Гоголя, на которыхъ онъ изображенъ въ дни его юности, всѣ эти портреты, передавая довольно вѣрно черты подлинника, какъ-то не соотвѣтствуютъ тому какимъ въ ту пору я видѣлъ Гоголя. Не излишнимъ считаю замѣтить что я только разъ въ моей жизни видѣлъ Николая Васильевича Гоголя-Яновскаго, именно въ описываемомъ случаѣ.

Тогда я нашелъ что онъ былъ роста меньше средняго и

---

* Встрѣча эта описана мною въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча*. При этой встрѣчѣ А. С. Пушкинъ, какъ сказано въ означенной статьѣ, находя меня тогда необыкновенно молодымъ для тѣхъ статей о русскихъ дѣятеляхъ по торговлѣ и промысламъ которыя я писалъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, изъявилъ свое удивленіе, сказавъ: „Неужели этотъ мальчикъ самъ написалъ эту бойкую анекдотическую біографію знаменитаго табачнаго фабриканта Жукова которая недавно напечатана была въ вашей газетѣ?“ Во всемъ этомъ, по правдѣ, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго и удивительнаго; но рецензентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* нашелъ нужнымъ, по поводу этого обстоятельства, глумиться, выражая сомнѣніе чтобы Пушкинъ могъ это говорить. Это заставляетъ меня предполагать что авторъ означенной статьи, такъ рѣшительно возбуждающій сомнѣніе въ правотѣ какъ человѣка, кажется, совершенно ему незнакомаго, самъ способенъ, разказывая что-нибудь о себѣ, выдумывать и удаляться отъ истины.

довольно худощавъ, подвижепъ, живъ, но слегка сутуловатъ, или скорѣе у него были кругловатыя, нѣсколько поднятыя плечи. Гоголь имѣлъ свѣтлые глаза, узкій продолговатый носъ, дававшій всей его физіономіи что-то, словно, птичье. Добродушная но не безъ задней мысли улыбка, столь присущая физіономіямъ природныхъ Малороссіянъ изъ всѣхъ сословій, не сходила съ его нѣсколько съуженныхъ губъ. Сколько разъ ни случалось мнѣ читать описаніе фигуры Гоголя, я встрѣчалъ что у него волосы были болѣе свѣтлаго, чѣмъ темнорусаго колера, о чемъ я ничего положительно сказать не могу, потому что когда я его видѣлъ, голова его покрыта была паричкомъ, повидимому, не изъ его волосъ сдѣланнымъ и далеко не искуснымъ парикмахеромъ. Паричокъ этотъ имѣлъ видъ какой-то скуфейки, и я замѣтилъ что, Богъ вѣдаетъ для чего, былъ подложенъ хлопчатою бумагой, которая очень не эстетически и очень не граціозно мѣстами выглядывала изъ-подъ волосъ. Я не зналъ причины почему такой молодой человѣкъ какъ Гоголь носилъ парикъ и относилъ это къ тому что, вѣроятно, онъ перенесъ горячку, причемъ обыкновенно волосы выпадаютъ, а остальные бываютъ выбриваемы, чтобы лучше росли новые. Такого мнѣнія я былъ до тѣхъ поръ пока въ послѣдствіи, уже послѣ смерти Гоголя, кажется, въ 1853 году, въ *Современникѣ* прочелъ я любопытную и чрезвычайно важную для біографіи Гоголя статью М. Н. Лонгинова, знавшаго знаменитаго нашего писателя преимущественно въ ту самую пору, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда я его встрѣтилъ на пятничномъ вечерѣ А. Ѳ. Воейкова. Въ статьѣ г. Лонгинова сказано что Гоголь сооруднлъ себѣ парикъ по тому случаю что онъ велѣлъ до-гола выбрить себѣ волосы съ цѣлью усиленія ихъ густоты, которая, странное дѣло, интересовала его, на какой конецъ не было той растительной помады и того медвѣжьяго жира какіе не были бы имъ испробованы. Туалетъ Гоголя, когда я его видѣлъ, состоялъ изъ какихъ-то гороховаго цвѣта брюкъ, темнокоричневаго съ искрой фрака и лиловаго съ цвѣточками жилета. Все это было съ иголочки; но не отличалось искусствомъ портнаго, который, повидимому, не былъ ученикомъ ни Буту, ни Оливье, тогдашнихъ портняжныхъ знаменитостей. Галстукъ у него былъ черный атласный съ пряжкой, какъ тогда почти всѣ носили; но надѣтый не совсѣмъ ловко, почему бѣленькія тесем-

ки отъ манишки выбивались сзади и падали на бархатный воротникъ фрака.

Гоголь бесѣдовалъ съ хозяиномъ и съ барономъ Розеномъ преимущественно; но, познакомясь съ будущимъ своимъ рецензентомъ Якубовичемъ и съ легко знакомящимся Платономъ Волковымъ, онъ и съ ними разговаривалъ. Но весь этотъ разговоръ и вся эта бесѣда вертѣлись почти исключительно на одномъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее о томъ что Гоголь признателенъ Пушкину, Жуковскому и Плетневу, что послѣдній придумалъ названіе книги и совѣтовалъ сохранять наистрожайшую анонимность, что онъ (Гоголь) считаетъ себя счастливымъ имѣя знакомство съ семействомъ статсъ-секретаря Лонгинова, съ сыновьями котораго онъ репетируетъ разныя науки и русскую словесность въ особенности. Онъ разспрашивалъ о сношеніяхъ съ книгопродавцами, причемъ Воейковъ брался въ особенности свести его съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ Лисенковымъ, котораго назвалъ „другомъ и благодѣтелемъ“ своимъ. При этомъ Воейковъ разказалъ во всеуслышаніе черту честности г. Лисенкова. Дѣло въ томъ что Воейковъ позаимствовалъ отъ Лисенкова однажды сумму во сто полуимперіаловъ, равнявшуюся въ ту пору съ небольшимъ 500 р., а между тѣмъ по разсѣянности, ему свойственной и происходившей у него большею частью отъ жестокихъ мигренныхъ болей, онъ вмѣсто слова *полу*-имперіаловъ, написалъ въ заемномъ письмѣ слово *имперіаловъ*, которое такъ и въ книгу маклерскую было занесено. Но Лисенковъ первый замѣтилъ эту ошибку Воейкова, которая могла заставить послѣдняго заплатить ему вдвое противъ заимствованной отъ него суммы, спѣшитъ къ Воейкову, указываетъ ему на его промахъ или описку и проситъ сколь можно скорѣе все это исправить. Воейковъ очень былъ ему за такое безкорыстіе благодаренъ и хотѣлъ во всѣхъ газетахъ пропечатать свою признательность. На это Лисенковъ отозвался что публичная похвала такому его дѣйствію, столь натуральному, была бы ому непріятна и нѣкоторымъ образомъ была бы упрекомъ цѣлому обществу, словно оно бѣдно людьми исполняющими свои обязанности; да и къ тому же онъ терпѣть не можетъ огласки своихъ дѣйствій какъ частнаго человѣка, а не какъ книгопродавца и купца. Теперь, когда послѣ этого Воейковскаго разказа прошло 40 лѣтъ, кажется что нѣтъ никакого неприличія или неудобства повторить въ

ретроспективной статьѣ то что въ моемъ присутствіи было разказано А. Ѳ. Воейковымъ при весьма многихъ свидѣтеляхъ, изъ числа которыхъ не всѣ же перемерли, найдется нѣсколько человѣкъ и въ живыхъ и здравствующихъ.

— Вы, Николай Васильевичъ, спрашивалъ Воейковъ, — то письмо отъ А. С. Пушкина которое мнѣ доставили сегодня лично, вѣроятно изъ Царскаго отъ него получили? Вы потрудитесь сообщить мнѣ его адресъ, чтобъ я могъ ему отвѣчать въ Царское. А то хоть онъ и большая поэтическая въ Россіи знаменитость; но напиши къ нему даже въ Царское, какъ кто-то во времена оны писалъ къ Вольтеру изъ Америки, не зная его адреса: „A Monsieur Voltaire, en Europe“, письмо едва ли дошло бы аккуратно. Нѣтъ, намъ съ Франціей, да еще съ Франціей того времени, то-есть 1775 года, не сравняться лока.

— Вотъ адресъ Александра Сергѣевича, говорилъ Гоголь, вынувъ изъ кармана карточку Пушкина съ его царскосельскимъ адресомъ. — А вотъ кстати и письмо его, при которомъ онъ прислалъ то которое я вамъ сегодня утромъ принесъ.

— Если нѣтъ въ письмѣ этомъ секретовъ, воскликнувъ Воейковъ,—Бога ради прочтите!

— Извольте, сказалъ Гоголь, и прочелъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю за письмо и за доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнивы чтобы привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась. Не знаю что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?... Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фыркапьемъ наборщиковъ и объясненіемъ фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другаго — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца (то-есть Полеваго, пояснилъ Гоголь). У насъ все благополучно: бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался. Я чую осень (письмо отъ 25го августа) и собираюсь засѣсть. Моя Наталья Николаевна благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите отъ меня Плетнева и будьте здоровы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено.“

Чтеніе этого письма Пушкина имѣло эффектъ въ гостиной Воейкова и эффектъ тѣмъ бо́льшій что Гоголь передалъ это интимное и лестное для всякаго, не только для такого новобранца въ литературѣ, какимъ былъ тогда онъ, съ милою простотой и скромностію, безъ всякихъ жеманствъ и безъ стара-

нія сколько-нибудь выказывать свою личность. Со всѣмъ тѣмъ онъ тотчасъ сдѣлался мишенью общаго вниманія и какъ бы центромъ около котораго словно сгруппировалась вся наша компанія этой пятницы. И расположеніе это къ Гоголю невольнымъ образомъ усилилось, когда онъ опять очень просто и очень наивно сказалъ, обратясь къ Воейкову:

— Однако давича вамъ, Александръ Ѳедоровичъ, угодно было, приглашая меня къ себѣ на вашъ пятничный вечеръ, сказать мнѣ чтобъ я принесъ съ собою что-нибудь изъ моихъ писаній, и я исполнилъ ваше требованіе и имѣю съ собою одну вещь, правда, не совсѣмъ еще конченную, которую я намѣренъ помѣстить въ мой, предполагаемый мною къ изданію, сборникъ *Арабески*. Статья которую я теперь имѣю при себѣ называется *Шинель* и есть очеркъ съ натуры чиновничьяго быта. Петръ Александровичъ Плетневъ, которому я ее читалъ, остался ею доволенъ. Но онъ ко мнѣ ужь очень снисходителенъ, да къ тому же онъ мало знакомъ съ настоящею сутью нашего чиновничества, которое представляетъ собою совершенно своеобразный мірокъ, почти исключительно свойственный Петербургу. Я желаю прочесть эту повѣстушку мою въ обществѣ людей каковы, какъ и слышалъ и знаю, ваши гости, изъ которыхъ многіе могутъ сообщить мнѣ свои замѣчанія; а я всегда радъ-радехонекъ принимать къ свѣдѣнію и къ исполненію (вы видите какъ уже я очиновникся) замѣчанія практическія и основанныя на знаніи дѣла.

Предложеніе было принято съ особеннымъ удовольствіемъ какъ хозяиномъ, такъ гостями, образовавшими тотчасъ кружокъ около автора-чтеца; а Воейковъ, призвавъ своего стараго служителя, приказалъ строго-на-строго теперь, пока будетъ идти чтеніе, кто бы изъ гостей ни пожаловалъ, просить входить какъ можно тише, чтобы не помѣшать чтенію.

Гоголь читалъ свою превосходную *Шинель*, произведеніе поистинѣ высоко замѣчательное и въ особенности прекрасное по глубинѣ своихъ мыслей и по вѣрной анатоміи человѣческаго сердца, очевидно, съ симпатіей и особенною любовью, и читалъ мастерски, увлекши вниманіе всѣхъ слушателей, которые притаивали даже дыханіе, старалась не пропустить ни одного слова, ни одной идеи, ни малѣйшей подробности. Вообще піеса эта произвела на всѣхъ то впечатлѣніе которое въ послѣдствіи она произвела въ печати на всю публику, разумѣется, публику

сколько-нибудь развитую и умѣющую сочувственно относиться ко всему хорошему, ко всему изящному, художественному.

Такимъ образомъ я могу сказать что мнѣ выпало на долю высокое удовольствіе узнать это замѣчательное произведеніе прежде большей части читающей публики и узнать при такой обстановкѣ, изъ устъ самого автора, читавшаго свое твореніе съ отличнымъ умѣньемъ.

Когда Гоголь кончилъ, то всѣ спѣшили, и знакомые и незнакомые, передавать ему свои чувства признательности, вполнѣ чистосердечной, за доставленное чтеніемъ этимъ высокое удовольствіе. Гоголь, повидимому, еще не знакомый съ этими успѣхами, былъ тронутъ и смущенъ; но онъ легко сблизился со многими, и за ужиномъ уже очень дружески бесѣдовалъ.

Воспоминая о встрѣчахъ съ людьми особенно замѣчательными, историческими, не слѣдуетъ пренебрегать никакими подробностями и упускать ихъ изъ вида. Вотъ поэтому я не могу окончить разказа моего о появленіи Гоголя, при началѣ его литературной карьеры, въ гостиной Воейкова, не упомянувъ о томъ что за ужиномъ какъ-то, ни съ того, ни съ сего, заговорили о строгости дисциплины въ войскахъ, причемъ г. Сіяновъ увѣрялъ что никогда дисциплина не была такъ строга какъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, между тѣмъ какъ В. И. Карлгофъ доказывалъ и, кажется, довольно основательно, что дисциплина настоящаго времени строже прежней, и уже по тому самому это очевидно что нынѣче не имѣли бы смысла тѣ эпиграмматическіе стишки какіе тогда сложены были, такъ какъ нынѣче въ столицѣ офицеръ въ фуражкѣ или писарь на дрожкахъ явленія невозможныя. Это подстрекнуло любопытство Гоголя, и онъ сталъ приставать къ военнымъ чтобъ они сказали эту эпиграмму всю какъ она есть, потому что онъ собираетъ всѣ этого рода эпиграммы, которыя иногда даютъ ему счастливыя идеи для его наблюдательныхъ очерковъ. Господа Сіяновъ и Карлгофъ отказывались отъ прочтенія этой, впрочемъ, столь извѣстной эпиграммы, отзываясь тѣмъ что будто забыли ея стихи, и тогда Якубовичъ, которому нечего было бояться гауптвахты, какъ не-военному, тотчасъ прочелъ Гоголю:

Когда въ столицѣ нѣтъ царя,
То безпорядкамъ нѣтъ и мѣры:
На дрожкахъ ѣздятъ писаря,
Въ фуражкахъ ходятъ офицеры!

— Стишки, воскликалъ Якубовичъ,—не первый сортъ, не отличные, правда, да ужь kakie есть, takie есть! Чѣмъ богаты тѣмъ и рады!

— Спасибо, спасибо, говорилъ Гоголь,—я сейчасъ ихъ запишу.

И точно записалъ въ выпутую имъ изъ кармана записную книжку въ сафьянномъ переплетѣ, приговаривая:

— Это все мнѣ въ пользу служитъ. Помяните мое слово что эти писаря на дрожкахъ у меня гдѣ-нибудь съ ужаснымъ форсомъ пронесутся.

Я уже сказалъ что статья о *Вечерахъ на Хуторѣ* была напечатана въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, со включеніемъ въ нее всего письма Пушкина, текста котораго было больше чѣмъ, правда, хвалительной, но довольно холодно хвалительной рецензіи за подписью: А. Якубовичъ.

Однако это письмо Пушкина имѣло сильный эффектъ на книгопродавцевъ, и книга Гоголя все больше и больше шла въ гору, такъ что первое ея изданіе быстро разошлось, не взирая на то что Полевой, вообразивъ, какъ уже читатель знаетъ, что „Рудый Панько“—новый псевдонимъ Сомова, ругнулъ на чемъ свѣтъ стоитъ эту прелестную книгу, положившую основаніе славѣ Гоголя, котораго мы вскорѣ видимъ приглашеннымъ въ числѣ литераторовъ на знаменитый „Смирдинскій обѣдъ“ по случаю столь же знаменитаго Смирдинскаго *Новоселья*. Въ этомъ *Новосельи*, громаднѣйшемъ альманахѣ, альманахѣ-монстрѣ, напечатана была прекрасная статья Гоголя: *Повѣсть о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*.

Въ 1832 году, Воейковъ, подъ псевдонимомъ Кораблинскаго, напечаталъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*, по случаю выхода въ свѣтъ знаменитой въ исторіи нашего театра комедіи Гоголя *Ревизоръ*, слѣдующее:

„Въ № 98 *Сѣверной Пчелы*, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ помѣстилъ *преблагонамѣренный* и *самый безпристрастный* критическій разборъ комедіи *Ревизоръ*, сочиненной Н. Гоголемъ-Яновскимъ. Этотъ разборъ напоминаетъ рецензіи г. Булгарина на *Юрія Милославскаго*, на послѣднюю главу *Онѣгина*, на сочиненія Шевырева. Надобно просить того кто будетъ писать современемъ біографію автора романовъ *Выжигина* и *Дмитрія Самозванца* чтобъ онъ не позабылъ упомянуть объ этихъ рецензіяхъ: онѣ покажутъ настоящую точку зрѣнія съ которой надобно смотрѣть на книжныя оцѣнки дѣлаемыя г. Булгаринымъ.“

Со всѣмъ тѣмъ, не знаю почему, но послѣ перваго своего посѣщенія Воейкова въ пятницу вечеромъ, Гоголь никогда уже у Воейкова не бывалъ по пятницамъ, а, сколько извѣстно мнѣ, являлся большею частію утромъ по воскресеньямъ и то очень, очень рѣдко.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1835 году началось изданіе *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшара, за главную редакцію котораго въ первыя времена Н. И. Гречъ получалъ десятитысячный (ассигнаціями) гонорарій, въ гостиной Воейкова начали безпрестанно сообщаться, какъ добываемыя имъ самимъ, такъ его обычными нувеллистами, вѣсти о тѣхъ различныхъ фазахъ какимъ подвергалось это замѣчательное изданіе, къ сожалѣнію недоконченное, благодаря вмѣшательству г. Сенковскаго, участіемъ своимъ умѣвшаго убить это дѣло въ колыбели, до чего онъ достигъ отмѣнно успѣшно, разоривъ притомъ и самонадѣяннаго Француза Плюшара. Въ послѣдствіи всѣ неустойки Адольфа Плюшара припялъ на свою голову и отвѣтственность необыкновенно смѣлый и страшно неразчетливый нашъ русскій Ладвока, какъ его тогда называли, книгопродавецъ Александръ Филипповичъ Смирдинъ, не выдержавшій однако гнета сокрушительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ, до-нельзя запутанныхъ, и погибшій капитально и нравственно въ этомъ банкротскомъ водоворотѣ, который, наконецъ, убилъ и самую жизнь этого честнаго, благонамѣреннаго, но мало-разчетливаго русскаго дѣятеля.

Въ тридцатыхъ годахъ все то что происходило по изданію *Энциклопедическаго Лексикона* изумляло и интриговало всѣхъ. однихъ какъ участниковъ редакціи этого обширнаго предпріятія; другихъ какъ подписчиковъ, уплатившихъ деньги впередъ; третьихъ. какъ русскихъ людей, откровенно желавшихъ блестящаго успѣха и полнаго процвѣтанія этому важному дѣлу для развитія отечественнаго просвѣщенія. И всѣ одинаково скорбѣли о томъ что предпріятіе это сѣло на мель, и что когда не только на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, италіянскомъ и шведскомъ языкахъ есть хорошіе „энциклопедическіе объяснительные словари“, но даже ихъ имѣютъ такія второстепенныя національности какъ Испанцы, Португальцы, Венгры, Поляки, Чехи, Богемцы, Финляндцы и пр., Россія одна остается безъ полнаго такого словаря. почему въ послѣдствіи подобныя изданія, доведенныя до конца гг. Старчевскимъ и

Толемъ, не могли не имѣть хорошаго успѣха въ книжной торговлѣ.

До появленія въ 1870 году въ *Русскомъ Архивѣ* загробной записки П. И. Греча съ *Полною исторіей изданія Энциклопедическаго Лексикона Плюшара*, разоблачившей все это дѣло, зналось многое о фазахъ этого дѣла, счастливыхъ сначала, злополучныхъ въ послѣдствіи; но все это зналось отрывочно, безъ малѣйшей связи, par boutades, какъ говорятъ Французы. Изъ записки же Греча узнается все. И, правду сказать, хотя покойный Николай Ивановичъ въ запискѣ этой всячески старается представить себя чуть-чуть не святымъ, безпристрастный читатель невольнымъ образомъ усматриваетъ натяжку въ его себяоправданіяхъ, при сшивкѣ которыхъ мѣстами не обрѣзаны бѣлыя нитки. По моему убѣжденію, сообщитель записки этой въ печать оказалъ чуть ли не медвѣжью услугу покойному ея автору, который, я почти увѣренъ, будь живъ теперь, не допустилъ бы опубликованія этого не совсѣмъ ловкаго во многихъ отношеніяхъ документа или постарался бы непремѣнно передѣлать въ немъ нѣкоторыя мѣста, такъ чтобы бѣлыя нитки не были видны, и чтобы читатель лишенъ былъ возможности совершать междустрочное, какъ теперь, чтеніе этой записки, конечно занимательной и куріозной, но не безгрѣшной и выставляющей массу грязи, собранной для утопленія въ ней Сенковскаго, имя котораго, однако, барахтаясь тутъ, производитъ брызги, отлетающіе отчасти и на память почтеннѣйшаго Николая Ивановича. Нечего грѣха таить; Николай Ивановичъ съ самого начала велъ дѣло это меркантильно, не откровенно, даже съ извѣстною дозой іезуитизма, проявившагося въ томъ, между прочимъ, что первою его мыслью было предложить возложеніе главной редакціи этого многообъемлющаго дѣла на Сенковскаго, въ шарлатанствѣ и недобросовѣстности котораго онъ тогда же былъ твердо убѣжденъ, что очень ясно видно изъ его же въ той запискѣ замѣчаній и выходокъ. Между тѣмъ въ Петербургѣ въ то время въ литературномъ кругу былъ и дѣйствовалъ человѣкъ давно привлекшій къ себѣ симпатіи всего русскаго общества, человѣкъ высшей честности и прямой благопамѣрешности,—князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, разнообразность знаній, лингвистичность, блестящая образованность, литературныя заслуги, изящное перо и, наконецъ, чистое русское имя, вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитое, въ соединеніи съ благороднѣйшими

нравственными качествами, дѣлали во сто кратъ болѣе достойнымъ г. Сенковскаго стать во главѣ этого предпріятія. Да, какъ ни вертись Николай Ивановичъ въ своей *Запискѣ*, а дѣло *Энциклопедическаго Лексикона* ежели не вполнѣ погублено чуть ли не имъ самимъ, при самомъ его зарожденіи, то отравлено ни кѣмъ другимъ какъ имъ. И отъ этого дѣло это шло все невѣрными шагами, шаталось и упало отъ сильнаго прикосновенія къ нему Сенковскаго. Такъ въ *Запискѣ* своей Николай Ивановичъ жалуется на чрезмѣрную длину иныхъ статей *Лексикона*, что̀ совершенно справедливо и вѣрно. Но кто же виноватъ въ этомъ какъ не г. главный редакторъ изданія, отъ котораго зависѣло учредить мѣрило объема различнаго рода статей, руководствуясь для этого многочисленными примѣрами иностранной энциклопедической литературы? Сверхъ того отъ главнаго редактора зависѣлъ выборъ участниковъ предпріятія, въ число которыхъ не слѣдовало допускать, напримѣръ, такого италіяно-французскаго пришлеца, каковъ былъ хоть тотъ г. Джульяни который мною достаточно подробно очерченъ въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча* (№ 4 *Зари* 1871), да и нѣсколькихъ тому подобныхъ процвѣтавшихъ при Гречѣ же.

Всѣ эти откровенно высказанныя здѣсь мнѣнія и сужденія я постоянно, еще въ крайней юности моей, раздѣлялъ со многими изъ посѣтителей Воейковскихъ пятницъ, куда постоянно приходили различныя извѣстія объ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*.

Такъ, напримѣръ, въ одну какую-нибудь пятницу приносилось извѣстіе что одинъ изъ протеже Греча взялъ какъ бы на подрядъ всѣ переводы съ французскаго языка, раздаваемые редакторами, какъ общимъ, такъ и частными, гуртомъ или огуломъ, уже не по 100 (асс.) рублей съ листа, а по 70 только, отдастъ же ихъ другимъ лицамъ за 50 руб., удерживая себѣ за коммиссію 20 р. Эти же другіе передаютъ третьимъ и такъ далѣе, до того что наконецъ листъ текста переводится за 15—20 рублей, хотя листъ втрое огромнѣе обыкновеннаго. Послѣдніе переводчики, переводившіе конечно крайне плохо, были все очень молоденькіе мальчики, добывавшіе себѣ деньги на пахитосы, лакомства и мѣста за креслами въ театрѣ, будучи всѣмъ остальнымъ обезпечиваемы или въ родительскомъ домѣ, или въ томъ учебномъ заведеніи гдѣ воспитывались. М. Н. Лонгиновъ, въ статьѣ своей напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1870 года, подтверждаетъ это обстоятельство, разказывая что въ

числѣ переводчиковъ *Энциклопедическаго Лексикона* были даже двѣнадцатилѣтніе мальчики.

— Читали ль вы въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* статью *Азія*? кричалъ Воейковъ.—Она занимаетъ пять листовъ, и Сенковскому уплачено за нее двѣ тысячи рублей, считая по четыреста рублей листъ, какъ онъ вытребовалъ по условію.

— А всю статью для Сенковскаго переводили съ французскаго, съ нѣмецкаго, съ англійскаго цѣлая компанія юношей и пансіонскихъ дѣвочекъ, ради чести работать для барона Брамбеуса, который потомъ слегка гладилъ переводъ, доставленный ему въ даръ, и вставлялъ свои разнообразные оріентализмы. Такъ увѣрялъ кто-нибудь изъ нувеллистовъ.

— Вчера изъ любопытства, подъ предлогомъ будто подписаться на *Лексиконъ*, говорилъ въ другой разъ другой нувеллистъ. — зашелъ это я въ Плюшарову контору, и тамъ встрѣтилъ одного пріѣзжаго въ Петербургъ подписчика на *Лексиконъ*. Разказывалъ онъ что у нихъ въ Вологдѣ очень жалуются на плохое полученіе обѣщанныхъ книгъ, которыя являются не вовремя, да и явившись, не удовлетворяютъ ожиданіямъ.

— Легко имъ тамъ толковать, замѣчалъ Карлгофъ, Розенъ или вообще кто-нибудь изъ нейтральныхъ, — легко, ничего не зная, не вѣдая какъ здѣсь трудно возиться съ цензурой. Говорятъ, третій томъ два раза былъ задержанъ цензурой, Богъ знаетъ изъ-за чего тоякко.

— Цензура цензурой, замѣчалъ Воейковъ,—а ужь это не цензура, коли содержаніе книгъ не удовлетворяетъ ожиданій читающей публики.

— Трудно, объясняли великодушные рыцари, истинно великодушные и безкорыстные, потому что они въ дѣлѣ *Лексикона* не принимали ни малѣйшаго участія,—трудно, право трудно угождать нашей публикѣ, нѣкоторые члены которой, да не то что отдѣльными единицами, а цѣлымъ уѣзднымъ обществомъ претендуютъ за то что городъ Александровъ описанъ очень подробно, городъ же Алексинъ, напротивъ, чрезвычайно кратко. Въ описаніи города Александрова поименованы владѣльцы нѣкоторыхъ городскихъ домовъ даже, и это заставляетъ добрыхъ людей гнѣваться.

— А знаете ли почему городъ Александровъ, говорилъ опять одинъ изъ вѣстовщиковъ,—описанъ съ такими излишними подробностями? Это презабавная причина, право презабавная,

и состоитъ въ томъ что изъ города Александрова подлищиковъ оказалось больше чѣмъ изъ нѣкоторыхъ цѣлыхъ губерній. Градской голова тамошній самъ былъ въ Петербургѣ и взялся всенепремѣнно доставить огромное число подлищиковъ, ежели ихъ городъ, правда, очень мануфактурный, будетъ описанъ въ подробностяхъ необыкновенныхъ: „Пусть знаютъ другіе города Имперіи“, говорилъ градской александровскій голова, „пусть знаютъ всѣ въ Россіи каковы Александровцы и ихъ градъ.“*

— Новость, новость, великая новость! возглашалъ одинъ изъ провозвѣстителей, въ другую какую-нибудь пятницу.—Чудеса въ рѣшетѣ! Чудеса! Гречъ съ Сенковскимъ за *Лексиконъ* рѣшительно переругались. Кончилось даже тѣмъ что Гречъ сказалъ Сенковскому, какъ говорилъ Іоаннъ Грозный князю Курбскому: „Не хочу видѣть твоей эѳіопской хари!“

— Эѳіопская харя! Эѳіопская харя! хохоталъ и рокоталъ восторженно Воейковъ.

— Новый редакторъ *Лексикона*, кричалъ новый вѣстникъ, — вмѣсто Греча, Шепинъ, бывшій его помощникъ. Но Сенковскій остается во главѣ всего дѣла и всему заправляетъ. Плюшаръ называетъ его „адмираломъ, ведущимъ корабль его“.

— Какъ бы этотъ адмиралъ, замѣчалъ Воейковъ,—не навелъ этотъ корабль на подводный камень.

Въ слѣдующую пятницу нувеллисты сообщили что *адмиралъ* объявилъ что онъ не приметъ руля иначе какъ съ тѣмъ чтобы немедленно была исключена статья г. Краевскаго *Борисъ Годуновъ*, написанная, по его мнѣнію, слишкомъ въ пользу этого историческаго лица, въ которомъ онъ, Сенковскій, не признаетъ никакихъ достоинствъ, кромѣ ума коварнаго. И дѣйствительно, разказывали тогда, статью исключили изъ всѣхъ еще не ушедшихъ изъ конторы экземпляровъ и замѣнили другою, написанною кѣмъ-то безгласнымъ, чуть ли не Старчевскимъ, подъ диктантъ Сенковскаго.

Еще въ одну пятницу было, помню, разказано что пріѣхалъ изъ Дерпта Булгаринъ, который обѣщаетъ совершить съ Плюшаромъ и съ Сенковскимъ coup d'état въ родѣ того какой совершенъ былъ консуломъ Бонапартомъ. Это заставляетъ надѣяться на диверсію въ дѣлѣ *Энциклопедическаго Лексикона*,

* Это не красное словцо вѣстовщика: это обстоятельство, помню, мнѣ привелось слышать однажды изъ устъ самого Н. И. Греча, когда ему при мнѣ говорили о неравномѣрности статей.

потому что Булгарина боится даже Сенковскій, дѣйствовавшій до сихъ поръ съ отчаянною и безнаказанною дерзостью какого-нибудь Пульчинелло изъ италіянскаго народнаго театра.

— Не бывать торжества папеньки Ивана Ивановича Выжигина,—завылъ Воейковъ, стуча клюкой, не бывать этому торжеству, пока живъ старикашка Александръ Ѳедоровъ, сынъ Воейковъ! Какъ ни ненавистенъ мнѣ Брамбеусъ, готовъ подать ему даже руку противъ Ѳаддея, этого перебѣжчика изъ-подъ всѣхъ знаменъ!

Такъ-то личныя антипатіи или личныя симпатіи, какъ всегда кажется, въ нашей бѣдной журналистикѣ брали верхъ надъ сущностью. Какъ ни былъ я тогда молодъ, а все-таки мнѣ казалось что для того чтобы способствовать доведенію до конца такого важнаго предпріятія, какимъ былъ *Энциклопедическій Лексиконъ*, надобно было принести въ жертву собственныя свои чувства, основанныя на отношеніяхъ къ различнымъ личностямъ и на разныхъ мелочныхъ разчетахъ.

XIII.

Я уже замѣтилъ что не буду разказывать всѣ пятницы Воейкова съ тѣми подробностями въ какія я вошелъ относительно первыхъ моихъ посѣщеній его гостиной, потому что это значило бы впадать въ повтореніе, ежели не однихъ и тѣхъ же бесѣдъ слово въ слово, то однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, происходившихъ почти все въ той же формѣ. Останавливаюсь лишь на экстраординарныхъ эпизодахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разказу о послѣднемъ такомъ эпизодѣ, бывшемъ въ моихъ глазахъ въ концѣ 1836 года, то-есть въ послѣдній годъ жизни Пушкина, умершаго, какъ извѣстно, въ январѣ 1837 года, передамъ то что въ одну изъ пятницъ предъ этимъ эпизодомъ сообщилъ пятничной компаніи собиравшейся у Воейкова одинъ изъ тѣхъ вѣстовщиковъ которые, при первомъ своемъ появленіи въ гостиной своего амфитріона, считали священною обязанностью заявлять о себѣ сообщеніемъ какой-нибудь новинки могущей или не могущей явиться въ журнальчикѣ на слѣдующей недѣлѣ. На этотъ разъ новость состояла въ томъ что заступничество Булгарина за Греча по дѣлу главнаго редакторства *Энциклопедическаго Лексикона*— улетучилось, такъ какъ Плюшаръ, по совѣту Сенковскаго

угомонитъ Булгарина, предложивъ ему значительныя выгоды въ изданіи приготовленной тогда Булгаринымъ книги: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, предполагавшейся въ шести частяхъ *. Булгаринъ прельстился выгодами сдѣлки съ Плюшаромъ, увлекся любезностями соотчича своего Сенковскаго, котораго сталъ посѣщать довольно часто, и забылъ о своихъ пламенныхъ обѣщаніяхъ, какія, по пріѣздѣ своемъ изъ Дерпта, дѣлалъ Гречу. На томъ дѣло и покончилось. Замѣчательно словцо нечаянно тогда сказанное Смирдинымъ, по случаю продажи Булгаринымъ своей книги Плюшару: „Полякъ Французу Россію продалъ“.

— Браво! браво! брависсимо! вопилъ Воейковъ.—Браво, браво! Исполать Александру Филипповичу Смирдину и премного лѣтъ здравствовать. Молодецъ, право, молодецъ! Какъ ловко сказалъ: „Полякъ Французу Россію продалъ!“ Завтра же разцѣлую безцѣннѣйшаго Александра Филипповича всенепремѣнно!

— Чему это вы такъ радуетесь, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ? скажите на милость, говорилъ вошедшій въ это время кудрявый желтовато-смуглый брюнетъ съ довольно густыми темными бакенбардами, съ смѣющимися живыми глазами и съ обликомъ лица южнаго, какъ бы негритянскаго происхожденія. То былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго этотъ разъ я близко видѣлъ во второй разъ, въ первый же разъ я видѣлъ его у Н. И. Греча, который и представлялъ меня ему. На Пушкинѣ былъ темно-кофейнаго цвѣта сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ, въ лѣвой рукѣ онъ держалъ черную баранью кавказскую кабардинку съ краснымъ верхомъ. На шеѣ у него былъ повязанъ шелковый платокъ довольно густо, и изъ-за краевъ этого платка виднѣлся порядочно измятый воротникъ бѣлой рубашки. Когда Пушкинъ улыбался своею очаровательною улыбкой, алыя широкія его губы обнаруживали ряды красивыхъ зубовъ поразительной бѣлизны и яркости. Въ концѣ 1836 года—это было то время въ жизни Пуш-

* Судьба этой книги, составленной молодымъ ученымъ профессоромъ Ивановымъ, трудомъ котораго Булгаринъ воспользовался за деньги,—была та что сначала Булгаринъ пощеголялъ въ павлиныхъ перьяхъ, пока профессоръ Крузе не сорвалъ съ него личины и не указалъ публикѣ на настоящаго автора книги, впрочемъ не доконченной изданіемъ. Это все очень подробно описано въ моей статьѣ: *Четверги у Н. И. Греча.* (*Заря* № 4, 1871.)

кина, когда его встрѣчали на великосвѣтскихъ раутахъ и балахъ всегда унылаго и задумчиваго, это было то время, когда на какомъ-то костюмированномъ балѣ, кажется у графини Е. К. Воронцовой-Дашковой, гдѣ его Наталья Николаевна въ костюмѣ кометы подошла къ нему, окруженная толпой блестящихъ молодыхъ поклонниковъ, и сказала ему по-русски: „Что задумался, мой поэтъ, совсѣмъ не по-масляничному?“ онъ ей отвѣчалъ:

Для твоего поэта
Насталъ Великій Постъ.
Все мнѣ мила моя комета,
Несносенъ * мнѣ ея лишь хвостъ!

Въ эту пору безотчетныхъ предчувствій, которымъ, къ горю нашему и всей русской литературы, привелось такъ скоро оправдаться,—Пушкинъ затѣялъ, повидимому, для своего развлеченія, изданіе своего *Современника*, котораго только первый нумеръ суждено было ему видѣть. Посѣщая этотъ разъ Воейкова не въ какое-либо другое время, а именно въ его назначенный вечеръ для *литературной сходки*, на какихъ сходкахъ, правду сказать, было такъ мало истинно литературнаго, Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ дать почувствовать Воейкову что онъ не прочь вступить съ нимъ въ журнальный союзъ, почему Воейковъ, чуткій къ такого рода проявленіямъ и въ высшей степени мелочно тщеславный, пришелъ въ неудержимый восторгъ и бросился лобызать плеча и грудь Пушкина, который хохоча звонкимъ и немного визгливымъ, какъ бы дѣтскимъ смѣхомъ, освободился изъ его объятій, быстрымъ взглядомъ, яснымъ, внимательнымъ и все-таки нѣсколько задумчивымъ, оглянулъ все общество и ласково, привѣтливо поздоровался съ добрѣйшимъ и честнѣйшимъ барономъ Егоромъ Ѳедоровичемъ Розеномъ, который, когда Пушкинъ усѣлся, отвѣчалъ ему, вмѣсто Воейкова на сдѣланный имъ при входѣ послѣднему вопросъ: „О чемъ всѣ они сейчасъ смѣялись?“

— Мы смѣялись сейчасъ, въ то время какъ вы вошли, Александръ Сергѣевичъ, одному счастливому острому слову, сказанному нашимъ русскимъ Лафонтеномъ, то-есть Смирдинымъ, насчетъ вашего друга Фиглярина, читай Булгарина.

— О! насчетъ друга моего Ѳаддея Венедиктовича! Скажите что это за острота, которою разрѣшился нашъ почтенѣйшій благодѣтель Александръ Филипповичъ?

* Или: Но тотенъ.

— Вы, запищалъ баронъ, можетъ-быть, Александръ Сергѣевичъ, слышали про то что Булгаринъ продалъ Плюшару право перваго изданія первыхъ томовъ своей, или, какъ говорятъ, чужой книги подъ названіемъ *Россія*, такъ по поводу этой сдѣлки Смирдинъ сказалъ что Полякъ Французу Россію продалъ.

— Mais savez vous, que c'est fort joli, сказалъ Пушкинъ.— Да именно: „Полякъ Французу продалъ Россію.“ Прекрасно! Завтра же скажу спасибо за это Александру Филипповичу и буду повторять повсюду во всеуслышаніе. Этимъ надѣюсь усилить еще къ себѣ любовь благороднѣйшаго Ѳаддея Венедиктовича.

Въ это время Воейковъ хлопоталъ, собственноручно подчуя чаемъ своего знаменитаго гостя и спрашивая: съ чѣмъ онъ хочетъ пить чай, со сливками, лимономъ, коньякомъ, вареньемъ или клюквеннымъ морсомъ?

— Попрошу кисленькаго морса, слегка отвѣтилъ Пушкинъ и, выпивъ нѣсколько чая, который оказался слишкомъ горячъ, сказалъ:

— А знаете ли, господа, вѣдь Ѳаддей Венедиктовичъ приноситъ мнѣ пользу въ моемъ домашнемъ быту? Шутки въ сторону, лучше великаго Песталоцци онъ помогаетъ мнѣ управляться съ моими мальчуганами. Крошки еще такіе, четырехъ-пяти лѣтъ, а пострѣлята всѣ въ лапеньку. Но Ѳаддей Венедиктовичъ ихъ мигомъ усмиряетъ, когда они зашалятся!

И при этомъ Пушкинъ принимался съ усиліемъ, потому что хотѣлъ смѣяться, пресеріозную мину; хотѣлъ же онъ смѣяться, повидимому, потому что Александръ Ѳедоровичъ, вскинувъ очки на лобъ, изображалъ собою комическую фигуру изумленія, словно думалъ въ этотъ моментъ: „Чѣмъ чортъ не шутитъ, ну если чего добраго треклятый Булгаринъ втерся къ Александру Сергѣевичу въ домъ и интимничаетъ у него въ качествѣ гувернера или дядьки!“

— Объясните, Бога ради, эту энигму, Александръ Сергѣевичъ! восклицалъ Воейковъ, обращаясь къ Пушкину, который въ это время очень усердно занимался своимъ стаканомъ чая съ морсомъ и погружалъ въ него валдайскія баранки, о которыхъ нѣкогда сказалъ:

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю покупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

— Энигма эта состоитъ въ томъ, Александръ Ѳедоровичъ, что Булгаринъ мнѣ помогаетъ въ воспитаніи моихъ дѣтей такъ. худо что-нибудь сдѣлалъ мальчикъ, у меня нѣтъ ему другаго наказанія какъ: „сегодня ты на два часа Булгаринъ, а не Пушкинъ“, и повѣрите ли? вѣдь это наказаніе лучше всѣхъ угловъ, колѣней и прочаго дѣйствуетъ. Пробыть Булгаринымъ даже пять минутъ они привыкли считать великимъ горемъ для себя, и, ежели когда меня нѣтъ дома, нашалятъ какъ-нибудь, такъ ужь нянька Нѣмка увѣряетъ ихъ что какъ только папа вернется домой, она ему пожалуется, и папа *накажетъ Булгаринымъ*. „Накажетъ Булгаринымъ!“ Ха! ха! ха! Не правда ли что стоитъ Россіи проданной Полякомъ Франціузу!

И онъ заливался звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, которому вторилъ одобрительный смѣхъ всего общества.

— А какъ милъ Сенковскій, воскликнулъ вдругъ Александръ Сергѣевичъ,—видѣли вы въ *Библіотекѣ для Чтенія* его убѣжденія и уговариванія, чуть не со слезами, чтобъ я отказался отъ моего намѣренія издавать *Современникъ*? Да нѣтъ, вздоръ; шалишь, лочтенѣйшій Осипъ или Іосифъ Ивановичъ!

— Не только я читалъ эти продѣлки, завылъ Воейковъ;—да уже приготовилъ на нихъ критику, которую въ слѣдующемъ нумерѣ напечатаю.

— Ежели близка у васъ эта рукопись, пожалуста прочтите, Александръ Ѳедоровичъ. Интересно, очень интересно, просилъ Пушкинъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ Воейковъ и вынулъ изъ своего, постоянно при немъ находившагося на столикѣ, портфеля, листъ бумаги, съ котораго прочелъ слѣдующее:

„Пугливъ же баронъ Брамбеусъ, ей-Богу, право, пугливъ. Еще первая книжка *Современника* А. С. Пушкина скрывалась въ таинственномъ свѣтѣ будущаго, а нашъ баронъ уже вздумалъ уговаривать издателя чтобъ онъ отступился отъ своего благаго намѣренія, началъ честить его *поэтическимъ геніемъ перваго разряда*, стращать его грязными болотами лежащими у подножія Геликона и вредными испареніями бездонной ихъ тины. Grimace, monsieur le baron, grimace! „Мы сочли бы себя „счастливыми“, съ умиленіемъ, почти со слезами, вздыхаетъ нашъ добрый баронъ: „еслибъ эти замѣчанія могли еще сдер„жать Александра Сергѣевича Пушкина на краю пропасти въ „которую онъ хочетъ броситься.“

— Лучше бы я самъ не возразилъ, смѣялся Пушкинъ. Хорошо, хорошо, очень хорошо! Колко и умѣренно! Спасибо, Александръ Ѳедоровичъ, спасибо большое.

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство! воскликнулъ Воейко въ, ухмыляясь.

— Что̀ ужь вы такъ меня черезчуръ величаете, Александръ Ѳедоровичъ? По званію камеръ-юнкера я, говорятъ, высокороdіе.

— А у насъ въ литературѣ русской вы генералъ-фельдмаршалъ, докладывалъ Воейковъ.

Пушкинъ. Ну полно намъ лясы-то точить; а вотъ поговоримъка лучше о дѣлѣ, и именно о томъ чтобы держаться крѣпко противъ всѣхъ выходокъ *Библіотеки* и Фиглярина. Я могу только разъ въ мѣсяцъ давать залпъ изъ моихъ тяжелыхъ орудій; а вы имѣете ежедневную газету, да еженедѣльную, такъ у васъ стрѣльба можетъ быть чаще.

Воейковъ. Только не изъ *Инвалида*: со времени гауптвахтной исторіи, когда Греча, меня и Булгарина разсадили въ три гауптвахты, я ничего полемическаго не помѣщаю въ казенной газетѣ. А вотъ изъ *Литературныхъ Прибавленій* будемъ разить еженедѣльно въ томъ родѣ какъ я вамъ сейчасъ прочелъ.

— Прелестно! быстро сказалъ Пушкинъ.—Но вы коснулись гауптвахтнаго событія, случившагося тогда когда меня не было въ Петербургѣ. Мнѣ объ этомъ писали друзья столичные.

— Ничего нѣтъ особенно любопытнаго въ этомъ, говорилъ Воейковъ.—Дѣло довольно простое: государь давно говорилъ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу что ему не нравится наша полемическая война, въ которой мы задѣваемъ и другихъ, совершенно постороннихъ; что газеты должны служить чтеніемъ, сообщающимъ новости разнаго рода, а не свѣдѣніями о взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ лицъ издающихъ ихъ. Но графъ Бенкендорфъ не предупреждалъ насъ достаточно серіозно, чтобы мы могли понять всю степень царской воли, само собою разумѣется, священной для каждаго изъ насъ. Ну кончилось тѣмъ что въ одно прекрасное или непрекрасное зимнее утро, государь разгнѣвался не на шутку, и вотъ къ каждому изъ насъ троихъ, то-есть къ Гречу, къ Булгарину и ко мнѣ, явилось по фельдъегерю, и каждый изъ этихъ фельдъегерей исполнилъ данное ему повелѣніе, отвезти каждаго изъ насъ на гауптвахту, предъявивъ, конечно, каждому изъ насъ какъ документъ нашего арестованія, такъ и мотивъ этого распоряженія. Гречъ, какъ статскій совѣтникъ, въ ту пору былъ препровожденъ на Сенатскую гауптвахту; я, тогда еще коллежскій совѣтникъ, былъ препровожденъ на Адмиралтейскую, а

Булгаринъ, коллежскій ассесоръ, на Сѣнную. Мы просидѣли, впрочемъ, только до вечера, когда каждаго изъ насъ жандармскіе офицеры отвезли къ графу Александру Христофоровичу. Графъ очень вѣжливо и любезно убѣждалъ насъ не входить въ слишкомъ рѣзкую полемику, которую терпѣть не можетъ государь. У меня, признаюсь, языкъ чесался сказать что публика-то лакома до нашихъ лѣтушныхъ дракъ, и что полемика самая ожесточенная между журналистами въ Англіи ведется какъ необходимая приправа журнала или газеты, почему бойцы сами хохочутъ своей распрѣ и играютъ въ нее, оставаясь между собою добрыми пріятелями. Однако языкъ прильпе къ гортани, и я промолчалъ; но бойкій болтунъ Гречъ, словно зналъ мою мысль, высказалъ ее очень ловко, заключивъ: „Ваше сіятельство! отсутствіе полемики и этой постоянной между нами потасовки лишитъ насъ многихъ сотенъ подписчиковъ.“ На это графъ сказалъ: „О потеряхъ не заботьтесь, и все чего бы лишились по подпискѣ, какъ вы говорите, будетъ вамъ и вашимъ товарищамъ возвращено, ежели вы и ваши товарищи докажете что потери эти произошли не отъ чего другаго, какъ отъ того что полемика перестала быть такою ожесточенною, какъ нынѣ.“ Нѣсколько времени мы отъ полемическихъ поединковъ воздержались; но потомъ государь императоръ сталъ къ этому менѣе строгъ, вслѣдствіе, какъ слышно было, ходатайства великаго князя Михаила Павловича, который очень жаловалъ чтеніе нашихъ бумажныхъ битвъ. Нынѣче наша журнальная война дошла, кажется, до своего апогея; Сенковскій ввелъ у насъ по этой части прескверныя нововведенія, относясь къ личностямъ и къ произведеніямъ съ небывалымъ до него нахальствомъ.

— Благодарю за эти свѣдѣнія, которыя впрочемъ для меня не совсѣмъ новость, сказалъ Пушкинъ, — но вотъ обстоятельство очень мнѣ любопытное, именно то о которомъ я слышалъ отъ многихъ, да ничего не слыхалъ достаточно толково, именно обстоятельство вашего состязанія съ Булгаринской *тантой*. *. Правда-ли это?

— Фактъ, правда, отвѣчалъ Воейковъ,—только я не знаю какъ онъ былъ вамъ переданъ.

---

* Теща г. Булгарина у него въ домѣ и повсюду извѣстна была подъ наименованіемъ *танты*.

— Мнѣ сказывали, объяснилъ Пушкинъ,—что тапта, воспылавъ гнѣвомъ на своего зятя, котораго, слухъ носится, держитъ въ ежовыхъ, хотѣла его наказать за всѣ эти непріятные и могущіе повредить его фортунѣ, результаты его страсти къ полемической тревогѣ, противъ которой она, тапта, постоянно вооружалась въ своемъ семейномъ быту и нѣсколько разъ брала съ Ѳаддея слово что онъ перестанетъ отвѣчать на чьи бы то ни было выходки противъ него. Вотъ какъ я слышалъ объ этомъ.

— Вы, Александръ Сергѣевичъ, слышали не совсѣмъ то что именно было. Было же то что тапта, напротивъ, соболѣзнуя о своемъ зятѣ и желая успокоить свою дочь, его жену,— бросилась искать Тадеуша по всѣмъ гауптвахтамъ, не зная и не вѣдая на какую именно онъ, сердечный, попалъ. Разъѣзжая по гауптвахтамъ, тапта подъ вечеръ уже въ сумерки пріѣхала на Адмиралтейскую гауптвахту, гдѣ спросила: „Тутъ есть ли журналистъ?“ Думая что она спрашиваетъ обо мнѣ, караульный офицеръ отвѣчалъ ей что въ числѣ арестантовъ есть журналистъ, который, пообѣдавъ, легъ спать на диванѣ въ особой, данной ему, комнатѣ, гдѣ, по желанію его, потушенъ огонь, такъ какъ онъ объяснилъ что любитъ спать въ темнотѣ. — „O Jesus Maria“. вскричала жирная, но очень подвижная эта старуха, смѣсь Полькн, Нѣмки и Жидовки, „а мой либеръ, напротивъ, любилъ всегда спать при яркой лампѣ; но, можетъ-быть, эта перемѣна отъ избытка горя.“ — Затѣмъ она просила позволенія войти безъ огня въ комнату гдѣ спитъ ея зять, чтобы дружескимъ поцѣлуемъ разбудить его, а тогда уже просить пана капитана (офицеръ былъ новопроизведенный подпоручикъ) велѣть внести огонь въ комнату. И вотъ вдругъ я чувствую что во время моего сна какая-то фигура подошла ко мнѣ, нагнулась и жирными руками, отъ которыхъ пахло кухней и жареньмъ кофеемъ, ухватила меня за темя, привлекая голову мою къ своему лицу, причемъ обдавала какимъ-то теплымъ, далеко не благовоннымъ дыханіемъ....

Воейковъ не могъ продолжать своего разказа, потому что Пушкинъ былъ внѣ возможности его слушать, кинувшись съ ногами на диванъ, причемъ, въ полномъ смыслѣ слова, помиралъ со смѣху, хохоча звонко и съ легкимъ визгомъ. Придя нѣсколько въ себя и вытирая слезы, Пушкинъ сказалъ, обратясь къ Воейкову:

— Извините, Александръ Ѳедоровичъ, мнѣ мой обычный

истерическій припадокъ смѣха. Такъ я всегда хохочу, когда рѣчь идетъ о чемъ-нибудь забавномъ и менѣе этого. Да какъ же, мой почтенный Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ—Іосифъ, а Булгаринская жирная и, какъ онъ, Воейковъ, убѣдился, въ добавокъ, вовсе не ароматическая тапта, играть съ нимъ роль Пентефріевой жены. Это великолѣпно, это нелодражаемо! Но кончайте, кончайте Александръ Ѳедоровичъ!

Довольный произведеннымъ эффектомъ, Воейковъ продолжалъ, не щадя прибавленій для краспаго словца.

— Ну кончилось тѣмъ что я проснулся, ощущая крѣпкій поцѣлуй на лицѣ своемъ и слыша слова: „О! мейнъ либеръ Тадеушъ!“ Тогда я вскакиваю, отталкиваю отъ себя вѣдьму, и, схвативъ мою клюку, которая всегда не вдалекѣ отъ меня, объявляю ей кто я и что она опиблась. Слыша разговоръ нашъ, караульный офицеръ велѣлъ внести свѣчи, при свѣтѣ которыхъ тапта въ первый разъ въ жизни увидѣла предъ собою ненавидимаго ея зятемъ Воейкова, я же въ первый разъ увидѣлъ эту знаменитую тапту, имя которой давно гремѣло въ кружкѣ молодежи покончившей съ будущностію на Петровской, Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ 14го декабря 1825 года. Тапта устремилась на меня, какъ тигрица, съ крикомъ: „Ферфлухтеръ!“ и очень ловко успѣла, желая, повидимому, дать мнѣ пощечину, сбить съ меня парикъ и подшвырнуть его ногой. Это, признаюсь, раздражило меня до чрезвычайности, и я нанесъ моею клюкой два или три порядочныхъ удара этой фуріи, которую послѣшили сторожа подхватить подъ руки и выпроводить, объяснивъ ей чтобъ она къ зятю ѣхала на Сѣнную; но она въ это время успѣла въ два-три маха закинуть мой парикъ на улицу въ снѣгъ. Мнѣ его, весь мокрый, съ улицы принесли. Когда вечеромъ мы всѣ трое были, какъ я уже и сказалъ вамъ, призваны въ кабинетъ графа Бенкендорфа, я ужаснулся того положенія въ какомъ находился мой бѣдный парикъ, ломятый ножницами этой Мегеры.

Пушкинъ былъ отъ природы очень смѣшливъ, и когда однажды заливался хохотомъ, то хохотъ этотъ былъ очень продолжителенъ. И теперь, вспомнивъ снова фигуру Воейкова въ объятіяхъ старой тапты Булгарша, Пушкинъ сталъ локатываться на диванѣ и кусалъ подушку, чтобъ опять слишкомъ громко не расхохотаться.

— А вотъ, Александръ Сергѣевичъ, любезничалъ Воейковъ,— я съ васъ взяточку возьму: за мой вамъ разказъ, доставившій,

повидимому, вамъ немного удовольствія, удостойте вашимъ присутствіемъ мой скромный дружескій ужинъ.

А между тѣмъ, какой уже скромный на этотъ-то разъ? Появленіе Пушкина заставило Воейкова распорядиться секретно, и вотъ явилась такая великолѣпная, золотистая, откормленная индѣйка, въ видѣ лакомаго, дымящагося жаркаго, фланкированнаго всевозможными салатами, что просто на удивленіе. Тутъ же стояла на блюдѣ нога дикой козы, прекрасно изжаренная, также издававшая свой дымный паръ и лакомый ароматъ. Турецкіе бобы, шпинатъ и спаржа, прикрытые крышками блюдъ, привлекательно дымились. Все это должно было восхитить не только такого гастронома, какимъ былъ Пушкинъ, но и всякаго человѣка мало-мальски способнаго понимать хорошій столъ и отличать его отъ плохаго.

— У васъ такія прекрасныя вещи на столѣ, говорилъ Пушкинъ, идучи съ Воейковымъ подъ руку въ столовую,—да и вы сами такой любезный хозяинъ что я съ удовольствіемъ и не въ видѣ взятки принялъ бы участіе въ вашемъ ужинѣ; да та бѣда что докторъ мнѣ строжайше воспретилъ ночную ѣду. А поэтому, я подвергну себя Танталовымъ мученіямъ, присутствуя за вашимъ прекраснымъ ужиномъ, гдѣ одна эта индѣйка, повидимому, съ трюфелями, можетъ съ ума свести любителя.

— Но хоть крошечку чего-нибудь, Александръ Сергѣевичъ, тарантилъ Воейковъ, — пожалуста. Впрочемъ, боюсь напомнить собою Демьянову уху.

— Вотъ, замѣтилъ Пушкинъ, любовно смотря на блюдо дымящейся, несвоевременной спаржи,—позвольте мнѣ этой прелести, да стаканчикъ зельтерской воды съ полрюмкой сотерна.

Воейковъ мигомъ усадилъ своего почетнаго гостя самымъ удобнымъ для него образомъ и собственноручно угощалъ спаржей, зельтерскою водой и д'икемомъ.

Во все это время пребыванія знаменитаго Пушкина у Воейкова, на этомъ его пятничномъ вечерѣ, я внимательно вслушивался въ слова безсмертнаго поэта, и не будучи представленъ ему хозяиномъ, какъ впрочемъ и бо́льшая часть гостей,— не хотѣлъ выдвигаться впередъ, скромно держась въ сторонѣ и даже старался такъ сѣсть, пока всѣ были въ гостиной, чтобы не быть замѣченнымъ. Въ статьѣ моей *Четверги у И. И. Греча* я уже говорилъ о томъ какое впечатлѣніе тогда на Пушкина произвела моя, въ то время, почти дѣтская личность. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ до этого вечера у Воей-

кова или второй моей встрѣчи съ знаменитымъ поэтомъ, и я думалъ что Пушкинъ могъ какъ-нибудь вспомнить меня, и ежели бы я сталъ теперь выказываться, то Богъ знаетъ какъ-то ему могла понравиться такая навязчивость. Но за этимъ ужиномъ мнѣ привелось совершенно нечаянно сѣсть за столъ противъ Пушкина, который, быстро взглянувъ на меня, обратился къ барону Розену, сидѣвшему съ нимъ рядомъ, и что-то шепотомъ спросилъ у него, не спуская съ меня глазъ. Розенъ, въ отвѣтъ на вопросъ сдѣланный ему шепотомъ, громко назвалъ мою фамилію съ подтвержденіемъ: „Это тотъ самый юнота котораго нѣсколько лѣтъ тому, кажется лѣтъ пять, Н. И. Гречъ представлялъ вамъ въ тотъ памятный четвергъ, когда вы были у него и своимъ появленіемъ привели Булгарина въ бѣгство.“ Мнѣ, само собою разумѣется, не оставалось ничего больше дѣлать какъ встать и поклониться. Пушкинъ, съ любезною улыбкой, подалъ мнѣ руку, костлявые пальцы которой снабжены были громадными ногтями, содержимыми впрочемъ въ величайшей холѣ.

— Вы все попрежнему сотрудничаете въ *Пчелѣ*? спросилъ онъ. Я объяснилъ что болѣе не участвую въ этой газетѣ. Тогда онъ, смѣясь слегка, спросилъ:—Ну, а біографіей табачника Жукова занимаетесь? Шутки въ сторону, а ежели у васъ есть какія-нибудь любопытныя подробности объ этомъ ли самомъ Жуковѣ, о другихъ ли русскихъ даровитыхъ самородкахъ, дайте мнѣ для моего *Современника*. Я хотѣлъ было объяснить что такаго рода матеріалами не богатъ, какъ вдругъ Воейковъ замычалъ своимъ завывающимъ голосомъ и, водя во всѣ стороны глазами чрезъ очки, воскликнулъ:

— О! да у него, хоть сейчасъ въ печать, есть совершенно свѣженькій съ иголочки разказъ изъ жизни Василія Григорьевича Жукова, въ которомъ играютъ значительныя роли не столько самъ Жуковъ, сколько первая его жена, Матрена Никитична, да камергеръ Б—въ и его супруга.

— Какой Б—въ? спросилъ Пушкинъ.

— Да извѣстный Гаврило Гавриловичъ, отвѣтилъ Воейковъ.

— А, connu comme l'ours blanc, засмѣялся Пушкинъ.—Это тотъ что командированъ былъ въ Воронежъ во время открытія мощей Св. Митрофанія, послѣ чего сверхъ страсти занимать деньги, у него развилась страсть къ ханжеству до мономаніи, говорятъ.

— Эпизодъ который знаетъ юный біографъ Жукова, продолжалъ неумолимый Воейковъ, — и разказомъ котораго не далѣе какъ на дняхъ онъ утѣшилъ все общество у Вильгельма Ивановича Карлгофа, относится къ тѣмъ временамъ, довольно давнишнимъ, когда сюда пріѣзжалъ изъ Тегерана, съ повинною своего дѣда, шаха Персидскаго, молоденькій принцъ Хозревъ-Мирза.

— Да, замѣтилъ Пушкинъ, — тотъ самый мальчикъ лѣтъ восьмнадцати который, когда представлялся императору, то долго не могъ успокоиться, воображая что русскій падишахъ велитъ снести ему голову саблей, по ихъ азіятскому обычаю, за насильственную смерть нашего посланника, этого бѣдняжки Грибоѣдова. Но въ чемъ же состоитъ этотъ забавный разказъ которымъ вы меня такъ разлакомили, Александръ Ѳедоровичъ?

— Я не слажу разказать вамъ эту уморительную исторію, объяснилъ Воейковъ,—а вотъ мы попросимъ объ этомъ самого Владиміра Петровича.

— Пожалуста не откажите, Владиміръ Петровичъ, подхватилъ Пушкинъ съ очаровательною и увлекательною улыбкой.

Я, конечно, не заставилъ себя просить дважды и разказалъ весь этотъ анекдотъ, бывшій между Жуковымъ съ Б—вымъ и ихъ женами. Впрочемъ, какъ теперь помню, нѣсколько робѣя предъ такою знаменитостью, каковъ былъ Пушкинъ, я старался повѣствовать не распространяясь въ подробностяхъ и значительно сжалъ мой разказъ. Здѣсь же я сожму его еще больше, на томъ основаніи что слишкомъ пространный эпизодъ неудобенъ въ данномъ случаѣ, да и еще потому что онъ былъ уже напечатанъ въ 1863 году въ *Иллюстрированной Газетѣ* г. Зотова въ весьма пространномъ видѣ, съ разными бальзаковскими подробностями всякихъ даже мелочей, доведенныхъ до тонкости въ угоду историко-топографической вѣрности; но только съ вымышленными именами, кажется, Чичикова вмѣсто Б—ва и Тараканова вмѣсто Жукова. Повѣствованіе это было озаглавлено: *Билетъ на хоры во дворецъ.* Желающіе прочесть его могутъ найти въ этомъ журналѣ за 1863 годъ.

Дѣло состояло въ томъ что Гаврила Гавриловичъ Б—въ, прозванный въ свѣтѣ „Говорилой Говориловичемъ“, очень любившій занимать деньги направо и налѣво, разбогатѣвшему

Жукову, сдѣлавшемуся купцомъ 1й гильдіи и, въ ту пору, гласнымъ городской столичной думы, сильно строилъ куры, чуя возможность познакомиться покороче съ внутреннимъ содержаніемъ его бумажника. Василій Григорьевичъ не умѣлъ замѣтить и понять причинъ всѣхъ Б—вскихъ любезностей и вѣрилъ имъ на слово, воображая что всѣ эти „звѣздоносцы“, какъ онъ называлъ людей чиновныхъ, на самомъ дѣлѣ восхищаются его геніальностью. Предъ днемъ церемоніи представленія Хозрева-Мирзы государю, Жуковъ объяснялъ Б—ву, сидѣвшему у него вечеркомъ на его дачѣ въ Екатерингофѣ, что онъ, какъ гласный думы, долженъ будетъ находиться во дворцѣ, гдѣ и увидитъ все вблизи и отличнѣйшимъ образомъ. „А вотъ моя Матрена Никитична,—то-есть его жена,—будетъ смотрѣть изъ оконъ квартиры ихъ доктора, на Невскомъ, въ домѣ католической церкви.“—„Помилуй. Василій Григорьевичъ, восклицалъ Б—въ, помилуй, возможно ли это чтобы Матрена Никитична, жена знаменитаго нашего мануфактуриста Жукова, смотрѣла торжество это не съ дворцовыхъ хоровъ и не видѣла бы всей блестящей обстановки и царской фамиліи! Нѣтъ. этому не бывать, нѣтъ, нѣтъ, не будь я Гаврило Б—въ, у тебя для дорогой Матрены Никитичны завтра же будетъ билетъ на хоры въ Зимнемъ Дворцѣ, бѣлый съ золотымъ бордюромъ и съ золочеными буквами. Конечно, чрезвычайно трудно достать такой билетъ на хоры; но вѣдь я не знаю невозможнаго никогда, для Василія же Григорьевича въ особенности.“ Такъ Б—въ льстилъ тогда тому самому Жукову котораго, подъ именемъ Васьки Жука, зналъ весь Морковскій уѣздъ, откуда онъ родомъ, имя же Василья Григорьевича мигомъ сдѣлалось извѣстно повсемѣстно, особенно послѣ той удачной моей статьи которая нѣсколько лѣтъ сряду гремѣла и славилась, правду, впрочемъ, сказать, при усердномъ содѣйствіи самого Жукова, пріобрѣвшаго нѣсколько тысячъ оттисковъ этой статьи отъ Греча и разсылавшаго ее по всей Россіи съ своими табачными произведеніями. Но какъ бы то ни было, а билетъ на хоры былъ у Жуковыхъ на другой же день. Жуковъ былъ внѣ себя отъ радости и тщеславія; а скромная и тихая его Матрена Никитична съ ужасомъ и трепетомъ ожидала этого роковаго дня, когда ей придется быть во дворцѣ, въ блестящемъ обществѣ, которому она охотно предпочла бы то общество какое она могла ожидать встрѣтить у своего доктора, Карла

Богдановича. Однако дѣлать было нечего: она, въ черной шали и въ блондахъ, съ цвѣтами, въ назначенный день ранымъ-рано-хонько отправилась въ Зимній Дворецъ на хоры, куда забралась до того рано что въ эту пору тамъ посѣтителей не было ни души еще, и она внимательно занималась разсматриваніемъ и созерцаніемъ дворцовыхъ роскошей, присутствуя при работѣ полотеровъ навощивавшихъ полы. Одного изъ нихъ она даже съ хоръ назвала по имени и отчеству, узнавъ въ немъ одного изъ полотеровъ которые еженедѣльно натираютъ полы у нихъ въ домѣ. Пріѣхавъ рано, почтенная Матрена Никитична имѣла возможность занять самое лучшее спереди мѣсто, и видѣла все начало приготовленій къ церемоніи и съѣздъ посѣтительницъ на хорахъ, которыя всѣ принадлежали къ высшему петербургскому обществу, почему, по тогдашнему обычаю, говорили между собою не иначе какъ по-французски. Однако великолѣпная, настоящая турецкая, бѣлая шаль госпожи Жуковой, брабантскія кружева и парижскія блонды, а въ особенности обиліе, хотя и безвкусное, брилліантовъ самой чистой воды, привлекли къ ней вниманіе многихъ, заведшихъ съ ней разговоръ по-русски. Все шло какъ по маслу, и Матрена Никитична сдѣлалась даже нѣсколько посмѣлѣе и поразговорчивѣе, позволяя себѣ дѣлать этимъ блестящимъ своимъ сосѣдкамъ наивные вопросы насчетъ то того, то другаго обстоятельства поражавшаго и удивлявшаго ее въ залѣ, куда были устремлены ея глаза съ величайшимъ вниманіемъ, какъ вдругъ появилась высокая, сухощавая, съ весьма горделивою и повелительною осанкой барыня среднихъ лѣтъ, вся въ шелкахъ и кружевахъ. Блестящая эта особа, нѣсколько запоздавшая и не имѣвшая возможности стать впереди, начала тѣснить Матрену Никитичну, требуя чтобъ она отодвинулась назадъ и предоставила бы ей мѣсто. Матрена Никитична учтиво протестовала, объясняя что здѣсь мѣста всѣмъ равныя, и что кто позже пріѣхалъ, тотъ не можетъ требовать отъ другихъ такой жертвы. Такую смѣлость Матрена Никитична пріобрѣла, благодаря ласковымъ съ нею разговорамъ ея сосѣдокъ, которыя однако тотчасъ, когда явилась горделивая претендентка на мѣсто спереди, приняли насмѣшливый видъ и стали называть ее „голубушкой-кулачихой“. Но Матрена Никитична все еще не сдавалась, и сохраняла свою позицію. Однако гордая дама, выведенная изъ терпѣнія устойчивымъ стоицизмомъ „коровы въ золотомъ сѣдлѣ“, какъ она изволила громко по-

русски называть супругу знаменитаго фабриканта, — вдругъ сказала Матренѣ Никитичнѣ: „Ежели ты, мужичка, не оставишь этого мѣста, я позову камеръ-лакея и велю тебя вывести отсюда; а потомъ тебя отправятъ въ полицію“. Эти послѣднія слова какъ громомъ поразили Матрену Никитичну: она сначала вся вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и стала пятиться назадъ, предоставляя свое мѣсто горделивой своей антагонисткѣ. Тогда всѣ насмѣшливыя улыбки и лорнеты, бывшихъ ея по мѣсту спереди сосѣдокъ, обратились къ ней. Она не вытерпѣла и послѣшила выйти съ хоръ, не дождавшись конца церемоніи. Съ трудомъ нашедши внизу своего служителя изъ фабричныхъ работниковъ, одѣтаго въ какую-то фантастическую ливрею, она усѣлась въ карету и возвратилась домой, гдѣ слезами, самыми горячими слезами разразилась ея горесть. Мужъ ея, какъ гласный думы, находился внизу, въ залѣ и, облеченный въ мундиръ со шпагой, видѣлъ отмѣнно хорошо всю церемонію пріема персидскаго уполномоченнаго. Василій Григорьевичъ, очень любившій свою Матрену Никитичну, возвратясь домой и нашедши жену полубольную въ постелѣ, огорчился и озаботился. Но она ничего о происшедшемъ ему не разказала и все пояснила жестокою головною болью, ей причинившеюся отъ жары на хорахъ. Б — ву, пріѣхавшему на другой день, было то же самое объявлено, и онъ разсыпался въ самыхъ восторженныхъ сожалѣніяхъ, сопровождаемыхъ совѣтами различныхъ лѣчебныхъ средствъ, долженствующихъ непремѣнно оказать помощь самымъ радикальнымъ образомъ. Его превосходительство даже готовъ былъ сейчасъ скакать въ аптеку за какими-то волшебными гомеопатическими порошками. Все это имѣло въ результатѣ то, что когда господинъ камергеръ уѣхалъ, то Василій Григорьевичъ сказалъ: „Вотъ истинный русскій бояринъ! Святой человѣкъ! Ангельская душа“.—Дня черезъ два Гаврило Гавриловичъ заѣхалъ узнать о состояніи здоровья Матрены Никитичны, которую благодареніе Богу, засталъ въ вожделѣнномъ положеніи, распоряжавшуюся по своему домашеству. Въ этотъ день Б—въ особенно усердно хвалилъ все на дачѣ Жукова. Это восхищало самолюбиваго хозяина, который пришелъ просто въ восторгъ, когда „генералъ“ объявилъ ему что на дняхъ онъ пріѣдетъ къ нимъ не одинъ, а съ своею женой, Катериной Петровной, которая страстно любитъ ягоды и фрукты, а всего этого Жуковская оранжерея (по истинѣ преплохая) доставляетъ

въ избыткѣ. Рѣшено было назначить день для пріема ихъ превосходительствъ. Приготовленія были самыя блестящія, и разнаго рода Богатоновскимъ* затѣямъ и разнаго рода сюрпризамъ не было конца. Наконецъ наступилъ этотъ желанный день, когда на дворъ Жуковой дачи, усыпанный краснымъ пескомъ, въѣхала голубая карета, запряженная четверней и съ лакеемъ въ пунцовой ливреѣ съ золотыми галунами, пунцовой на томъ основаніи что камергеры пользуются правомъ употреблять этотъ привилегированный для дворцовыхъ ливрей цвѣтъ. Карета остановилась въ упоръ къ крыльцу, на которомъ стояли хозяинъ и хозяйка дачи, пришлявшіе съ благоговѣніемъ знатную барыню, весьма щеголевато одѣтую. Барыня эта и была госпожа Б—ва; а Гаврила Гавриловичъ, высадивъ ее изъ кареты, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и сильнѣйшимъ образомъ тарантилъ, дѣлая видъ что вовсе не замѣчаетъ какъ сконфузилась и растерялась добрѣйшая Матрена Никитична. Гаврило Гавриловичъ отнесъ этотъ конфузъ хозяйки ни къ чему другому какъ къ чувству глубокаго уваженія къ его блестящей и многовнушительной супругѣ. Угощеніе шло сильное, въ родѣ Демьяновой ухи, и пробывъ часа два, Катерина Петровна уѣхала, увезя въ своей каретѣ цѣлыя груды разныхъ фруктовъ и ягодъ, конфектъ, бисквитовъ и пирожковъ, съ нѣсколькими бутылками сливокъ наивысочайшаго качества. Только-что голубая карета унеслась со двора и покатила по шоссе, Жуковъ напустился на неловкости своей Матрены Никитичны, и съ огорченіемъ упрекалъ ее въ неумѣньи принимать такихъ важныхъ барынь, какова Катерина Петровна Б — ва, супруга камергера двора его величества и дѣйствительнаго статскаго совѣтника со звѣздой. Тогда Матрена Никитична, давъ мужу покипятиться, не утерпѣла и навзрыдъ заплакала, причемъ открыла Василью Григорьевичу всю правду; а правда состояла въ обидѣ ей нанесенной на дворцовыхъ хорахъ знатною барынею, намѣревавшеюся отправить ее, жену почетнаго купца и фабриканта, „въ полицію“. Узнавъ это происшествіе, Жуковъ сильно раздражился; но онъ еще больше озлился на Б — ва когда узналъ что сильный конфузъ Матрены Никитичны при встрѣчѣ съ т-жей Б — вой произошелъ ни отъ чего другаго какъ оттого что она въ барынѣ-гостьѣ узнала ту барыню

---

* Дѣйствующее лицо одной изъ комедій М. Н. Загоскина.

которая хотѣла посадить ее въ полицію, на хорахъ Зимняго Дворца. Однако добрая и весьма неглупая Матрена Никитична уговорила мужа не дѣлать изъ всего этого никакаго шума, чтобы не пустить въ ихъ кругу, наполненномъ завистниками въ ходъ этого несчастнаго происшествія, въ которомъ ей привелось играть такую страдательную и несчастную роль. Не прошло послѣ этого разговора и недѣли, какъ явился Гаврило Гавриловичъ и, отведя Жукова въ сторону, сталъ просить у него подъ заемное письмо полторы тысячи рублей, тогда еще ассигнаціонныхъ. Жуковъ сказалъ Б—ву что онъ за счастье почелъ бы угодить его превосходительству, да эти дни произвелъ огромные платежи банкирскимъ конторамъ за табакъ и теперь голъ какъ соколъ, имѣя только то что необходимо на содержаніе фабрики и дома съ дачей. „Но я не отлущу ваше превосходительство безъ спрашиваемыхъ вами денегъ. Извольте видѣть, у моей Матрёши есть капитальчикъ тысченки въ три, который состоитъ изъ ломбардныхъ билетовъ. Сейчасъ я ее позову, и ежели она согласна будетъ на выдачу вамъ полутора тысячъ рублей, то вы деньги эти тотчасъ получите.“ Нечего разъяснять что согласіе, какъ и ожидать можно было, со стороны Матрены Никитичны послѣдовало, и дѣло было, какъ говорится, въ шляпѣ. Б—въ былъ въ восторгѣ, который въ немъ дошелъ до такого пафоса что онъ чмокнулъ руку добрѣйшей Матрены Никитичны, чѣмъ необыкновенно ее сконфузилъ. Жуковъ однако, при всей своей добротѣ и при всемъ своемъ глубокомъ уваженіи къ генеральству, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи хоть сколько-нибудь отмстить за жену, оскорбленную его женой, и сказалъ: „Вотъ и хорошо, ваше превосходительство, что ея превосходительство, ваша Катерина Петровна, не успѣла посадить мою Матрёшу въ полицію, потому что тогда, само собою разумѣется, вамъ не видать бы ея денегъ, въ которыхъ, кажется, вы таки изрядно нуждаетесь.“ Ну, конечно, Б—въ сдѣлалъ видъ что въ прахъ превратитъ за это Катерину Петровну; но кто зналъ какъ онъ крѣпко находился подъ башмакомъ своей Катерины Петровны, хорошо понималъ что всѣ эти слова не что иное какъ мыльные пузыри не больше.

Во время всего этого моего разказа, А. С. Пушкинъ нѣсколько разъ посмѣивался и при этомъ бросалъ мнѣ ласковые взгляды. По окончаніи же разказа моего *О билетѣ на хоры Зимняго Дворца*, Пушкинъ нѣсколько времени бесѣдовалъ

объ этомъ сюжетѣ съ Воейковымъ, съ барономъ Розеномъ и съ нѣкоторыми другими, причемъ сказалъ, обратясь ко мнѣ:

— Разказомъ этимъ я завладѣю для перваго нумера *Современника* или для будущаго новаго изданія *Повѣстей Бѣлкина*.

Затѣмъ Пушкинъ обратился къ Воейкову и сказалъ:

— А вотъ теперь я съ васъ, Александръ Ѳедоровичъ, попрошу взятку себѣ, или хоть снисходительное одолженіе, сказалъ Пушкинъ улыбаясь.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, Александръ Сергѣевичъ, вопилъ Воейковъ, увѣренный что рѣчь будетъ не больше какъ о какой-нибудь предварительной рекламѣ въ *Инвалидѣ*.

Пушкинъ. Бога ради, Александръ Ѳедоровичъ, помѣстите меня въ вашъ *Домъ Сумашедшихъ*, чрезвычайно обяжете, чрезвычайно. Тамъ у васъ есть и препорядочные люди, какъ Батюшковъ, Жуковскій, Шишковъ, Карамзинъ....

Воейковъ (перебивая его). Я бы далъ остатокъ моей жизни, ежели бы мнѣ слѣдовало прожить еще столько сколько прожилъ понынѣ, чтобы только всѣ забыли эти нѣсколько моихъ гнусныхъ стиховъ на добродѣтельнѣйшаго моего благодѣтеля Николая Михайловича. Но что написано перомъ, того, къ несчастію, не вырубишь топоромъ. Эти стихи мой вѣчный позоръ, и я самъ не знаю какъ я могъ ихъ написать, я, безсовѣстная скотина, наполнивъ ихъ самою безсовѣстною ложью, относительно будто бы эластическихъ правилъ добродѣтельнѣйшаго Николая Михайловича. Стихи эти были написаны въ моментъ какого-то сумашедшаго и нелѣпаго раздраженія. Стихи эти уже достаточно наказали меня, залеревъ мнѣ навсегда какъ двери сердца, такъ и двери квартиры Василія Андреевича Жуковскаго.

Пушкинъ. Мало ли чего не бываетъ на свѣтѣ. И мнѣ случалось, въ минуту горячки, писать не то что чувствовалъ. И я себѣ не прощу никогда моихъ шуточныхъ эпиграммъ на добрѣйшаго изъ добрѣйшихъ генерала Инзова, когда я жилъ и служилъ въ Одессѣ. Но не въ этомъ дѣло. А зачѣмъ вы не хотите помѣстить меня въ вашемъ *Домѣ Сумашедшихъ*?

Воейковъ. Затѣмъ что въ васъ, какъ въ поэтѣ, нѣтъ ни одной изъ тѣхъ странностей и эксцентричностей какія есть у другихъ и которыми въ особенности богатъ Жуковскій; какъ о человѣкѣ, въ сатирѣ мнѣ объ васъ говорить нечего, ежели я не сдѣлаю, относительно васъ, того же что сдѣлалъ такъ подло

такъ тусно, относительно Карамзина. Словомъ, вы для сатиры не годитесь. А впрочемъ, подождите, можетъ-быть, какъ журналиста, можно будетъ васъ немножко попортретировать.

Пушкинъ. Будемъ ждать мѣстечка въ *Домѣ Сумашедшихъ* Воейкова, хоть, напримѣръ, для Пушкина-журналиста. Благо не долго ждать: черезъ два мѣсяца начнется моя журнальная дѣятельность. А вотъ у меня въ коллекціи есть почти всѣ ваши прежніе члены *Дома Сумашедшихъ*; но, къ сожалѣнію, я не имѣю ни Магницкаго, ни Ширинскаго. Пожалуйста продиктуйте мнѣ ихъ, Александръ Ѳедоровичъ.

Воейковъ. Зачѣмъ мнѣ вамъ ихъ диктовать? Послѣзавтра утромъ я самъ привезу къ вамъ колію всего моего *Дома Сумашедшихъ*, за исключеніемъ Карамзина. Извините только что списано будетъ моимъ стариковскимъ почеркомъ.

Пушкинъ (жметъ ему руку).—Тысяча благодарностей. Я знаю что вѣдь вы почти ни для кого не проявляете такого рода любезности, почему въ особенности вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ вниманіе и постараюсь за ваше золото отдать хоть моею бронзой. Ну, а теперь пока все-таки прочтите-тка для меня о Ширинскомъ. Его цензурный уставъ верхъ несовременности!

Воейковъ. Алжирскій уставъ!

Пушкинъ. Какъ алжирскій?

Воейковъ. Да, такъ я его назвалъ въ моихъ стихахъ. Вотъ они:

Это что?... Уставъ Алжирскій
О печатаніи книгъ....
Вкругъ него кнуты, батоги
И Красовскій.... ноздри рвать!
Я скорѣй—давай Богъ ноги,
Здѣсь не мѣсто разсуждать.

— А вотъ ужъ коли на то пошло, имѣю честь представить вамъ любопытнаго субъекта. Слушайте:

„Берегитесь, здѣсь Магницкій!“
Насъ вожатый упредилъ:
„Онъ укуситъ васъ,—не близко!“
Я съ боязнью отступилъ.

Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ,
Просьбица о пенсіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,

Дачъ, земель, лѣсовъ казенныхъ,
И записка о долгахъ.
Въ размышленьяхъ столь духовныхъ
Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
„Горе! Добрый царь на тронѣ,
Вѣръ терпимость, лыткомъ нѣтъ.
Ахъ, зачѣмъ не при Неронѣ
Я рожденъ на бѣлый свѣтъ!
Благотворный бы представилъ
Инквизиціи проектъ.
Въ маслѣ бы варить заставилъ
Философовъ разныхъ сектъ.
Заподозривъ, такъ и съѣлъ бы
И роднаго я отца.
Что дадите? Я поддѣлъ бы
И Небеснаго Творца.
Я за орденъ—христіанинъ,
Я за землю—мартинистъ,
Я за деньги—мусульманинъ,
За аренду—атеистъ!
Я какъ дьяволъ ненавижу
Бога, ближнихъ и царя,
Зло имъ дѣлать сплю и вижу
Въ честь Христова алтаря!“

Пушкинъ. Браво! Превосходно! Іезуитизмъ весь наружу. Какъ это?

Я за орденъ—христіанинъ,
Я за землю—мартинистъ,
Я за деньги—мусульманинъ,
За аренду—атеистъ!

— Чудо какъ вѣрно, характерно и типично. Вотъ ежели бы въ этомъ родѣ, да изобразить нашихъ журнальныхъ бойцовъ, съ тою же злою, сатирическою язвительностью, какая вами употреблена особенно при посаженіи въ *Домъ Сумашедшихъ* страшнаго іезуита-обскуранта Магницкаго.

Воейковъ. Къ услугамъ вашимъ, Александръ Сергѣевичъ:

Вотъ Сенковскій—сей и оный,
. . . . . .

Пока Воейковъ читалъ свое ругательное стихотвореніе на Сенковскаго, я всматривался въ Пушкина и не могъ не замѣтить что выразительное лицо поэта утратило печать веселости и становилось мрачно, грустно и проявляло даже досаду: оче-

видно, онъ ожидалъ остроумія, хотя и желчнаго, но встрѣтилъ лишь циничную браничивость. Воейковъ, не замѣтивъ этой рѣзкой перемѣны въ Пушкинѣ, вскрикнулъ:

— Еще вотъ-съ почтеннѣйшій Н. И. Гречъ:

Вотъ и Гречъ, нахалъ въ натурѣ,
Изъ чужихъ лоскутьевъ сшитъ,
Онъ Цыганъ въ литературѣ,
А въ торговлѣ книжной—Жидъ.
. . . . . , ...

Къ Гречу Пушкинъ даже симпатизировалъ, любя въ немъ его остроуміе, и сказалъ Воейкову, нахмуривъ брови:

— Ну, ужъ не черезъ край ли вы хватили, Александръ Ѳедоровичъ?

Воейковъ и тутъ, казалось, не понималъ, и пустившись вскачь, повидимому, не могъ быть удержанъ, почему спросилъ:

— Не угодно ли познакомиться поближе съ общимъ другомъ и благопріятелемъ нашимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ? И не дожидаясь отвѣта читалъ:

Тутъ кто?... Гречева собака
Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ,
То Булгаршъ забіяка
. . . . . .

Послѣдніе стихи заставили Пушкина невольно улыбнуться.

— Куда ни шло, читать, такъ читать все, восклицалъ Воейковъ, и прочелъ:

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой,
Безпардонный и безчинный....
. . . . . .

Стихи на Полеваго, котораго Пушкинъ хотя и не любилъ, но не могъ не считать весьма даровитымъ и во многомъ полезнымъ писателемъ того времени, произвели на него особенно непріятное впечатлѣніе, и онъ, чтобы не показать Воейкову свое явное неудовольствіе, закрылъ лицо рукой и тихонько посвистывалъ.

— Еще есть у меня въ *Сумашедшемъ Домѣ* извѣстная вамъ Сафо въ каррикатурѣ.

— Какъ не знать, сказалъ Пушкинъ,—знаю, урожденная княжна Х—зева, сестра жены статсъ-секретаря Мордвинова. Темира! Оригинальная, но очень добрая личность.

Воейковъ сталъ читать:

Вотъ Темира.... вкругъ разбросанъ
Перьевъ лукъ, тряпицъ, газетъ;
Ангелъ—дьяволомъ причесанъ
И чертовкою одѣтъ.
Карлица и великанша,
Смѣсь съ юродствомъ красоты,
По талантамъ генеральша,
По причудамъ прачка ты!

Достойно вниманія что сколько съ удовольствіемъ Пушкинъ слушалъ выходки противъ такихъ лицъ, какъ Магницкій, далеко съ видимою несимпатіей слушалъ онъ ругательства изрыгаемыя Воейковымъ противъ литераторовъ - журналистовъ. Когда же Пушкинъ прощался съ Воейковымъ и собирался уѣхать, Воейковъ, вышедши за нимъ въ переднюю, спрашивалъ:

— Такъ завтра или самое позднее послѣзавтра я доставлю вамъ, Александръ Сергѣевичъ, непремѣнно всѣ дополненія моего *Дома Сумашедшихъ*.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Пушкинъ, надѣвая шубу изъ рукъ слуги и закутываясь шарфомъ,—сдѣлайте одолженіе, Александръ Ѳедоровичъ, особенно стихи о Магницкомъ.

— А нашихъ друзей журналистовъ? спрашивалъ Воейковъ посмѣиваясь.

— Ну, и ихъ, и ихъ! произнесъ Пушкинъ уже въ дверяхъ въ сѣни, откуда слышны были слова его:—прощайте, Александръ Ѳедоровичъ, прощайте, не простудитесь.

То были послѣднія слова какія я слышалъ изъ устъ Пушкина при жизни его.

Спустя два мѣсяца послѣ этой моей встрѣчи съ Пушкинымъ у Воейкова, не стало безсмертнаго поэта.

Въ третій разъ въ теченіи моей жизни я видѣлъ Александра Сергѣевича Пушкина два мѣсяца послѣ этого вечера, въ концѣ января 1837 года, уже въ гробу. Квартира великаго поэта, на Мойкѣ, близъ Пѣвческаго моста, въ домѣ княгини Волконской, была сильно атакуема публикой, безпрестанно стремившеюся прощаться съ покойнымъ поэтомъ, который, какъ самъ выразился въ своихъ безпримѣрныхъ стихахъ, воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворный въ каждомъ русскомъ сердцѣ. Гробъ Александра Сергѣевича былъ окруженъ съ утра до поздней ночи, да и ночью даже, ревностными его поклонниками, изъ ко-

торыхъ было не мало смѣнявшихъ ночныхъ чтецовъ Псалтыря и читавшихъ за нихъ сами.

Я, пока тѣло неподражаемаго поэта въ теченіи трехъ сутокъ находилось въ домѣ, приходилъ поклониться ему по два раза въ день, и потому, ежели бы владѣлъ кистью или пастельнымъ карандашомъ, то-есть вообще ежели бы я былъ художникъ, могъ бы изобразить весьма вѣрно Пушкина въ гробу, по крайней мѣрѣ вѣрнѣе и граціознѣе чѣмъ тотъ портретъ который былъ тогда же литографированъ и пущенъ въ продажу. Скажу теперь только то что Пушкинъ былъ положенъ въ гробъ въ любимомъ своемъ темнокофейномъ сюртукѣ, въ которомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ у Воейкова.

А. Ѳ. Воейковъ въ 1838 году продалъ свои *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду* Плюшару, который поручилъ редакцію этой газеты А. А. Краевскому, а въ 1841 году эта газета явилась уже съ иллюстраціями, очень искусными и изящными, подъ названіемъ *Литературной Газеты*. Въ 1837—1838 годахъ А. Ѳ. Воейковъ, вліяя сильно на тогдашняго богача В. Г. Жукова, успѣлъ уговорить его учредить типографію и издавать книги, что̀ и началось огромнымъ обѣдомъ, даннымъ въ залахъ типографіи, на который собрались *всѣ* наличные тогда въ Петербургѣ литераторы. Замѣчательно что эта типографія, *Жукова и Воейкова*, устроена была въ Сѣнномъ, грязномъ и смрадномъ переулкѣ, въ томъ самомъ домѣ изъ оконъ котораго въ 1831 году, когда свирѣпствовала первая холера въ Петербургѣ, чернь бросала докторовъ, такъ какъ тутъ устроена была центральная холерная больница. Когда-нибудь я подробно поговорю объ этомъ оригинальномъ обѣдѣ, слегка описанномъ въ *Воспоминаніяхъ* И. И. Панаева. А теперь скажу только что А. Ѳ. Воейковъ умеръ въ 1839 году здѣсь въ Петербургѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ В. Б

Петербургъ.
15го августа 1871.

ХМѢЛЕВАЯ НОЧЬ

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Какъ заходила межь сосѣдей рѣчь про князь-Засѣкинскія хоромы, всѣ въ голосъ говорили: „Хороши де хоромы: до Москвы лоѣзжай, краше князь-Григорей-Александровичевыхъ хоромъ не сыщешь.“ А зайдетъ, бывало, рѣчь про самого князя, тѣ же сосѣди въ голосъ же скажутъ: „Хорошъ человѣкъ, да крутенекъ. Вотъ какъ если тѣсто круто замѣсить, и вкусенъ пирогъ выйдетъ, да поди разжуй его.“

И сосѣди были правы.

Хоромы были на славу хороши, въ томъ причудливо-сказочномъ вкусѣ какимъ отличались постройки нашихъ предковъ, когда не знали мы ни фронтоновъ, ни портиковъ, ни этихъ самыхъ бельведеровъ. Подъѣзжая, нельзя было не залюбоваться на брусчатые, обшитые тесомъ, круглые, о четырехъ затворахъ на желѣзныхъ крючьяхъ воротами, надъ которыми стоялъ шатерчатый чердакъ съ красными на всѣ стороны окнами; вокругъ чердака перила, балясы точеныя. Въѣдешь на широкій, обнесенный крѣпкимъ заборомъ, скатертью стелющійся красный дворъ, глаза разбѣгутся, не знаешь къ ко-

тому крыльцу подъѣхать: одно другаго краше. Не предъ одними сѣньми былъ взрубленъ рундукъ, широкій помостъ о двухъ-трехъ ступеняхъ, съ двумя-тремя всходами; надъ однимъ рундукомъ высился шатеръ на четырехъ узорочно рѣзныхъ столбахъ, съ жестянымъ пралоромъ, флюгеромъ, на верху; надъ другимъ кровля была сведена бочкой, надъ третьимъ на бочку шатеръ насаженъ. Поглядишь вверхъ, на хоромы, не знаешь на что̀ смотрѣть. То ли на переднія хоромы, то ли на боковыя, то ли на узорочное рѣзное дѣло. Всюду шла рѣзьба, по подзорамъ поясами, по углам̀ лопатками и колонками, у оконъ наличниками. Рѣзаны были всякія травы, птицы, звѣри; иной брусъ былъ насквозь узорчатый, точно вылепленъ изъ разныхъ прямей и косицъ: городковъ, зубчиковъ, звѣздочекъ, ложекъ; въ одномъ мѣстѣ, надъ среднимъ окномъ переднихъ хоромъ, дошлымъ мастеромъ, не разъ бывавшимъ въ Москвѣ и наглядѣвшимся тамъ всякихъ дивъ, была вырѣзана даже сама райская птица сиренъ. Всѣ эти рѣзи были пестро раскрашены, а про птицу сирен̀ и говорить нечего: на нее пошли какія только были въ запасѣ краски: и вохра, и умра, и бѣлила, и бакань, и ярь, и мумія, а крылья по краямъ золочены даже были. Порой глаза ломило отъ черезчуръ усердной смѣси красокъ, которыя, казалось, лѣзли впередъ, точно топырились одна изъ-за другой и кричали: молъ, погляди и на меня, какова я есть; но чаще встрѣчался тотъ простой подборъ красокъ какой на поляхъ живетъ и городскими жителями презрительно прозванъ яичницей съ лукомъ.

Хоромы стояли не правильнымъ строемъ, а были скорѣй разбросаны по всему широкому двору. Видно было что не годъ, не два, а можетъ не одинъ вѣкъ строились онѣ; еще не прапрадѣдъ ли поставилъ первую горницу во мху, на жиломъ для холопей подклѣтѣ. Женился прадѣдъ, прирубилъ къ горницѣ сѣни, къ сѣнямъ приставилъ хоромину для жены, надъ хороминой теремъ. Сталъ плодиться и множиться родъ, стали плодиться и множиться хоромы; то справа, то слѣва, то наугол̀, загибая въ зеленый садъ, прирубались новыя сѣни, къ сѣнямъ новыя горницы, ставились хоромы о трехъ-четырехъ, сколько надобилось, комнатахъ, съ чердаками-теремами, съ просторными свѣтлицами, съ теплыми мыльнями, на подклѣтахъ, жилыхъ и глухихъ, на столбахъ, на обрубахъ, какъ было сподручнѣе, какъ уютнѣй для житья казалось. Сталъ родъ богатѣть и добрѣть, всякими правдами и неправдами всячески

богатства копить, стали добрѣть и богатѣть хоромы. Гдѣ стояла бревенчатая изба, стала брусяная; гдѣ глядѣло одно красное слюдяное оконце съ двумя волоковыми по бокамъ, тамъ теперь три косящатыхъ красныхъ окна; завелись и двойныя избы о шести окнахъ; въ иной свѣтлицѣ на всѣ четыре стороны было вырублено по двѣнадцати красныхъ оконъ, чтобы свѣтло было дѣвкамъ сидѣть за всякимъ женскимъ рукодѣльемъ. Забыли Засѣкины князья какъ въ тѣснотѣ люди живутъ, сталъ домъ полною чашей, пошло прохладное житье. Что задумано—сдѣлано. Иному все низко въ горницахъ казалось: ни подвѣсить ничего нельзя, ни глядѣть, лежа на лавкѣ, некуда, и вздвигалъ онъ высокую човалушу въ оба жилья, слишкомъ; много въ ней помѣстится всякой рухляди, да и поваляться есть гдѣ въ послѣобѣденную жаркую и лѣнкую пору. Другой нигдѣ не могъ для спанья мѣста сыскать, на бѣду стояло горячее, съ душными ночами, лѣто, и поставилъ онъ особнякомъ, на столбахъ, къ сѣверу отъ хоромъ, сѣнникъ; къ сѣннику перекинутъ переходъ, а чтобъ и днемъ было прохладно пройти въ сѣнникъ, былъ тотъ переходъ съ солнечной стороны забранъ досками въ закрой. А можетъ ставился тотъ сѣнникъ ради женитьбы старшаго сына, чтобы было гдѣ молодымъ почивать.

Оттого-то были хоромы разбросаны по всему двору; оттого-то и были онѣ подъ одну кровлю подведены. Какъ въ лѣсу не всѣ деревья равны верхомъ, то ель острою вершиной торчитъ, то плоскимъ навѣсомъ стоитъ сосна, то кудрявою головой береза, глядя по тому гдѣ какое сѣмя упало и какую оно возымѣло силу, и въ князь-Засѣкинскихъ хоромахъ были разныя кровли, смотря по вкусу, причудѣ и достатку хозяина. Въ большинствѣ хоромъ кровли были сведены по-палатному, шатрами, съ четырьмя крутыми скатами связанными княземъ; надъ передними хоромами стояла бочка, поверхъ которой шелъ рѣзной гребень, съ двумя желѣзными же прапорами; тамъ надъ сѣнями была поставлена вышка, срубленная на шесть угловъ, что слыла шестеркой, съ острымъ надъ нею шатромъ; здѣсь, между двумя хоромами, шелъ крытый переходъ; тамъ опять стоялъ шатеръ.

Человѣку вдумчивому показалась бы вся эта пестрота и разнота: онъ острымъ разумомъ сообразилъ бы какъ все это росло вмѣстѣ съ жизнію людей, вмѣстѣ съ нею то красовалось, то хилѣло, участвуя въ ростѣ и ущербѣ семьи. Человѣкъ хозяйствен-

ный вѣрно освѣдомился бы какимъ способомъ крыты кровли, и узнавъ что крыты онѣ въ два теса со скалой, то-есть съ берестяною прокладкой между тесомъ, одобрилъ бы это; одобрилъ бы онъ также что кровли покрашены зеленою краской: оно прочнѣе; но врядъ ли дождался бы отъ него похвалы шатеръ на одномъ изъ теремковъ, шатерчикъ, правда, не великъ, да обшитъ по тесу бѣлымъ желѣзомъ, съ олайкой англійскимъ оловомъ. Назвалъ бы онъ это „ненужнымъ роскошемъ."

Пожалуй столь же безполезнымъ призналъ бы онъ и крытый переходъ, на которомъ стояла небольшая вышка - осмишка, о восьми углахъ и восьми красныхъ окнахъ, съ оперенным гульбищемъ, балкономъ, вокругъ. Къ чему было вздымать се на экую высь, между двумя теремными крутыми шатрами? Къ чему бы ни было, да съ этой вышки, смотрильны, не только весь дворъ, со всѣми пристройками, службами, амбарами, овинами, остоженнымъ дворомъ и садомъ былъ какъ на ладони, но и на много верстъ вокругъ было видно. Хороши были хоромы, да и стояли онѣ на прикрасѣ. Посмотришь на востокъ, къ воротамъ — прямо, черезъ небольшой лужокъ, стоитъ деревянная церковка, съ крытымъ лозеннымъ переходомъ къ колокольнѣ; справа и слѣва, выступая изъ-за подлица забора краснаго двора, стоятъ амбары, житницы, овины, чтобы на всякій случай были они подъ господарскимъ взглядомъ. Вокругъ нихъ плетень и часто насажены ветлы,—извѣстная наша огорожа, спасительная въ пожарной бѣдѣ. Тянулись и назадъ, справа, разныя хозяйственныя постройки и дворы скотный, остожный и прочіе. Сзади хоромъ, спускался къ рѣкѣ, разбитъ садъ, съ двухъ сторонъ огороженный заборомъ, живою изгородью и плетнемъ, какъ гдѣ пришлось; въ томъ саду и яблонь, и груша, и вишня кустами; а гдѣ спускъ къ рѣкѣ пошелъ круче, поросло кустами орѣшника и ветлами, склонившимися надъ рѣчкой Общей. Слѣва сада была насажена березовая роща, обнесена плетнемъ. Правѣй тянулся огородъ, отдѣленный отъ сада грядами крыжовника и смородины. Тутъ же неподалеку конопляникъ, мѣсто любовныхъ свиданій для дворни. Какъ разъ у садоваго крыльца изъ клѣтишныхъ хоромъ два-три небольшихъ цвѣтника, обсажены смородиной; изъ-за кустовъ глядѣли красныя и бѣлыя рожицы-мальвы, краснѣли піоны, стояло два ящика гвоздики, да кусты зори и желтыхъ лилей. Не обошлось безъ

золотистаго донца подсолнышника, безъ двухъ-трехъ кустовъ бузины. Вонъ крышка видиѣется изъ-за кустовъ, знать бесѣдка, а звонъ другая, тоже дранью крыта, не баня ли будетъ? Въ вечеру, по пятницамъ, синѣетъ тамъ дымокъ.

А глянешь черезъ садъ, за рѣку, поля тянутся, въ двухъ-трехъ мѣстахъ мелькнетъ Обица; вдали холмится что-то, лѣса зеленѣютъ, а еще дальше бѣлѣетъ и серебрится на солнцѣ соборный куполъ ближайшаго посада. Села совсѣмъ не видно за ветлами что обсажены кругомъ дворовъ; тамъ гдѣ-то понизу, вдоль рѣки, тянутся крытыя соломой поземныя курныя избы, съ волоковыми окошцами, съ завѣтными крылечками на двухъ-трехъ столбикахъ, съ соломеннымъ верхомъ.

II.

Велико было поселье. Знать вывелось въ немъ большое гнѣздо, да по времени слетѣли выводки, и теперь не большакъ-хозяинъ правитъ тутъ обширнымъ родомъ, а жилъ князь Григорій княжъ Александровичъ самъ-другъ съ молодою своею женой Ѳедосьей Ларивоновною.

Князй Григорій Александровичу шелъ пятый десятокъ; былъ онъ крѣпокъ, коренастъ, ростомъ повыше средняго; сѣрые, широко-разставленные глаза глядѣли прямо и бойко, но никого ни грѣли, ни ласкали; ястребиный носъ нависъ надъ тонкими, сжатыми губами; высокій лобъ глубокою поперечною бороздой перерѣзала морщина; все лицо глядѣло строго и сдержанно, точно было что сказать и сдѣлать князю, да доселѣ ни сдѣлалъ, ни сказалъ онъ этого, а про себя таилъ. Ни на изсѣра-бѣлокурой головѣ, ни въ раздвоенной бородѣ не серебрилось ни единой сѣдинки: для князя не прошли еще тѣ лѣта что такъ метко названы постоянными, потому—войдя въ нихъ человѣкъ не мѣняется.

Князь былъ человѣкъ умный, грамотный, дѣловой. Былъ онъ воспитанъ на старинный ладъ, безъ примѣси того мягкаго и вкрадчиваго оттѣнка что занесли на Москву польскіе пляхтичи, начавшіе свои педагогическіе подвиги при царѣ Алексѣѣ. Выросъ онъ на отцовскихъ глазахъ и выученъ грамотѣ живши при отцѣ подъячимъ. Образованности, въ нашемъ смыслѣ, не знала старинная Русь, какъ не знала она науки; въ замѣнъ она давала толковитую грамотность, умѣнье дѣльно

и красно, складно и ладно выражать свои мысли; грамотность до того выработанную что Петръ, когда зашла рѣчь какимъ языкомъ, русскимъ или старославянскимъ, переводить и писать книги, указалъ на русскій, и именно на дѣловой-подъяческій, на языкъ посольскаго приказа. Кромѣ грамотности существовало и воспитаніе: выработка умственнаго и нравственнаго склада, передававшаяся отъ отца къ сыну, отъ дѣда ко внуку. Мысль сызмала пріучалась глядѣть на жизнь такъ, а не иначе; она не стремилась перекроить ее по своему хотѣнью, но сама складывалась по требованію жизни, вырабатывалась одновременно съ нею. Оттого-то выростали основные, крѣпкіе типы, которые даже теперь, при наблюденіи современной коренной, не поверхностной жизни, поражаютъ своею историческою долговѣчностію, и мы узнаемъ въ нихъ черты давней старины. Болѣе: вглядываемся мы пристально въ жизнь, изучаемъ ея внутреннія основы, ея существеннѣйшія качества, помимо случайныхъ наносовъ и количественныхъ наслоеній, и научаемся старину лучше понимать и вѣрнѣе цѣнить. Иначе и быть не могло: народный организмъ остается все тѣмъ же организмомъ, несмотря на ростъ и развитіе, несмотря на поражающія его болѣзни, ибо растетъ и развивается то же сѣмя, то же зерно, и растетъ цѣликомъ, всѣмъ существомъ своимъ, изнутри кнаружи. Отодвинутые въ старину, народные типы кажутся яснѣе, опредѣленнѣе, рѣзче очерчены, потому только что за далью вѣковъ признаки временные, случайные теряютъ свою яркость, броскость въ глаза, какъ для нашихъ потомковъ полиняютъ и полустушуются наши случайные, временные признаки, хотя нѣкоторыми изъ насъ и считаются они за самые существенные, за самое коренное отличіе наше отъ предковъ и потомковъ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ, какъ кажется, кроется тайна почему художники всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, когда замышляли возсоздать глубокія, сердцевинныя свойства наблюдаемыхъ или прозрѣваемыхъ ими человѣческихъ характеровъ, нерѣдко отодвигали свои образы въ старину, свою или иноземную, ближнюю ли, дальнюю; только при этомъ явилась бы возможность не затемнять мелкими узорами внутренняго типа... Но возвратимся на прежнее.

Грамотность дала князь Григорій Александровичу не только дѣловую толковитость, но и средство пріобрѣсть много свѣдѣній; воспитаніе — твердыя основы нравственной житейской мудрости. Отецъ его, князь Александръ Григорьевичъ, былъ

человѣкъ добръ и честенъ; изъ тѣхъ строгихъ, благообразныхъ натуръ которымъ ихъ вѣрованья, домыслы, весь душевный строй до того глубоко важны, лепы и святы что тѣнь кощунственныхъ отношеній, проблескъ легкой насмѣшки для нихъ страшно чувствительны и болью отзываются въ сердцѣ. Онъ зналъ не одно богатство: зналъ довольство тѣмъ что̀ Господь послалъ. Бѣсъ любостяжанія не толкалъ его въ ребро, и не былъ онъ причастенъ тому пороку въ чемъ мы не рѣдко поголовно и грозно таково упрекаемъ нашихъ предковъ, точно стали безсребренниками, и пословица „отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ“ утратила для насъ всякій смыслъ и значеніе. Многое изъ этого перешло и къ сыну, только не могъ передать отецъ спокойной ровности своего характера. Въ молодомъ князѣ порой подымалось нѣчто необузданное, роковое, стремительное, рушащее, что̀ онъ смолоду пріучился держать на крѣпкихъ возжахъ. Сынъ не былъ вылитый отецъ: онъ умомъ старался дойти до него.

По шестнадцатому году повезъ старый князь сынишку своего въ Москву, на службу великому государю Алексѣй-свѣтъ-Михайловичу. Старикъ не долюбливалъ Москвы. Въ Москвѣ, чтобы въ ходъ войти, требовалось быть „площадныхъ и дворскихъ обхожденій глубокимъ проникателемъ“. А это значило: стоючи день-деньской на площадкѣ Постельнаго крыльца, сборнаго мѣста всего служилаго сословія, умѣй гдѣ поклониться, гдѣ подольститься, гдѣ подмаслить, гдѣ полебезить, чтобы добиться возможности самому сановито по этому крыльцу всходить, и, проникнувъ площадныя обхожденія, проникнуть въ государевы комнаты, гдѣ начать прониканіе не площадныхъ уже, а дворскихъ обхожденій, пока не добьешься что станутъ въ твои собственныя обхожденія проникать. Не для таковой жизни былъ созданъ князь Александръ Григорьевичъ: ему легче жилось въ походахъ, вообще подальше отъ Москвы, гдѣ былъ онъ самъ большой и могъ распоряжать по-своему, не спрашиваясь ничьихъ и никакихъ обхожденій. Онъ и сына хотѣлъ вести по тому же пути, да Москвы миновать нельзя было. Родъ Засѣкиныхъ хоть и хорошимъ родомъ былъ, однако не изъ тѣхъ шестнадцати родовъ прирожденныхъ бояръ которые всѣ, помимо окольничихъ, садились прямо въ боярскую думу, какъ англійскіе перы на скамью палаты лордовъ. Не былъ родъ и великъ: Засѣкиныхъ всего оставалось отецъ да сынъ, да отцовъ меньшой братъ, сыну дядя, хворый и израненый, жившій боль-

ше на покоѣ; не съ кѣмъ было стоять за-одинъ родовымъ огуломъ, захватывая мѣста ловидиѣй и прибыльиѣй, не пуская никого чужихъ. Князь Александръ Григорьевичъ за всѣ свои службы только въ стольники попалъ, да и то площадные, безъ входа въ государевы комнаты; сына же, по пріѣздѣ въ Москву, записали въ жильцы—низшій придворный чинъ.

Сталъ молодой князь на площадку являться, гдѣ народу собиралась труба нетолченая и не мало толпилось всякой бездѣльной молодежи. Эти юноши, какъ школьники новичка, принялись выпучивать молодаго князя, понимая его необмолотою деревенщиной. Шутки сыпались градомъ, но князь либо самъ въ карманъ за словомъ не лазилъ, либо отмалчивался. Это задирало самыхъ задорливыхъ, дерзкихъ на языкъ и на руку. Не понимали насмѣшки надъ нимъ самимъ, стали смѣяться надъ его родомъ. Тутъ князь молодой не стерпѣлъ и порядкомъ проучилъ занозистаго окольничья сынка. Тотъ, конечно, вслѣдъ за проучкой, великому государю челомъ ударилъ, прося смиловаться: „холопа де твоего, окольничьяго сынишку измѣрекъ, на твоемъ государевомъ дворѣ, на площадкѣ, князь Григорій Засѣкинъ смертнымъ боемъ билъ.“ Указано сыскать этого дѣла, и сыскавъ, доложить великаго государя. Плохо окончилось бы оно для князя Григорья, еслибы не хлопоты стараго князя, не явная вина самого челобитчика. Найдено: оба де виноваты; отсидѣть каждому по дню въ тюрьмѣ, чтобъ одному было не повадно чужіе роды, а другому дворъ государевъ безчестить. Сидючи въ тюрьмѣ, задумался князь: какая же это правда? Самого парня на грѣхъ навели, да его же въ тюрьму садятъ. Не задери его, и въ мысль ему не пришло бы государевъ дворъ безчестить. Какъ за свой родъ не вступиться? за отца роднаго? Правда, толковали на площадкѣ: „князю де смолчать бы, да самому на обидчика челомъ ударить: доправилъ бы тогда съ него безчестья, даромъ окольничій сынъ.“

Какъ бы то ни было, только съ этого дня князя стали побаиваться; самъ же онъ не находилъ себѣ товарища въ вёрсту, или не умѣлъ и не хотѣлъ поискать. Впрочемъ не долго пришлось князю торчать на площадкѣ „лѣшимъ изъ Засѣки“, какъ его въ тихомолку прозвали; старый князь, немного повременя, былъ посланъ на дальнее воеводство, куда ѣхать мало охотниковъ находилось, потому: было то воеводство бѣдное, и кормиться, сидя на немъ, было не около чего. Такое назначеніе князь Александръ Григорьевичу было по-сердцу, тѣмъ болѣе

что сынъ, у него подъ рукой, могъ навыкнуть дѣлу. На воеводствѣ просидѣлъ онъ долго,—безъ мало двадцать лѣтъ; сынъ все время былъ при немъ. Сначала старику хотѣлось чтобы сынъ поокрѣлъ, а тамъ окрѣпшій сынъ сталъ постепенно все больше и больше помогать отцу, и, просто сказать, князь Александръ Григорьевичъ сдѣлался названымъ только воеводой, а дѣлъ настоящимъ вершителемъ, самоправнымъ распорядителемъ былъ князь Григорій Александровичъ. Молодой князь былъ этимъ доволенъ; онъ смотрѣлъ на воеводское правленіе какъ на свое кровное дѣло: думалъ и раздумывалъ какъ бы ладнѣй и лучше все устроить, замышлялъ и заглядывалъ впередъ, не памятуя что не вѣкъ же ему на воеводствѣ сидѣть. Вѣкъ, не вѣкъ, а старика-отца бросать не приходилось. „Сижу я себѣ здѣсь, и слава Богу! говаривалъ самъ съ собою молодой князь. Не знаю ни неправды московской, ни поклоновъ, ни каверзъ. Самъ большой. Эка, думаютъ, куда заслалъ сидитъ; въ такое де мѣсто человѣкъ который въ умѣ поѣдетъ ли? Толкуй себѣ, а кто къ которому дѣлу привыкъ, ему отъ того дѣла не охота.“

Старый князь, какъ минуло молодому двадцать пять лѣтъ, сталъ настаивать: женился бы онъ безпремѣнно и безотложно. Сынъ отцу не перечилъ. Дотолѣ старикъ женитьбой не спѣшилъ. Сперва думалось не подыщется ли невѣсты вблизи, но въ такой глуши гдѣ невѣсты сыскать? Потомъ, только надумается у кого на Москвѣ невѣстку взять—либо самому понедужится, либо какой шальной народецъ заворуетъ, бунтъ подыметъ,—нельзя молодаго князя отъ себя отпустить: безъ него какъ безъ рукъ. Глядишь, анъ дѣло въ дальній ящикъ и отложено. Дальше одначе откладывать нечего. Старикъ, съ кѣмъ слѣдъ, списался; дѣло пошло на ладъ. Вотъ сынъ и на Москву поѣхалъ; невѣста на смотринахъ показалась; была же она дѣвица благонравная и честнаго корени отрасль. По свадьбѣ, повезъ мужъ-разлучникъ на чужу сторону незнакомую свою Богомъ данную сдержавушку. Старый князь не ошибся въ ожиданіи: отъ честнаго корени и плодъ былъ честенъ. Сталъ ждать старикъ внуковъ отъ любимой невѣстки: ждалъ годъ, другой, на четвертый умерла она въ родахъ, умеръ и у Бога молепный и прощенный внучекъ. Съ тѣхъ поръ и старикъ сталъ крѣпко хилѣть, и не настаивалъ уже на вторичной женитьбѣ сына; ему же покуда думалось: „Не судьба мнѣ вѣрно наслѣдника имѣть.“ Протянулъ старикъ еще года четыре—и исполнились дни его.

Молодой князь ничего больше не желалъ какъ остаться на

отцовскомъ мѣстѣ. Но на Москвѣ слухъ прошелъ: за князево де воеводство подъячіе добре испрохарчились и захудали, народъ же насытѣлъ и вельми раздобрѣлъ, а потому стало около чего кормиться; нашлись охотники нагулять себѣ тѣла и добра на жирномъ лугу.

„Эту цѣлину я у-какъ вздеру!“ сказалъ пріятелямъ новый воевода, пьяный валясь въ кибитку.

III.

Князь Григорій отозванъ на Москву. По пріѣздѣ видѣлъ государевы очи и на другой день стольничество ему сказано.

Новый стольникъ былъ хоть въ государевы комнаты,—поступь важная, движенія неторопливыя, рѣчь вѣжливая. Съ такимъ человѣкомъ не то въ дружбѣ быть, и поговорить за честь. Но князь держался на площадкѣ особнякомъ. Отъ чрезмѣрнаго ли смотрѣнія за собою издавна, еще со времени окольничьяго сына, отъ долгой ли привычки къ полномочному хозяйничанью, къ безпросному и безотчетному вершенью всѣхъ дѣлъ, отъ того ли что не сводилъ случай съ человѣкомъ, только у князя не было и не завелось на Москвѣ *собиннаго* друга, съ кѣмъ свою думу раздумать, съ кѣмъ душа въ душу жить. Князь былъ самъ себѣ собиннымъ другомъ, раздумывателемъ своихъ думъ. Правда, съ отцомъ онъ не таился, но чтобы кто могъ отца замѣнить, о томъ и подумать страшно.

Новый стольникъ не застоялся на площадкѣ. Одинъ изъ сватовъ, большой и хитроумный бояринъ, выискалъ случай посадить его въ прибыльный приказъ. Приказомъ вѣдалъ старый-престарый бояринъ; онъ давно не давилъ мышей-подъячихъ; они разъѣлись, да и онъ по горло сытъ былъ, на кормъ даже тошно глядѣть ему стало. Не просился онъ на покой, потому что приказное безпокойство ни мало его не тревожило; даже слаще ему дремалось подъ разные дьячьи и подъячьи доклады. Новому помощнику старикъ, впрочемъ, былъ радъ.

— И то старъ я становлюсь, сказалъ онъ,—добра опять у меня довольно. Оно, конечно, съ дѣломъ сладилъ бы, да подъячіе, боюсь, больно плутовать начнутъ. За нихъ отвѣчать не пришлось бы.

Это онъ, впрочемъ, бодрился больше. На дѣлѣ же нашелъ онъ себѣ новое занятіе: добылъ сказочника, человѣка бывалаго

и видалаго, мастера своего дѣла, и стало старому коту слушать его сказокъ и повѣстей куда занятнѣй всѣхъ приказныхъ докладовъ. На всѣ забѣганья и подсылы дьяковъ и подъячихъ старикъ только приговаривалъ:

— Доложитесь у князь Григорей Александрыча; онъ мнѣ доложится.

— Всѣмъ вершитъ, всѣмъ вершитъ! заропгали дьяки и подъячіе. — Опять бѣда: сытъ больно, на воеводствѣ знать награбилъ. Эка высшимъ-то благодать! А тутъ съ женишками и дѣтишками хоть по-міру ступай.

Но какъ ни ропгали дьяки и подъячіе, князь все вершилъ да вершилъ. Какъ у отца подъ рукой онъ воеводствомъ правилъ, такъ подъ рукой боярина вѣдалъ приказомъ.

— Хоть бы дохлаго на Данилоѳское сволокли! пробурчалъ разъ желчный дьякъ, и съ тѣхъ поръ старику иного званія не было какъ дохлый.

Но на ихъ конечную злобу и разоренье дохлый продыхалъ четыре года безъ шести недѣль.

— Аль оставятъ *его?* засудачили подъячьи жены; князь для нихъ и ихъ мужьевъ былъ просто *онъ*, — да это помереть надо!

— Нѣ, не оставятъ, перебивала другая,—мой Митричъ сказывалъ: гордъ очень, предъ всѣми гордыбачитъ, никому поклониться не хочетъ. Такого оставятъ ли? Боярина какого дадутъ.

— Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. замѣтилъ присутствовавшій при бесѣдѣ сихъ мудрыхъ женъ молодой постоялецъ, пріѣхавшій въ Москву ставиться въ полы. Ему дѣла не было ни до князя, ни до бесѣды мудрыхъ женъ; онъ просто радъ былъ случаю привести какое изреченіе, затвердивъ ихъ обильное множество, грядущаго пастырства ради.

Воспротивился ли Богъ гордому князю и пожелалъ даровать подъячимъ женамъ благодать, или по чему другому, только на мѣсто „дохлаго“ попалъ не князь, а дока-бояринъ; князь же попрежнему остался въ подручныхъ. Новый вѣдатель приказа только нюхнулъ, увидѣлъ—съ княземъ ему не житье. Ловко переигравшись съ дьяками и подъячими, и таково-то ловко что со стороны казалось грозой спалить ихъ хочетъ, повелъ онъ дѣло умненько; дѣло же все состояло въ томъ: живъ де быть не хочу, а князя выкурю. Выкуриванье шло такимъ поряд-

комъ: въ чемъ поважнѣе, бояринъ съ княземъ не тягался, а на мелочахъ долекалъ его. Какъ муха надоѣдливо жужжалъ онъ у князя подъ носомъ, авось де не вытерпитъ, размахнется, а размахнись только, мы его самого пристукнемъ. Разчетъ былъ вѣренъ; князь за всю жизнь привыкъ къ верховодству въ дѣлахъ, тѣмъ ему будутъ несноснѣе мелочныя придирки и прицѣпки. А когда онъ размахнется—все будетъ готово. Выискивалось дѣло на которомъ князь долженъ прорваться: велся искусный подкопъ, насыпался пороховымъ зельемъ, вставлена была и свѣча воскояровая; стоило покойно дождаться какъ дойдетъ огонь до зелья.

Но дуракъ былъ бы боярипъ, еслибы не заручился тою сильною и непромашною поддержкой что во всѣ времена считалась и считается самою надежною, не заручился бабьими шушуканьями и пересудами. Жена его брата, ему невѣстка, была царицыною верховою боярыней, то-есть по меньшей мѣрѣ кавалерственною оберъ-статсъ-дамой, или какъ онѣ тамъ называются. По случаю праздника какого, или чьихъ-то именинъ, свезла боярыня во дворецъ, *въ верхъ* къ великой государынѣ, столько печеній и перепечей что съ недѣлю вся женская дворская прислуга на ходу придерживалась за животы. Таковы-то удачны перепечи вышли. Полюбились печенья и государынѣ, и царевнамъ, и товарки-боярыни похваливали; вмѣстѣ съ печеньями внесенъ былъ въ верхъ цѣлый ворохъ слетенъ. Какъ слетня поокрѣпла и не успѣла еще поостынуть, свѣча въ подколѣ догорѣла. Князь вспыхнулъ, разговоръ вышелъ крупный, и не мало другъ другу было наговорено укоровъ насчетъ поведенія, поминокъ и посуловъ.

Завязалось дѣло; подстроили такъ что поручено сыскать его боярипову благопріятелю. Князя хотѣли было улечь, только напрасно. Князь былъ чистъ во всѣхъ возводимыхъ на него провинностяхъ. Мало того, государевы доходы, во время его сидѣнья въ приказѣ, увеличились. Оставалось одно, выставить его человѣкомъ хоть и хорошимъ, да сварливымъ, неуживчивымъ. Припомнили и про окольничьяго сына, теперь ужь покойника. Бабы даже шушукали: съ того де боя окольничій сынъ и хворать добре сталъ. Иныя догадывались: и жену де свою уморилъ. Шли также рѣчи, съ виду поскромнѣе, на дѣлѣ ядовитѣе. О томъ де только и хлопочетъ на своемъ чтобы настоять; опять: боярипъ, чай, и годами и чиномъ постарше его будетъ; нѣтъ чтобы уважить, луще упрямится. Добрѣй де

боярина человѣка сыскать ли? Коль съ нимъ не ужился, о другихъ что говорить! Всякому де—и уперли на этомъ словѣ—готовъ изъ упрямства противленіе чинить. Исходъ былъ ясенъ: не бояриномъ же стольнику жертвовать; старѣйшаго предъ молодшимъ унижать не слѣдъ. Князю указано въ приказѣ не сидѣть.

Трудно было князю съ такимъ рѣшеніемъ помириться, а дѣлать было нечего. И не виноватъ вышелъ, и во всемъ что на него взводили оправился, и все-таки отъ дѣла отставленъ. За что? Развѣ не ясны бояриновы неправды, не видно зачѣмъ онъ его выжить хотѣлъ? Нѣтъ, видно московская правда не та что Божья. Не даромъ и отецъ Москвы не долюбливалъ.

— Потерли, молва уляжется, успокоцвалъ князя сватъ,—а теперь съ тобой кто служить станетъ ли? Слава-то худая гораздо лущена. Государю про тебя нажужжали. А упрямыхъ кто любитъ?

„Не оправитъ ли меня предъ государемъ случай какой?“ думалось князю. „Только трудно: много у него насъ, стольниковъ, всѣхъ не узнаетъ. Да и стѣна вокругъ него толста, всякій свою родню въ нее тычетъ; таково-то толста, солнцу праведному сквозь нея не проглянуть.“

Князь не былъ вовсе безъ дѣла. Его посыловали по городамъ, давали мелкія порученія, ни одного дѣла по душѣ. Что есть такія дѣла, что нѣтъ ихъ. Бился такимъ побытомъ князь года съ три. И молва улеглась, а толку все не было. Князь тосковалъ безъ настоящаго дѣла. Тутъ пришло извѣстіе: умеръ жившій на покоѣ дядя, старикъ, смотрѣвшій за домомъ и всѣмъ имѣніемъ. Князь задумалъ съѣздить къ себѣ въ Засѣкино. Сватъ одобрялъ такую мысль, только чтобы въ деревнѣ не заживаться, а весьма надуматься какъ старшихъ уважать надо. Привыкнешь, молъ, любо даже станетъ, въ боярѣ выйдешь, а все привычка мила будетъ. А безъ нея, какъ безъ Бога, ни до порога.

Съ такимъ напутствіемъ, предварительно упросивши великаго государя чтобы смиловался: „домишка де разоренъ стоитъ, приглядѣть некому“ и не далъ „конечно погинуть“, уѣхалъ князь въ Засѣкино, Малые Верхи тожь.

Объ отъѣздѣ потолковали на площадкѣ; кто-то пошутилъ: „Слава тѣ что лѣшій убрался,—съ тоски было, на него глядя, умеръ“, да и забыли про князя.

IV.

Что было дѣлать князю въ деревнѣ? Оно, конечно, какъ около дому дѣлу не найтись.

Ѣхали разъ царевичъ Алексѣй Петровичъ да Семенъ Нарышкинъ въ саняхъ, по задней улицѣ, и разговорились, и сталъ онъ, Семенъ, на царя Петра жалобы творить.

— Горько намъ! *говоритъ* (то-есть Петръ): „что вы дома дѣлаете? Я не знаю какъ безъ дѣла дома быть". *Онъ* нашихъ нуждъ не знаетъ; а будетъ домъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла.

— То правда, отвѣтилъ царевичъ.

— Когда бъ *ему* прилучилось придти домой, продолжалъ Нарышкинъ,—а иное дровъ нѣту, али иного нѣтъ, такъ бы узналъ что мы дома дѣлаемъ.

— У него вездѣ готово, молвилъ царевичъ; то-то онъ нашихъ нуждъ не знаетъ.

Изъ этого заключить можно бы что и Засѣкину князю часу безъ дѣла не найти бы, захоти онъ только около дому хорошенько смотрѣть. И точно, мало ли дѣла? Зиму одну взять, не оберешься!

Поутру встань, умойся, причешися, на молитвѣ постой, пропой часы. Позавтракалъ, и заботы привалили: нельзя ли гдѣ на постъ рыбой дешевле запастись, починить какое платье не надо ли, со слуги какого взыскать, кого поучить, кому выговорить; съ ключникомъ и прикащикомъ потолкуй, деревенскихъ сплетенъ всѣхъ переслушай; сходи на конюшню, на гумно, въ хлѣвъ загляни. По ходьбѣ и червякъ зашевелится, а тутъ обѣдъ, а по обѣдѣ сонъ; проснулся, квасу испилъ, потянулся, зѣвнулъ, ротъ перекрестилъ, глянь въ окно—дрова привезли. Надѣлъ кафтанецъ на бѣличьемъ мѣху, вышелъ на дворъ, постолялъ, да какъ дрова рубятъ поглядѣлъ, время-то прошло и не мало. Опять торопиться нечего; дѣло, оно не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ; гдѣ часъ нуженъ, возьми три. Назябся на дворѣ, въ комнаты пришелъ, и полежать не дурно, да отъ божественнаго что подумать. Лежанка натоплена жарко, погрѣться манитъ; вели постелить тюфячокъ бумажный, боярскихъ боковъ не палило бы, да и прикурни. Думы разныя въ голову полѣзутъ; въ комнатѣ тепло, душновато даже; лампадным масломъ

пахнетъ, еще какою-то сухою пресухою травкой, даже въ носу щекотитъ, и пріятно таково. Сверчокъ кричитъ, лухлый котъ мурлычитъ, размаринъ беретъ, особенно если съ холоду горячаго сбитня напиться. Эка по тѣлу-то нѣга, эки мысли мирныя приходятъ! Казаться начинаетъ: не васька котъ у ногъ мурлычитъ, а въ головѣ думы замурлыкали; глаза закрываются. Почивай свѣтъ боярынъ до ужина! А послѣ ужина не спать, что же дѣлать? Развѣ отъ духоты не поспится, такъ можно бужанинки, или тешки съ квасконъ да хрѣнкомъ покушать: оно прохладитъ и въ сонъ ударитъ.

Охъ, всѣ ли полно дѣла боярскія описаны? Всѣхъ перечесть трудно! А коли кто охоту любитъ, по порошѣ за зайцемъ, или за волкомъ! Опять на медвѣдя пойти—эко раздолье! Пріятели тоже, если соберутся, выпить не мѣшаетъ. Велѣть дѣвокъ съ села сбить; пѣсенъ пусть поиграютъ; шутовъ подраться заставить можно.

За одну зиму — Господи!—сколько занятій набралось. Начнется весна весело, соколиной охотой по прискамъ, или брызгамъ, какъ нидѣ говорится, по наливнымъ талымъ снѣгомъ лужамъ, и пойдетъ ровнымъ шагомъ къ страдному лѣту. Что дольше дни, то больше работы. Про осень и говорить нечего: богата она плодами, богата и трудами.

Можно бы обстоятельно, изо дня въ день, со всѣми тихими бесѣдами, разваленой лѣнью, заботливымъ хозяйничаньемъ, бѣшеными забавами, грубоватыми шпрушками, описать старинную, многимъ да еще у-какъ памятную, жизнь, не лишенную дремлющей поэзіи, какъ всякая крѣпкая, вѣками сложившаяся жизнь въ тотъ періодъ народнаго бытія, когда есть одна обычная работа и нѣтъ еще работы сознательной, — да не къ мѣсту й, главное, не къ лицу было бы такое описаніе.

Князь не свыкался съ деревенскимъ житьемъ. По пріѣздѣ онъ горячо-было принялся за дѣло: сталъ во все вникать, починять и перестраивать хоромы. Имъ обитъ луженымъ желѣзомъ теремокъ, имъ построена вышка. И въ саду много его дѣла было, и запатку.... Да что говорить!

По-сердцу ль ему такое дѣло было?

За домомъ смотри, за хозяйствомъ блюди,—у кого нѣтъ таковой заботы? Смердъ послѣдній, и тому эта отрада вѣдома. Сидѣть сиднемъ, „ботѣть, стариться“, когда есть иное, заправское дѣло, о чемъ повѣсть заносять въ лѣтопись, было бы оно памятно изъ рода въ родъ. Кто стоялъ у такого госуда-

рева и земскаго дѣла, тому иное покажется ли? Всякому кто даже малымъ дѣломъ съ любовью занимался. дорого оно становится,—а такое великое дѣло какъ забыть, какъ по немъ не тосковать? Отвѣдавъ сладкаго, кто горькое полюбитъ? Диви бы онъ не хотѣлъ работать, или оказался не годенъ. Нѣтъ, силы у него есть, и руки на работу просятся; показалъ онъ и умѣнье и заботу. Говорятъ, дѣлу время, потѣхѣ часъ.—а тутъ всю жизнь потѣшайся! Корпѣть въ своемъ углу. таскать въ нору всякое добро, стать домостроителемъ — для кого и для чего?

Такъ думалъ и передумывалъ князь. Онъ, вполнѣ на себѣ испыталъ всю тоску по работѣ человѣка къ ней привычнаго, кому случай мѣшаетъ заниматься излюбленнымъ дѣломъ. Особенно тяжела та тоска у людей занимавшихся житейскою или государственною дѣятельностью, все иное кажется имъ ниже, недостойнымъ человѣка.

Князь думалъ и передумывалъ. Какъ токарь отдѣлываетъ и обтачиваетъ вещицу, и потомъ ею любуется,—такъ князь старался всякую свою мысль обточить и отдѣлать, а потомъ любовался ею. Ужь начинало казаться ему что онъ не про себя думаетъ, что самъ онъ тутъ не при чемъ, а просто думы ему хорошія приходятъ и нѣтъ ему иной заботы, какъ стараться чтобы выходили онѣ краше и тверже. И тотъ про кого думалось, этотъ точно не онъ, тоже казался все правѣе, лучше, выше всѣхъ на свѣтѣ. Князь недвижой окаменѣлъ въ своемъ праздномысліи.

Катится колесо и до чего-нибудь доѣдетъ, а мысль, завертѣвшись колесомъ, только кругомъ ходитъ. Либо вѣкъ ей ходить кругомъ, пока не изморитъ человѣка, либо рванется она въ сторону, порветъ тетиву, которая держала ее въ кругу, и падетъ—Богъ знаетъ гдѣ! То же случилось и съ княземъ; ниже подробно будетъ разсказано объ этомъ эпизодѣ его жизни. Теперь же скажемъ что послѣ прорыва, князь рѣшилъ жениться во второй разъ.

Не въ дальнемъ сосѣдствѣ жила-была честная вдова и у нея дочь Ѳедосья. Жили онѣ бѣдновато, да весело. Простая привѣтливость вдовы полюбилась князю. Запала его также мысль взять жену бѣдную, захудалаго рода, безъ всякой родни; будетъ де она мнѣ доброю и вѣрною женой, дѣтямъ моимъ добрая мать и любить де меня станетъ: ничего я для нея не

пожалѣю. Начнемъ жить на новый ладъ, не завистливо, никому не обидно, тихо и смирно.

Ѳедосьѣ Ларивоновнѣ какъ было за князя не идти? Мать обѣими руками благословляла: послалъ де Господь намъ за наше смиренство счастье. Ей самой за что было князя не любить? Человѣкъ добръ, хорошъ, честенъ. „За что мнѣ его не любить?“—На этомъ строится большинство нашихъ русскихъ свадебъ. Поживется, стерпится, слюбится.

Какъ старый князь не дождался внуковъ, не дождалась ихъ и князева тещa. Слава Богу и за то что дочку при жизни далъ пристроить. Три года жилъ князь съ молодою женой и почитай забылъ о Москвѣ. Давно оттуда не было ни слуху, ни духу: даже сватъ пересталъ докучать рѣчами о покорности. Цѣлыхъ пять лѣтъ минуло, какъ князь въ деревнѣ.

Живется теперь легче, а совсѣмъ на покой какъ бы и ранекько. Аль попытаться? Хоть и не совсѣмъ ладно жить на Москвѣ будетъ, все же не одинъ теперь. Домой придешь, есть съ кѣмъ душу отвести. А здѣсь, чего добраго, безвременно захилѣешь. Притомъ князь не вовсе отчаялся дѣтей: княгиня молода еще, по пятнадцатому году шла. А дѣти пойдутъ, тогда и вовсе, не на Москвѣ только, гдѣ хочешь, жить легко будетъ.

Самому ли ѣхать, или списаться сперва? Умъ хорошо, два лучше. Князь рѣшился. Чѣмъ кончилась попытка и какова она была, о томъ разказъ пойдетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Стоялъ май-цвѣтень. Было время около раняго обѣда. На душистыхъ яблоняхъ, на всѣ лады, распѣвала семья переимчивыхъ скворцовъ; въ густыхъ кустахъ орѣшника надоѣдливо, какъ глупая баба, мурлыкала горлинка въ сосѣдней рощѣ; безъ перестани куковала горластая кукушка; вздумала было дѣвка спросить сколько лѣтъ ей на свѣтѣ жить, и не досчитала, махнула рукой и прочь пошла,—таково много накуковала ей вороватая птица.

Въ просторной горницѣ, росписными слюдяными окнами выходившей въ садъ, у притолки, ожидали князева прихода прикащикъ да парень.

Прикащикъ, плѣшивый бородачъ, лѣтъ пятидесяти, съ бѣлымъ наливнымъ лицомъ и пухлымъ откормленнымъ и отлоеннымъ тѣломъ, пристально смотрѣлъ: не отворяется ли волоковая дверь изъ княземой комнаты. Прикащикъ глядѣлъ спокойно, самоувѣренно, доволенъ что хорошо въ Москву съѣздилъ, все какъ слѣдуетъ справилъ, при покупкахъ и купцовъ ублаготворилъ, и себя не забылъ, и князю такой счетъ представитъ:—комаръ носу не подточитъ. Еще довольнѣе былъ прикащикъ что про все про это таково умно и красно доложитъ князю, — скажетъ де ему князь свое милостивое спасибо и прикажетъ идти къ ключнику Ивану, меду чарку выпить. Запосилась мечта выше, думалось: сама государыня княгиня не выйдетъ ли, покупокъ сама не похвалитъ ли, не пожалуетъ ли, чарки меду изъ своихъ рукъ не поднесетъ ли. „Хорошо дѣло дѣлать — таланъ“, размышлялъ прикащикъ, „а красно про дѣло сдоложить — того больше. Мало ль дѣльцовъ на свѣтѣ ѣсть, да не всякому въ прикащикахъ усидѣть. Потому: каково про дѣло доложишь, таково оно въ господарскомъ умѣ станетъ.“ И многое такое лѣзло прикащику въ голову, глядючи на волоковую дверь.

Дюжій парень, бывшій у него за дорогу въ подручныхъ, ни о прошломъ, ни о предстоящемъ не думалъ; созерцалъ онъ настоящее. Ему за рѣдкость въ государевыхъ хоромахъ стоять было, и на все-то таращилъ онъ глаза, всему любовался.

Хороши были слюдяныя подъемныя окна: въ серединѣ кружокъ побольше и писана на немъ птица какая-то невиданная, а вокругъ него кружки все поменьше да поменьше будутъ, и ладно скрѣплены всѣ они желѣзною проволокой и плотно въ свинцовыхъ переплетахъ держатся; показались также парню англійскимъ оловомъ луженые гвоздики, придерживавшіе на дверяхъ суконную обивку. И сукно же знатное, чай прикащикъ на кафтанъ взялъ бы, не отказался, небось. Не одинѣ двери, и стѣны и потолокъ наряжены сукномъ въ шахматъ: одна клѣтка багрецовая, другая синяя. А полъ-отъ каковъ: кирличный, изъ дубоваго кирпича; брусики выпилены ровные и раскрашены въ шахматъ: зеленый кирличъ и черный и опять зеленый и черный. „И вся-то горница въ шахматъ сдѣлана“, замѣтилъ парень и обратилъ вниманіе на липовый столъ. Объ одномъ пожалѣлъ онъ: не наставлено на столѣ питьевъ и кушаньевъ, а то хорошо бы угоститься, а потомъ поваляться на широкихъ, тесомъ опушенныхъ лавкахъ: покрыты онѣ

лавочниками подъ цвѣтъ стѣнамъ—багрецовыми съ синими краями. Мягко на такихъ лавкахъ, потому: обиты онѣ полстями. Не дурно бы, князь пока не вошелъ, хоть на коникѣ посидѣть; способнѣе было бы на все любоваться, а то ноги позатекать стали. Засмотрѣлся было парень на цепницую изъ синихъ изразцовъ печку, но тутъ прикащикъ, замѣтивъ: отворяется дверь,—ткнулъ его въ бокъ.

Князь вошелъ своею обычною сановитою походкой; можетъ, шелъ онъ сегодня торопливѣе всегдашняго, да этого не замѣтили ни прикащикъ, ни парень: чуть дверь подвинулась, оба ударили челомъ; а поднялись съ колѣнъ,—князь ужь сидѣлъ на раздвижномъ стулѣ, положивъ руку на столъ и обхвативъ ею край стола, а другою опершись на колѣно. Князь былъ одѣтъ по-домашнему; въ простомъ суконномъ кафтанцѣ, бѣлая расшитая шелками рубаха видѣлась изъ-подъ него; штаны въ сапоги.

— Здорово-ль съѣздили? спросилъ князь.

— Слава Господу, Бога благодарить надо, отвѣчалъ прикащикъ, низко кланяясь и дотронувшись при поклонѣ среднимъ пальцемъ правой руки до полу.

— Наказъ исполнили?

— Какъ, государь, повелѣлъ, все справили, изъ воли твоей ни-ни-ни не вышли, все искупили. На-перво, въ Охотномъ ряду....

И прикащикъ загнулъ было палецъ, приготовляясь все до доски по пальцамъ высчитать, какъ князь перебилъ его.

— Грамоту мою въ цѣлости-ль доставили? спросилъ онъ.

— Пуще ока берегли, отвѣчалъ прикащикъ; съ опаской и бережью великою везли, по ночамъ не спали, все о грамоткѣ твоей заботу имѣючи....

— Самому отдали? опять перебилъ князь.

„Экъ, разговору разойтись никакъ не дастъ“, подумалъ прикащикъ, и надѣясь авось-либо князь смирненько теперь слушать станетъ, залился соловьемъ.

— Не погнѣвись, государь, не самому, дворецкому отдали. Не думай, государь, о чести твоей не радѣли; пытали мы многажды дворецкому говорить: велѣно де самому боярину въ руки подать; а не самому, черезъ тебя подадимъ, и въ томъ государя нашего князя чести великая поруха будетъ. (Эхъ складно сказалось,—талантъ, подумалъ про себя прикащикъ,

и тѣмъ же пѣвучимъ тономъ продолжалъ:)—А дворецкій боярскій.....

— Ладно. Отписку получили? спросилъ князь.

— Многажды ходили мы къ боярину на дворъ, затянулъ было прикащикъ.

— Отписка гдѣ? Получилъ, подай, нетерпѣливо замѣтилъ князь.

— Отписки никакой не получали: недосугъ де. А на словахъ отвѣтъ даденъ.

— Вотъ какъ!—и князь усмѣхнулся, и сердито бровью повелъ.—Такъ его боярской чести недосугъ? а на словахъ каковъ отвѣтъ? и отвѣтъ самъ ли давалъ, аль опять черезъ дворецкаго?

— Самъ выходилъ, государь.

— Говори отвѣтъ.

— Скажи, говоритъ, князю: стоитъ де Москва какъ стояла, ни къ кому на поклонъ не ходитъ, а съумѣетъ кто челомъ добыть, со двора не погонятъ.

— И ничего больше?

— Ничего; только трижды мнѣ эти самыя слова повторилъ, и спрашиваетъ: запомнилъ ли? Помню, говорю. Повтори, говоритъ. Трижды повторить заставилъ. Ладно, говоритъ, ступай; словъ только не забудь, князь де самъ выразумѣетъ. Съ тѣмъ насъ отпустилъ.

— Ладно, ступай, промолвилъ князь.

„Стоитъ Москва, какъ стояла“, повторилъ онъ про себя.

Грамота была писана къ свату; писано о дѣлѣ, какъ ладнѣе опять въ Москву явиться, о мѣстѣ какомъ не слыхать ли. Получивъ письмо, сватъ порадовался: онъ любилъ князя и всякаго добра ему желалъ: „На умъ наставляется“, подумалъ онъ, „долгонько-таки упрямился.“ Князя чтобъ еще понадоумить, вздумалъ сватъ на словахъ отвѣтъ послать: какова де его покорность, поглядимъ. Былъ у свата и другой умыселъ; сердитовалъ онъ на князя маленько — зачѣмъ безъ спросу женился. „Въ нашемъ де родѣ бралъ, теперь безродную взялъ, а старшихъ кого спросился ли? Своихъ нѣтъ, насъ бы спроситься; чай не совсѣмъ ему чужіе тоже.“ Князь не проникнулъ въ этотъ сватовъ умыселъ.

Прикащикъ подивился-таки на князя: ни о покупкахъ не спросилъ, ни милостиваго слова не молвилъ. Надѣясь, одумается молъ князь, рѣшилъ онъ семь разъ челомъ ему ударить,

видѣлъ бы онъ его холодье усердье. И точно, не успѣлъ онъ и пяти поклоновъ отвѣсить, какъ князь крикнулъ:

— А птицу заморскую, канарейку, купилъ ли?

— Купили, государь. И хороша-же птица, таково красно воспѣваетъ.

— Много дадено?

— Восемь рублей, государь.

— Что дорого больно? самъ по шести плачивалъ.

— Точно, государь, дешевле были, и купецъ то жь сказывалъ. А нонѣ, говоритъ, и за-моремъ дороги, неродъ де въ сёмъ году на нихъ.

— Ладно, ступай.

И опять безъ ласковаго слова отпустилъ. Ударивъ челомъ, Власъ вышелъ и тяжелехонько вздохнулъ.

— И дернуло-жь его про канарейку спросить, сказалъ онъ, приписывая всю бѣду свою нероду этой заморской птицы въ сёмъ году.

Князь же просто не могъ переварить сватова „отвѣта на словахъ“. Ему казалось точно сватъ тутъ, предъ нимъ стоитъ, и хотѣлось ему показать что ни мало его тотъ отвѣтъ не опечалилъ. Гляди молъ, все то мнѣ равно; вотъ возьму, хоть пустяшнымъ, да своимъ дѣломъ займусь.

Князь остался, какъ сидѣлъ, у стола, задумчиво потуливъ очи въ кирпичевъ полъ.

II.

Въ прохладную бусяную свѣтлицу, на княгининой половинкѣ, гдѣ цѣлая орава сѣнныхъ шила-вышивала, вошелъ бравый парень лѣтъ двадцати двухъ-трехъ. Заслышавъ шаги, дѣвушки встрепенулись и насторожили глаза и уши. И было на что посмотрѣть: черныя кудри, прямо соколиный взглядъ, поступка бодрая, повадка смѣлая. Глянетъ, ну—сейчасъ на удачу, куда глазомъ наметитъ, кинется, и удачѣ отъ него не уйти: съ налёта бьетъ. Стремительно, порывисто, браво было все въ этомъ бравомъ парнѣ — много званія ему не подберешь. Не даромъ дѣвки заглядѣлись; не даромъ смуглая, поджарая Дашутка такъ и впилась въ него черными цыганскими глазами; впилась, а тамъ вспыхнула и притаилась торопливо выдѣлывать стежки.

— Чтой это въ рукахъ у него, полотномъ закрыто? шепотомъ спросила одна.

— Гдѣ, гдѣ? И впрямь чтой это у него? точно вѣтерокъ набѣжалъ, зашумѣли дѣвичьи голоса.

— Иванъ Кузьмичъ, чтой-то несешь? спросила самая что ни есть бойкая.

Ключникъ прямо прошелъ къ среднему изъ глядѣвшихъ въ глубь сада окну, и поставилъ ношу на лавку.

— Шкатулку или клѣтку какую, отвѣтила самой себѣ бойдѣвка. И таково-то сказала, будто ей вовсе незанятно знать что̀ ключникъ принесъ.

Иванъ подставилъ столецъ-табуретку и началъ гвоздь надъ окномъ вбивать. Глаза перебѣгали съ полотна на ключника, съ ключника на полотно.

— Ни шкатулка, ни клѣтка, надумался отвѣтить ключникъ, кончивъ работу, и опять ношу въ руки взялъ. — А принесъ надсмотрицу, за вами смотрѣть: не лѣниво ли вы работаете. Князь съ Москвы добылъ. Глядите какова.

И онъ сдернулъ полотно. Всѣ повскакали съ мѣстъ и обступили Ивана.

— Махонькая какая! А клѣтка, гляди, какая: росписная! А сама желтенькая! А въ клѣткѣ гудочки* тоненькія! пѣвуче, въ голосъ, заговорили дѣвушки. Ровно протянешь слово—и вещь сама краше станетъ, и сказать что̀ думалъ—лаще скажется.

— Въ Охотномъ такихъ-то довольно: канарейка, рѣшила Машка, выжившая на Москвѣ пять лѣтъ, въ ученьи у царицыной бѣлошвейки.

Хоть она канарейка и въ Охотномъ такихъ-то довольно есть, и Машка сказала съ такимъ видомъ: „и глядѣть де не стоитъ“,—дѣвушки еще пѣвучѣй затянули, перебирая какова птаха.

— Вотъ попугай-птица точно птица будетъ, а это что̀—птичка, птичка она и есть, не унималась Машка: ей хотѣлось не на канарейку бы, на нее всѣ глядѣли.—Попугай—та диковинная; всякую рѣчь перенимаетъ; что̀ ни скажи, затвердитъ и всѣмъ разкажетъ.

— Ври еще, отозвался кто-то.

— Вотъ тѣ крестъ, разкажетъ.

— Ты ближе, Дашутка, подошла бы, обратился ключникъ къ чернявѐнькой, она же несмѣло стояла позади всѣхъ.

Дѣвушки пропустили Дашутку.

* Точеные прутики.

— Хороша ли?

— Хороша, чуть слышно отвѣтила Дашутка, и потупилась.

Ключникъ сталъ вѣшать чудную клѣтку: и водопойка въ ней жестяная поставлена, и сѣмя желтое въ коробочкѣ насыпано. Всѣ глаза поднялись кверху. Сперва молча смотрѣли; потомъ какъ птичка затрепескалась, прыгнула, сѣмя клюнула, водицы испила, затрещали дѣвичьи голоса весело да звонко таково,—взялъ канарейку задоръ и принялась она выщелкивать.

Не щелохались, заслушались дѣвки и не въ догадъ имъ что княгиня въ свѣтлицу пожаловала.

Полно, княгиня-ль это, не княжна ли будетъ? Не бабочка молоденькая, скорѣй дѣвушка. Есть такія лица—ихъ описать невозможно; прибирай точныя выраженія, замѣчай всякую мелкую черту—ничего не выйдетъ. Нѣтъ въ нихъ ничего броскаго въ глаза; не похвалишь, въ особину не залюбуешься ни очами, ни тонкою ознаменкой, абрисомъ, лица. Въ нихъ главное душа, и сказывается она во всѣхъ чертахъ, во всемъ существѣ. Такова же была молодая княгиня. Дѣвичьей стыдливою скромностью, яснымъ простодушіемъ вѣяло отъ нея, и взглядъ у нея былъ ясный же, простодушный. Такъ-то студеный ключъ, до дна прозрачный, чистъ, и свѣтелъ, и свѣжъ. Набѣжитъ туча, броситъ тѣнь на воду, но вглядись: по прежнему прозраченъ, чистъ и свѣтелъ ручей. Такія лица долго моложавы и свѣжи; даже сквозь выраженіе горя видится въ нихъ душевная свѣтлота и ясность, и незамѣтно сообщается она другимъ; точно свѣжащимъ вѣеркомъ пахнетъ.

Княгиня была привѣтлива и проста со всѣми. Которые постарше изъ дворни, тѣ ее осуждали: „таковой ли княгинѣ быть надобно? Пусть добра, а сейчасъ видно: не прирожденная княгиня, господарской повадки нѣтъ.“ Кто помоложе, любили княгиню. Не придирчива де, на мелочи не взыскательна, не ворчитъ безъ толку, не шумитъ: „ѣшьте де вы, хлѣбъ только даромъ ѣдите“. Веселымъ рѣчамъ посмѣется, въ горѣ пожалѣетъ. „Бѣдная ты“, скажетъ, да таково ласково—горя половину сыметъ. У княгини легко доложиться, не страшно; не знаешь чего—спросись, покажетъ, растолкуетъ. „Экая ты“, только молвитъ, „развѣ такъ надо?“ И сама иглу возьметъ: „Гляди какъ я дѣлаю“. Любитъ коль въ свѣтлицѣ весело, за пѣсней дѣло спорится. Повѣстей и сказокъ охоча послушать.

Вотъ и теперь: вошла, видитъ дѣвки заморской пѣвуньи заслушались, не крикнула: „Что ротозѣйничаете? пѣсенъ слушать

ваше дѣло, а работать нѣтъ.“ Куда, сама заслушалась, слова не молвила.

Затихла пѣсня; шевельнулся кто-то; промолвлено: княгиня де здѣсь. И мигомъ дѣвушки сидѣли на мѣстахъ, и пошли стегать, вышивать и кроить отдохнувшія руки. Какъ замѣтилъ княгиню, ключникъ бросился клѣтку снимать. Бережно подносъ ее къ княгинѣ, бережно показывать сталъ. И во всемъ человѣкѣ проступала эта бережь: боялся точно неосторожнымъ взмахомъ, словомъ небрежнымъ, не то толкнуть или оскорбить, а даже дотронуться чуть, лахнуть на что-то для него святое, недостижимое, къ чему и подступить грѣхъ.

Княгиня всячески любовалась птичкой.

— Я дверцы отворю, а ты, государыня, поманила бы; она ласковая, замѣтилъ Иванъ.

Княгиня поднесла руку къ дверцамъ, хотѣла птичку поманить, но та затрепескалась, заторопѣла и взлетѣла на верхнюю перекладинку. Тогда княгиня наклонилась лицомъ къ клѣткѣ и стала уговаривать, чтобы дурочка не боялась, шла бы милая къ ней. Птичка присмирѣла, заслушалась княгининыхъ рѣчей, ободрилась и вспрыгнула ей на голову. Тутъ княгиня на полшага отступила, смѣшно прищурила глаза и съ тихимъ смѣхомъ во всемъ лицѣ, вытягивая шейку, стала осторожненько, не спугнуть бы птички, подымать голову.

Иванъ стоялъ какъ разъ насупротивъ княгини. Видитъ ее всю, слышитъ ея дыханіе, живой трепетъ ея тѣла. Княгиня не была „какъ въ окладѣ, въ драгоцѣнномъ нарядѣ“, по-домашнему была одѣта. Поверхъ подубрусника-повойника не былъ даже повязанъ убрусъ, тонкое бѣло полотенце. Поверхъ бѣлой полотняной сорочки было надѣто одно легкое тафтяное платье, что слыло красною сорочкой, потому: шилось оно какъ сорочка, только рукава пускались очень длинные и собирались мелкими складками на рукахъ и на плечахъ и сама красная сорочка была длинная же, падала широкими складками на полъ, закрывала сафьянные чоботы и была по тальѣ-перехвату подпоясана поясомъ.

Не разъ въ такомъ нарядѣ видывалъ ключникъ княгиню; не убираться же ей, государынѣ, было для него, своего холопа? Хоть въ той бережи съ которою Иванъ съ княгиней обращался и не было чисто холопьяго усердья, а все, если разсудить, не ровня она ему. Почитай такъ же близко стаивалъ къ ней ключникъ, шкатулку какую подавая или указа слушая.

Отчего жь нынче то же да не то? Робкая бережь пропадала, точно таяла. Не такъ слова выговаривались, не то очи видѣли, смѣлости такой на сердцѣ не бывало. Да и княгиня точно другая стала. Отчего? Некогда Ивану раздумывать было объ этомъ. Мы же скажемъ: наши мысли и чувства часто помимо воли нашей зрѣютъ, и замѣчаемъ мы ихъ когда уже расцвѣтутъ они.

— Глянь, на плечо перепорхнула, говорила княгиня.

— И то, отзывался ключникъ. — Ты, государыня, локотокъ подобрала бы, она на локотокъ пойдетъ.

Княгиня подымала руку и подбирала локотокъ.

— Прыгаетъ, говорила она, и весело усмѣхалась, любуясь птичкой.

— Озирается, вторилъ ключникъ, и самъ таково же весело усмѣхался. Онъ любовался и птичкой-забавой и, еще больше, княгининымъ любованьемъ.

— А если еще руку поднять, на ладонь не пойдетъ ли?

— Пойдетъ. Пошла.

И они, какъ ребятки, игрались птичкой, перебрасывались словами и смѣхомъ. Казалось, это время жили они душа въ душу, улыбка въ улыбку. Сладко было ключнику и щемливо на сердцѣ, и боязно-трепетно что близокъ таковъ былъ онъ въ ту минуту къ княгинѣ. Княгиня же точно ничего не помнила, кромѣ птички; ей только веселѣй было не одной играться съ нею, радостно видѣть какъ другое лицо, тою же радостью что у нея въ сердце жила, свѣтилось.

Дѣвушки изъ-подъ тиха, украдкой поглядывали на княгиню съ ключникомъ. „Вотъ пара была бы“, шевельнулось, можетъ, не у одной глубоко въ сердцѣ; шевельнулось и заглохло. Точно дальная волна всплеснула. Любовалась и Дашутка ими, только ей, какъ Ивану же, все думалось что близокъ, страшно близокъ онъ теперь къ княгинѣ.

Наигравшись вдосталь, княгиня точно что вспомнила.

— Сними-ка съ руки, торопливо промолвила она.

Иванъ бережно взялъ птичку, и снимая чуть дотронулся до теплой княгининой ладони. Онъ вздрогнулъ. Княгиня быстро повернулась и перепелицей выбѣжала изъ свѣтлицы. Иванъ спѣшно повѣсилъ клѣтку и вышелъ за княгиней слѣдомъ.

Дѣвушки сидѣли за прилежною работой, и порой тихонько взглядывали на то мѣсто гдѣ сейчасъ еще княгиня съ ключникомъ стояли, и весело усмѣхались.

III.

Князь какъ сидѣлъ у липоваго стола, потупивъ очи въ кирпиченъ полъ, такъ и остался.

— Написать даже не удосужился, точно не князь я, а подъячаго рода. Еще сватомъ называется, проговорилъ онъ про себя.

И тутъ, ровно потайная пружина надавила, перебивая другъ друга, одна о другую задѣвая, роемъ поднялись и зашумѣли думы про московскую неправду, про его, князеву, службу, про все о чемъ думано и передумано на долгомъ досугѣ. Опять кругомъ пошло мышленое колесо. Иного отвѣта и ждать нельзя было, и для чего затѣвать было, раньше онъ не зналъ что ли?

„Стоитъ какъ стояла. Не замай, стоитъ. И здѣсь помретъ успѣемъ.“ Такое рѣшеніе само собой явилось въ головѣ. Оно было ясно, до того ясно: толковать не о чемъ. Ребенокъ малый, тотъ пойметъ. И слѣдомъ вспомнился сватовъ отвѣтъ. Князь про себя повторялъ его; многажды повторялъ, усиленно, напряженно. Вдругъ, въ серединѣ отвѣта, вступало въ умъ рѣшеніе, и—страшно—казалось князю: сидитъ въ немъ еще человѣкъ, кому оно, это рѣшеніе, не ясно, кто хоть и не говоритъ прямо ему наперекоръ, а противится; противится молча и упорно. Князь выговаривать этому другому, втолковывать ему, а онъ—упрямится. Князь злобился на таковое упорство. Чѣмъ правѣе, безотложнѣе казалось рѣшеніе, тѣмъ строже приходилось втолковывать, тѣмъ пуще злобился князь. И казалось, слышалъ онъ голосъ какимъ втолковывалъ: сухой, жесткій голосъ. Голосъ этотъ — его голосъ, хоть вслухъ онъ самъ не говоритъ. Голосъ будилъ злобу, и досада была князю эта злоба: убить, утопить, замуровать ее; никому бы не стала видна ни она, ни то что ей причина. Никому, ниже ему самому. И главное, ему самому. Но дума не бросала князя; другія, кромѣ этихъ, не приходили мысли. Все онѣ, да онѣ роились кругомъ и жалили.

Слѣпая рука отворила дверь; увидала княгиня князя своего и господина въ горѣ, замерла на порогѣ, шагу не ступила. Долго стояла она, не шелохнулась; потомъ тихонько, на цыпкахъ, ступила шага два. Стукъ ли двери, шорохъ ли тафты, не замѣтно для него самого, заставилъ князя шевельнуться, только онъ поднялъ голову. Княгиня замѣтила это и ровно застыла

на ходу. Слово, и бросилась бы она къ нему, всякимъ голубленьемъ, всякою лаской, всѣмъ что во власти, отогнала бы тоску. Князь глядѣлъ предъ собою, и чѣмъ дольше глядѣлъ, тѣмъ яснѣе въ очахъ становилось, и наконецъ увидѣлъ онъ княгиню.

— Чего надо? глухо спросилъ онъ. — Аль мужа въ горѣ не видала, поглядѣть пришла?

— Шла я за любовь, за подарки спасибо сказать, робко промолвила княгиня.

— То-то ты крадучись и вошла, отвѣтилъ князь.

У него въ мысляхъ не было обидить княгиню; смысла своихъ словъ онъ не взвѣшивалъ. Но жесткое слово сказалось и жестко сказалось, тѣмъ самымъ голосомъ которымъ онъ мышленно кому-то выговаривалъ за упорство.

У княгини духъ захватило, слово замерло. Можетъ, подойди она смѣло къ нему, положи руку на плечо, и встрепенулся бы князь отъ гнетущаго напора обступившихъ его мыслей. Можетъ, воротись княгиня съ порога, князь отсидѣлся бы отъ мыслей; затихло бы и стало легко въ его головѣ. Теперь не мышленно уже, а въ-явь услыхавъ тотъ сухой и жесткій голосъ который такъ злобилъ его, князь не могъ совладѣть съ нимъ. Мысль поддалась звуку голоса, — а тотъ голосъ не выговорить, что же сказать могъ?

— Чего надо? Съ чѣмъ пришла? переспросилъ князь.

— Канарейка.... тамъ.... черезъ силу начала было княгиня.

— Есть мнѣ глупостей твоихъ слушать! Канарейка! У меня, можетъ....

Князь въ упоръ поглядѣлъ на жену. Слова выговаривались четко, ясно; жесткій голосъ звучалъ ровно, и эта ровная жесткость передавалась мысли, дѣлая ее въ двадцать разъ непереноснѣе.

— Подубрусникъ, гляди, на сторону съѣхалъ. Скоро, прости Господи, простоволосая ходить станешь. Аль тебѣ одѣться не во что? Лучше безъ пояса бѣгала бы. Княгиня еще. Привыкла у себя, дома-то.

Впервые, хоть не прямо, попрекнулъ князь жену ея былою бѣдностью и теперешнимъ богатствомъ.

— Сидѣла бы у себя на верху, коли одѣться не умѣешь. Мужа не срамила бы.

— Да когда жь я тебя, князя моего, въ соромъ вводила? собралась наконецъ съ духомъ, сказала княгиня.—Не въ убо-

рѣ, въ томъ виновата, не догадалась; къ тебѣ же, спасибо сказать спѣшила.

Князь не чувствовалъ каковы тяжелы были его рѣчи княгинѣ; не слышалъ какъ слезы у нея къ горлу подступали. Но простой звукъ княгинина голоса, простой перерывъ его ровныхъ и жесткихъ рѣчей пробудилъ князя. Не то чтобъ онъ понялъ какъ не ладны были тѣ его рѣчи, а просто захотѣлось стряхнуть съ души мучившія ее думы.

— Эхъ, да что тутъ! молвилъ онъ, всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. — Тебѣ чего еще надо? сказалъ онъ, увидѣвъ что у притолки, гдѣ давича прикащикъ стоялъ, стоитъ ключникъ.—И что у васъ у всѣхъ за воровской обычай, крадучись входить.

Князь безъ умысла попрекнулъ ключника тѣмъ же чѣмъ княгиню, жену свою къ холопу прировнялъ.

— Съ докладомъ шелъ, отвѣтилъ ключникъ. — Конюхъ прибѣгалъ: не знаю, говоритъ, что съ Воронкомъ стало, охромѣлъ.

— Воронко охромѣлъ?

То былъ лучшій конь князевой конюшни. Услыхавъ: конь охромѣлъ, князь, ни слова не говоря, быстро пошелъ изъ комнаты. Такое движеніе было въ связи съ давишними, Москвой навѣянными, мыслями. Онъ отъ нихъ бѣжалъ теперь; какъ раньше, хотя и безсознательно, ихъ же избыть хотѣлъ разговоромъ съ княгиней.

Къ холопу приравнялъ! На коня промѣнялъ! Что съ нимъ, съ ея княземъ? Что бы ни было, за великую обиду все это княгинѣ показалось. Она не двинулась съ мѣста; только руки безсильно опустились, да глаза помутились отъ слезъ. Не замѣтила княгиня какъ подубрусникъ совсѣмъ почитай на сторону сбился; какъ изъ-подъ него тяжело поползла темно-русая коса. Долго ли, коротко, такъ простояла она, княгиня не знала. Только почудилось ей: кто-то ей прямо въ сипія, влажныя очи глядитъ; чей-то голосъ проговорилъ: „Эхъ, не жалѣетъ онъ тебя!“

Княгиня встрепенулась. Ни князя, ни ключника въ комнатѣ не было. Въ ушахъ у нея стоялъ звонъ отъ голоса, сказавшаго тѣ памятныя слова. Знакомый мужской голосъ, будто недавно она его слышала — сегодня. „Тамъ, на верху, въ свѣтлицѣ“, припомнила княгиня

IV.

— Эхъ, не жалѣетъ онъ тебя!

Велико и полно трогательнаго смысла это слово „жалѣть". Прислушайтесь къ народному говору. „Мужъ у меня добрый, жалѣетъ меня", говоритъ жена, и это значитъ: всякую заботу обо мнѣ прилагаетъ. „Свекровка добра ко мнѣ, жалѣетъ меня", хвалится молодка, „поутру не будитъ, сама въ хлѣвъ сходитъ, все приберетъ, коровъ выпуститъ." „Меньшенькаго-то я больше жалѣю", говоритъ мать.

Любовь—присуха, зазноба, она съ вѣтру. Хочешь чтобы парень полюбилъ, кликни заговоръ, помолись вѣтру. Нагонитъ на него вѣтеръ тоску тоскучую, сухоту сухотучую; что бъ онъ ни дѣлалъ, что бы ни задумалъ. — все по дѣвкѣ сердцемъ горѣть будетъ. А съ кѣмъ вѣкъ жить—такова ли любовь надобна? Любо ли женѣ чтобы мужъ вѣкъ сохъ-тосковалъ по ней? Любо ей коли онъ ее жалѣетъ. Коли та по комъ сердцемъ горѣлъ твоя стала, дана тебѣ Божьимъ судомъ, станешь ли тосковать? Уляжется тогда мечливая тоска, встанетъ супружеская забота сердечная, повседневная. Не о себѣ первая мысль, о другомъ. Сперва спросишься, каково ему, или ей будетъ, а потомъ о себѣ подумаешь. А дѣлаешь такъ, значитъ жалѣешь кого больше самого.

Князь ли своей жены не жалѣлъ? Все радъ сдѣлать, не скучала бы только. Что въ саду для нея насажено, чего въ терему нѣтъ! Захоти она прихотничать, все по ея хотѣнью явится. Такъ-то такъ. Да для нея не жалѣть и ее жалѣть — вещи розныя. Жалѣючи ее, нешто сталъ бы такія какъ нынче рѣчи говорить? Горе есть, ей бы ловѣдалъ. Не она ль ему пригрѣва и голуба, его горя разговорщица?

А онъ, не то горе, радость съ ней когда дѣлилъ ли? Онъ не ровня ей; мужъ-господинъ, а не мужъ-другъ. Всегда таковъ былъ; иного не припомнишь. Перебрала княгиня свои дѣла, забавы—ни разу при нихъ князь не пригодился. Цвѣтики расцвѣли, кто съ ней стоитъ любуется? Не мужъ. Кто притомъ бывалъ, и въ мысляхъ его княгиня не назвала. Сегодня,—но тутъ предъ ней всталъ, какъ живой, иной человѣкъ: черныя кудри, смѣлыя очи, лицо тою же радостью свѣтится что у нея на

сердцѣ. Говорить таково беззавѣтно, душевно, съ роднымъ только можно, съ братомъ, или съ.... Съ кѣмъ, опять и въ мысляхъ не договорила княгиня. Очи глядятъ; то же лицо предъ нею; только иначе теперь смотритъ. „Эхъ, не жалѣетъ онъ тебя!“ Теперь только, сейчасъ, ясно ей стало какъ близокъ онъ былъ къ ней. Между мужемъ и ею.... Княгиня вздрогнула.

— Аль дѣла у меня нѣтъ? вдругъ спохватилась она. — Что же я тутъ стою да грѣжу!

Она поправила подубрусникъ и тихо, невольно тихо, пошла къ себѣ на верхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Еслибы кто, послѣ разказаннаго недѣли съ полторы повремени, глянулъ съ вышки-осминки Засѣкинскихъ хоромъ въ садъ, увидѣлъ бы онъ какъ Иванъ ключникъ по саду прошелъ межь грушъ и яблонь, точно осматривалъ хорошо ли плоды завязались и велико ли слѣтье Господь пошлетъ. Потомъ сталъ Иванъ влѣво помаленьку забирать, къ березовой саженой рощѣ, гдѣ и пропалъ.

Идучи рощей, сталъ онъ спускаться къ рѣчкѣ; въ узкомъ мѣстѣ, поросшемъ сплошь камышомъ-колачникомъ, было перекинуто на тотъ берегъ бревно; Иванъ перешелъ по мостку въ мелкій березнякъ-осинникъ. Тамъ сталъ онъ опять влѣво забирать, гдѣ поросль была выше и гуще. Сдѣлавъ шаговъ съ триста, остановился, осмотрѣлся, ровно опознаться хотѣлъ-и легонько свистнулъ. Ни сорока прострекотала, ни иная птица крикнула въ отвѣтъ. Зашуршало; изъ-за осинокъ выставился бѣлый плетеный колпакъ, потомъ зипунишка сѣрый, на жидкія плеча накинутъ и, пригибая мелкіе кусты желтиками, простыми желтыми сапогами, всталъ предъ Иваномъ парень.

— Надумался ли? вмѣсто всякаго привѣта, спросилъ онъ.

— Погоди; сядемъ; какъ слѣдъ потолкуемъ.

— Ладно, и парень опустился на траву. Иванъ сѣлъ съ нимъ рядомъ.

Парень, на видъ, годами пятью былъ старше Ивана: можетъ, впрочемъ, не отъ лѣтъ постарѣлъ. Изъ лица онъ былъ худъ и задумчивъ; и тепло, да тоскливо, изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ,

глядѣли тихіе, сѣроватые глаза. Какъ онъ сидѣлъ теперь, вытянувъ ноги, постукивая отъ дѣлать нечего калиновою клюшкой по желтикамъ, сгорбившись и пригнувшись всею тушей, видно было: не работникъ онъ, не привыченъ къ крестьянской страдѣ. Не подымаючи глазъ, онъ мурлыкалъ пѣсню; врядъ ли одначе думалъ о томъ что̀ поетъ; мысли, вѣрнѣе, бродили гдѣ далеко-далече.

— Надумался ли? переспросилъ онъ Ивана.

— Не о чемъ думать, былъ отвѣтъ.—Бросовое дѣло.

— А вмѣстѣ хотѣли.

— Думалъ и я.

Разговоръ оборвался. Незнаемый парень опять по сапогамъ клюшкой застукалъ, опять пѣсню замурлыкалъ.

— А молва прошла, не Ивану, скорѣй самъ съ собою заговорилъ парень,—тамъ-отъ, на Низу, зашевелились. Опять.

— Толку не будетъ; побьютъ. И грѣхъ: воровское дѣло, рѣзко проговорилъ Иванъ.

— Я не маню. Къ слову молвилось.

— Ты какъ же, уйдешь?

— Надо быть. Мать, сестру повидѣлъ; ничего, живутъ. Опять: чужихъ щей давно лаптемъ не хлебалъ, стосклулось. Тянетъ.

— На Низъ?

— Гдѣ, далече! И хворъ я сталъ. Поброжу, ноги поразомну. Къ артели какой, можетъ, пристану. Меня возьмутъ: на пѣсни мастеръ, Щегломъ зовутъ.

И точно въ показаніе своего мастерства, онъ высоко повелъ голосомъ. Потомъ оборвалъ и опять заговорилъ.

— Нашему брату всюду дорога. Отколь не прогопятъ, вездѣ примутъ. Голодать и лировать привычны.... Ты какъ же, вовсе передумалъ?

— Передумалъ, отрѣзалъ Иванъ.

— Та-акъ, протянулъ Щеголъ.—Тебѣ знать лучше. А я скоро. Развѣ хворь.

— Тебѣ что̀! Дома сидючи, ничего же не выжить.

— Гдѣ намъ! огрызнулся Щеголъ.—Твое иное дѣло, за княземъ живешь: подъ сердитую руку, все хоть батоговъ на спину добудешь.

— Бога гнѣвить нечего, строго и важно молвилъ Иванъ,—никогда того не бывало.

— Не бывалъ господарь кручиноватъ.

Въ любви меня держитъ. Опять помнитъ: отецъ мой не

холопьяго рода былъ, только что въ ключники безъ ряду пошелъ.

— Тебя, баютъ, на Москвѣ въ боярскіе сыновья * записалъ, задиралъ Щеголъ.—Правда, нѣтъ ли, не знаю, добродушно прибавилъ онъ, точно вѣрилъ молвѣ, а не самъ ее придумалъ.

— Городи безлѣпицу! И записаны живутъ, бьются, бьются, да челомъ и ударятъ: возьми де въ ключники, не дай дѣтишкамъ съ голоду помереть. Слыхали и мы про хваленую волю! Не то слыхали, видали. Въ холопахъ жить у голода ли, у боярина, у кого лучше? разсуди.

— И голодъ не тетка, и бояринъ не братъ. Бываетъ и тетка добра, въ зашей со двора: былъ и бояринъ ласковъ, на день по три таски.

— Отъ тебя путнаго добьешься ли? Тебѣ языкъ бы чесать, слова подбирать. Воръ ты; и рѣчи твои всѣ воровскія же.

— Чуденъ человѣкъ Иванъ, задумчиво, еще больше опустивъ голову, опять ровно самъ съ собою, заговорилъ Щеголъ,—встрѣтились мы съ нимъ, познакомились, по душѣ другъ другу пришли. „Кто ты таковъ?“ Бродячій, говорю. По суху хожу, броду ищу. Съ веселыми больше. А ты? „У Засѣкина князя—слыхалъ?—въ ключахъ хожу. “Прохладно, спрашиваю живешь? „Всѣмъ бы ладно,“ говоритъ, „да тоска одолѣла.“ Съ чего? „Самъ не знаю.“ А сильна тоска? „Бѣжать радъ.“ Не вмѣстѣ ли? говорю, вдвоемъ веселѣе. Отвѣтъ: „подумаю“. Думалось долго, благо Щеголъ хворъ залежался по веснѣ, по ранней, когда птица тянетъ. Вотъ и надумался: „Воръ ты, и рѣчи де твои всѣ воровскія же.“ Скажи, Щеголъ, спасибо.

— Ты не сердись, молвилъ Иванъ и взялъ его за руку.—Я точно потерялъ себя; тоскую, нѣтъ ли, того не знаю. И бѣжалъ бы, оставить жалко; а жалѣть, когда помочь нельзя, лучше бѣжать.

— Дивлюсь я не мало: что съ тобой? Тоска-то не зазнобная ли будетъ?

— Нѣтъ, и ключникъ рукой махнулъ, скорѣй отстраняя мысль, чѣмъ показывая невозможность того о чемъ сказалъ Щеголъ.

— А женить не хотятъ?

— На комъ еще?

— На князевой полюбовницѣ, на отставленной. Таковой какъ, чай, не найтись!

* Низшее дворянство.

— Убить бы тебя! весь вздрогнулъ Иванъ.

— Полно, шучу. И то языкъ чешется: скоморошья привычка, отвѣчалъ Щеголь.—Только съ чего съ тобою сталось? Ты додумайся. Какъ додумаешься, легче станетъ. По себѣ говорю.

Щеголь замолчалъ; Иванъ тоже слова не молвилъ.

II.

Съ чего сталось? Иванъ до этого не додумывался. А додуматься, легче ли станетъ? Можетъ, по человѣку глядя, иному еще тяжеле будетъ.

Со стороны поглядѣть, кажись бы не съ чего. Жилось какъ всегда. Къ князю привыкъ и князь къ нему; съ измальства при князѣ. Еще какъ князевъ отецъ на дальнемъ воеводствѣ сидѣлъ, Ивановъ родитель къ нему въ ключники попалъ. Былъ онъ вдовъ, и былъ у него сынишка по третьему году, Ванькой звали. * Со старымъ княземъ какой еще рядъ заводить было? Добръ человѣкъ, не обидитъ. Ключникъ умеръ раньше господина, прикинувъ ему сынишку, просилъ не оставить. И князь старый вскорѣ умеръ. Остался Ванька на рукахъ у молодаго князя мальчёнкомъ лѣтъ семи. Князь полюбилъ сиротку. Мальчикъ былъ понятливый, грамота ему далась, къ дѣлу сталъ онъ привыкать рано. Еще на Москвѣ въ послѣднее время онъ у князя почитай за ключника былъ, а въ деревнѣ, особенно послѣ князевой женитьбы, и всѣ ключи въ его руки перешли. Князь порой Ванькой хвалился: изъ молодыхъ де ранній. Князь былъ человѣкъ воздержный и воздержательный, то-есть и самъ за собою строго смотрѣлъ, и другихъ воздерживать умѣлъ. У такого господаря, только дѣло по совѣсти справляй, худаго слова не дождешься. Зная по себѣ какъ чужая неправда тяжело отзывается на человѣкѣ, князь старался быть справедливымъ; не сказали бы про него что онъ про другихъ говоритъ.

Какъ выросъ онъ у князя, былъ имъ вскормленъ, во всемъ отъ него облагодѣтельствованъ, Ванька не подумалъ даже со своимъ кормильцемъ рядиться. Притомъ же онъ не шелъ въ

* Замѣчу мимоходомъ что въ народной рѣчи уменьшительныя: Ванька, Сенька, Машка, Дунька, вовсе не имѣютъ презрительнаго смысла.

ключники, не думалъ объ этомъ, само собой сдѣлалось. Росъ, росъ, да и выросъ въ ключника. Князь съ нимъ обращался не какъ съ другими, говаривалъ съ нимъ нерѣдко, наставлялъ его, въ понятіе приводилъ. Написать что надо — Ванька пишетъ; читать его князь заставитъ лѣтописца, душеспасительную ль книгу какую, самъ слушаетъ сидитъ, размышляетъ. Намыслитъ что, скажетъ. Все что Иванъ знаетъ, княземъ въ него насажено; онъ его человѣкомъ, каковъ онъ есть, поставилъ.

Не за княземъ ему вѣкъ прожить, такъ гдѣ же? Дѣти будутъ, пошли Господь и дѣтямъ того же. „Знамо, время придетъ, жену себѣ возьму", думалось порой Ванькѣ, „и жениться мнѣ не страшно. Князь жалуетъ меня довольно, живу же я на всемъ на готовомъ; если раньше меня умретъ (дай ему, Господи, долгаго вѣку!), не безъ ничего я останусь, отъ жалованья не мало скопится: съ деньгой тогда, вездѣ человѣкъ. Будутъ дѣти у князя, у нихъ можетъ останусь, только не безъ ряду: молодые господа перемѣнчивы. А не то,—вольный человѣкъ. Не забудетъ же князь про волю мою въ душевной грамотѣ написать: не таковъ человѣкъ чтобы грѣхъ такой великой на душу взять А не пошлетъ, какъ родителю же моему, Господь мнѣ вѣку, и дѣти маленькія послѣ меня оспротѣютъ, не прогонитъ князь, вскормитъ, какъ меня вскормилъ же."

Ивановъ жизненный путь былъ прямъ, только не сбивайся съ него.

Съ полгода, какъ затосковалъ Иванъ; самъ не зналъ по комъ, или по чему. Князь Григорій Александровичъ ту тоску его замѣтилъ.

— А не пора ль, Ванюшка, женить тебя? спросилъ онъ смѣючись.—Я вотъ въ отцы тебѣ гожусь, да молодую княгиню себѣ понялъ же; не въ чернецы себя готовишь!

Женитьба, о чемъ прежде Иванъ разсуждалъ спокойно, какъ о дѣлѣ житейскомъ, въ извѣстные годы неизбѣжномъ, теперь вдругъ показалась ему страшна. На сердцѣ словно шепнулось: нельзя тебѣ. Онъ спутался и пробормоталъ невнятный отвѣтъ.

— Ужъ не мнѣ ль невѣсты тебѣ поискать? продолжалъ смѣяться князь.

— Твоя воля, государь, отвѣтилъ по привычкѣ ключникъ.

Разговору о томъ больше не было. Искалъ ли князь невѣсты, иль то слово мимо мыслей у него пролетѣло, Иванъ не вывѣдывалъ. Только безотчетно, самъ не сознавая зачѣмъ, старался онъ съ княземъ говорить и на его глазахъ быть съ

веселымъ лицомъ. И не предъ однимъ княземъ, предъ всѣми тоску свою скрывалъ.

Немного спустя послѣ этого разговору, столкнулся ключникъ со Щегломъ. Парень незнаемый, скоморохомъ сказывается, съ нимъ знакомства сводить не слѣдъ бы. Скоморохи, они воры, плуты, говорятъ. Сами про себя поютъ:

Мы не воры, не разбойнички;
На сухомъ берегу рыболовнички.

Да Щеголъ былъ человѣкъ особенный. Плутъ-человѣкъ самъ въ душу чужую лѣзетъ, обворовать ее наровитъ; у Щегла этого нѣтъ, онъ душевный, сердцу самому съ нимъ охота разговаривать. Слово за слово, про тоску сказалось. „Бѣжать радъ“, вырвалось у Ивана. Это не значило: „хочу крадучись у князя уйти“; просто выражало: „житья отъ тоски нѣтъ“. Щеголъ правду говорилъ, онъ не сманивалъ. Иванъ съ горя, онъ по привычкѣ, отчего жь въ товарищахъ имъ не бѣжать?

Между ними больше рѣчи о побѣгѣ не было. Щеглу мало ль о чемъ было разговаривать: гдѣ на своемъ вѣку ни бывалъ, чего ни видалъ, ни слыхалъ? Что̀ пѣсенъ, сказокъ, повѣстей разныхъ зналъ. Въ десять лѣтъ кажись всего не переслушаешь. Къ веснѣ расхворался веселый, и съ ключникомъ ему видѣться было негдѣ. Недѣли съ три назадъ привелъ Богъ столкнуться опять. „Когда же?“ спросилъ Щеголъ. Ванька сразу понялъ о чемъ вопросъ. „Подумаю“, отвѣчалъ, „недѣли двѣ-три времени дай“. Щеголъ поспорилъ было: долго де ждать, потомъ согласился. Сегодня три недѣли ровно съ того разговора минуло.

Говорилъ „подумаю“, стало-быть ужь не просто слово вдругорядь молвилось, не одну тоску несносную оно выражало, а на мысли было бѣжать взаправду. Дѣло было вотъ какъ. Молвилъ князь про женитьбу, сердце у Ивана ёкнуло. Время шло, и яснѣло для него, самому ему невѣдомымъ образомъ, почему нельзя ему жениться. Въ каждодневныхъ встрѣчахъ съ княгиней онъ чувствовалъ что все больше и больше хочется ему услужить ей, угодное для нея придумать. Ложась спать: „не забылъ ли чего, завтра не надо ли чего?“ думалъ. Встаетъ на зарѣ, первая мысль: „что-то мы съ княгиней нынче дѣлать будемъ?“ О другихъ своихъ дѣлахъ ему точно и заботы нѣтъ: сами де по обычаю сдѣлаются. А съ весны, какъ нарочно, все

съ княгиней да съ княгиней быть приходилось. Хоть бы цвѣты сажать,—княгинѣ это любо, а садовникъ старъ, да и въ цвѣтахъ толку мало знаетъ. Ключникъ же за житье на Москвѣ на цвѣты наглядѣлся, какой въ царскихъ садахъ обиходъ узналъ. Князь радъ что ключникъ у него умѣлый, и княгинѣ забава есть. Все вмѣстѣ да вмѣстѣ, нельзя же не видѣть какова княгиня. Сначала смотрѣлось, а тамъ и заглядываться стало. И заглядываться ужь любо становится. Не только глядѣть любо, а люба и та на кого глядишь. И за глаза мысли о ней же. Хорошо ключнику, хоть и тоскливо на сердцѣ. Разъ вздумалось княгинѣ пересмотрѣть одну изъ кладовыхъ: всѣ ли тамъ вещи цѣлы и въ порядкѣ ли лежатъ? Иванъ пошелъ съ ключами, отпиралъ замки, вынималъ вещи, подавалъ ихъ княгинѣ. Княгиня всѣмъ была довольна, хвалила ключника. Заглядѣвшись на нее, Иванъ нечаянно обронилъ небольшое хрустальное зеркальце во влагалищѣ: нѣмецкое дѣло. Зеркальце ударилось о край сундука, кусокъ хрусталя отвалился.

— Экой! Зазѣвался! попрекнула княгиня, и замѣтивъ что Иванъ самъ не свой, прибавила:—Ладно ужь! Князь спроситъ, на себя вину приму. А ты вдругорядь не зѣвай.

Горько стало Ивану; не то горько что княгиня выговорила: какъ государынѣ не попенять слугѣ за вину, а то горько что выговариванье это показывало какъ далекъ онъ отъ нея, недостижимо далекъ. Ей и въ мысль придти не можетъ: на меня де молоду ключникъ заглядѣлся. Въ этотъ-то день и обѣщалъ онъ Щеглу „подумать“.

А самъ думалъ ли? Гдѣ думать! Пошли дѣла, со стороны невидныя, ему памятныя. Онъ чуялъ: его куда-то втягиваетъ, вотъ какъ трясина втягиваетъ человѣка, и неболзно ему это втягиванье, а скорѣй радъ онъ, только сердце замираетъ. И дошло до того, какую смѣлость онъ возымѣлъ: почитай при князѣ въ глаза ей сказалъ: „Эхъ, не жалѣетъ онъ тебя!“

Щеголъ говоритъ: додуматься надо съ чего тоска, легче станетъ. Додуматься? Развѣ онъ не знаетъ? Знаетъ, да про себя даже сказать страшится, не хочетъ сказать. Щеголъ насчетъ побѣгу спрашивалъ, то ясно. Онъ не думая отвѣтилъ, точно вытверженныя слова говорились. Тѣ думы цѣлы, нерушимы,— какъ себя помнитъ, такъ же думалъ. Но въ немъ точно раздвоилось, точно пополамъ распалось: на одной сторонѣ ясно, твердо; по другую смутно, шатливо. Обо всемъ онъ можетъ разсудить, кромѣ завѣтной тайны души своей. Объ этомъ завѣтномъ

нѣтъ мысли. Чуть начни думать, мысль замѣчетъ, въ дремоту владетъ, и не подняться ей отъ сладкой дремоты. Роскошенъ ей видится сонъ. Во снѣ только точно кто вбѣгаетъ и спрашиваетъ: „не бѣжать ли? вспыхнетъ вѣдь сейчасъ.“ — „Не вспыхнетъ, замретъ“, баюкаетъ мысль-дрема.—„Замретъ, и слава Богу!“ говоритъ про себя Иванъ, и говоря „слава Богу!“ не желаетъ чтобъ оно случилось и тайно увѣренъ: никогда не случится. И мысль замираетъ въ дремотѣ. Хорошо ей.

До этого ль совѣтовалъ додуматься Щеголъ?

III.

Щеголъ тѣмъ временемъ лежалъ опрокинувшись навзничь. Надъ нимъ небо; онъ глядитъ и видитъ: вотъ изъ чуть замѣтной бѣлизны облачко выступаетъ, растетъ, растетъ и поплыло по небу. Тамъ хоромы, садъ вокругъ шумитъ. Въ ушахъ жужжитъ и трещитъ. Тутъ березка махонькая стоитъ, чуть покачивается. Все это явственно отражается въ немъ, какъ въ озерной водѣ. Онъ себя не помнитъ; видится и слышится ему помимо воли.

Смотритъ онъ дальше, начинаетъ казаться: все что онъ видитъ теперь, не глазами видитъ, а вспоминается ему; онъ давно это видѣлъ, да забылъ только, а теперь вспомнилось. И шумъ въ ушахъ тоже памятенъ. Это пѣсня какая-то. Про эти хоромы, про садъ, про все что онъ видитъ,—вотъ про что та пѣсня поется. Онъ незамѣтно затянулъ ее. Старая ль пѣсня вспоминается, или къ старой пѣснѣ новыя слова подлаживаются, онъ не знаетъ. И что знать? благо поется.

Охъ ты садъ-виноградъ,
Зеленая роща!

протяжно затянулъ онъ, и приподнялся на локоть.

Нѣтъ, пѣсня не протяжная, она веселая, складно таково слова выходятъ. „На вирши сложена“, сказалъ бы книжникъ, кабы подслушалъ. И пошла пѣсня живѣе:

Во саду ли погулять,
Ягодъ вишень пощипать,
Спѣла вишенья,
Да орѣшенья.

Онъ сталъ высоко выводить „да орѣшенья“. Много разъ повторилъ. Иванъ даже пробудился отъ своей дремоты; сталъ

вслушиваться, еще не зная гдѣ поютъ, кто поетъ. Высокій голосъ подзадоривалъ пѣвца; точно говорилъ: „только-то? вишенья да орѣшенья? только-то?“ и Щеголъ пѣлъ дальше:

Боярыня молода
Голосъ съ вышки подала, —
Не меня ли то зоветъ:
„Зачѣмъ милый другъ нейдетъ?“

Иванъ и вовсе сталъ слушать. Голосъ залился звончѣе.

Боярышничекъ кругомъ,

пропѣлъ Щеголъ, и на самую чуточку остановился, весело усмѣхнулся, перемигнулся съ кѣмъ-то, и подернувъ плечомъ, пошелъ вилять голосомъ. Пѣсня зазвучала добродушно-насмѣшливо, весело, вовсе незлобиво, но не безъ лукавства:

Боярышничекъ шумитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
„Ты де парень удалой
Во нашъ садъ зеленой
Не загуливайся,
Младъ-удалъ паренёкъ
На высокъ теремокъ
Не заглядывайся!“

— Ты это что за пѣсню вздумалъ? Про кого вскинулся вдругъ Иванъ.

— А-а? протянулъ Щеголъ, и опомнившись отъ пѣсни, дико оглядѣлся и всталъ.

— Нечего прикидываться. Про кого пѣлъ? съ какого умыслу? приступалъ ключникъ.

— Такъ пѣлось, тихо отвѣтилъ Щеголъ, и пошелъ было.

— Нѣтъ, стой. Видно прослышалъ, а? не отставалъ Ванька.

— Христосъ съ тобой, не безъ испуга проговорилъ Щеголъ, какъ человѣкъ невзначай узнавшій что страшное, чего узнавать не хотѣлось, не слѣдовало и во вѣкъ не думалось.—Опомнись: самъ себя выдаешь.

Ключникъ ударилъ о полы руками.

— Ты ни отъ кого о томъ не слыхалъ? робко уже проговорилъ Иванъ. Онъ смотрѣлъ виноватымъ.

— Полно, полно. О такомъ дѣлѣ говорить можно ли?

— Не мучь, скажи: ни отъ кого? упрашивалъ уже Иванъ.

— Ни-ни; ей-Богу, торопливо проговорилъ веселый, и опять пошелъ было.

— Щеголъ, погоди, ребячливо-беззащитно пролепеталъ Иванъ. „И онъ бѣжитъ“, тоскливо подумалось ему.

Щеголъ повернулъ голову.

— Ты гляди, никому.

— Щеголъ на лѣсни горластъ, а чтобы.... Онъ вдругъ запнулся, съ сокрушеньемъ покачалъ головой и сказалъ: — Эхъ, братъ, не манилъ я тебя. А теперь—бѣги. Право. И онъ пошелъ прочь.

Иванъ остался самъ-другъ съ думой.

Не будь онъ бравымъ парнемъ, думѣ одолѣть бы его. Но бравость эта была до того въ его природѣ что выступала наружу сама собою, даже когда мысли о ней на умѣ не было. Теперь онъ встряхнулъ головой, метнулъ взглядомъ, точно увидалъ вдали что, и стремительно пошелъ домой. Тамъ, видно, наметилъ онъ удачу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Солнце вставало и закатывалось; наступали жаркіе дни, меженные; люди думали, свое житейское дѣло дѣлали, ѣли и спали, и чудилось имъ будто куда-то бѣжитъ быстрое время и несдержимо ихъ за собой уноситъ.

Князь сталъ хлопотливѣе и вникательнѣе по хозяйству, сталъ искать себѣ дѣла, кой-что обдумалъ, но коренныхъ своихъ мыслей тѣмъ не избылъ. Скоро онъ понялъ что много напрасныхъ и вздорныхъ рѣчей княгинѣ наговорилъ, и что тѣ его рѣчи за обиду ей стали. Онъ про себя сказалъ что не правъ предъ нею. Не помириться ли, не сказать ли: „прости, молъ, жена, грѣшенъ предъ тобою“? Просто бы сдѣлалось, поймя онъ сердцемъ вину свою; сказалось на сердцѣ „грѣшенъ“, пошелъ и покаялся. Но не сердцемъ, разсудкомъ додумался до этого князь. А что вздумано разсудкомъ, подлежитъ вѣсу и мѣрѣ. И князь принялся взвѣшивать и взмѣривать: слѣдъ ли предъ женой каяться? къ добру или къ худу то покаянье будетъ? Обидѣлъ, спору нѣтъ,—да нешто женѣ отъ мужа обиды не стерпѣть? Сама, чай, видѣла: не со злобы, съ горя молвилось. И самъ не радъ что слово вылетѣло. Теперь про него вспоминать, когда она почитай забыла, на какую стать? И се-

бя и ее тревожить. Опять, пойдетъ рѣчь объ обидѣ, скажешь: „съ горя де молвилось“, а она (женскій полъ любопытенъ) тѣмъ не удовольствуется, разспрашивать будетъ: съ чего де то горе встало, да каково оно есть? Не отвѣтить, луще обидѣть; а отвѣтить, того хуже. Какъ онъ ей про свое горе растолкуетъ? Первое, себя въ концѣ растревожить надо, а второе, московскіе докуки ей понять ли? Во вѣкъ не пойметъ, ничего этого не знаетъ, въ глуши прожила. Князь не говорилъ: жена ему не ровня, а только видѣлъ: нельзя съ ней какъ съ ровней обходиться.

Нѣтъ, не станетъ онъ никоимъ образомъ старый соръ перетряхивать; лучше лаской свою вину загладитъ. Князь и сталъ къ женѣ ласковъ, какъ дотолѣ не бывалъ. Только ласка шла не отъ всей души и не отъ всего сердца, и князю все думно было либо что ласка мала, не такова каковой ей быть слѣдуетъ, либо что она велика очень; пожалуй, при эдакой-то великой ласкѣ, княгиня разспрашивать о томъ станетъ о чемъ отвѣта, твердо положилъ онъ, не держать. Ласка не беззавѣтна была; у мужа съ женой не единъ духъ былъ. Онъ между собою и ею словно порогъ непереступимый воздвигалъ. Сойдутся они, разговориться-бы, нѣтъ, стой: опаска есть, не заговорить бы о чемъ женѣ знать не слѣдъ. И опять: приласкать хотѣть, и въ ласкѣ удерживаться—непереносно. Ладу никакого не выходило. Словно бы князь и прилѣпиться къ женѣ своей хотѣлъ и былъ отъ нея на-сторожѣ.

Такое стороженье истомляло князя; отдохнуть отъ него хотѣлось. Куда жь уйти, гдѣ легко и привольно станетъ? Уходить, кромѣ какъ въ думы, было некуда, а эти думы, мы знаемъ, каковы тяжки онѣ для князя были.

Княгиня могла-ль не чувствовать того порога что̀, по волѣ мужа, между нимъ и ею воздвигался? Она, занятая еще инымъ дѣломъ, могла не сознавать этого, но не чувствовать нельзя было. А что̀ ей было дѣлать, когда она видѣла кромѣ того что между ею и мужемъ всталъ кто-то? Вѣдь этотъ *онъ* тутъ еще, не уходитъ, не отстраненъ. Ей тоже надо на-сторожѣ стать, только не отъ мужа и не отъ себя самой. Она за себя не боится, а страшно: тотъ-то какъ въ расплохъ ее не засталъ бы; сторожиться его надо. Такъ она сдѣлаетъ: будто ничего не видала, не слыхала. Надо такъ поступать, чтобъ ему и на мысль не вспало, будто она что̀ слышала. „Дѣла при которыхъ ключникъ нуженъ я будто всѣ передѣлала. Впередъ такихъ дѣловъ

не будетъ", сказала она себѣ самой. Она новое дѣло задумаетъ. Ни для него, ни для кого не будетъ примѣтно съ чего она этимъ новымъ дѣломъ занялась. „Захотѣла и занялась." А дѣло такое: все больше въ свѣтницѣ, на людяхъ, сидѣть придется. Тутъ ему такого слова, какъ намедни молвилъ, сказать не придется.

Княгинѣ весело было, что таково хитро она все придумала. Оставалось занятіе отыскать. Въ этомъ самъ Богъ помогъ; зашла изъ ближняго монастыря черничка за подаяньемъ, рукодѣльница большая. Монастырекъ бѣдненекъ, ничемъ не украшенъ, богомольцамъ показать нечего. Задумано лелену къ образу вышить, по малиновому атласу серебромъ и шелками: чудная ленена выйдетъ. Кое-что жемчугомъ украситъ. Лики угодниковъ черничка шить будетъ, а остальное—княгининъ трудъ.

Работы и заботы у княгини довольно. И заботы тихія: какъ жемчугъ низать, въ ряску, или въ шахмать; узоръ при вышиваньи гдѣ какой лучше: тутъ въ вязь, тамъ въ круги, а здѣсь не въ мелкіе ли кружки? Опять: навышивается, или напишется, поглядѣть, каково вышло. Хорошо,—сама на свою работу залюбуешься. А дальше работа труднѣе: надо разстараться, еще лучше вышла бы. За этою работой, коли какія мысли неладныя придутъ, княгиня только отъ нихъ, какъ отъ мухи, отмахнется, и опять пошла вышивать.

А что̀ Ивану за это время думалось и дѣлалось? Какъ сказалъ ему Щеголь: „самъ-де себя выдаешь", испугъ ododѣлъ его. Чего жъ онъ боялся? того ли что узнается его тайна, дойдетъ до князя, и тогда быть бѣдѣ великой? Нѣтъ, не вины своей предъ княземъ страшился онъ, а вины предъ самимъ собою. Было ли что̀ для него дороже, для его души святѣе? У всякой живой души есть своя святыня, и бережетъ она ее отъ сторонихъ глазъ. А онъ? не дважды ли чуть того не выдалъ за что̀, думалось ему, умереть былъ радъ? Таково велико его береженіе было! Сперва предъ княземъ свою тоску выдалъ; развѣ князь не могъ надуматься: „поглядимъ-ка, съ чего та тоска." И тогда вышло бы предъ княземъ то что̀ предъ Щегломъ объявилось! Не берегъ съ сперва тоски про себя, и теперь до чего дошло! Хорошо на Щегла понадѣяться можно, никому не скажетъ. Иначе, пусть и до князя не дошло бы, пошли бы про его тайную святыню языкомъ звонить, опоганили бы ее. Нѣтъ, отынѣ онъ ничего не выдастъ; онъ станетъ

бодро и твердо на-сторожѣ души своей. Онъ покажетъ что свята для него любовь къ княгинѣ и сама княгиня. Онъ полонъ трепета; не боязливаго трепета предъ другими, а трепещетъ сознаніемъ что хранитъ и лелѣетъ святая святыхъ души своей. Онъ не замѣчаетъ что теперь рѣже съ княгиней встрѣчаться приходится; она всегда съ нимъ, и что бы она ни думала, что бы ни дѣлала, развѣ не равно люба и мила она ему? Еще онъ ждетъ чего-то. Опять такой же минуты какъ въ которую пожалѣлъ о ней, или иного чего? Онъ этого не знаетъ и не загадываетъ. Что-то, онъ чуетъ, придетъ, и онъ ждетъ. Душевный трепетъ и ожиданіе довлѣютъ самимъ себѣ; онъ ими живетъ, и любо ему съ ними. Покуда ничего больше не желается, ни о чемъ не загадывается.

Такъ всѣ трое жили душевнымъ особнякомъ, сторожили и берегли свои думы.

Музыкантъ-художникъ ведетъ создаваемые имъ голоса, развиваетъ отдѣльно каждый изъ нихъ; онъ предчуствуетъ къ чему идутъ они, каждый изъ нихъ; какъ сольются они въ гармонію, ему только вѣдомую и имъ создаваемую. Встрѣтятся ли они въ диссонансѣ, онъ разрѣшитъ его. Люди что голоса; въ своемъ душевномъ мірѣ, шли и развивались они, не вѣдая что въ-ровень'съ ними, душевнымъ особнякомъ, звучатъ иные голоса; ни того, въ силу неизбѣжныхъ, отъ нихъ независимыхъ законовъ, сольются ли они въ гармонію, или столкнутся въ диссонансѣ, который не ими разрѣшится.

II.

Сидѣлъ какъ-то князь и книгу читалъ. Въ книгу ли сильно князь вчитался, или задумался крѣпко, только не слыхалъ онъ какъ чернявая Дашутка въ комнату заглянула. Она на порогѣ постояла, повертѣлась, платьемъ пошуршала, но видно князя безпокоить не посмѣла, прочь пошла. Немного погодя послышалось, точно кто черезъ силу дверь волоковую отворяетъ, а та не йдетъ, застряла, и наконецъ подалась съ шумомъ.

— Кто тамъ стучитъ? не повернулся, спросилъ князь.

— Дверь, государь, насилу отодвинула, застряла, отвѣтила Дашутка. Она опять на порогѣ стояла.

— Ты это? Чего взыскалась? не строго,скорѣй ласково молвилъ князъ и огляпулся.

— Княгиню ищу, нигдѣ нѣту.

— Какъ нѣту?

— Въ свѣтлицу вѣрно прошла, тороплиро проговорила Дашутка, точно смутилась отъ чего и въ смущеніи не то что хотѣла сказала. Не дождавшись отвѣта, она шмыгнула за-дверь.

Князь нѣкоторое время на то мѣсто поглядѣлъ гдѣ Дашутка стояла; потомъ голову опустилъ и усмѣхнулся, точно что давнее про себя припомнилъ. Еще усмѣшка на лицѣ не прошла, ясно не припомнилось про что князь вспоминалъ, какъ опять зашуршало на порогѣ.

— Не нашла видно? первый князь заговорилъ.

— Безглазая видно, государь, родилась; по дому брожу, никакъ не найду. На свои же слѣды ворочусь.

— Ты поспрошала бы, княгини кто не видалъ ли?

— И то спросить.

Дашутка явно не о княгинѣ думала; сказала „спросить надо", сама не пошла, на порогѣ стояла, съ ноги на ногу переминалась.

Князь поглядѣлъ на нее. Она раскраснѣлась вся, оттого-ли что бѣгала, княгиню искала, или отъ внутренняго жара. Глаза глядѣли тревожно и горѣли. Видно, многое и важное ей сказать было надо, да нелегко говорилось про это. Неувѣренность, недоумѣніе были на ея лицѣ; боязно-ли высказать было, или боялась она того что изъ разговора выйдетъ. И сразу хотѣлось избавиться отъ того что сердце жало, и охотно убѣжала-бы она, ни слова не промолвивъ. У князя, на нее глядючи, показалась на лицѣ усмѣшка; смыслъ ея трудно было-бы растолковать.

— Не княгиню, меня, видно, надо, сказалъ онъ. — Говори ужь, и князь опять усмѣхнулся тою-же неопредѣленною усмѣшкой. Что-жь молчишь? Сказывай, повторилъ онъ, немного помолчавъ.

— Многое сказать надо; съ чего начать не знаю. Не вошелъ-бы кто.

— Аль слово завѣтное?

Князь еще разъ на Дашутку глянулъ. Смыслъ усмѣшки ясенъ сталъ, только, охъ! не хорошая и недобрая была та усмѣшка.

— Такое,—на всю жизнь, строго проговорила Дашутка.

— Теперь скажешь, аль, онъ запнулся, еще на нее глянулъ, и усмѣшка вовсе ужь нехороша стала.—Аль.... вечеркомъ?

Князь опустилъ голову.

— Гдѣ? молвила Дашутка, и слово точно сквозь запекшіеся

уста прошло. Она совсѣмъ зардѣлась, и изъ подлобья, почитай сурово смотрѣла теперь на князя.

— За бесѣдой, въ саду, знаешь, проговорилъ князь такимъ-же, какъ Дашутка, голосомъ, точно сквозь запекшіеся уста, и также сурово, изъ подлобья, на нее глянулъ.

— Ладно, приду, тверже прошептала Дашутка, и скользнула изъ комнаты.

III.

О чемъ загорѣлось Дашуткѣ князю сказать? На нее глядючи отчего нехорошо таково князь усмѣхнулся? Отчего съ ней, не какъ съ другой сѣиной сталъ-бы, разговаривалъ онъ? Отчего слышалось въ самомъ его голосѣ что онъ признаетъ въ ней, Дашуткѣ, душу живу? Съ ней говорилъ, какъ съ живъ-человѣкомъ, не какъ со слугой своею?

Сказано выше: былъ-де съ княземъ до сватьбы прорывъ. Теперь время сказать каковъ онъ былъ. Врагъ, баютъ, силенъ, горами качаетъ. О чемъ рѣчь пойдетъ, на то князь не иначе смотрѣлъ какъ на вражеское навожденіе. Онъ не помнилъ какимъ образомъ случился съ нимъ прорывъ; „наведено было“, лучше онъ не умѣлъ объяснить своего тогдашняго состоянія. Чтобъ разказаннаго не повторять, припомнимъ только: князь находился подъ гнетомъ обуревавшихъ и одурявшихъ его думъ. Успокойся онъ мыслью, мыслью на мысль наступи, онъ помнилъ-бы этотъ переходъ. Тутъ-же не онъ думой владѣлъ, она имъ. То стремительное, роковое начало что̀ онъ на тугихъ вожжахъ держалъ теперь держать было не на чѣмъ. Оно выскользнуло и искало на что̀ бы наброситься.... Подвернулась Дашутка. Подверниись другое,—иной былъ-бы прорывъ, но также увлекъ-бы онъ его до грани, до того страшнаго мѣста гдѣ нельзя не опомниться,—потому: проснется ужасъ и одолѣетъ всѣ другія чувства.

Обхватитъ полымя домъ, бурлитъ, визжитъ и воетъ, крушитъ, палитъ, или далеко заноситъ все что̀ попадетъ въ его вихорь. Глянь, голубь тутъ-же кружится, весь красный отъ огненнаго отблеска,—кувырнулся и пропалъ въ дыму. Вихрьли его занесъ, самъ-ли онъ подвернулся? Въ полымя-же и Дашутка попала; въ расплохъ охватило ее, и прежде чѣмъ

опомниться успѣла, ужъ кружилась она и куда-то неслась въ безпамятствѣ. Казалось, вѣкъ ей не опомниться.

Первымъ очнулся князь. Что при другихъ обстоятельствахъ стало-бы источникомъ радости, залогомъ долгаго счастья, то теперь было тѣмъ страшнымъ мѣстомъ, гранью, докуда донесъ ихъ вихрь страсти и гдѣ нельзя не опомниться.... У Дашутки подъ сердцемъ шевельнулся младенчикъ.

Ужасъ содѣяннаго грѣха напалъ на князя. Слѣдомъ за нимъ приходитъ ужасъ стыда. Совѣсть предъ собой, людьми и Богомъ, стыдъ грызущій, язвящій, торопящій скрыть грѣховное дѣло; какъ и чѣмъ пришлось, только скрыть-бы его, чтобы самому не видѣть и люди не могли подглядѣть. Какими мыслями, какими думами можетъ, въ такомъ разѣ, человѣкъ угомонить, заставить замолчать, заклясть все что бурлитъ у него въ сердцѣ? Онъ можетъ только пасть ницъ, лицомъ во прахъ, плакать и молиться, если живы въ немъ слезы и жажда молитвы. Князь молился и плакалъ.

Такое рѣшеніе принялъ князь. Дашутка, онъ сознавалъ, ни въ чемъ не повинна; *онъ* виноватъ; горько и стыдно было ему предъ нею. Бушевала и не давала опомниться страсть, но не было въ ней умѣряющаго и смягчающаго чувства любви, коренящейся въ сердцѣ, скрѣпляющей двухъ воедино. Для князя эта „притча“ была навожденіемъ, и первымъ дѣломъ, когда оно ослабѣло, было побѣдить его и стряхнуть съ себя. У него на это нашлась и смѣлость и сила.

Князь позвалъ Дашутку.

— Прости меня, сказалъ онъ, — погубилъ я тебя неповинную.—И онъ въ ноги ей поклонился.

— Теперь, продолжалъ онъ, вставая на ноги,—теперь мы какъ чужіе другъ другу стали; забудь меня, и я тебя помнить не стану. Тебѣ на время уѣхать надо; послѣ скажу зачѣмъ; а кончится то дѣло, какъ похочешь: сюда-ли пріѣзжай, или въ другомъ мѣстѣ гдѣ живи. Я не оставлю.

— Не здѣсь, гдѣ жить стану? Я ничего-то не знаю. Нѣтъ, я сюда вернусь.

— Ладно. Только помни: я при встрѣчѣ тебя не признаю, и тебѣ меня не признавать-же.

— Таково жить стану,—не увидишь, не услышишь про меня. Не только ты, никто не домекнется, твердо сказала Дашутка.

Князь глянулъ на нее, и ея слову повѣровалъ.

— Будетъ нужда тебѣ, скажешь мнѣ. Въ чемъ-бы ни была,

все исполню; о чемъ ни попросишь, отказу мнѣ не знать. И въ томъ свидѣтельствуюсь Богомъ и крестъ его животворящій цѣлую.

Князь набожно перекрестился и поцѣловалъ свой натѣльный крестъ.

— Прости теперь. Когда и съ кѣмъ ѣхать, будетъ тебѣ сказано. А поѣдешь ты, князь остановился.—Незачѣмъ про грѣхъ вспоминать.... зачѣмъ ѣхать надо, сама вѣдаешь. Прощай.

Онъ въ поясъ ей поклонился, и пошла себѣ бѣдная дѣвушка.

Князь нашелъ вѣрнаго человѣка, съ кѣмъ Дашутку отправить. Тотъ князю крестъ цѣловалъ: будетъ въ его душѣ этому дѣлу погрѣбъ, погребется оно въ ней на вѣкъ. Наказано: везти дѣвку съ бережью великою, никого до нея сторонняго не допускать, никого въ попутчики не брать; по дорогѣ, на заѣзжихъ дворахъ языкъ держать за зубами; спросятъ куда и откуда, зачѣмъ: „съ Москвы-молъ, за своимъ дѣломъ“, и молчокъ. А съ кѣмъ ѣдешь?—съ женой де. Буде онъ вѣрно все исправитъ, какъ слѣдъ сдѣлаетъ,—весьма его князь пожалуетъ и на волю отпуститъ; только вольному ему ѣхать куда дальше, тамъ и основаться; вблизи-же о немъ слуху чтобы не было; какъ въ воду канулъ человѣкъ.

Стояла мокрая, непогодная осень съ заморозками по ночамъ, съ дождями и леденцами. Бездорожьице было великое. Князь думалъ: угодно Богу, живъ будетъ младенецъ, отдастъ онъ его въ монастырь на воспитаніе, и дачу великую дастъ; проживетъ онъ вѣкъ въ постѣ и молитвѣ, не зная ни отца, ни матери. Ни отецъ съ матерью про него знать не будутъ. Вышло иное: Дашутка не вынесла тяжелаго пути. Родительница не видала своего мертваго младенчика; лежала безъ памяти огнёвой.

Къ лѣту вернулась Дашутка, на свое мѣсто въ свѣтлицѣ. Иванъ-ключникъ вздумалъ-было про то князю доложить.

— Вернулась, только одно это слово и успѣлъ проговорить.

У князя лицо перекосилось.

— Не замай, вернулась, съ судорогой въ лицѣ отвѣчалъ онъ.— Скоро о всякой бездѣльной дѣвкѣ мнѣ докладывать станешь!

Иванъ о другомъ заговорилъ.

Въ домѣ готовились къ свадьбѣ, шили безродной невѣстѣ приданое. Дашутка сидѣла особнякомъ, что дадутъ, дѣлала; ни съ кѣмъ не дружила, ни свары не затѣвала. Съ ней никто, развѣ о дѣлѣ, не заговаривалъ; никто не спросилъ гдѣ побывала, откуда вернулась. Вымещать на ней прошлое некому и не за

что было. О ней даже шепоткомъ не судачили. Случилась бѣда быстро, бурно, неоламятно, и только ужасъ и страхъ оставила послѣ себя. Она была заклятымъ мѣстомъ, куда смѣльчаки ходить не рѣшаются. И прежде Дашутка казалась другимъ „дикою“, „Богъ-знаетъ какою“. Теперь-же она сама ото всѣхъ сторонилась, а всѣ отъ нея и подавно.

Дашутка равнодушно слушала толки сѣнныхъ о свадьбѣ, о томъ какова невѣста. Что ей до этого? не все ли равно? Какъ знаетъ, какъ хочетъ. Молодая княгиня, какъ для другихъ, просто господарыней для нея была; будетъ добра, слава Богу! зла будетъ, и злой покоряться одинаково придется же. Считать ее разлучницей, она не считала; да и какая княгиня разлучница, съ кѣмъ разлучала ее? До него теперь есть ли ей какое дѣло? Онъ чужой. Минувшее кажется сномъ тяжелымъ. Отъ него пустота въ мысляхъ, въ головѣ тяжесть, и на сердцѣ тупая боль. О немъ лучше не вспоминать. „Если живется еще“, думалось ей, „такъ бы жилось, какъ будто въ озеро попала, и травой тебя, ряской, сверху затянуло.“ Слава Богу, никто съ ней не заговариваетъ, ни взглядомъ не жалѣетъ. Самой бы только ничѣмъ на жалость не напрашиваться.

Она любила забиваться въ темные, укромные уголки, куда рѣдко кто захаживалъ. Тамъ она совсѣмъ притаивалась. Кто мимо шелъ, тотъ не замѣчалъ ее. Разъ какъ-то запримѣтилъ ее ключникъ Иванъ. Приломилъ ли онъ всю ея трудную повѣсть, или что князь отвѣтилъ, какъ онъ вздумалъ было доложить о ней, или жалко было смотрѣть на нее, какъ она прикурнувши сидѣла, только остановился онъ и сказалъ ей слово.

— Не горюй, молвилъ онъ.—Не твой грѣхъ. Сама, чай, не знала какъ въ лолыня попала. Еще, Богъ милостивъ, можетъ выищется добръ человѣкъ: не посмотритъ, за себя возьметъ.

Душевно, прямо и твердо сказалось это слово. Онъ не вздыхалъ, не плакалъ надъ нею. Точно подъ руки подхватилъ ее, когда почитай совсѣмъ она на землѣ лежала. Въ ней затеплилась неугасаемая лампада благодарности къ Ивану. За такого человѣка, кто эти слова могъ сказать, вѣкъ Богу надо молиться. Они стали для нея маякомъ, якоремъ спасенія. Той соломиной за которую хватается утопающій, и эта соломина не сломилась; съ вѣрой взялась она за нее, и вѣра спасла. Послѣ нихъ она рѣже и рѣже думала о князѣ, о перерывѣ въ своей жизни. Она пробѣгала въ мысляхъ это глухое мѣсто быстро,

закрывъ глаза, какъ наяву пробѣжала бы ночною порой мимо кладбища. Чаще ей вспоминались далекіе дѣтскіе годы, и за ними утѣшающія и ободряющія слова: „Не горюй. Еще, Богъ милостивъ, выищется человѣкъ: не посмотритъ, за себя возьметъ."

Иванъ и послѣ былъ съ ней ласковъ; заговаривалъ съ ней, перебрасывался словами и притомъ никогда не намекалъ о прошломъ. Она сроднилась съ мыслью объ Иванѣ. Она жила мыслью что есть человѣкъ кто тебя правильно понимаетъ, каковъ ты есть, и сердце у него золотое: онъ не клянетъ за что всѣ клясть стали бы, выищись только случай удобный, будь это въ ихъ власти. Ей казалось, услышитъ она: „Иванъ де жениться задумалъ", станетъ любить его невѣсту, молиться за нее. А дѣтей его няньчить—выше этого ничего она не желала. Никому она про это не сказывала, ниже самому ключнику. Скромны и безкорыстны были ея желанія, мало она о себѣ притомъ думала, но ключникъ становился для нея единственнымъ человѣкомъ кого она могла назвать своимъ. Онъ дѣлался для нея дорогимъ; чтобы спасти его отъ бѣды, она съ радостью бы собою ложертвовала.

И вдругъ замѣчаетъ она: этотъ дорогой, *ея* человѣкъ, хоть къ ней и попрежнему добръ и ласковъ, къ другой становится ближе. Она видитъ это своими глазами, чуетъ своимъ необманнымъ сердцемъ. И кому же близокъ становится? *Ей* развѣ можно стать ему не женой хоть, а.... Не отъ стыда, не отъ ревности, не изъ скромности не договорила она. Не ей другихъ судить, да и Богъ съ ней, съ этой чужой для нея женщиной! Не договорила оттого что сразу поняла какая бѣда грозитъ Ивану. Какъ его-то спасти? отворотить, отворожить? Какъ сдѣлать чтобы не думалось ему о ней? Но смотритъ она дальше, полно не попритчилось ли ей? Гдѣ же та близость, ея же она испугалась? И онъ и она за своимъ дѣломъ. Ей самой не приходится тосковать и бояться за него. А съ нею онъ ласковъ. Недавно еще какъ-то, таково привѣтливо говорилъ съ нею.

— А ты, Дашутка, сказалъ онъ,—точно здоровѣе стала, моложе глядишь. Говорилъ: не горюй, Богъ милостивъ.

Онъ больше ничего не сказалъ, но ей вспомнились прежнія его слова; не только: „Богъ милостивъ", но и въ чемъ Его милость проявится. Она столько разъ тѣ слова про себя твердила, таково ясно они ей вспомнились что и теперь, казалось,

точно онъ все до конца выговорилъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла въ ней увѣренность что точно такъ оно и было; онъ и теперь примолвилъ: „вышется де человѣкъ, не посмотритъ, за себя возьметъ.“ Не даромъ же человѣкъ такія слова говоритъ? Живутъ же они у него на сердцѣ. Если ему ихъ подсказать; сдѣлать чтобъ онъ ихъ выразумѣлъ.... Но кто скажетъ, кто вызнаетъ отъ сердца ли онъ говорилъ? Она права и чиста предъ нимъ, никогда на него не замышляла, но самой ей спросить и стыдно и страшно. А нельзя не довѣдаться; довѣдается что правда, конца счастью нѣтъ.

Дашуткѣ вспомнилось: князь ей крестъ цѣловалъ: ни въ чемъ не отказывать. Она ни о чемъ доселѣ не просила; теперь пусть онъ сослужитъ ей службу великую.

Вотъ что̀ загорѣлось сказать князю; вотъ что̀ жало ей сердце и трудно высказать было.

IV.

Вечерѣло. Заря на закатѣ догорала; другой край неба темнѣть начиналъ. Въ домѣ собирали ужинать. Князь сказалъ: ужинать де не буду, и въ свой чуланъ-спальню ушелъ. Въ домѣ затихать стало.

Видно князю не поспалось; полчаса спустя, вышелъ онъ въ садъ прогуляться. Видѣлъ его кто, нѣтъ ли, онъ не думалъ. И что̀ въ томъ? Кто увидитъ, другихъ остановитъ: „князь де въ садъ вышелъ, не ходи туда.“ На встрѣчу кто попадется, ему окликнуть стоитъ: всякій, только голосъ его услышитъ, поскорѣй подальше схоронится.

Смутно у князя на душѣ и на сердцѣ было; ни о чемъ онъ не думалъ. Случись ему, долго спустя, раздуматься: что̀ съ нимъ въ эту вечерѣющую пору было, онъ это время приравнялъ бы къ навожденію до свадьбы. Можетъ, теперь, кромѣ всего, еще темное воспоминаніе о комъ-то сдавливало ему сердце. Вспоминалось:—нѣтъ ли кого кто, узнавъ куда князь пошелъ, загруститъ? Но вспоминаніе это было тускло, нелепо; онъ о немъ не раздумывалъ, не хотѣлъ уяснить себѣ. Не думалъ онъ также куда именно и зачѣмъ идетъ онъ. Будь онъ въ силахъ остановиться, свободно духъ перевести, спросить самого себя что̀ онъ дѣлаетъ,—онъ не дошелъ бы.

Вѣтеръ не обвѣялъ князя, въ воздухѣ стояла трескотня,

жужжанье, щелкотня,—такая же сумятица неразборная, какъ у него въ головѣ.

Дашутка ждала его пониже бесѣдки, въ томъ мѣстѣ которое, по князевымъ словамъ, „знала“. Она знала не только мѣсто, знала зачѣмъ пришла. Она думала и передумывала не что князю скажетъ, а какъ бы ладнѣе высказать. „Съ того начну, или съ этого“, поочередно приходило ей въ голову, и она горячо говорила про себя ту, или другую рѣчь. На сердцѣ таково много было что она все боялась не пропустить бы чего; все ли какъ слѣдъ князь выразумѣетъ.

— Пришла? послышался князевъ голосъ.

— Здѣсь.

Онъ подошелъ къ ней, взялъ за руку, заговорилъ что-то. Она не понимала его рѣчей, но чувствовала: онѣ разбиваютъ ея мысли, и она старалась припомнить что хотѣла сказать и что таково ладно въ умѣ выходило. Но вотъ чья-то рука обнимаетъ ее, чье-то дыханье тепломъ пашетъ на ея щеки, кто-то все ближе и ближе становится къ ней. Она съ испугомъ шарахнулась отъ него, и вдругъ вспомнила гдѣ она и съ кѣмъ.

— Что ты? что ты? заговорила она.—Нешто я за этимъ звала тебя?

— За чѣмъ же? злобно прошепталъ князь: не на нее злобился, на себя.

— Ты же уговоръ держалъ: быть намъ какъ чужимъ; встрѣтимся, другъ дружку не признавать. Я развѣ слово какое молвила, или видъ какой подала? Господи! Ты то бы помнилъ: жена у тебя есть. Аль ты на пагубу ее взялъ? какъ меня же губилъ, ее погубить хочешь? Такъ я что! За меня отвѣтъ не великъ. А жена—Божій судъ, Богомъ тебѣ дана.

Она говорила смѣло, какъ равная съ равнымъ; ни разу его государемъ не назвала. Князь молча вслушивался въ ея рѣчи, потомъ подносъ руку къ горячему лбу и отеръ ею лицо, словно смывалъ съ него нечисть какую. Ему вспомнились разказы, какъ бываетъ, идетъ человѣкъ, куда самъ не знаетъ, а идетъ на гибель,—и вдругъ, Господь пошлетъ, на самомъ краю гибели опомнится, перекрестится. Князь перекрестился. Дашутка многое еще такое говорила, и князь слушалъ ее, не перебивалъ. Наконецъ сердце у нея утишало, и она замолчала. И князь перевелъ духъ.

— Зачѣмъ же вызвала меня? проговорилъ онъ, оправляясь.

Дашутка отвѣчала уже безъ раздраженія; теперь она не съ ровней говорила, съ княземъ.

— Крестъ ты цѣловалъ ко мнѣ, государь, и Богомъ свидѣтельствовался: будетъ мнѣ нужда какая, и приду я просить тебя—нѣтъ мнѣ отказа. Пришла мнѣ, государь, нужда немалая, не откажи.

— Помню. Говори: отказу не будетъ, твердо промолвилъ онъ.

— Видишь, робко и стыдливо начала Дашутка,—живу я три года честно и исправно; худаго слова про меня не промолвлено. Можетъ, выискался добръ-человѣкъ: „за что ее казнить?“ подумалъ. „Старое Богъ проститъ, я не ломяну, возьму дѣвку за себя.“

— Съ кѣмъ же смолвленось?

— Ни съ кѣмъ смолвленось не было; не скажу того, на душу грѣха не возьму. Только думно, государь, есть такой человѣкъ, у кого мысль такая въ умѣ. И боюсь я: правда ль то, аль дѣвкѣ съ дуру погрезилось? Вѣдь тутъ-то мнѣ не совладать одной. Помоги, государь.

— Въ сваты меня просишь, такъ ли?

— Боже тебя сохрани, сватомъ стать! горячо заговорила она, и чѣмъ дальше, больше разгоралась; хотѣлось ей: точно бы князь выразумѣлъ что у нея на мысли. — Не сватомъ, нѣтъ. Твое сватанье, твой приказъ. Тебя ослушать кто посмѣетъ ли? Ты не сватай, а поразспроси его хорошенько, вывѣдай отъ него: какова ему Дашутка кажется? каково онъ ее понимаетъ? Да лаской вывѣдывай, чтобы страха и малости не было. А тамъ ужъ поглядя, увидишь что дѣлать. Ты, государь, не гнѣвайся, прибавила она,—что смѣло таково съ тобой говорила. Дѣло-то великое и крестъ цѣлованъ. Опять: правильна моя мысль, жалѣетъ онъ меня,—на вѣкъ своей помочью меня осчастливишь и его не безъ счастья же поставишь..

Князь подумалъ.

— Ладно, отвѣтилъ онъ,—отъ креста не отрекаюсь. На кого жъ тебѣ думно?

— На Ивана, на ключника, чуть слышно промолвила Дашутка, и снова оробѣла и застыдилась.

— Высоко метишь, сказалъ князь.—Я отъ слова все же не прочь, поторопился онъ прибавить, — поговорю. Все, какъ просила, исполню.

— Только помни: не вышло бы словно насильно. Человѣкъ-

отъ мнѣ дорогъ, за доброту не обидѣть бы. Ты, государь, не забудь же.

— Мое слово твердо.

— И на томъ тебѣ, государь, спасибо великое.

Она хотѣла ему земно поклониться, но онъ не допустилъ.

— И тебѣ спасибо, въ смущеніи проговорилъ онъ, и пошелъ къ дому.

„Славная дѣвка!“ думалось ему,—„помочь ей и Богъ велитъ. Спасти ее надо.“

Дашутка была счастлива; свѣтло у нея на душѣ было. Что было великаго и завѣтнаго, она высказала. Дѣло зачалось, чѣмъ кончится? „А коль не меня, ее?“ вдругъ молніей у нея въ головѣ мелькнуло. Тогда.... тогда.... Не заставитъ ли хоть это его опомниться, грозящую бѣду увидѣть? Горько ей будетъ, да и то ужь счастье коль его отъ гибели избавитъ.

ДМ. АВЕРКІЕВЪ.

(*Оконч. въ слѣд. №.*)

НИЧТОЖЕСТВО

(ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.) *

Свѣтило мудрости святой
Своимъ лучомъ не проникаетъ
Во мглу души лукавой, злой,
Гдѣ духъ нечестья обитаетъ.
Но намъ иное говорятъ
Грѣховной мудрости витіи—
Они страстямъ коварно льстятъ,
Чтобъ уловить сердца людскія.
Для ихъ лукаваго ума
Противно истины сіянье;
Любезна имъ лъправды тьма:
Она скрываетъ злодѣянья.
Завѣтамъ мудрости святой

* „*Ничто же ново подъ солнцемъ.* Иже возглаголетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ." Такъ говоритъ царь Соломонъ въ своемъ *Екклсіастѣ*. Подтвержденіе его словамъ мы находимъ въ его же *Книгѣ Премудрости*, нѣкоторыя мѣста коей послужили основаніемъ для предлагаемаго стихотворенія и приведены въ немъ. Царь Израильскій, представитель ветхозавѣтной мудрости, обличая лжемудрецовъ своего времени, излагаетъ ихъ ученіе, почти тождественное съ ученіемъ нашихъ нигилистовъ и позитивистовъ. Итакъ, почти три тысячи лѣтъ тому назадъ водились ловкіе люди, которые проводили подобныя ученія, для собственной выгоды, въ практическую жизнь

Они со злобой посмѣялись,
Съ неправдой сердцемъ сочетались
И съ нею путь свершаютъ свой.
„Нашъ кратокъ вѣкъ“, они сказали,
„Земная жизнь полна печали,
А жизнь другая не придетъ:
За наши скорби и лишенья
Намъ не пошлется утѣшенья,
И съ нашей плотью все умретъ.
Мы по землѣ пройдемъ какъ тѣни:
Въ насъ будетъ все добычей тлѣнья—
Мы родились случайно въ свѣтъ.
Въ насъ вѣчной силы искры нѣтъ,
Въ насъ все мертво, все насъ покинетъ,
Дыханье наше—дымъ иль паръ;
Даръ слова, крови нашей жаръ:
Дымъ разнесется, кровь остынетъ!
Когда придетъ нашъ смертный часъ
И тѣло прахомъ распадется,—
Какъ воздухъ съ воздухомъ сольется
Душа, трепещущая въ насъ.
И будемъ мы, чѣмъ прежде были:
Ничтожъ, и изъ могильной тьмы,
Изъ пепла хладнаго и пыли
Не возродимся къ жизни мы.

„Итакъ, пока мы жаръ сердечный
И пылъ страстей въ себѣ хранимъ,
Упьемся жизнью скоротечной,
Желанья сердца утолимъ!
Низвергнемъ смѣло всѣ препоны,
Путь заграждающія намъ,
Оставимъ праотцевъ законы,
Дадимъ просторъ своимъ страстямъ;
Оставимъ постъ и трудъ суровый,
Въ веселье душу погрузимъ,
И долга строгаго оковы
Разгуломъ мысли сокрушимъ!
И сбросимъ мы яремъ тяжелый
Семейныхъ узъ и гнетъ заботъ:
Пускай вся жизнь, какъ пиръ веселый,
Какъ сладкій сонъ для насъ мелькнетъ!

„Но на пути своемъ и терни
Увидимъ мы среди цвѣтовъ:
Смотрите—вотъ толпа глупцовъ,
Вожди тупые темной черни:
Они на распрю насъ зовутъ—
На бой безкровный и свободный,
Да грознымъ словомъ всенародно
Надъ нами судъ свой изрекутъ.
Они завѣтъ Творца вселенной
Въ душѣ своей, какъ нѣкій кладъ,
Съ любовью дѣтскою хранятъ
И вѣрятъ въ жизнь души нетлѣнной,
Они союзъ семьи священный,
Они законъ народный чтутъ
И вѣчной правдѣ вѣрятъ свято,—
И бездной мрака и разврата
Ученье наше назовутъ;
Всѣ наши скрытыя стремленья
Съ улыбкой хладнаго презрѣнья,
Они предъ свѣтомъ обнажатъ
И ѣдкимъ словомъ обличенья
Насъ предъ народомъ посрамятъ.
Но не смиримся мы сердцами
Передъ суровымъ ихъ судомъ:
Не будетъ мира между нами,
Пока мы дышемъ и живемъ!
Мы имъ безъ бою не уступимъ
Желанной власти надъ толпой:
Мы лестью хитрою подкупимъ
Кичливой черни судъ слѣпой,
А ихъ—сихъ судей неподкупныхъ,
Для силы лести неприступныхъ
И гордыхъ жизни чистотой—
Мы развѣнчаемъ ихъ предъ свѣтомъ
Нежданно-дерзостнымъ извѣтомъ
И запятнаемъ клеветой.
Когда жъ ни громкой клеветою,
Ни козней тайною враждою
Мы ихъ съ толпой не разлучимъ,—
Тогда мы силою иною
Ихъ власть и силу сокрушимъ:

Не даръ могучаго витійства—
Не мощь духовная ума,
Но ядъ, насилье и убійство
Избавятъ міръ отъ ихъ ярма.
И смѣло мы волной кровавой
Весь міръ омоемъ, обновимъ,
И людямъ новые уставы
Рукой свободной начертимъ!"
Такъ въ совѣтѣ грознаго совѣта
Нечестья гордаго сыны,
Враждой и злобою полны
Къ сынамъ свободы, правды, свѣта,
Въ высокомѣрныхъ словесахъ
Грозятъ имъ гибелью конечной,
Но живъ Господь на небесахъ,
И живъ законъ Его предвѣчный:
Онъ козни ихъ разрушитъ въ прахъ.
Смотрите! въ явѣ передъ нами
Свершаетъ казнь надъ ихъ главами
Для нихъ незримо вышній судъ:—
Они съ веселіемъ въ сердцѣ сами
На гибель смѣлыми стопами
Въ слѣпомъ невѣдѣньи идутъ
И зло себѣ на гибель сѣютъ
И сами въ сердцѣ издавна
Рукой заботливой лелѣютъ
Духовной смерти сѣмена;
Ихъ нечестивое ученье
Вливаетъ всюду ядъ растлѣнья
И все мертвитъ,—и часъ придетъ—
Когда огнемъ святаго мщенья
На ихъ главу оно падетъ.
Тогда плоды ихъ гордой власти
Надъ обольщенною толпой—
Всѣ ими подлятыя страсти
На нихъ подвигнутся враждой,—
И духъ насилія, безвѣрья,
Измѣны, лжи, высокомѣрья
Въ стихійной ярости своей
Вкругъ нихъ проснется и воспрянетъ,—
И въ оный день у нихъ не станетъ

Ни женъ, ни братьевъ, ни друзей:—
Друзья обманутъ ихъ; ихъ жены,
Нося въ душѣ ихъ мыслей ядъ,
Презрѣвъ семейныхъ узъ законы,
Грѣхомъ ихъ ложе осквернятъ;
Со дней младенчества ихъ чада
Средь заражающаго смрада
Разврата, лжи, семейныхъ смутъ,
Подъ шумъ рѣчей безстыдно вольныхъ
И шепотъ замысловъ крамольныхъ,
Въ чаду нечестья возрастутъ:
Томимы духомъ отрицанья,
Какъ ихъ отцы, отцовъ преданья
Они съ презрѣньемъ осмѣютъ
И ихъ объятья и лобзанья
Со злобнымъ смѣхомъ оттолкнутъ....
А чернь, игралище крамолы
Въ рукахъ непризванныхъ вождей?!..
Ее пробудитъ гнетъ тяжелый
Ее опутавшихъ цѣпей!
И въ часъ великій пробужденья
Вокругъ нея исчезнетъ мгла
Обмана, лжи и заблужденья:
Она лойметъ чьи обольщенья
И чья рука ее влекла
Въ пучину бѣдствій и пороковъ,—
И свергнувъ мрачныхъ козней гнетъ,
Своихъ вождей и лжепророковъ
На казнь съ проклятьемъ повлечетъ.
И то проклятье гласомъ мщенья
Изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ,
Чрезъ всѣ вѣка и поколѣнья,
Чрезъ всю вселенную пройдетъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

7го октября
1871 года.

БѢСЫ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нашихъ.

I.

Виргинскій жилъ въ собственномъ домѣ, то-есть въ домѣ своей жены, въ Муравьиной улицѣ. Домъ былъ деревянный, одноэтажный и посторонихъ жильцовъ въ немъ не было. Подъ видомъ дня рожденія хозяина, собралось гостей человѣкъ до пятнадцати; но вечеринка совсѣмъ не походила на обыкновенную провинціальную именинную вечеринку. Еще съ самаго начала своего сожитія, супруги Виргинскіе положили взаимно, разъ навсегда, что собирать гостей въ именины совершенно глупо, да и „нечему вовсе радоваться“. Въ нѣсколько лѣтъ они какъ-то успѣли совсѣмъ отдалить себя отъ общества. Онъ, хотя и человѣкъ со способностями и вовсе не „какой-нибудь бѣдный“, казался всѣмъ почему-то чудакомъ полюбившимъ уединеніе, и сверхъ того говорившимъ „надменно“. Сама же Mme Виргинская, занимавшаяся повивальною профессіей, уже тѣмъ однимъ стояла ниже всѣхъ на общественной лѣстницѣ; даже ниже попадьи, несмотря на офицерскій чинъ мужа.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1й, 2й, 4й, 7й, 9й и 10й.

Соотвѣтственнаго же ея званію смиренія не примѣчалось въ ней вовсе. А послѣ глупѣйшей и непростительно откровенной связи ея, изъ принципа, съ какимъ-то мошенникомъ, капитаномъ Лебядкинымъ, даже самыя снисходительныя изъ нашихъ дамъ отвернулись отъ нея съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ. Но Mme Виргинская приняла все такъ какъ будто ей того и надо было. Замѣчательно что тѣ же самыя строгія дамы, въ случаяхъ интереснаго своего положенія, обращались по возможности къ Аринѣ Прохоровнѣ (то-есть къ Виргинской), минуя остальныхъ трехъ акушерокъ нашего города. Присылали за нею даже изъ уѣзда къ ломѣщицамъ—до того всѣ вѣровали въ ея знаніе, счастье и ловкость въ рѣшительныхъ случаяхъ. Кончилось тѣмъ что она стала практиковать единственно только въ самыхъ богатыхъ домахъ; деньги же любила до жадности. Ощутивъ вполнѣ свою силу, она подконецъ уже нисколько не стѣсняла себя въ характерѣ. Можетъ-быть даже нарочно, на практикѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, пугала слабонервныхъ родильницъ какимъ-нибудь неслыханнымъ нигилистическимъ забвеніемъ приличій или наконецъ насмѣшками надъ „всѣмъ священнымъ“ и именно въ тѣ минуты когда „священное“ наиболѣе могло бы пригодиться. Нашъ штабъ-лѣкарь Розановъ, онъ же и акушеръ, положительно засвидѣтельствовалъ что однажды, когда родильница въ мукахъ вопила и призывала всемогущее имя Божіе, именно одно изъ такихъ вольнодумствъ Арины Прохоровны, внезапныхъ „въ родѣ выстрѣла изъ ружья“, подѣйствовавъ на больную испугомъ, способствовало быстрѣйшему ея разрѣшенію отъ бремени. Но хоть и нигилистка, а въ нужныхъ случаяхъ Арина Прохоровна вовсе не брезгала не только свѣтскими, но и стародавними, самыми предразсудочными обычаями, если таковые могли принести ей пользу. Ни за что не пропустила бы она, напримѣръ, крестинъ ловитаго ею младенца, причемъ являлась въ зеленомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, а шиньонъ расчесывала въ локоны и въ букли, тогда какъ во всякое другое время доходила до самоуслажденія въ своемъ неряшествѣ. И хотя во время совершенія таинства сохраняла всегда „самый наглый видъ“, такъ что конфузила причетъ, но по совершеніи обряда шампанское непремѣнно выносила сама (для того и являлась, и рядилась) и попробовали бы вы, взявъ бокалъ, не положить ей „на кашу“.

Собравшіеся на этотъ разъ къ Виргинскому гости (почти

все мущины) имѣли какой-то случайный и экстренный видъ. Не было ни закуски, ни картъ. Посреди большой гостиной комнаты, оклеенной отмѣнно старыми голубыми обоями, сдвинуты были два стола и покрыты большою скатертью, не совсѣмъ впрочемъ чистою, а на нихъ кипѣли два самовара. Огромный подносъ съ двадцатью пятью стаканами и корзина съ обыкновеннымъ французскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, изрѣзаннымъ на множество ломтей, въ родѣ какъ въ благородныхъ мужскихъ и женскихъ пансіонахъ для воспитанниковъ, занимали конецъ стола. Чай разливала тридцатилѣтняя дѣва, сестра хозяйки, безбровая и бѣлобрысая, существо молчаливое и ядовитое, но раздѣлявшее новые взгляды и которой ужасно боялся самъ Виргинскій въ домашнемъ быту. Всѣхъ дамъ въ комнатѣ было три: сама хозяйка, безбровая ея сестрица и родная сестра Виргинскаго, дѣвица Виргинская, какъ разъ только-что прикатившая изъ Петербурга. Арина Прохоровна, видная дама лѣтъ двадцати семи, собою недурная, нѣсколько растрепанная, въ шерстяномъ непраздничномъ платьѣ зеленоватаго оттѣнка, сидѣла обводя смѣлыми очами гостей и какъ бы спѣша проговорить своимъ взглядомъ: „видите какъ я совсѣмъ ничего не боюсь“. Прибывшая дѣвица Виргинская, тоже недурная собой, студентка и нигилистка, сытенькая и плотненькая какъ шарикъ, съ очень красными щеками и низенькаго роста, помѣстилась подлѣ Арины Прохоровны, еще почти въ дорожномъ своемъ костюмѣ, съ какимъ-то сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и разглядывала гостей нетерпѣливыми прыгающими глазами. Самъ Виргинскій въ этотъ вечеръ былъ нѣсколько нездоровъ, однакоже вышелъ посидѣть въ креслахъ за чайнымъ столомъ. Всѣ гости тоже сидѣли, и въ этомъ чинномъ размѣщеніи на стульяхъ вокругъ стола, предчувствовалось засѣданіе. Видимо всѣ чего-то ждали, а въ ожиданіи вели хотя и громкія, но какъ бы посторонніе рѣчи. Когда появились Ставрогинъ и Верховенскій все вдругъ затихло.

Но позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое поясненіе для опредѣленности.

Я думаю что всѣ эти господа дѣйствительно собрались тогда въ пріятной надеждѣ услышать что-нибудь особенно любопытное и собрались предувѣдомленные. Они представляли собою цвѣтъ самаго ярко-краснаго либерализма въ нашемъ древнемъ городѣ и были весьма тщательно подобраны Виргинскимъ для этого „засѣданія“. Замѣчу еще что нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ

очень немногіе) прежде совсѣмъ не посѣщали его. Конечно большинство гостей не имѣло яснаго понятія для чего ихъ предувѣдомляли. Правда, всѣ они принимали тогда Петра Степановича за пріѣхавшаго заграничнаго эмиссара, имѣющаго полномочія; эта идея какъ-то сразу укоренилась и натурально льстила. А между тѣмъ въ этой собравшейся кучкѣ гражданъ, подъ видомъ празднованія именинъ, уже находились нѣкоторые которымъ были сдѣланы и опредѣленныя предложенія. Петръ Верховенскій успѣлъ слѣпить у насъ „пятерку“, на подобіе той которая уже была у него заведена въ Москвѣ и еще, какъ оказалось теперь, въ нашемъ уѣздѣ между офицерами. Говорятъ тоже была одна у него и въ Х—ской губерніи. Эти пятеро избранныхъ сидѣли теперь за общимъ столомъ и весьма искусно умѣли придать себѣ видъ самыхъ обыкновенныхъ людей, такъ что никто ихъ не могъ узнать. То были,—такъ какъ теперь это не тайна,—вопервыхъ Липутинъ, затѣмъ самъ Виргинскій, длинноухій Шигалевъ, братъ г-жи Виргинской, Лямшинъ и наконецъ нѣкто Толкаченко,—странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ (впрочемъ не для одного изученія народнаго) и щеголявшій между нами дурнымъ платьемъ, смазными сапогами, прищурено-хитрымъ видомъ и народными фразами съ завитkомъ. Разъ или два еще прежде Лямшинъ приводилъ его къ Степану Трофимовичу на вечера, гдѣ впрочемъ онъ особеннаго эффекта не произвелъ. Въ городѣ появлялся онъ временами, преимущественно когда бывалъ безъ мѣста, а служилъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ эти пятеро дѣятелей составили свою первую kучку съ теплою вѣрой что она лишь единица между сотнями и тысячами такихъ же пятерокъ, какъ и ихняя, разбросанныхъ по Россіи, и что всѣ зависятъ отъ kакого-то центральнаго, огромнаго, но тайнаго мѣста, которое въ свою очередь связано органически съ европейскою всемірною революціей. Но къ сожалѣнію я долженъ признаться что между ними даже и въ то уже время началъ обнаруживаться разладъ. Дѣло въ томъ что они хоть и ждали еще съ весны Петра Верховенскаго, возвѣщеннаго имъ сперва Толкаченкой, а потомъ пріѣхавшимъ Шигалевымъ; хоть и ждали отъ него чрезвычайныхъ чудесъ, и хоть и пошли тотчасъ же всѣ, безъ малѣйшей kритики и по первому его зову, въ kружокъ, но только-что составили пятерку, всѣ какъ бы тотчасъ

же и обидѣлись, и именно я полагаю за быстроту своего согласія. Пошли они разумѣется изъ великодушнаго стыда чтобы не сказали потомъ что они не посмѣли пойти; но все-таки Петръ Верховенскій долженъ бы былъ оцѣнить ихъ благородный подвигъ и по крайней мѣрѣ разказать имъ въ награжденіе какой-нибудь самый главный анекдотъ. Но Верховенскій вовсе не хотѣлъ удовлетворить ихъ законнаго любопытства и лишняго ничего не разказывалъ; вообще третировалъ ихъ съ замѣчательною строгостью и даже небрежностью. Это рѣшительно раздражило, и членъ Шигалевъ уже подбивалъ остальныхъ „потребовать отчета“, но разумѣется не теперь у Виргинскаго, гдѣ собралось столько посторонняхъ.

По поводу посторонняхъ у меня тоже есть одна мысль, что вышеозначенные члены первой пятерки наклонны были подозрѣвать въ этотъ вечеръ въ числѣ гостей Виргинскаго еще членовъ какихъ-нибудь имъ неизвѣстныхъ группъ, тоже заведенныхъ въ городѣ, по той же тайной организаціи и тѣмъ же самымъ Верховенскимъ, такъ что въ концѣ-концовъ всѣ собравшіеся подозрѣвали другъ друга и одинъ предъ другимъ принимали разныя осанки, что̀ и придавало всему собранію весьма сбивчивый и даже отчасти романическій видъ. Впрочемъ тутъ были люди и внѣ всякаго подозрѣнія. Такъ, напримѣръ, одинъ служащій майоръ, близкій родственникъ Виргинскаго, совершенно невинный человѣкъ, котораго и не приглашали, но который самъ пришелъ къ именинику, такъ что никакъ нельзя было его не принять. Но именинникъ все-таки былъ спокоенъ, потому что майоръ „никакъ не могъ донести“; ибо несмотря на всю свою глупость, всю жизнь любилъ сновать по всѣмъ мѣстамъ гдѣ водятся крайніе либералы; самъ не сочувствовалъ, но послушать очень любилъ. Мало того, былъ даже компрометтированъ: случилось такъ что чрезъ его руки, въ молодости, прошли цѣлые склады *Колокола* и прокламацій, и хоть онъ ихъ даже развернуть боялся, но отказаться распространять ихъ почелъ бы за совершенную подлость—и таковы иные русскіе люди даже и до сего дня. Остальные гости или представляли собою типъ придавленнаго до желчи благороднаго самолюбія, или типъ перваго благороднѣйшаго порыва пылкой молодости. То были два или три учителя, изъ которыхъ одинъ хромой, лѣтъ уже сорока пяти, преподаватель въ гимназіи, очень ядовитый и замѣчательно тщеславный человѣкъ, и два или три офицера. Изъ послѣднихъ одинъ очень

молодой артиллеристъ, всего только на дняхъ пріѣхавшій изъ одного учебнаго военнаго заведенія, мальчикъ молчаливый и даже робкій и еще не успѣвшій составить знакомства, вдругъ очутился теперь у Виргинскаго съ карандашомъ въ рукахъ и, почти не участвуя въ разговорѣ, поминутно отмѣчалъ что-то въ своей записной книжкѣ. Всѣ это видѣли, но всѣ почему-то старались дѣлать видъ что не примѣчаютъ. Былъ еще тутъ праздношатающійся семинаристъ, который съ Лямшинымъ подсунулъ книгоношѣ мерзостныя фотографіи, крупный парень съ развязною, но въ то же время недовѣрчивою манерой, съ безсмѣнно обличительною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со спокойнымъ видомъ торжествующаго совершенства заключеннаго въ немъ самомъ. Былъ не знаю для чего и сынъ нашего городскаго головы, тотъ самый скверный мальчишка, истаскавшійся не по лѣтамъ и о которомъ я уже упоминалъ, разказывая исторію маленькой поручицы. Этотъ весь вечеръ молчалъ. И наконецъ въ заключеніе одинъ гимназистъ, очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ восемнадцати, сидѣвшій съ мрачнымъ видомъ оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ молодаго человѣка и видимо страдая за свои восемнадцать лѣтъ. Этотъ крошка былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки заговорщиковъ образовавшейся въ высшемъ классѣ гимназіи, что и обнаружилось, ко всеобщему удивленію, въ послѣдствіи. Я не упомянулъ о Шатовѣ: онъ расположился тутъ же въ заднемъ углу стола, нѣсколько выдвинувъ изъ ряду свой стулъ, смотрѣлъ въ землю, мрачно молчалъ, отъ чаю и хлѣба отказался и все время не выпускалъ изъ рукъ свой картузъ, какъ бы желая тѣмъ заявить что онъ не гость, а пришелъ по дѣлу, и когда захочетъ, встанетъ и уйдетъ. Недалеко отъ него помѣстился и Кириловъ, тоже очень молчаливый, но въ землю не смотрѣлъ, а напротивъ, въ упоръ разсматривалъ каждаго говорившаго своимъ неподвижнымъ взглядомъ безъ блеску и выслушивалъ все безъ малѣйшаго волненія или удивленія. Нѣкоторые изъ гостей, никогда не видавшіе его прежде, разглядывали его задумчиво и украдкой. Неизвѣстно, знала ли что-нибудь сама Mme Виргинская о существовавшей пятеркѣ? Полагаю что знала все и именно отъ супруга. Студентка же, конечно, ни въ чемъ не участвовала, но у ней была своя забота; она намѣревалась прогостить всего только день или два, а затѣмъ отправиться дальше и дальше, по всѣмъ университетскимъ городамъ, чтобы „принять участіе въ страданіяхъ бѣд-

ныхъ студентовъ и возбудить ихъ къ протесту". Она везла съ собою нѣсколько сотъ экземпляровъ литографированнаго воззванія и кажется собственнаго сочиненія. Замѣчательно что гимназистъ возненавидѣлъ ее съ перваго взгляда почти до кровомщенія, хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни, а она равномѣрно его. Майоръ приходился ей роднымъ дядей и встрѣтилъ ее сегодня въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ. Когда вошли Ставрогинъ и Верховенскій, щеки ея были красны какъ клюква: она только-что разбранилась съ дядей за убѣжденія по женскому вопросу.

II.

Верховенскій замѣчательно небрежно развалился на стулѣ въ верхнемъ углу стола, почти ни съ кѣмъ не поздоровавшись. Видъ его былъ брезгливый и даже надменный. Ставрогинъ раскланялся вѣжливо, но несмотря на то что всѣ только ихъ и ждали, всѣ какъ по командѣ сдѣлали видъ что ихъ почти не примѣчаютъ. Хозяйка строго обратилась къ Ставрогину, только-что онъ усѣлся:

— Ставрогинъ, хотите чаю?

— Дайте, отвѣтилъ тотъ.

— Ставрогину чаю, скомандовала она разливательницѣ, — а вы хотите? (это ужь къ Верховенскому).

— Давайте, конечно, кто жь про это гостей спрашиваетъ? Да дайте и сливокъ, у васъ всегда такую мерзость даютъ вмѣсто чаю; а еще въ домѣ именинникъ.

— Какъ, и вы признаете именины? засмѣялась вдругъ студентка;—сейчасъ о томъ говорили.

— Старо, проворчалъ гимназистъ съ другаго конца стола.

— Что такое старо? Забывать предразсудки не старо, хотя бы самые невинные; а напротивъ, къ общему стыду, до сихъ поръ еще ново, мигомъ заявила студентка, такъ и дернувшись впередъ со стула. — Къ тому же нѣтъ невинныхъ предразсудковъ, прибавила она съ ожесточеніемъ.

— Я только хотѣлъ заявить, заволновался гимназистъ ужасно,—что предразсудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчетъ именинъ всѣ уже знаютъ что глупости и очень старо чтобы терять драгоцѣнное время, и безъ того уже всѣмъ свѣтомъ потерянное, такъ что можно бы употребить свое остроуміе на предметъ болѣе нуждающійся....

— Слишкомъ долго тянете, ничего не поймешь, прокричала студентка.

— Мнѣ кажется, всякій имѣетъ право голоса наравнѣ съ другимъ, и если я желаю заявить мое мнѣніе, какъ и всякій другой, то....

— У васъ никто не отнимаетъ права вашего голоса, рѣзко оборвала уже сама хозяйка,—васъ только приглашаютъ не мямлить, потому что васъ никто не можетъ понять.

— Однако же, позвольте замѣтить что вы меня не уважаете; если я и не могъ докончить мысль, то это не оттого что у меня нѣтъ мыслей, а скорѣе отъ избытка мыслей.... чуть не въ отчаяніи пробормоталъ гимназистъ и окончательно спутался.

— Если не умѣете говорить, то молчите, хлопнула студентка.

Гимназистъ даже привскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ заявить, прокричалъ онъ, весь горя отъ стыда и боясь осмотрѣться вокругъ,—что вамъ только хотѣлось выскочить съ вашимъ умомъ потому что вошелъ господинъ Ставрогинъ — вотъ что!

— Ваша мысль грязна и безнравственна и означаетъ все ничтожество вашего развитія. Прошу болѣе ко мнѣ не относиться, протрещала студентка.

— Ставрогинъ, начала хозяйка,—до васъ тутъ кричали сейчасъ о правахъ семейства,—вотъ этотъ офицеръ (она кивнула на родственника своего майора). И ужь, конечно, не я стану васъ безпокоить такимъ старымъ вздоромъ, давно порѣшеннымъ. Но откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства въ смыслѣ того предразсудка въ которомъ теперь представляются? Вотъ вопросъ. Ваше мнѣніе?

— Какъ откуда могли взяться? переспросилъ Ставрогинъ.

— То-есть мы знаемъ, напримѣръ, что предразсудокъ о Богѣ произошелъ отъ грома и молніи, вдругъ рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина;—слишкомъ извѣстно что первоначальное человѣчество пугаясь грома и молніи обоготворило невидимаго врага, чувствуя предъ нимъ свою слабость. Но откуда произошелъ предразсудокъ о семействѣ? Откуда могло взяться само семейство?

— Это не совсѣмъ то же самое.... хотѣла было остановить хозяйка.

— Я полагаю что отвѣтъ на такой вопросъ не скроменъ, отвѣчалъ Ставрогинъ.

— Какъ такъ? дернулась впередъ студентка.

Но въ учительской группѣ послышалось хихиканье, которому тотчасъ же отозвались съ другаго конца Лямшинъ и гимназистъ, а за ними сиплымъ хохотомъ и родственникъ майоръ.

— Вамъ бы писать водевили, замѣтила хозяйка Ставрогину.

— Слишкомъ не къ чести вашей относится, не знаю какъ васъ зовутъ, отрѣзала въ рѣшительномъ негодованіи студентка.

— А ты не выскакивай! брякнулъ майоръ, — ты барышня, тебѣ должно скромно держать себя, а ты ровно на иголку сѣла.

— Извольте молчать и не смѣйте обращаться ко мнѣ фамильярно съ вашими лакостными сравненіями. Я васъ въ первый разъ вижу и знать вашего родства не хочу.

— Да вѣдь я жь тебѣ дядя; я тебя на рукахъ еще груднаго ребенка таскалъ!

— Какое мнѣ дѣло что̀ бы вы тамъ ни таскали. Я васъ тогда не просила таскать, значитъ вамъ, господинъ неучтивый офицеръ, самому тогда доставляло удовольствіе. И позвольте мнѣ замѣтить что вы не смѣете говорить мнѣ *ты*, если не отъ гражданства, и я вамъ разъ навсегда запрещаю.

— Вотъ всѣ онѣ такъ! стукнулъ майоръ кулакомъ по столу, обращаясь къ сидѣвшему напротивъ Ставрогину. — Нѣтъ-съ, позвольте, я либерализмъ и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но предупреждаю—отъ мущинъ. Но отъ женщинъ, но вотъ отъ современныхъ этихъ разлетаекъ — нѣтъ-съ, это боль моя! Ты не вертись! крикнулъ онъ студенткѣ, которая порывалась со стула,—нѣтъ, я тоже слова прошу, я обиженъ-съ.

— Вы только мѣшаете другимъ, а сами ничего не умѣете сказать, съ негодованіемъ проворчала хозяйка.

— Нѣтъ, ужь я выскажу, горячился майоръ, обращаясь къ Ставрогину.—Я на васъ, господинъ Ставрогинъ, какъ на новаго вошедшаго человѣка разчитываю, хотя и не имѣю чести васъ знать. Безъ мущинъ онѣ пропадутъ какъ мухи—вотъ мое мнѣніе. Весь ихъ женскій вопросъ это—одинъ только недостатокъ оригинальности. Увѣряю же васъ что женскій этотъ весь вопросъ выдумали имъ мущины, съ дуру, сами на свою шею,—слава только Богу что я не женатъ! Ни малѣйшаго разнообразія-съ, узора простаго не выдумаютъ; и узоры за нихъ мущины выдумываютъ! Вотъ-съ, я ее на рукахъ носилъ, съ ней десятилѣтней мазурку танцовалъ, сегодня она пріѣхала, натурально лечу обнять, а она мнѣ со втораго слова объявила

что Бога нѣтъ Да хоть бы съ третьяго, а не со втораго слова, а то слѣшитъ! Ну, положимъ, умные люди не вѣруютъ, такъ вѣдь это отъ ума, а ты то, говорю, пузырь, ты что въ Богѣ понимаешь? Вѣдь тебя студентъ научилъ, а научилъ бы лампадки зажигать, ты бы и зажигала.

— Вы все лжете, вы очень злой человѣкъ, а я давеча доказательно выразила вамъ вашу несостоятельность, отвѣтила студентка съ пренебреженіемъ и какъ бы презирая много объясняться съ такимъ человѣкомъ. — Я вамъ именно говорила давеча что насъ всѣхъ учили по катехизису: „Если будешь почитать своего отца и своихъ родителей, то будешь долголѣтнимъ и тебѣ дано будетъ богатство“. Это въ десяти заповѣтяхъ. Если Богъ нашелъ необходимымъ за любовь предлагать награду, стало-быть вашъ Богъ безнравственъ. Вотъ въ какихъ словахъ я вамъ давеча доказала, и не со втораго слова, а потому что вы заявили права свои. Кто жъ виноватъ что вы тупы и до сихъ поръ не понимаете. Вамъ обидно и вы злитесь—вотъ вся разгадка вашего поколѣнія.

— Дурында! проговорилъ майоръ.

— А вы дуракъ.

— Ругайся!

— Но, позвольте, Капитонъ Максимовичъ, вѣдь вы сами же говорили мнѣ что въ Бога не вѣруете, пропищалъ съ конца стола Липутинъ.

— Что жъ что я говорилъ, я другое дѣло! я можетъ и вѣрую, но только не совсѣмъ. Я хоть и не вѣрую вполнѣ, но все-таки не скажу что Бога разстрѣлять надо. Я еще въ гусарахъ служа насчетъ Бога задумывался. Во всѣхъ стихахъ принято что гусаръ пьетъ и кутитъ; такъ-съ, я можетъ и пилъ, но, вѣрите ли, вскочишь ночью съ постели въ однихъ носкахъ и давай кресты крестить предъ образомъ, чтобы Богъ вѣру послалъ, потому не могъ я и тогда быть спокойнымъ: есть Богъ или нѣтъ? До того оно мнѣ солоно доставалось! Но утромъ, конечно, развлечешься, и опять вѣра какъ будто пропадетъ, да и вообще я замѣтилъ что днемъ всегда вѣра пропадаетъ.

— А не будетъ ли у васъ картъ? зѣвнулъ во весь ротъ Верховенскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я слишкомъ, слишкомъ сочувствую вашему вопросу! рванулась студентка, рдѣя въ негодованіи отъ словъ майора.

— Теряется золотое время слушая глупые разговоры, отрѣзала хозяйка и взыскательно посмотрѣла на мужа.

Студентка подобралась:

— Я хотѣла заявить собранію о страданіи и о протестѣ студентовъ, а такъ какъ время тратится въ безнравственныхъ разговорахъ....

— Ничего нѣтъ ни нравственнаго, ни безнравственнаго! тотчасъ же не вытерпѣлъ гимназистъ, како только начала студентка.

— Это я знала, господинъ гимназистъ, гораздо прежде чѣмъ васъ тому научили.

— А я утверждаю, остервенился тотъ,—что вы пріѣхавшій изъ Петербурга ребенокъ съ тѣмъ чтобы насъ всѣхъ просвѣтить, тогда какъ мы и сами знаемъ. О заповѣди: „Чти отца твоего и матерь твою“, которую вы не умѣли прочесть, и что она безнравственна—уже съ Бѣлинскаго всѣмъ въ Россіи извѣстно.

— Кончится ли это когда-нибудь? рѣшительно проговорила Mme Виргинская мужу. Какъ хозяйка, она краснѣла за ничтожество разговоровъ, особенно замѣтивъ нѣсколько улыбокъ и даже недоумѣніе между новопозванными гостями.

— Господа, возвысилъ вдругъ голосъ Виргинскій, — еслибы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

— Осмѣлюсь сдѣлать одинъ вопросъ, мягко проговорилъ доселѣ молчавшій и особенно чинно сидѣвшій хромой учитель:— я желалъ бы знать составляемъ ли мы здѣсь, теперь, какое-нибудь засѣданіе, или, просто, мы собраніе обыкновенныхъ смертныхъ пришедшихъ въ гости? Спрашиваю болѣе для порядку и чтобы не находиться въ невѣдѣніи.

„Хитрый“ вопросъ произвелъ впечатлѣніе; всѣ переглянулись, каждый какъ бы ожидая одинъ отъ другаго отвѣта, и вдругъ всѣ какъ по командѣ обратили взгляды на Верховенскаго и Ставрогина.

— Я просто предлагаю вотировать отвѣтъ на вопросъ: „засѣданіе мы или нѣтъ?“ проговорила Mme Виргинская.

— Совершенно присоединяюсь къ предложенію, отозвался Липутинъ,—хотя оно и нѣсколько неопредѣленно.

— И я присоединяюсь, и я, послышались голоса.

— И мнѣ кажется дѣйствительно будетъ болѣе порядку, скрѣпилъ Виргинскій.

— Итакъ на голоса! объявила хозяйка. — Лямшинъ, прошу

васъ, сядьте за фортепьяно: вы и оттуда можете подать вашъ голосъ, когда начнутъ вотировать.

— Опять! крикнулъ Лямшинъ;—довольно я вамъ барабанилъ.

— Я васъ прошу настойчиво, сядьте играть; вы не хотите быть полезнымъ дѣлу?

— Да увѣряю же васъ, Арина Прохоровна, что никто не подслушиваетъ. Одна ваша фантазія. Да и окна высоки, да и кто тутъ пойметъ что-нибудь еслибъ и подслушивалъ.

— Мы и сами-то не понимаемъ въ чемъ дѣло, проворчалъ чей-то голосъ.

— А я вамъ говорю что предосторожность всегда необходима. Я на случай, еслибы шпіоны, обратилась она съ толкованіемъ къ Верховенскому, — пусть услышатъ съ улицы что у насъ именины и музыка.

— Э, чортъ! выругался Лямшинъ, сѣлъ за фортепьяно и началъ барабанить вальсъ, зря и чуть не кулаками стуча по клавишамъ.

— Тѣмъ кто желаетъ чтобы было засѣданіе, я предлагаю поднять правую руку вверхъ, предложила Mme Виргинская.

Одни подняли, другіе нѣтъ. Были и такіе что подняли и опять взяли назадъ. Взяли назадъ и опять подняли.

— Фу, чортъ! я ничего не понялъ, крикнулъ одинъ офицеръ.

— И я не понимаю, крикнулъ другой.

— Нѣтъ, я понимаю, крикнулъ третій, — если *да*, то руку вверхъ.

— Да что *да*-то значитъ?

— Значитъ засѣданіе.

— Нѣтъ, не засѣданіе.

— Я вотировалъ засѣданіе, крикнулъ гимназистъ, обращаясь къ Mme Виргинской.

— Такъ зачѣмъ же вы руку не подняли?

— Я все на васъ смотрѣлъ, вы не подняли, такъ и я не поднялъ.

— Какъ глупо, я потому что я предлагала, потому и не поднята. Господа, предлагаю вновь обратно: кто хочетъ засѣданіе пусть сидитъ и не подымаетъ руки, а кто не хочетъ, тотъ пусть подыметъ правую руку.

— Кто не хочетъ? переспросилъ гимназистъ.

— Да вы это нарочно что ли? крикнула въ гнѣвѣ Mme Виргинская.

— Нѣтъ-съ, позвольте, кто хочетъ или кто не хочетъ, потому что это надо точнѣе опредѣлить? раздались два-три голоса.

— Кто не хочетъ, *не* хочетъ.

— Ну да, но что̀ надо дѣлать, подымать или не подымать если *не* хочетъ? крикнулъ офицеръ.

— Эхъ, къ конституціи-то мы еще не привыкли! замѣтилъ майоръ.

— Господинъ Лямшинъ, сдѣлайте одолженіе, вы такъ стучите, никто не можетъ разслышать, замѣтилъ хромой учитель.

— Да ей-Богу же, Арина Прохоровна, никто не подслушиваетъ, вскочилъ Лямшинъ.—Да не хочу же играть! Я къ вамъ въ гости пришелъ, а не барабанить!

— Господа, предложилъ Виргинскій, — отвѣчайте всѣ голосомъ: засѣданіе мы или нѣтъ?

— Засѣданіе, засѣданіе! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А если такъ, то нечего и вотировать, довольно. Довольны ли вы господа, надо ли еще вотировать?

— Не надо, не надо, поняли!

— Можетъ-быть кто не хочетъ засѣданія?

— Нѣтъ, нѣтъ, всѣ хотимъ.

— Да что̀ такое засѣданіе? крикнулъ голосъ. Ему не отвѣтили.

— Надо выбрать президента, крикнули съ разныхъ сторонъ.

— Хозяина, разумѣется хозяина!

— Господа, коли такъ, началъ выбранный Виргинскій,—то я предлагаю давешнее первоначальное мое предложеніе: еслибы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что̀ заявить, то пусть приступитъ не теряя времени.

Общее молчаніе. Взгляды всѣхъ вновь обратились на Ставрогина и Верховенскаго.

— Верховенскій, вы не имѣете ничего заявить? прямо спросила хозяйка.

— Ровно ничего, лотянулся онъ, зѣвая на стулѣ. — Я впрочемъ желалъ бы рюмку коньяку.

— Ставрогинъ, вы не желаете?

— Благодарю, я не пью.

— Я говорю желаете вы говорить или нѣтъ, а не про коньякъ?

— Говорить, объ чемъ? Нѣтъ, не желаю.

— Вамъ принесутъ коньяку, отвѣтила она Верховенскому.

Поднялась студентка. Она уже нѣсколько разъ подвскакивала.

— Я пріѣхала заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и о возбужденіи ихъ повсемѣстно къ протесту....

Но она осѣклась; на другомъ концѣ стола явился уже другой

конкуррентъ, и всѣ взоры обратились къ нему. Длинноухій Шигалевъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ медленно поднялся съ своего мѣста и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Онъ не садился и молчалъ. Многіе съ замѣшательствомъ смотрѣли на тетрадь, но Лилуткинъ, Виргинскій и хромой учитель были, казалось, чѣмъ-то довольны.

— Прошу слова, угрюмо но твердо заявилъ Шигалевъ.

— Имѣете, разрѣшилъ Виргинскій.

Ораторъ сѣлъ, помолчалъ съ полминуты и произнесъ важнымъ голосомъ:

— Господа...

— Вотъ коньякъ! брезгливо и презрительно отрубила родственница разливавшая чай, уходившая за коньякомъ, и ставя его теперь предъ Верховенскимъ вмѣстѣ съ рюмкой, которую принесла въ пальцахъ, безъ подноса и безъ тарелки.

Прерванный ораторъ съ достоинствомъ пріостановился.

— Ничего, продолжайте, я не слушаю, крикнулъ Верховенскій, наливая себѣ рюмку.

— Господа, обращаясь къ вашему вниманію, началъ вновь Шигалевъ,—и, какъ увидите ниже, испрашивая вашей помощи въ пунктѣ первостепенной важности, я долженъ произнести предисловіе.

— Арина Прохоровна, нѣтъ у васъ ножницъ? спросилъ вдругъ Петръ Степановичъ.

— Зачѣмъ вамъ ножницъ? выпучила та на него глаза.

— Забылъ ногти обстричь, три дня собираюсь, промолвилъ онъ, безмятежно разсматривая свои длинные и нечистые ногти.

Арина Прохоровна вспыхнула, но дѣвицѣ Виргинской какъ бы что-то понравилось.

— Кажется, я ихъ здѣсь, на окнѣ давеча видѣла, встала она изъ-за стола, пошла отыскала ножницы и тотчасъ же принесла съ собой. Петръ Степановичъ даже не посмотрѣлъ на нее, взялъ ножницы и началъ возиться съ ними. Арина Прохоровна поняла что это реальный пріемъ и устыдилась своей обидчивости. Собраніе переглядывалось молча. Хромой учитель злобно и завистливо наблюдалъ Верховенскаго. Шигалевъ сталъ продолжать:

— Посвятивъ мою энергію на изученіе вопроса о соціальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится на-

стоящее, я пришелъ къ убѣжденію что всѣ созидатели соціальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ, и въ томъ странномъ животномъ которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ алюминія, все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго. Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы наконецъ собираемся дѣйствовать чтобъ уже болѣе не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра. Вотъ она! стукнулъ онъ по тетради.—Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу что потребуется еще прибавить множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ по крайней мѣрѣ десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги. (Послышался смѣхъ.) Кромѣ того объявляю заранѣе что система моя не окончена. (Смѣхъ опять). Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю однакожъ что кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы не можетъ быть никакого.

Смѣхъ разростался сильнѣй и сильнѣй, но смѣялись болѣе молодые и такъ-сказать мало посвященные гости. На лицахъ хозяйки, Липутина и хромаго учителя выразилась нѣкоторая досада.

— Если вы сами не сумѣли слѣпить свою систему и пришли къ отчаянію, то намъ-то тутъ чего дѣлать? осторожно замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Вы правы, господинъ служащій офицеръ, рѣзко оборотился къ нему Шигалевъ,—и всего болѣе тѣмъ что употребили слово отчаяніе. Да, я приходилъ къ отчаянію; тѣмъ не менѣе все что изложено въ моей книгѣ — незамѣнимо и другаго выхода нѣтъ; никто ничего не выдумаетъ. И потому слѣпу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги въ продолженіи десяти вечеровъ, заявить свое мнѣніе Если же члены не захотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ,—мущины чтобы заняться государственною службой, женщины въ свои кухни, потому что отвергнувъ книгу мою, другаго выхода они не найдутъ. Ни-ка-кого! Упустивъ же

время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому же воротятся.

Началось движеніе: „Что онъ, помѣшанный что ли?“ раздались голоса.

— Значитъ все дѣло въ отчаяніи Шигалева, заключилъ Лямшинъ, — а насущный вопросъ въ томъ: быть или не быть ему въ отчаяніи?

— Близость Шигалева къ отчаянію есть вопросъ личный, заявилъ гимназистъ.

— Я предлагаю вотировать насколько отчаяніе Шигалева касается общаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ стоитъ ли слушать его или нѣтъ? весело рѣшилъ офицеръ.

— Тутъ не то-съ, ввязался наконецъ хромой. Вообще онъ говорилъ съ нѣкоторой, какъ бы насмѣшливою улыбкой, такъ что пожалуй трудно было и разобрать искренно онъ говоритъ или шутитъ.—Тутъ господа не то-съ. Г. Шигалевъ слишкомъ серіозно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скроменъ. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса—раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятками. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя впрочемъ и будутъ работать. Мѣры предлагаемыя авторомъ для отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній—весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны. Можно не согласиться съ иными выводами, но въ умѣ и въ знаніяхъ автора усумниться трудно. Жаль что условіе десяти вечеровъ совершенно несовмѣстимо съ обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытнаго.

— Неужели вы серіозно? обратилась къ хромому Mme Виргинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ. — Если этотъ человѣкъ, не зная куда дѣваться съ людьми, обращаетъ ихъ девять десятыхъ въ рабство? Я давно подозрѣвала его.

— То-есть вы про вашего братца? спросилъ хромой.

— Родство? Вы смѣетесь надо мною или нѣтъ?

— И кромѣ того работать на аристократовъ и повиновать-

ся имъ какъ богамъ — это подлость! яростно замѣтила студентка.

— Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другаго на землѣ быть не можетъ, властно заключилъ Шигалевъ.

— А я бы вмѣсто рая, вскричалъ Лямшинъ,—взялъ бы этихъ девять десятыхъ человѣчества, если ужь некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.

— Такъ можетъ говорить только шутъ! вспыхнула студентка.

— Онъ шутъ, но полезенъ, шепнула ей Mme Виргинская.

— И можетъ-быть это было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи! горячо оборотился Шигалевъ къ Лямшину; —вы конечно и не знаете какую глубокую вещь удалось вамъ сказать, господинъ веселый человѣкъ. Но такъ какъ ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земнымъ раемъ, если ужь такъ это назвали.

— Однако порядочный вздоръ! какъ бы вырвалось у Верховенскаго. Впрочемъ онъ совершенно равнодушно и не подымая глазъ продолжалъ обстригать свои ногти.

— Почему же вздоръ-съ? тотчасъ же подхватилъ хромой, какъ будто такъ и ждалъ отъ него перваго слова чтобы вцѣпиться.—Почему же именно вздоръ? Г. Шигалевъ отчасти фанатикъ человѣколюбія; но вспомните что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самыхъ деспотическихъ и самыхъ фантастическихъ предрѣшеній вопроса. Г. Шигалевъ даже можетъ-быть гораздо трезвѣе ихъ разрѣшаетъ дѣло. Увѣряю васъ что, прочитавъ книгу его, почти невозможно не согласиться съ иными вещами. Онъ, можетъ-быть, менѣе всѣхъ удалился отъ реализма, и его земной рай— есть почти настоящій, тотъ самый о потерѣ котораго вздыхаетъ человѣчество, если только онъ когда-нибудь существовалъ.

— Ну я такъ и зналъ что нарвусь, пробормоталъ опять Верховенскій.

— Позвольте-съ, вскипалъ все болѣе и болѣе хромой,—разговоры и сужденія о будущемъ соціальномъ устройствѣ—почти настоятельная необходимость всѣхъ мыслящихъ современныхъ людей. Герценъ всю жизнь только о томъ и заботился. Бѣлинскій, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, проводилъ

цѣлые вечера съ своими друзьями, дебатируя и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ-сказать кухонныя подробности въ будущемъ соціальномъ устройствѣ.

— Даже съ ума сходятъ иные, вдругъ замѣтилъ майоръ.

— Все-таки хоть до чего-нибудь договориться можно, чѣмъ сидѣть и молчать въ видѣ диктаторовъ, прошипѣлъ Липутинъ, какъ бы осмѣливаясь наконецъ начать нападеніе.

— Я не про Шигалева сказалъ что вздоръ, промямлилъ Верховенскій.—Видите, господа, приподнялъ онъ капельку глаза,—по-моему всѣ эти книги Фурье, Кабеты, всѣ эти „права на работу", Шигалевщина—все это въ родѣ романовъ, которыхъ можно написать сто тысячъ. Эстетическое препровожденіе времени. Я понимаю что вамъ здѣсь въ городишкѣ скучно, вы и бросаетесь на писанную бумагу.

— Позвольте-съ, задергался на стулѣ хромой,—мы хоть и провинціалы и ужь конечно достойны тѣмъ сожалѣнія, но однакоже знаемъ что на свѣтѣ покамѣстъ ничего такого новаго не случилось о чемъ бы намъ плакать что проглядѣли. Намъ вотъ предлагаютъ, чрезъ разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки съ единственною цѣлію всеобщаго разрушенія, подъ тѣмъ предлогомъ что какъ міръ ни лѣчи, все не вылѣчишь, а срѣзавъ радикально сто милліоновъ головъ и тѣмъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣе перескочить черезъ канавку. Мысль прекрасная, безъ сомнѣнія, но по крайней мѣрѣ столь же несовмѣстимая съ дѣйствительностію какъ и „Шигалевщина", о которой вы сейчасъ отнеслись такъ презрительно.

— Ну да я не для разсужденій пріѣхалъ, промахнулся значительнымъ словцомъ Верховенскій, и какъ бы вовсе не замѣчая своего промаха, подвинулъ къ себѣ свѣчу, чтобы было свѣтлѣе.

— Жаль-съ, очень жаль что не для разсужденій пріѣхали и очень жаль что вы такъ теперь заняты своимъ туалетомъ.

— А чего вамъ мой туалетъ?

— Сто милліоновъ головъ такъ же трудно осуществить какъ и передѣлать міръ пропагандой. Даже можетъ-быть и труднѣе, особенно если въ Россіи, рискнулъ опять Липутинъ.

— На Россію-то теперь и надѣются, проговорилъ офицеръ.

— Слышали мы и о томъ что надѣются, подхватилъ хромой.—Намъ извѣстно что на наше прекрасное отечество обращенъ таинственный index, какъ на страну наиболѣе способную

къ исполненію великой задачи. Только вотъ что-съ: въ случаѣ постепеннаго разрѣшенія задачи пропагандой я хоть что-нибудь лично выигрываю, ну хоть пріятно поболтаю, а отъ начальства такъ и чинъ получу за услуги соціальному дѣлу. А во второмъ, въ быстромъ-то разрѣшеніи посредствомъ ста милліоновъ головъ, мнѣ-то собственно какая будетъ награда? Начнешь пропагандировать, такъ еще пожалуй языкъ отрѣжутъ.

— Вамъ непремѣнно отрѣжутъ, сказалъ Верховенскій.

— Видите-съ. А такъ какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ раньше пятидесяти лѣтъ, ну тридцати, такую рѣзню не докончишь, потому что вѣдь не бараны же тѣ-то, пожалуй и не дадутъ себя рѣзать,—то не лучше ли, собравши свой скарбъ, переселиться куда-нибудь за тихія моря на тихіе острова и закрыть тамъ свои глаза безмятежно? Повѣрьте-съ, постучалъ онъ значительно пальцемъ по столу,—вы только эмиграцію такою пропагандой вызовете, а болѣе ничего-съ!

Онъ закончилъ видимо торжествуя. Это была сильная губернская голова. Липутинъ коварно улыбался, Виргинскій слушалъ нѣсколько упыло, остальные всѣ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдили за споромъ, особенно дамы и офицеры. Всѣ понимали что агента ста милліоновъ головъ приперли къ стѣнѣ и ждали что̀ изъ этого выйдетъ.

— Это вы впрочемъ хорошо сказали, еще равнодушнѣе чѣмъ прежде, даже какъ бы со скукой промямлилъ Верховенскій.— Эмигрировать—мысль хорошая. Но все-таки, если несмотря на всѣ явныя невыгоды, которыя вы предчувствуете, солдатъ на общее дѣло является все больше и больше съ каждымъ днемъ, то и безъ васъ обойдется. Тутъ, батюшка, новая религія идетъ взамѣнъ старой, оттого такъ много солдатъ и является, и дѣло это крупное. А вы эмигрируйте! И знаете, я вамъ совѣтую въ Дрезденъ, а не на тихіе острова. Вопервыхъ, это городъ никогда не видавшій никакой эпидеміи, а такъ какъ вы человѣкъ развитый, то навѣрно смерти боитесь, вовторыхъ, близко отъ русской границы, такъ что можно скорѣе получать изъ любезнаго отечества доходы; втретьихъ, заключаетъ въ себѣ такъ-называемыя сокровища искусствъ, а вы человѣкъ эстетическій, бывшій учитель словесности кажется; ну и наконецъ, заключаетъ въ себѣ свою собственную карманную Швейцарію—это ужь для поэтическихъ вдохновеній,

потому навѣрно стишки полисываете. Однимъ словомъ, кладъ въ табатеркѣ!

Произошло движеніе; особенно офицеры зашевелились. Еще мгновеніе, и всѣ бы разомъ заговорили. Но хромой раздражительно накинулся на приманку:

— Нѣтъ-съ, мы еще, можетъ-быть, и не уѣдемъ отъ общаго дѣла! Это надо понимать-съ....

— Какъ такъ, вы развѣ пошли бы въ лятерку, еслибъ я вамъ предложилъ? брякнулъ вдругъ Верховенскій и положилъ ножницы на столъ.

Всѣ какъ бы вздрогнули. Загадочный человѣкъ слишкомъ вдругъ раскрылся. Даже прямо про „лятерку“ заговорилъ.

— Всякій чувствуетъ себя честнымъ человѣкомъ и не уклонится отъ общаго дѣла, закривился хромой,—но....

— Нѣтъ-съ, тутъ ужь дѣло не въ *но*, властно и рѣзко перебилъ Верховенскій:—Я объявляю, господа, что мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ. Я слишкомъ понимаю что я, прибывъ сюда и собравъ васъ самъ вмѣстѣ, обязанъ вамъ объясненіями (опять неожиданное раскрытіе), но я не могу дать никакихъ прежде чѣмъ не узнаю какого образа мыслей вы держитесь. Минуя разговоры — потому что не тридцать же лѣтъ опять болтать, какъ болтали до сихъ поръ тридцать лѣтъ—я васъ спрашиваю что вамъ милѣе: медленный ли путь, состоящій въ сочиненіи соціальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ человѣческихъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные kuski, которые вамъ сами въ ротъ летятъ и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь рѣшенія скораго, въ чемъ бы оно ни состояло, но которое наконецъ развяжетъ руки и дастъ человѣчеству на просторѣ самому соціально устроиться и уже на дѣлѣ, а не на бумагѣ? Кричатъ: „Сто милліоновъ головъ“, это можетъ-быть еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспотизмъ въ kakiянибудь во сто лѣтъ съѣстъ не сто, а пятьсотъ милліоновъ головъ? Замѣтьте еще что неизлѣчимый больной все равно не вылѣчится, kakie бы ни прописывали ему на бумагѣ рецепты, а напротивъ, если промедлить, до того загніетъ что и насъ заразитъ, перепортитъ всѣ свѣжія силы, на которыя теперь еще можно разчитывать, такъ что мы всѣ наконецъ провалимся. Я согласенъ совершенно что либерально и краснорѣчиво болтать чрезвычайно пріятно, а дѣйствовать немного kусается....

Ну да впрочемъ я говорить не умѣю; я прибылъ сюда съ сообщеніями, а потому прошу всю почтенную компанію не то что вотировать, а прямо и просто заявить что̀ вамъ веселѣе: черепашій ли ходъ въ болотѣ или ходъ на всѣхъ парахъ черезъ болото?

— Я положительно за ходъ на парахъ! крикнулъ въ восторгѣ гимназистъ.

— Я тоже, отозвался Лямшинъ.

— Въ выборѣ разумѣется нѣтъ сомнѣнія, пробормоталъ одинъ офицеръ, за нимъ другой, за нимъ еще кто-то. Главное всѣхъ поразило что Верховенскій съ „сообщеніями“ и самъ обѣщалъ сейчасъ говорить.

— Господа, я вижу что почти всѣ рѣшаютъ въ духѣ прокламацій, проговорилъ онъ озирая общество.

— Всѣ, всѣ, раздалось большинство голосовъ.

— Я, признаюсь, болѣе принадлежу къ рѣшенію гуманному, проговорилъ майоръ,—но такъ какъ ужь всѣ, то и я со всѣми.

— Выходитъ стало-быть что и вы не противорѣчите? обратился Верховенскій къ хромому.

— Я не то чтобы.... покраснѣлъ было нѣсколько тотъ,—но я если и согласенъ теперь со всѣми, то единственно чтобы не нарушить....

— Вотъ вы всѣ таковы! Полгода спорить готовъ для либеральнаго краснорѣчія, а кончитъ вѣдь тѣмъ что вотируетъ со всѣми! Господа, разсудите однако, правда ли что вы всѣ готовы?

(Къ чему готовы? вопросъ неопредѣленный, но ужасно заманчивый.)

— Конечно всѣ.... раздались заявленія. Всѣ впрочемъ поглядывали другъ на друга.

— А можетъ потомъ и обидитесь что скоро согласились? Вѣдь это почти всегда такъ у васъ бываетъ.

Заволновались въ различномъ смыслѣ, очень заволновались. Хромой налетѣлъ на Верховенскаго.

— Позвольте вамъ однако замѣтить что отвѣты на подобные вопросы обусловливаются. Если мы и дали рѣшеніе, то замѣтьте что все-таки вопросъ заданный такимъ страннымъ образомъ....

— Какимъ страннымъ образомъ?

— Такимъ что подобные вопросы не такъ задаются.

— Научите пожалуста. А знаете, я такъ вѣдь и увѣренъ былъ что вы первый обидитесь.

— Вы изъ насъ вытянули отвѣтъ на готовность къ немедленному дѣйствію, а какія однакоже права вы имѣли такъ поступать? Какія полномочія чтобы задавать такіе вопросы?

— Такъ вы объ этомъ раньше бы догадались спросить! Зачѣмъ же вы отвѣчали? Согласились да и слохватились.

— А по-моему, легкомысленная откровенность вашего главнаго вопроса даетъ мнѣ мысль что вы вовсе не имѣете ни полномочій, ни правъ, а лишь отъ себя любопытствовали.

— Да вы про что, про что? вскричалъ Верховенскій, какъ бы начиная очень тревожиться.

— А про то что аффиліаціи, какія бы ни были, дѣлаются по крайней мѣрѣ глазъ-на-глазъ, а не въ незнакомомъ обществѣ двадцати человѣкъ! брякнулъ хромой. Онъ высказался весь, но уже слишкомъ былъ раздраженъ. Верховенскій быстро оборотился къ обществу съ отлично поддѣланнымъ встревоженнымъ видомъ:

— Господа, считаю долгомъ всѣмъ объявить что все это глупости и разговоръ нашъ далеко зашелъ. Я еще ровно никого не аффильировалъ и никто про меня не имѣетъ права сказать что я аффильирую, а мы просто говорили о мнѣніяхъ. Такъ ли? Но такъ или этакъ, а вы меня очень тревожите, повернулся онъ опять къ хромому: — я никакъ не думалъ что здѣсь о такихъ почти невинныхъ вещахъ надо говорить глазъ-на-глазъ. Или вы боитесь доноса? Неужели между нами можетъ заключаться теперь доносчикъ?

Волненіе началось чрезвычайное; всѣ заговорили.

— Господа, еслибы такъ, продолжалъ Верховенскій,—то вѣдь всѣхъ болѣе компрометтировалъ себя я, а потому предложу отвѣтить на одинъ вопросъ, разумѣется если захотите. Вся ваша полная воля.

— Какой вопросъ? какой вопросъ? загалдѣли всѣ.

— А такой вопросъ что послѣ него станетъ ясно: оставаться намъ вмѣстѣ или молча разобрать наши шапки и разойтись въ свои стороны.

— Вопросъ, вопросъ?

— Еслибы каждый изъ насъ зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ ли бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался бы дома ожидая событій? Тутъ взгляды могутъ быть разные. Отвѣтъ на вопросъ скажетъ ясно—разойтись намъ или оставаться вмѣстѣ и уже далеко не

на одинъ этотъ вечеръ. Позвольте обратиться къ вамъ первому, обернулся онъ къ хромому.

— Почему же ко мнѣ первому?

— Потому что вы все и начали. Сдѣлайте одолженіе не уклоняйтесь, ловкость тутъ не поможетъ. Но впрочемъ какъ хотите; ваша полная воля.

— Извините, но подобный вопросъ даже обиденъ.

— Нѣтъ ужь, нельзя ли поточнѣе.

— Агентомъ тайной полиціи никогда не бывалъ-съ, скривился тотъ еще болѣе.

— Сдѣлайте одолженіе точнѣе, не задерживайте.

Хромой до того озлился что даже пересталъ отвѣчать. Молча злобнымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ въ упоръ смотрѣлъ онъ на истязателя.

— Да или нѣтъ? Донесли бы или не донесли? крикнулъ Верховенскій.

— Разумѣется *не* донесу! крикнулъ вдвое сильнѣе хромой.

— И никто не донесетъ, разумѣется не донесетъ, послышались многіе голоса.

— Позвольте обратиться къ вамъ господинъ майоръ, донесли бы вы или не донесли? продолжалъ Верховенскій.—И замѣтьте, я нарочно къ вамъ обращаюсь.

— Не донесу-съ.

— Ну а еслибы вы знали что кто-нибудь хочетъ убить и ограбить другаго, обыкновеннаго смертнаго, вѣдь вы бы донесли, предувѣдомили?

— Конечно-съ, но вѣдь это гражданскій случай, а тутъ доносъ политическій. Агентомъ тайной полиціи не бывалъ-съ.

— Да и никто здѣсь не бывалъ, послышались опять голоса.— Напрасный вопросъ. У всѣхъ одинъ отвѣтъ. Здѣсь не доносчики!

— Отчего встаетъ этотъ господинъ? крикнула студентка.

— Это Шатовъ. Отчего вы встали Шатовъ? крикнула хозяйка.

Шатовъ всталъ дѣйствительно, онъ держалъ свою шапку въ рукѣ и смотрѣлъ на Верховенскаго. Казалось онъ хотѣлъ ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было блѣдно и злобно, но онъ выдержалъ, не проговорилъ ни слова и молча пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Шатовъ, вѣдь это для васъ же не выгодно! загадочно крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій.

— За то тебѣ выгодно, какъ шпіону и подлецу! прокричалъ ему въ дверяхъ Шатовъ и вышелъ совсѣмъ.

Опять крики и восклицанія.

— Вотъ она проба-то! крикнулъ голосъ.

— Пригодилась! крикнулъ другой.

— Не поздно ли пригодилась-то? замѣтилъ третій.

— Кто его приглашалъ?—Кто принялъ?—Кто таковъ?—Кто такой Шатовъ?—Донесетъ или не донесетъ? сыпались вопросы.

— Еслибы доносчикъ, онъ бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ, замѣтилъ кто-то.

— Вотъ и Ставрогинъ встаетъ, Ставрогинъ тоже не отвѣчалъ на вопросъ, крикнула студентка.

Ставрогинъ дѣйствительно всталъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ другаго конца стола поднялся и Кириловъ.

— Позвольте, господинъ Ставрогинъ, рѣзко обратилась къ нему хозяйка, — мы всѣ здѣсь отвѣтили на вопросъ. между тѣмъ какъ вы молча уходите?

— Я не вижу надобности отвѣчать на вопросъ который васъ интересуетъ, пробормоталъ Ставрогинъ.

— Но мы себя компрометтировали, а вы нѣтъ, закричало нѣсколько голосовъ.

— А мнѣ какое дѣло что вы себя компрометтировали? засмѣялся Ставрогинъ, но глаза его сверкали.

— Какъ какое дѣло? Какъ какое дѣло? раздались восклицанія. Многіе вскочили со стульевъ.

— Позвольте, господа, позвольте, кричалъ хромой, — вѣдь и господинъ Верховенскій не отвѣчалъ на вопросъ, а только его задавалъ.

Замѣчаніе произвело эффектъ поразительный. Всѣ переглянулись. Ставрогинъ громко засмѣялся въ глаза хромому и вышелъ, а за нимъ Кириловъ. Верховенскій выбѣжалъ вслѣдъ за ними въ переднюю.

— Что вы со мной дѣлаете? пролепеталъ онъ, схвативъ Ставрогина за руку и изо всей силы стиснулъ ее въ своей. Тотъ молча вырвалъ руку.

— Будьте сейчасъ у Кирилова, я приду.... Мнѣ необходимо, необходимо!

— Мнѣ нѣтъ необходимости, отрѣзалъ Ставрогинъ.

— Ставрогинъ будетъ, покончилъ Кириловъ. — Ставрогинъ, вамъ есть необходимость. Я вамъ тамъ покажу.

Они вышли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Иванъ-Царевичъ.

Они вышли. Петръ Степановичъ бросился было въ „засѣданіе“, чтобъ унять хаосъ, но вѣроятно разсудивъ что не стоитъ возиться, оставилъ все и черезъ двѣ минуты уже летѣлъ по дорогѣ вслѣдъ за ушедшими. На бѣгу ему приломнился переулокъ которымъ можно было еще ближе пройти къ дому Филиппова; увязая по колѣна въ грязи, онъ пустился по переулку и въ самомъ дѣлѣ прибѣжалъ въ ту самую минуту когда Ставрогинъ и Кириловъ проходили въ ворота.

— Вы уже здѣсь? замѣтилъ Кириловъ;—это хорошо. Входите.

— Какъ же вы говорили что живете одинъ? спросилъ Ставрогинъ, проходя въ сѣняхъ мимо наставленнаго и уже закипавшаго самовара.

— Сейчасъ увидите съ кѣмъ я живу,—пробормоталъ Кириловъ,—входите.

Едва вошли, Верховенскій тотчасъ же вынулъ изъ кармана давишнее анонимное письмо взятое у Лембке и положилъ предъ Ставрогинымъ. Всѣ трое сѣли. Ставрогинъ молча прочелъ письмо.

— Ну? спросилъ онъ.

— Этотъ негодяй сдѣлаетъ какъ по-писанному, пояснилъ Верховенскій.—Такъ какъ онъ въ вашемъ распоряженіи, то научите какъ поступить. Увѣряю васъ что онъ можетъ-быть завтра же пойдетъ къ Лембке.

— Ну и пусть идетъ.

— Какъ пусть? Особенно если можно обойтись.

— Вы ошибаетесь, онъ отъ меня не зависитъ. Да и мнѣ все равно; мнѣ онъ ничѣмъ не угрожаетъ, а угрожаетъ лишь вамъ.

— И вамъ.

— Не думаю.

— Но васъ могутъ другіе не пощадить, неужто не понимаете? Слушайте Ставрогинъ, это только игра на словахъ. Неужто вамъ денегъ жалко?

— А надо развѣ денегъ?

— Непремѣнно, тысячи двѣ или minimum полторы. Дайте мнѣ завтра или даже сегодня, и завтра къ вечеру я спроважу

его вамъ въ Петербургѣ, того-то ему и хочется. Если хотите, съ Марьей Тимоѳеевной—это замѣтьте.

Было въ немъ что-то совершенно сбившееся, говорилъ онъ какъ-то неосторожно, вырывались слова необдуманныя. Ставрогинъ присматривался къ нему съ удивленіемъ.

— Мнѣ незачѣмъ отсылать Марью Тимоѳеевну.

— Можетъ-быть даже и не хотите? иронически улыбнулся Петръ Степановичъ.

— Можетъ-быть и не хочу.

— Однимъ словомъ, будутъ или не будутъ деньги? въ злобномъ нетерпѣніи и какъ бы властно крикнулъ Петръ Степановичъ. Ставрогинъ оглядѣлъ его серіозно.

— Денегъ не будетъ.

— Эй, Ставрогинъ! Вы что-нибудь знаете или что-нибудь уже сдѣлали! Вы—кутите!

Лицо его искривилось, концы губъ вздрогнули и онъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то совсѣмъ безпредметнымъ, ни къ чему не идущимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вы отъ отца вашего получили же деньги за имѣніе, спокойно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ.—Maman выдала вамъ тысячъ шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вотъ и заплатите полторы тысячи изъ своихъ. Я не хочу наконецъ платить за чужихъ, я и такъ много роздалъ, мнѣ это обидно.... усмѣхнулся онъ самъ на свои слова.

— А, вы шутить начинаете....

Ставрогинъ всталъ со стула, мигомъ вскочилъ и Верховенскій и машинально сталъ спиной къ дверямъ, какъ бы загораживая выходъ. Николай Всеволодовичъ уже сдѣлалъ жестъ чтобъ оттолкнуть его отъ двери и выйти, но вдругъ остановился.

— Я вамъ Шатова не уступлю, сказалъ онъ. Петръ Степановичъ вздрогнулъ; оба глядѣли другъ на друга.

— Я вамъ давеча сказалъ для чего вамъ Шатова кровь нужна,—засверкалъ глазами Ставрогинъ. Вы этою мазью ваши кучки слѣпить хотите. Сейчасъ вы отлично выгнали Шатова: вы слишкомъ знали что онъ не сказалъ бы: „не донесу“, а солгать предъ вами почелъ бы низостью. Но я-то, я-то для чего вамъ теперь понадобился? Вы ко мнѣ пристаете почти что съ заграницы. То чѣмъ вы это объясняли мнѣ до сихъ поръ, одинъ только бредъ. Межъ тѣмъ вы клоните чтобъ я, отдавъ полторы тысячи Лебядкину, далъ тѣмъ случай Ѳедькѣ его зарѣзать. Я

знаю, у васъ мысль что мнѣ хочется зарѣзать заодно и жену. Связавъ меня преступленіемъ вы конечно думаете получить надо мною власть, вѣдь такъ? Для чего вамъ власть? На кой чортъ я вамъ попадобился? Разъ навсегда разсмотрите ближе: вашъ ли я человѣкъ, и оставьте меня въ покоѣ.

— Къ вамъ Ѳедька самъ приходилъ? одышливо проговорилъ Верховенскій.

— Да онъ приходилъ; его цѣна тоже полторы тысячи.... Да вотъ онъ самъ подтвердитъ, вонъ стоитъ.... протянулъ руку Ставрогинъ!

Петръ Степановичъ быстро обернулся. На порогѣ, изъ темноты, выступила новая фигура—Ѳедька, въ полушубкѣ, но безъ шапки, какъ дома. Онъ стоялъ и посмѣивался, скаля свои ровные бѣлые зубы. Черные съ желтымъ отливомъ глаза его осторожно шмыгали по комнатѣ наблюдая господъ. Онъ чего-то не понималъ; его очевидно сейчасъ привелъ Кириловъ, и къ нему-то обращался его вопросительный взглядъ; стоялъ онъ на порогѣ, но переходить въ комнату не хотѣлъ.

— Онъ здѣсь у васъ приласенъ вѣроятно чтобы слышать нашъ торгъ или видѣть даже деньги въ рукахъ, вѣдь такъ? спросилъ Ставрогинъ, и не дожидаясь отвѣта, пошелъ вонъ изъ дому. Верховенскій нагналъ его у воротъ почти въ сумашествіи.

— Стой! Ни шагу! крикнулъ онъ хватая его за локоть. Ставрогинъ рванулъ руку, но не вырвалъ. Бѣшенство охватило имъ: схвативъ Верховенскаго за волосы лѣвою рукой, онъ бросилъ его изо всей силы объ-земь и вышелъ въ ворота. Но онъ не прошелъ еще тридцати шаговъ какъ тотъ опять нагналъ его.

— Помиримтесь, помиримтесь, прошепталъ онъ ему судорожнымъ шепотомъ.

Николай Всеволодовичъ вскинулъ плечами, но не остановился и не оборотился.

— Слушайте, я вамъ завтра же приведу Лизавету Николаевну, хотите? Нѣтъ? Что же вы не отвѣчаете? Скажите чего вы хотите, я сдѣлаю. Слушайте: я вамъ отдамъ Шатова, хотите?

— Стало-быть правда что вы его убить положили? вскричалъ Николай Всеволодовичъ.

— Ну зачѣмъ вамъ Шатовъ? Зачѣмъ? задыхающейся скороговоркой продолжалъ изступленный, ломинутно забѣгая впередъ и хватаясь за локоть Ставрогина, вѣроятно и не замѣчая того. Слушайте: я вамъ отдамъ его, помиримтесь. Вашъ счетъ великъ, но.... помиримтесь!

Ставрогинъ взглянулъ на него наконецъ и былъ пораженъ. Это былъ не тотъ взглядъ, не тотъ голосъ какъ всегда или какъ сейчасъ тамъ въ комнатѣ; онъ видѣлъ почти другое лицо. Интонація голоса была не та: Верховенскій молилъ, упрашивалъ. Это былъ еще не опомнившійся человѣкъ, у котораго отнимаютъ или уже отняли самую драгоцѣнную вещь.

— Да что съ вами? вскричалъ Ставрогинъ. Тотъ не отвѣтилъ, но бѣжалъ за нимъ и глядѣлъ на него прежнимъ умоляющимъ, но въ то же время и непреклоннымъ взглядомъ.

— Помиримтесь! прошепталъ онъ еще разъ. Слушайте, у меня въ салогѣ, какъ у Ѳедьки ножъ припасенъ, но я съ вами помирюсь.

— Да на что я вамъ наконецъ, чортъ! вскричалъ въ рѣшительномъ гнѣвѣ и изумленіи Ставрогинъ.—Тайна что ль тутъ какая? Что я вамъ за талисманъ достался?

— Слушайте, мы сдѣлаемъ смуту, бормоталъ тотъ быстро и почти какъ въ бреду.—Вы не вѣрите что мы сдѣлаемъ смуту? Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все лопнетъ съ основъ. Кармазиновъ правъ, что не за что ухватиться. Кармазиновъ очень уменъ. Всего только десять такихъ же кучекъ по Россіи, и я неуловимъ.

— Это такихъ же все дураковъ, нехотя вырвалось у Ставрогина.

— О, будьте логлулѣе, Ставрогинъ, будьте логлулѣе сами! Знаете, вы вовсе вѣдь не такъ и умны чтобы вамъ этого желать: вы боитесь, вы не вѣрите, васъ лугаютъ размѣры. И почему они дураки? Они не такіе дураки; нынче у всякаго умъ не свой. Нынче ужасно мало особливыхъ умовъ. Виргинскій это человѣкъ чистѣйшій, чище такихъ какъ мы въ десять разъ; ну и пусть его впрочемъ. Лилутинъ мошенникъ, но я у него одну точку знаю. Нѣтъ мошенника у котораго бы не было своей точки. Одинъ Лямшинъ безо всякой точки, за то у меня въ рукахъ. Еще нѣсколько такихъ кучекъ, и у меня повсемѣстно паспорты и деньги, хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранныя мѣста, и пусть ищутъ. Одну кучку вырвутъ, а на другой сядутъ. Мы пустимъ смуту.... Неужто вы не вѣрите что насъ двоихъ совершенно достаточно? .....

— Возьмите Шигалева, а меня бросьте въ покоѣ....

— Шигалевъ геніальный человѣкъ! Знаете ли что это геній въ родѣ Фурье; но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ „равенство!“

Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось очень особенное, посмотрѣлъ на него еще разъ Ставрогинъ. Оба шли не останавливаясь.

— У него хорошо въ тетради, продолжалъ Верховенскій,—у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а главное равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается каменьями, вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: Безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха, вамъ странно? Я за Шигалевщину!

Ставрогинъ старался ускорить шагъ и добраться поскорѣе домой. „Если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться“, приходило ему на умъ. „Неужели коньякъ?“

— Слушайте, Ставрогинъ: горы сравнять—хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева! Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только не достаетъ, послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. „Мы научились ремеслу и мы честные люди, намъ не надо ничего другаго“ вотъ, недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земнаго шара отселѣ. Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе

аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ Шигалевщина.

— Себя вы исключаете? сорвалось опять у Ставрогина.

— И васъ. Знаете ли, я думалъ было отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ и покажется черни: „Вотъ дескать до чего меня довели!“ и все повалитъ за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только чтобы съ папой Internationale согласилась; такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ. Да другаго ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? говорите, глупо или нѣтъ?

— Довольно, пробормоталъ Ставрогинъ съ досадой.

— Довольно! Слушайте, я бросилъ папу! Къ чорту Шигалевщину! Къ чорту папу! Нужно злобу дня, а не Шигалевщину, потому что Шигалевщина ювелирская вещь. Это идеалъ, это въ будущемъ. Шигалевъ ювелиръ и глупъ какъ всякій филантропъ. Нужна черная работа, а Шигалевъ презираетъ черную работу. Слушайте: папа будетъ на Западѣ, а у насъ, у насъ будете вы!

— Отстаньте отъ меня, пьяный человѣкъ! пробормоталъ Ставрогинъ и ускорилъ шагъ.

— Ставрогинъ, вы красавецъ! вскричалъ Петръ Степановичъ почти въ упоеніи,—знаете ли что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто съ боку, изъ угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы должно-быть страдаете и страдаете искренно, отъ того простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ когда идетъ въ демократію обаятеленъ! Вамъ ничего не значитъ пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ какаго надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ....

Онъ вдругъ поцѣловалъ у него руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку. Они остановились.

— Помѣшанный! прошепталъ Ставрогинъ.

— Можетъ и брежу, можетъ и брежу! подхватилъ тотъ скороговоркой, но я выдумалъ первый шагъ. Никогда Шигалеву не выдумать первый шагъ. Много Шигалевыхъ! Но одинъ, одинъ только человѣкъ въ Россіи изобрѣлъ первый шагъ и знаетъ какъ его сдѣлать. Этотъ человѣкъ я. Что вы глядите на меня? Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ стклянкѣ, Колумбъ безъ Америки.

Ставрогинъ стоялъ и пристально глядѣлъ въ его безумные глаза.

— Слушайте, мы сначала пустимъ смуту, торопился ужасно Верховенскій, поминутно схватывая Ставрогина за лѣвый рукавъ.—Я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете ли, что мы ужь и теперь ужасно сильны? Наши не тѣ только которые рѣжутъ и жгутъ, да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются. Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не соціалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью уже нашъ. Адвокатъ защищающій образованнаго убійцу тѣмъ что онъ развитѣе своихъ жертвъ и чтобы денегъ добыть не могъ не убить, уже нашъ. Школьники убивающіе мужика чтобъ испытать ощущеніе, наши, наши. Присяжные оправдывающіе преступниковъ сплошь, наши. Прокуроръ трепещущій въ судѣ что онъ не достаточно либералепъ, нашъ, нашъ. Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ! Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ,и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздавленъ пузырь съ желчью; вездѣ тщеславіе размѣровъ неломѣрныхъ, аппетитъ звѣрскій, неслыханный... Знаете ли, знаете ли сколько мы одними готовыми идейками возьмемъ? Я поѣхалъ—свирѣпствовалъ тезисъ Littré что преступленіе есть помѣшательство; пріѣзжаю—и уже преступленіе не помѣшательство, а имѣемо здравый-то смыслъ и есть, почти долгъ, по крайней мѣрѣ благородный протестъ. „Ну какъ развитому убійцѣ не убить, если ему денегъ надо!“ Но это лишь ягодки. Русскій Богъ уже спасовалъ предъ „дешевкой“. Народъ льянъ, матери льяны, дѣти льяны, церкви пусты, а на судахъ: „двѣсти розогъ, или тащи ведро“. О дайте, дайте взрости поколѣнію! Жаль только что нѣкогда ждать, а то пусть бы они еще попьянѣе

стали! Ахъ какъ жаль что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ....

— Жаль тоже что мы поглупѣли, пробормоталъ Ставрогинъ и двинулся прежнею дорогой.

— Слушайте, я самъ видѣлъ ребенка шести лѣтъ, который велъ домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете я этому радъ? Когда въ наши руки попадетъ, мы пожалуй и вылѣчимъ.... если потребуется, мы на сорокъ лѣтъ въ пустыню выгонемъ.... Но одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь—вотъ чего надо! А тутъ еще „свѣженькой кровушки", чтобъ попривыкъ. Чего вы смѣетесь? Я себѣ не противорѣчу. Я только филантропамъ и Шигалевщинѣ противорѣчу, а не себѣ. Я мошенникъ, а не соціалистъ. Ха, ха, ха! Жаль только что времени мало. Я Кармазинову обѣщалъ въ маѣ начать, а къ Покрову кончить. Скоро? Ха, ха! Знаете ли что я вамъ скажу, Ставрогинъ: въ Русскомъ народѣ до сихъ поръ не было цинизма, хоть онъ и ругался скверными словами. Знаете ли что этотъ рабъ крѣпостной больше себя уважалъ, чѣмъ Кармазиновъ себя? Его драли, а онъ своихъ боговъ отстоялъ, а Кармазиновъ не отстоялъ.

— Ну, Верховенскій, я въ первый разъ слушаю васъ и слушаю съ изумленіемъ, промолвилъ Николай Всеволодовичъ,— вы стало-быть и впрямь не соціалистъ, а какой-нибудь политическій.... честолюбецъ?

— Мошенникъ, мошенникъ. Васъ заботитъ кто я такой? Я вамъ скажу сейчасъ кто я такой, къ тому и веду. Не даромъ же я у васъ руку поцѣловалъ. Но надо чтобъ и народъ увѣровалъ что мы знаемъ чего хотимъ, а что тѣ только „машутъ дубиной и бьютъ по своимъ". Эхъ кабы время! Одна бѣда—времени нѣтъ. Мы провозгласимъ разрушеніе.... почему, почему, опять-таки, эта идейка такъ обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустимъ пожары.... Мы пустимъ легенды... Тутъ каждая шелудивая „кучка" пригодится. Я вамъ въ этихъ же самыхъ кучкахъ такихъ охотниковъ отыщу что на всякій выстрѣлъ пойдутъ, да еще за честь благодарны останутся. Ну-съ и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ какой еще міръ не видалъ.... Затуманется Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ.... Ну-съ тутъ-то мы и пустимъ.... Кого?

— Кого?

— Ивана-Царевича.

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; васъ, васъ.

Ставрогинъ подумалъ съ минуту.

— Самозванца? вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ удивленіи смотря на изступленнаго. — Э! такъ вотъ наконецъ вашъ планъ.

— Мы скажемъ что онъ „скрывается“, тихо, какимъ-то любовнымъ шопотомъ проговорилъ Верховенскій, въ самомъ дѣлѣ какъ будто пьяный.—Знаете ли вы что̀ значитъ это словцо: „онъ скрывается“? Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить! А главное—новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну что̀ въ соціализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая, неслыханная! Намъ вѣдь только на разъ рычагъ чтобы землю поднять. Все подымется!

— Такъ это вы серіозно на меня разчитывали? усмѣхнулся злобно Ставрогинъ.

— Чего вы смѣетесь, и такъ злобно? Не лугайте меня. Я теперь какъ ребенокъ, меня можно до смерти испугать одною вотъ такою улыбкой. Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его. онъ скрывается. А знаете что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному напримѣръ. И пойдетъ по всей землѣ: „видѣли, видѣли“. И Ивана Филипповича бога-саваоѳа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся предъ людьми, „собственными“ глазами видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ; вы красавецъ, гордый какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, „скрывающійся“. Главное, легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несетъ и „скрывается“. А тутъ мы два-три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, лятерки-то—газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать что есть дескать гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земля: „новый правый законъ идетъ“, и взволнуется море и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!

— Неистовство! проговорилъ Ставрогинъ.

— Почему, почему вы не хотите? Боитесь?

— Вѣдь я потому и схватился за васъ что вы ничего не боитесь. Неразумно что ли? Да вѣдь я пока еще Колумбъ безъ Америки; развѣ Колумбъ безъ Америки разуменъ?

Ставрогинъ молчалъ. Межъ тѣмъ пришли къ самому дому и остановились у подъѣзда.

— Слушайте, наклонился къ его уху Верховенскій:—я вамъ безъ денегъ; я кончу завтра съ Марьей Тимоѳеевной.... безъ денегъ, и завтра же приведу къ вамъ Лизу. Хотите Лизу, завтра же?

„Что онъ вправду помѣшался?“ улыбнулся Ставрогинъ Двери крыльца отворились.

— Ставрогинъ, наша Америка? схватилъ въ послѣдній разъ его за руку Верховенскій.

— Зачѣмъ? серіозно и строго проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ! вскричалъ тотъ въ порывѣ неистовой злобы.—Врете вы, дряннои, блудливый, изломанный барченокъ, не вѣрю, аппетитъ у васъ волчій!.... Поймите же что вашъ счетъ теперь слишкомъ великъ, и не могу же я отъ васъ отказаться! Нѣтъ на землѣ никаго какъ вы! Я васъ съ заграницы выдумалъ; выдумалъ на васъ же глядя. Еслибы не глядѣлъ я на васъ изъ угла, не пришло бы мнѣ ничего въ голову!...

Ставрогинъ не отвѣчая пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Ставрогинъ! крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій, — даю вамъ день.... ну два.... ну три; больше трехъ не могу, а тамъ— вашъ отвѣтъ!

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛИТЕРАТОРЪ СТАРАГО ВРЕМЕНИ

Седьмаго числа минувшаго іюля скончался въ Москвѣ одинъ изъ ветерановъ нашей литературы, одинъ изъ членовъ той литературной фаланги которая, двинувшись вслѣдъ за Карамзинымъ, видѣла въ рядахъ своихъ Пушкина и представителями которой остаются въ настоящее время едва ли не одни только князь П. А. Вяземскій и Ѳ. Н. Глинка. Тотъ „литераторъ стараго времени“ о которомъ я говорю есть Николай Васильевичъ Сушковъ. Онъ родился въ 1796 году.... въ тысяча семьсотъ девяносто шестомъ году! Легко сказать! За предѣлами настоящаго вѣка, въ годъ смерти Екатерины II, въ эпоху которую мы можемъ разсматривать лишь сквозь призму историческаго отдаленія, которую мы принуждены изучать теперь по оставшимся отъ нея памятникамъ, какъ нѣчто совершенно внѣ насъ находящееся и имѣющее съ нашимъ временемъ уже весьма немного общаго! А „литераторъ стараго времени“ зналъ лично весьма многихъ игравшихъ роль при Екатеринѣ, былъ современникомъ людей Отечественной Войны, видѣлъ Москву послѣ выхода изъ нея Французовъ. Такой человѣкъ, будучи живою связью настоящаго съ минувшимъ, составляетъ для нашего любознательнаго времени предметъ изученія по крайней мѣрѣ столько же любопытный какъ собранія писемъ и записочекъ людей сошедшихъ въ могилу, обнародованію коихъ посвящаются нынѣ спеціальныя изданія.

Но не легко говорить о такомъ человѣкѣ. Идеалы, какъ литературные такъ и политическіе, которые онъ усвоилъ въ пору своей молодости, уже не наши идеалы; намъ, съ своей стороны, затруднительно усвоить его точку зрѣнія въ оцѣнкѣ художественныхъ вопросовъ, политическихъ событій и общественныхъ потребностей. У насъ есть съ нимъ одна только точка соприкосновенія, одинъ общій критерій—начала нравственныя. Этотъ критерій твердъ и выдерживаетъ пробу времени. Мы въ правѣ требовать отъ человѣка XVIII вѣка, какъ и отъ нашего современника, чтобъ онъ удовлетворялъ нашему нравственному идеалу, ибо этотъ идеалъ древнѣе и нашего и минувшаго вѣка. Въ этомъ отношеніи Сушковъ выдерживаетъ даже и строгую критику; что же касается до оцѣнки его какъ публичнаго дѣятеля, то прежде чѣмъ приступить къ ней, необходимо внимательно и съ полнымъ спокойствіемъ изучить ту эпоху къ которой онъ принадлежитъ по своему развитію, а мы только-что начинаемъ изучать ее и,—судя по первымъ опытамъ,—не съ тѣмъ спокойствіемъ и вниманіемъ какія для этого необходимы. Въ этомъ, кажется, заключается причина нежеланія наслѣдниковъ Сушкова напечатать оставшіяся послѣ него бумаги.... Но онѣ были благосклонно сообщены мнѣ, и мнѣ показалось что нѣсколько біографическихъ и библіографическихъ свѣдѣній о покойномъ Сушковѣ будутъ и въ настоящее время прочтены не безъ интереса.

Сушковъ родился, какъ сказано, въ 1796 году, именно 15 ноября, слѣдовательно черезъ недѣлю послѣ смерти Екатерины II. Отецъ его былъ при императорѣ Павлѣ губернаторомъ въ Симбирскѣ и имѣлъ по своему служебному положенію хорошія связи въ высшей администраціи; онъ былъ между прочимъ друженъ съ графомъ Васильевымъ; что касается до матери Сушкова, то она была довольно извѣстною въ свое время писательницей, равно какъ и ея братья А. В. и М. В. Храповицкіе. Оба они были пріятелями Державина и Катениста, а первый,—оставившій послѣ себя извѣстный „Дневникъ“, состоялъ при Екатеринѣ статсъ-секретаремъ *по литературной части*, то-есть, выправлялъ орѳографію въ драматическихъ сочиненіяхъ государыни, писалъ для нихъ куплеты, докладывалъ ей о содержаніи выходящихъ книгъ, дѣлалъ изъ нихъ извлеченія и т. п. Такимъ образомъ семейство Сушковыхъ примыкало къ литературному міру, и вліяніе этого міра отразилось на немъ: изъ числа трехъ братьевъ Н. В. Сушкова два,—Михаилъ и Петръ

(отецъ графини А. П. Ростопчиной) посвящали, какъ говорилось въ то время, свои досуги музамъ.

Что касается до Николая Васильевича, то любовь къ литературнымъ занятіямъ не оставляла его до самой смерти, чему, безъ сомнѣнія, кромѣ семейныхъ преданій, способствовало и воспитаніе которое онъ получилъ по выходѣ изъ родной семьи. Московскій Благородный Пансіонъ, въ которомъ Сушковъ воспитывался и исторію котораго онъ написалъ въ послѣдствіи, было особаго рода учебное заведеніе, даже высшее учебное заведеніе, устроенное въ параллель университету, учебная программа котораго обнимала если не всѣ, то очень многія отрасли человѣческаго знанія... „Воспитаніе наше, говоритъ историкъ Благороднаго Пансіона, было почти энциклопедическое; „но", продолжаетъ онъ, „все знать совершенно—выше умственныхъ силъ человѣчества; имѣя, можно сказать, ключи ко всѣмъ наукамъ, воспитанникъ, смотря по обстоятельствамъ, роду службы и нуждамъ, въ теченіе своей жизни самъ довершалъ свое образованіе, да и во время пребыванія своего въ Пансіонѣ каждому изъ нихъ предоставлялась свобода заниматься предпочтительно нѣкоторыми предметами предъ другими. Иные сосредоточивали свои силы на математическихъ наукахъ, и будучи еще воспитанниками, вступали въ Математическое Общество, изъ котораго образовалась Муравьевская Школа Колоновожатыхъ; другіе, увлекаясь талантомъ и познаніями профессора Сандунова, отдавались юриспруденціи; иные наконецъ,—и такихъ было больше всего,—спеціально занимались словесными науками и особенно русскою словесностью. Какую, казалось бы, прелесть представляли занятія языкомъ который едва устанавливался, словесностью которая и насъ, небольшихъ богачей въ этомъ отношеніи, поражаетъ своею бѣдностью? Фактъ тѣмъ не менѣе несомнѣненъ. Толчокъ данный Карамзинымъ, Дмитріевымъ и Жуковскимъ въ дѣлѣ очищенія русской рѣчи былъ подхваченъ всѣмъ обществомъ; изъ-за грамматическихъ формъ, изъ-за относительнаго достоинства словъ происходили жаркія препирательства; критика считала въ числѣ первыхъ своихъ обязанностей „стоять на стражѣ россійскаго языка", и небольшое число сочиненій и переводовъ, тщательно отдѣланныхъ въ стилистическомъ отношеніи, читались съ жадностью о которой нынѣ трудно составить себѣ понятіе; отрывки изъ нихъ вписывались въ завѣтныя тетрадки и затверживались наизустъ.... Таковъ былъ вкусъ времени.

Что сдѣлали въ литературѣ Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій, то повторялъ въ педагогической сферѣ Мерзляковъ. Полный любви и уваженія къ народному слову, исключительно поглощенный литературными интересами, онъ умѣлъ сообщать свои воззрѣнія и многочисленнымъ питомцамъ своимъ. Онъ былъ любимымъ профессоромъ въ Благородномъ Пансіонѣ, директоръ котораго Проколовичъ-Антонскій дѣлалъ все что отъ него зависѣло дабы развить въ своихъ воспитанникахъ литературныя наклонности. Независимо отъ классныхъ занятій по части русской словесности, пансіонское начальство придумало разныя для того средства; оно ввело между воспитанниками игру въ *омонимы*, причемъ штрафы въ ней взимались стихами; на публичныхъ экзаменахъ или актахъ, всегда сопровождавшихся большою торжественностью, громко читаемы были лучшія изъ ученическихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, а потомъ предаваемы были печати въ особыхъ сборникахъ; * наконецъ изъ воспитанниковъ учреждено было литературное общество, первымъ предсѣдателемъ коего былъ Жуковскій и на засѣданія котораго иногда пріѣзжали тогдашнія литературныя знаменитости, — Карамзинъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Кокошкинъ и др. Не удивительно, говоритъ Сушковъ, что Московскій Благородный Пансіонъ, въ короткое время своего существованія, далъ Россіи многихъ и замѣчательныхъ литераторовъ, напримѣръ Жуковскаго, князя Шаховскаго, Граматина, Петина, Милонова, двухъ Родзянковъ, Жихарева, М. Н. Макарова, Воейкова, Свиньина, А. И. Писарева, М. А. Дмитріева, Норова, князя Одоевскаго, Баратынскаго, Грибоѣдова, Вельтмана, Калайдовича, Шевырева, не считая живыхъ еще и другихъ, менѣе извѣстныхъ. Не удивительно также что и тѣ изъ воспитанниковъ Пансіона которые не посвятили себя спеціально литературѣ оставались близки ей и въ другихъ сферахъ дѣятельности, и что многіе изъ нихъ, достигнувъ высокаго служебнаго положенія, были въ правительственныхъ сферахъ представителями умственныхъ и духовныхъ интересовъ, какъ напримѣръ Дашковъ, Норовъ, А. Тургеневъ, или извѣстный покровитель Пушкина генералъ Инзовъ.

Въ это-то вполнѣ литературное учебное заведеніе посту-

* Сушковъ называетъ эти изданія: *Калліопа*, *Утренняя Заря*, *Пріятное препровожденіе времени* и *Избранныя сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ*.

пилъ Сушковъ, какъ сказано, изъ своей литературной семьи, и пришлося, подобно другимъ, упражняться въ словесности по указанію Мерзлякова. На торжественномъ актѣ 1810 года было прочитано его стихотвореніе *Дружба*, которое потомъ попало въ *Каллiопу*; въ слѣдующемъ году, предъ собравшеюся публикой юный поэтъ прочелъ другое свое стихотвореніе *Ключъ*, напечатанное затѣмъ, вмѣстѣ съ кантатой его подъ заглавіемъ *Музыка*, въ *Избранныхъ сочиненіяхъ*.

Въ 1814 году онъ поступилъ на дѣйствительную службу по министерству юстиціи, хотя, благодаря связямъ своего отца съ графомъ Васильевымъ, числился гораздо ранѣе на службѣ по министерству финансовъ, и съ 1809 года состоялъ въ званіи коллегіи юнкера. Новая служба Сушкова призывала его въ Петербургъ, но онъ находился еще въ Москвѣ когда получено было извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. По этому поводу въ Москвѣ, едва освобождавшейся отъ развалинъ, открылся рядъ празднествъ; главнокомандующій графъ Ростопчинъ далъ большой праздникъ въ своемъ историческомъ домѣ на Лубянкѣ; А. М. Полторацкая дала другой праздникъ, въ обширныхъ палатахъ своихъ у Калужскихъ воротъ. Оба эти праздника имѣли характеръ народный; независимо отъ особъ пировавшихъ въ палатахъ хозяевъ, на обширныхъ дворахъ ихъ домовъ и въ живописномъ саду Полторацкой, играла музыка, горѣла иллюминація, пѣли пѣсенники, и между прочимъ они пѣли стихи Сушкова:

Ой вы дѣти каменной Москвы,

нарочно сочиненные для этого случая.

Благодаря наслѣдственнымъ связямъ своимъ, Сушковъ вступилъ по прибытіи въ Петербургъ въ высшее общество. Живой, сообщительный, одаренный весьма привлекательною наружностью, онъ былъ засыпаемъ приглашеніями, и только недостатокъ средствъ мѣшалъ ему сдѣлаться однимъ изъ свѣтскихъ молодыхъ людей les plus courus. Дядя его М. В. Храповицкій, весьма дружный съ Аракчеевымъ, вызывался выхлопотать ему званіе камеръ-юнкера, но Сушковъ отказался, говоря что придворная служба ему не по карману, да и не по нраву; онъ жилъ въ маленькой квартиркѣ, не держалъ экипажа, и всю его прислугу составлялъ одинъ старый лакей. Такимъ образомъ онъ могъ не выходить изъ довольно ограниченнаго бюджета; часто бывалъ на большихъ балахъ, показывался въ самыхъ чопорныхъ

гостиныхъ, былъ знакомъ со всѣми тогдашними великосвѣтскими львами и львицами, но бо́льшую часть времени проводилъ въ нѣсколькихъ семейныхъ домахъ, гдѣ опять-таки на него вѣяло литературными интересами.

Однимъ изъ такихъ домовъ былъ домъ его новаго начальника, министра юстиціи Трощинскаго, о которомъ Сушковъ сохранилъ до конца жизни самое теплое и почтительное воспоминаніе. Трощинскій какъ государственный человѣкъ достаточно извѣстенъ читающей публикѣ, благодаря многимъ напечатаннымъ его *мнѣніямъ* и *запискамъ* по разнымъ государственнымъ вопросамъ; но его индивидуальность едва ли изображена съ такою живостью гдѣ-либо какъ въ воспоминаніяхъ Сушкова. Трощинскій жилъ въ Петербургѣ довольно уединенно, рѣдко показывался во дворцѣ и еще рѣже въ домахъ придворной знати; у себя принималъ онъ лишь небольшое число близкихъ пріятелей, которые пришадлежали притомъ большею частію къ числу его земляковъ по Малороссіи. Таковъ былъ между прочимъ графъ Милорадовичъ, отъ времени до времени находившій свободную минуту чтобы завернуть къ своему земляку и пріятелю. Карамзинъ тоже бывалъ у Трощинскаго, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своихъ харьковскихъ помѣстій. Изрѣдка выходилъ изъ своего кабинета и самъ хозяинъ, и въ этихъ случаяхъ обыкновенно серіозное лицо его одушевлялось, и чисто малороссійскій его юморъ, говоритъ Сушковъ, заставлялъ смѣяться до слезъ молодыхъ и старыхъ. Впрочемъ *старые* составляли лишь случайность въ гостиной Трощинскаго, хозяйкой и душой которой была его замужняя дочь княгиня Хилкова. Она очень любила танцы и часто ихъ устраивала; но

.... слѣдуя свято
Далекой отчизны примѣру,

она перемѣшивала экоссезы и котильйоны съ горлицей, манимаской и казачкомъ. Княгиня Хилкова очень интересовалась также и русскою литературой. Все что̀ печаталось за подписью Жуковскаго, Батюшкова, князя Шаховскаго немедленно прочитывалось въ ея ежедневномъ кружкѣ и становилось предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ; Капнистъ и Гнѣдичъ, земляки Трощинскаго, обыкновенно являлись съ только-что вышедшими книжками или журналами въ рукахъ; Аркадій Родзянко ничего не печаталъ не прочтя предварительно въ гостиной Трощинскаго.

Другой не менѣе литературный домъ въ которомъ Сушковъ бывалъ почти ежедневно былъ домъ Полторацкихъ, гдѣ онъ встрѣчалъ иногда Державина и Карамзина и очень часто Оленина, Крылова, а также Гнѣдича и Капниста и многихъ художниковъ и ученыхъ. Вотъ слѣдовательно среда въ которой главнымъ образомъ обращался нашъ „литераторъ прежняго времени“, гдѣ установились его литературныя связи и гдѣ образовались его литературныя воззрѣнія. Въ 1815 году онъ едва впрочемъ не разстался съ нимъ надолго, можетъ-быть навсегда. Приказаніе отданное гвардіи готовиться къ походу по случаю возвращенія Наполеона во Францію возбудило въ Сушковѣ воинственное одушевленіе; какіе-то пламенно-патріотическіе написанные имъ стихи попались на глаза Милорадовичу, который сталъ подбивать его взяться за саблю и обѣщалъ выхлопотать переводъ въ военную службу офицеромъ, но вскорѣ пришедшее затѣмъ извѣстіе о битвѣ при Ватерлоо положило конецъ и сборамъ русской гвардіи, и воинственному настроенію Сушкова.

Въ 1815, и даже еще 1814 году, говоритъ онъ, стихи мои и проза стали появляться въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ,—въ *Сынѣ Отечества*, *Вѣстникѣ Европы*, *Амфіонѣ*, *Благонамѣренномъ*, *Русскомъ Пустынникѣ*, *Соревнователѣ просвѣщенія и благотвореній*, въ *Музѣ новыхъ россійскихъ стихотворцевъ* и *Радугѣ*. Какъ проза такъ и стихи Сушкова, помѣщавшіеся въ этихъ изданіяхъ, принадлежатъ къ тѣмъ которые быстро задумываются и быстро исполняются. Нѣкоторыя изъ его прозаическихъ статей принадлежатъ къ области критики, но разумѣется не слѣдуетъ искать въ нихъ тѣхъ качествъ какими отличается критика позднѣйшаго времени. Подъ именемъ критики разумѣлись въ 1815—20 годахъ и даже позднѣе, бѣглыя замѣтки, вызванныя въ лучшемъ случаѣ формой появившейся книги или статьи, а нерѣдко и личными отношеніями рецензента къ автору. Причины пустыя, скажутъ? Правда. За немногими исключеніями,—напримѣръ критики Каченовскаго на исторію Карамзина,—критика и антикритика были не что иное какъ состязаніе въ остроуміи, и побѣдителемъ считался тотъ qui mettait les rieurs de son coté.

Весело жилось въ Москвѣ и Петербургѣ по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, когда гвардія возвратилась изъ-за границы; каждый гвардейскій офицеръ спѣшилъ вознаградить себя за годы бивачныхъ трудовъ, и каждый обыватель Петербурга

и Москвы не жалѣлъ ничего чтобъ угостить его и похвастать имъ предъ своими знакомыми. Та темная эпоха которой присвоено названіе реакціи только-что начиналась, да и въ послѣдствіи, когда она развернулась во всей своей мрачной суровости, сіяющая молодежь не очень обращала на нее вниманіе.... Въ это время, говоритъ Сушковъ въ предисловіи къ своему *Теніеру* *, очень любили домашніе спектакли; всевозможныя драматическія пьесы, живыя картины, даже балеты ставились у Мятлевыхъ, Грибоѣдовыхъ, у графини Васильевой, у князей И. А. Гагарина и Дундукова, у графа Комаровскаго, у Резановыхъ, Авдулиныхъ, у И. А. Кокошкина, у княгини Долгоруковой, у Всеволодскаго, Храповицкаго, Загоскина, Титова, Бакунинныхъ, Комаровыхъ и др. Домашніе спектакли съ ихъ веселыми репетиціями и веселыми хлопотами представляли не только много прелести для молодежи, но становились предметомъ серіозныхъ попеченій и для пожилыхъ людей, какъ засвидѣтельствовалъ Загоскинъ въ своемъ *Благородномъ Театрѣ*. Крыловъ, Шаховской, Загоскинъ, Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, Жандръ, Араповъ, Писаревъ, Ѳедоровъ—вотъ корифеи тогдашняго репертуара, вотъ авторы и весьма часто актеры тогдашнихъ домашнихъ спектаклей.

Случилось, разказываетъ Сушковъ, что въ семействѣ сенатора Резанова, гдѣ домашніе спектакли были очень часты, перебравъ всѣ извѣстныя піесы модныхъ тогдашнихъ драматурговъ, потребовали чего-нибудь новаго. Обратились къ П. А. Корсакову,—въ послѣдствіи переводчику *Робинзона* и сотруднику *Маяка*,—и Сушкову; послѣдній изъ нихъ, уже заявившій свой драматическій талантъ какимъ-то водевилемъ, разыгранным у Резановыхъ, никакъ не могъ отказаться. Онъ написалъ съ участіемъ Корсакова „анекдотъ въ лицахъ“, подъ заглавіемъ *Теніеръ*, который и былъ первою изъ извѣстныхъ намъ драматическихъ піесъ Сушкова. Эта піеса была разыграна зимой 1815—16 года. Между тѣмъ прибыла въ Петербургъ принцесса Оранская (въ послѣдствіи королева Нидерландская) Анна Павловна съ супругомъ своимъ. Желая доставить принцу спектакль, содержаніе котораго особенно заинтересовало бы его, императрица Марія Ѳеодоровна приказала поставить піесу Сушкова на эрмитажной сценѣ. Постановку предполагалось сдѣлать великолѣпную; костюмы и декораціи заимствовались съ Теніе-

* См. *Драматическій Альбомъ*.

ровыхъ картинъ; но представленіе не состоялось за болѣзнію кого-то изъ актеровъ, а вскорѣ потомъ принцъ и принцесса уѣхали. Піеса была впрочемъ куплена у Сушкова театральною дирекціей, но не была играна; уже гораздо позднѣе, именно въ 1832 * году, ее поставилъ для своего бенефиса покойный Щепкинъ. а Араповъ напечаталъ въ своемъ *Драматическомъ Альбомѣ* (1850 года). Изъ записокъ Сушкова видно что *Теніеръ* былъ поставленъ и на нѣкоторыхъ провинціальныхъ сценахъ.

Послѣ этой піесы онъ принялся за переводъ Пироновой *Métromanie* и перевелъ ее александрійскими стихами (шестистопными ямбмами): размѣръ тяжелый и принуждающій лучшихъ декламаторовъ къ монотонной дикціи, но единственно приличествующій, по понятіямъ того времени, для серіозной комедіи. *Метроманія* Сушкова представлена была въ Петербургѣ 11 февраля 1819 года, а въ слѣдующемъ году напечатана. Затѣмъ мы находимъ въ автобіографическихъ замѣткахъ Сушкова извѣстіе о небольшой его піескѣ подъ заглавіемъ *Сюрпризы*, игранной нѣсколько разъ въ домѣ Резанова, а позднѣе на Петербургскомъ театрѣ и на нѣкоторыхъ провинціальныхъ. Что это за піеса и въ чемъ состояло ея содержаніе — мы не знаемъ, потому что она едва ли была напечатана, но Сушковъ разказываетъ что она надѣлала было ему хлопотъ. Эта піеса была играна въ первый разъ на публичной сценѣ въ бенефисъ извѣстной Сандуновой въ 1821 году; къ удивленію, ее запретили на слѣдующій же день, а авторъ получилъ приглашеніе явиться къ генералъ-губернатору.—„Что за піесу вы написали? Съ какою цѣлію?“ спрашиваетъ у него графъ Милорадовичъ, и объясняетъ что въ именахъ дѣйствующихъ лицъ Петра и Романа, усмотрѣны намеки на Петра Великаго и домъ Романовыхъ.... Сушковъ безъ труда увѣрилъ его что каламбуры по поводу помянутыхъ именъ, хороши ли худы ли они, политическихъ намековъ не заключаютъ въ себѣ, да едва ли подаютъ и поводъ къ какимъ-либо толкованіямъ. Сушковъ думаетъ что при этомъ не обошлось безъ интриги со стороны Хмѣльницкаго (автора *Воздушныхъ Замковъ* и пр.). Но люди, а особенно

---

* Въ *Драматическомъ Альбомѣ* названъ 1845 годъ; но въ автобіографическихъ извѣстіяхъ Сушкова въ двухъ мѣстахъ названъ 1832 годъ. „Я былъ тогда на службѣ въ Самогитіи“, говоритъ авторъ и въ предисловіи къ *Теніеру*,—а въ Самогитіи онъ служилъ именно въ 1832 году, а не въ 1845 году.

авторы прежняго времени были большіе охотники объяснять какъ удачи такъ и неудачи свои личными отношеніями.

Между тѣмъ Сушковъ, оставивъ министерство юстиціи, перешелъ на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, которымъ управлялъ Мечниковъ, человѣкъ,—по извѣстіямъ современниковъ,—строгій и серіозный. Сушкову пришлось отдать службѣ гораздо болѣе времени чѣмъ прежде и разстаться съ музой. Но онъ не разрывалъ сношеній съ литераторами и отдалъ П. П. Свиньину дневникъ Храповицкаго, хранившійся у него какъ семейная драгоцѣнность. Свиньинъ напечаталъ его въ своихъ *Отечественныхъ Запискахъ* (1821—23), но не возвратилъ рукописи, которая повидимому погибла вмѣстѣ со многими другими манускриптами Свиньина; по крайней мѣрѣ Сушковъ никогда не могъ найти ея слѣдовъ. Что касается до него самого, то, онъ, читаемъ мы въ его формулярѣ, въ это время „занимался сочиненіемъ историческаго и статистическаго описанія соляныхъ источниковъ, соловаренныхъ заводовъ и каменной соли въ государствѣ.“ Часть этого описанія,—описаніе Старорусскаго солянаго промысла,—напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1821 года, а въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* того же года напечатанъ другой отрывокъ изъ этого изслѣдованія подъ заглавіемъ *Сибирскіе соляные промыслы*. Наконецъ въ 1827 году въ *Горномъ Журналѣ* напечатаны были изслѣдованія Сушкова объ Элтонскомъ озерѣ и о крымскихъ соленыхъ озерахъ.

Зима 1821—22 года была послѣднею проведенною Сушковымъ въ Петербургѣ. Въ концѣ этой зимы онъ былъ назначенъ совѣтникомъ соляного отдѣленія Таврической казенной экспедиціи, и отъѣздомъ его на Югъ оканчивается первая его литературная эпоха. Правда, въ 1823 году онъ напечаталъ „лирическую трагедію“ въ 3хъ дѣйствіяхъ и стихахъ подъ заглавіемъ *Сафо*, но, какъ увидимъ вслѣдъ за симъ, она была написана еще въ Петербургѣ. Эта піеса, говоритъ Сушковъ, заслужила лестные отзывы отъ И. И. Дмитріева и Мерзлякова (который, какъ старый учитель автора, сдѣлалъ на нее нѣсколько замѣчаній), а капельмейстеръ Кавосъ вызывался написать къ ней музыку; но она не была поставлена на сцену, а Сушковъ, отдавшись другимъ заботамъ, скоро пересталъ и хлопотать о ней. Вообще съ отъѣздомъ въ Крымъ онъ сталъ посвящать литературѣ лишь краткіе досуги и могъ развѣ издали слѣдить за ея движеніемъ; литературныя связи его обрывались одна за

другою, а 20 лѣтъ спустя, снова принявшись за перо, онъ не нашелъ уже ни прежнихъ легкихъ успѣховъ, ни прежнихъ благосклонныхъ пріятелей усердно рукоплескавшихъ его піесамъ. Это огорчало его и вызвало однажды слѣдующій сохранившійся въ его запискахъ ретроспективный взглядъ на первую часть его литературнаго поприща: „Литературное поприще мое разломилось на двое, говоритъ онъ; средину между двумя половинами наполняетъ служебная дѣятельность. Съ одного конца—молодость и успѣхи, на другомъ концѣ—старость и ломѣхи. Первые мои стихотворные опыты встрѣтили сочувствіе: верховные того времени цѣнители юныхъ поэтовъ,—И. И. Дмитріевъ, князь И. М. Долгорукій, А. С. Шишковъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, А. Е. Хвостовъ и издатели немногихъ тогда журналовъ знакомились со мною, встрѣчая меня въ обществѣ. Гнѣдичъ, Крыловъ, Батюшковъ не скучали просмотромъ или прослушиваніемъ моихъ рукописей (*Метроманіи* и *Сафо*); Кокошкинъ усердно заботился о постановкѣ *Метроманіи*, а Гречъ даромъ напечаталъ ее въ своей типографіи и вмѣсто денегъ взялъ съ меня по разчету оттиски этой комедіи. Н. М. Карамзинъ принималъ меня привѣтливо за вечернимъ чаемъ.... Я не упоминаю, говоритъ далѣе Сушковъ, о моихъ литературныхъ сверстникахъ—о князѣ П. А. Вяземскомъ, С. Т. Аксаковѣ, П. Н. Араловѣ, М. Н. Загоскинѣ, А. С. Грибоѣдовѣ, П. А. Корсаковѣ, А. А. Бестужевѣ, Н. Ф. Павловѣ и другихъ. Всѣ они были со мною въ ладу.... Горячо и искренно любили меня Антонскій и Мерзляковъ,—одинъ какъ воспитатель мой, другой—какъ поселившій въ моей душѣ страсть къ стихотворству. Такъ прошелъ я первую половину моего писательскаго поприща“.... Изъ другихъ мѣстъ записокъ Сушкова и изъ его *Обоза къ потомству* мы узнаемъ что онъ былъ въ сношеніяхъ и со многими другими литераторами того времени; что съ Грибоѣдовымъ и Батюшковымъ онъ видѣлся находясь уже на службѣ въ Крыму, что Пушкина онъ зналъ еще до поступленія въ Благородный Пансіонъ и навѣщалъ его въ Лицеѣ, и что Пушкинъ, въ свою очередь, бывалъ у него еще прежде чѣмъ напечаталъ *Руслана и Людмилу*; но и Грибоѣдовъ, и Батюшковъ, и Пушкинъ, не говоря уже о другихъ старшихъ по возрасту его литературныхъ пріятеляхъ, сходили въ могилу одинъ за другимъ; Сушковъ видѣлъ какъ рѣдѣла фаланга въ рядахъ которой онъ выступилъ на публичную арену, а вкусъ публики, духъ времени, литературные нравы глубоко измѣнялись между

тѣмъ.... Ко всему этому мы впрочемъ возвратимся далѣе, а теперь послѣдуемъ за Сушковымъ въ Симферополь.

Изслѣдованія о соляномъ промыслѣ, которыми Сушковъ занимался еще въ Петербургѣ, хорошо приготовили его къ исполненію той должности которую онъ долженъ былъ занимать въ Крыму. Вотъ почему онъ былъ въ состояніи охранять тамъ ввѣренные его попеченію интересы; мы находимъ между оставшимися послѣ него бумагами копію съ представленія о немъ министру финансовъ, въ которомъ говорится между прочимъ что въ продолженіи трехъ лѣтъ со времени открытія Таврической казенной экспедиціи, по 1822 годъ, казна получила по соляной части чистаго дохода лишь 6.056.000 р., а въ три послѣдующіе года „со вступленія его въ должность совѣтника“, чистый доходъ отъ крымской соли возросъ до 15.437.879 рублей. Въ прежнее время, читаемъ мы въ помянутомъ представленіи, евпаторійская соль шла за границу лишь въ незначительномъ количествѣ, а въ 1822 году „онъ изобрѣлъ средство выпускать всю сію соль частію въ Россію, а главнѣйше за границу, и получать чистаго дохода съ нея милліонъ рублей.“ Кромѣ того „многія мнѣнія по дѣламъ, гдѣ большинство голосовъ судило ошибочно или несогласно съ законами, нѣкоторыя предположенія имѣющіяся въ министерствѣ финансовъ по части соляной, рекрутской и народнаго продовольствія показываютъ постоянное попеченіе его о пользѣ службы.“ Такова была аттестація сдѣланная о Сушковѣ кажется графомъ Воронцовымъ, аттестація доставившая ему правда ничтожную награду (1.000 рублей единовременно), но за то спасшая его отъ слѣдующей довольно серіозной непріятности.

Въ апрѣлѣ 1824 года полученъ былъ въ Симферополѣ указъ объ отсрочкѣ соляныхъ недоимокъ. Сушковъ, пылкій до самой старости и иногда невоздержный на языкѣ, объявилъ въ полномъ присутствіи экспедиціи что не понимаетъ этого указа и находитъ его „безтолковымъ“; а такъ какъ сочлены его были очень недовольны своимъ товарищемъ, черезчуръ ревностнымъ къ пользамъ казны, то вице-губернаторъ, предсѣдавшій въ экспедиціи, приказалъ записать слова Сушкова въ журналъ и довелъ о нихъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Графъ Воронцовъ, весьма цѣнившій безкорыстную службу Сушкова, тотчасъ же послалъ на мѣсто довѣреннаго чиновника для изслѣдованія дѣла и убѣдился „что вице-губернаторъ и прокуроръ умышленно привели Сушкова къ произнесенію неприличныхъ

словъ насчетъ указа". Происшествіе это, писалъ графъ Воронцовъ сенату, слѣдуетъ считать очевиднымъ послѣдствіемъ личной непріязни, причина которой „есть то что Сушковъ человѣкъ отличной честности, ревностный къ пользамъ службы и благонамѣренный, но молодой, неопытный и опрометчивый." Поэтому Воронцовъ настаивалъ и настоялъ чтобы сенатъ ограничился выговоромъ виноватому.

Вскорѣ послѣ этого Сушковъ оставилъ Крымъ и переведенъ былъ въ Кишеневъ членомъ Бессарабскаго верховнаго совѣта (1825). О пребываніи его въ Бессарабіи сохранилось очень мало извѣстій въ его бумагахъ и запискахъ, а между тѣмъ здѣсь случилось одно происшествіе имѣвшее рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую внутреннюю его жизнь. Въ концѣ 1827 или въ началѣ 1828 года Сушковъ имѣлъ дуэль, которая кончилась смертію его противника. Воспоминаніе объ этомъ несчастномъ происшествіи было всегда тяжело для Сушкова, и онъ старался избѣгать его какъ въ разказахъ своихъ о былыхъ временахъ, такъ и въ біографическихъ своихъ замѣткахъ. Только въ одномъ мѣстѣ, именно въ *Обозѣ къ потомству*, говоря о дуэли Лермонтова и предразсудкѣ на которомъ основана дуэль, онъ говоритъ, очевидно обращаясь къ самому себѣ: „Я знаю человѣка,—не скажу кроткаго, но по крайней мѣрѣ миролюбиваго, никогда не служившаго въ военной службѣ, а посвятившаго себя гражданской почти до старости и занятіямъ литературнымъ вѣроятно до могилы; человѣка не высоко цѣнящаго личную храбрость, какъ одну изъ добродѣтелей отрицательныхъ, подобно вѣжливости, честности, трезвости и т. д. И этотъ, нѣсколько пылкій, но не мстительный, не злопамятный человѣкъ заплатилъ однакоже печальную дань ненавистному въ собственныхъ глазахъ его предразсудку,—и вотъ ужъ болѣе 25 лѣтъ, какъ онъ помнитъ на ежедневной молитвѣ убитаго—и тяжело и грустно ему воспоминаніе о поединкѣ!" Подъ вліяніемъ подобныхъ мыслей онъ написалъ комедію въ стихахъ *Дуэлисты*, которая не была напечатана, но нѣсколько разъ дана была на Московской сценѣ въ 1839 году.

Но подобныя воззрѣнія Сушковъ усвоилъ себѣ гораздо позднѣе. Онъ конечно не могъ не пожалѣть и въ 1828 году что былъ причиной смерти человѣка, но былъ убѣжденъ что всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ бы то же что онъ, и что человѣкъ убившій другаго *по правиламъ чести* не заслуживаетъ порицанія. Онъ съ полною откровенностью разказалъ все дѣло предъ

слѣдственною коммиссіей, которая наряжена была по этому случаю, безволокиту высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тираспольской крѣпости, и затѣмъ почиталъ себя совершенно правымъ. Но судъ приговорилъ его, сверхъ заключенія въ крѣпости, къ духовному покаянію. Пожелавъ отбыть эту обязанность въ Москвѣ, Сушковъ пріѣхалъ туда осенью 1828 года и счелъ какъ бы нѣкотораго рода долгомъ явиться къ митрополиту Филарету. Мы сѣли, разказываетъ Сушковъ въ біографіи этого послѣдняго, и между нами начался слѣдующій разговоръ:

— Мнѣ жаль васъ. Съ вами случилось великое несчастіе.

— Да-съ; ни предвидѣть, ни предупредить его было невозможно.

— Обиду нанесенную вамъ—такъ; но послѣдствія размолвки или ссоры зависѣли отъ васъ.

— Какъ! Оставить обиду безъ наказанія! Прослыть за труса! Остаться навсегда обезчещеннымъ!...

Такъ говорилъ человѣкъ двадцатыхъ годовъ, настоящій сынъ своего времени.... Филаретъ поручилъ его попеченіямъ одного стараго священника, нерѣдко самъ бесѣдовалъ съ нимъ, и дѣло кончилось тѣмъ что въ міровоззрѣніи Сушкова совершился, не вдругъ конечно, но мало-по-малу, полнѣйшій переворотъ, отразившійся и на его жизни и, какъ увидимъ скоро, на литературной его дѣятельности.

Между тѣмъ отбывъ установленное покаяніе, онъ зачислился по министерству внутреннихъ дѣлъ и поселился въ Петербургѣ. Впрочемъ онъ не долго жилъ и тамъ. Въ 1830 году онъ былъ посланъ въ Митаву предсѣдателемъ коммиссіи для обревизованія земскихъ сборовъ по Курляндіи, и вскорѣ затѣмъ, по случаю волненій въ западномъ краѣ, назначенъ былъ управлять канцеляріей начальника временно образованной изъ Жмудскихъ уѣздовъ области. Здѣсь онъ пробылъ до окончанія польскаго мятежа, а потомъ переведенъ былъ въ Вильну правителемъ канцеляріи тамошняго генералъ-губернатора князя Н. А. Долгорукова. Въ этой должности Сушковъ пробылъ до 1834 года, послѣ чего возвратился въ Петербургъ, предшествуемый репутаціей честнаго чиновника, устоявшаго противъ обольщеній польскихъ красавицъ, такъ же точно какъ нѣсколько лѣтъ ранѣе онъ устоялъ противъ соблазна обращать казенную соль въ собственные рубли. Такая репутація была причиной что графъ Толь пожелалъ привлечь Сушкова въ центральное управленіе вѣдомства путей сообще-

нія. Онъ былъ назначенъ вицъ-директоромъ единственнаго въ то время департамента этого вѣдомства въ 1835 году, а въ декабрѣ 1838 года, женившись незадолго предъ тѣмъ, онъ получилъ назначеніе губернаторомъ въ Минскъ.

Это было время когда должно было довершиться издавна подготовленное Іосифомъ Сѣмашкомъ дѣло возсоединенія уніатовъ. Цѣль къ которой шли и духовное и свѣтское правительства не могла быть разумѣется тайною для католическаго духовенства, и оно все, во всей совокупности, дѣйствуя какъ одинъ человѣкъ отъ папы до послѣдняго пробоща, употребляло всѣ средства агитаціи чтобы помѣшать дѣлу Сѣмашка. Время было слѣдовательно весьма трудное для свѣтской администраціи, весьма щекотливое. Сушковъ пособлялъ преосвященному Іосифу не только въ силу полученныхъ имъ инструкцій, но, безъ сомнѣнія, и изъ желанія торжества православію, такъ какъ со времени своего знакомства съ митрополитомъ Московскимъ онъ сдѣлался горячимъ православнымъ. Поэтому можно думать что онъ въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовалъ успѣху дѣла, государственная польза котораго ясно обнаружилась въ 1863 году; но за то онъ возбудилъ и много непріязни противъ себя со стороны католиковъ и Поляковъ западнаго края. Такая непріязнь рѣдко сходитъ съ рукъ русскимъ администраторамъ. Она не осталась безъ послѣдствій и для Сушкова. Не иному чему какъ именно этой причинѣ приписываетъ онъ свое удаленіе изъ Минска, и хоть конечно нельзя придавать безусловной вѣры мнѣнію человѣка произносящаго судъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но нельзя въ настоящемъ случаѣ и не признать такого мнѣнія весьма вѣроятнымъ.

Въ концѣ 1841 года, оставивъ службу навсегда, Сушковъ поселился въ Москвѣ и съ тѣхъ поръ не покидалъ ея, по крайней мѣрѣ надолго. Въ 1845 году М. Н. Муравьевъ, управлявшій тогда межевымъ корпусомъ, предлагалъ ему снова поступить на службу въ качествѣ его товарища, объясняя какія выгоды онъ могъ получить при этомъ; но Сушковъ отказался; „я не честолюбивъ и не любостяжателенъ, писалъ онъ Муравьеву; стало-быть перевязать современемъ ленту съ одного плеча на другое, или изъ превосходительства возрасти въ превосходительство съ четвертью—не лицца моему самолюбію, а хлопотать объ арендѣ, когда я прожилъ 50 лѣтъ безъ богатства, и поздно и не нужно.“ Средства его попрежнему были не велики, но они позволяли ему однакожъ не

уклоняться отъ знакомствъ. Раза два въ году онъ принималъ, безъ всякой впрочемъ пышности, *всю Москву*, а въ остальное за тѣмъ время его скромная гостиная была открыта для всѣхъ его знакомыхъ; каждый вечеръ, въ продолженіи слишкомъ 25 лѣтъ, въ ней могли встрѣтиться и встрѣчались между собою свѣтскіе люди съ литераторами, профессора Московскаго университета съ представительницами нашихъ историческихъ именъ, пріѣзжіе иностранцы съ помѣщиками изъ центральныхъ губерній. Благодаря радушію и неизсякаемому одушевленію хозяина, благодаря качествамъ нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ которыя живы и кого поэтому неудобно называть, благодаря покойной графинѣ Ростопчиной, его племянницы, которая весьма часто являлась въ гостиную Сушковыхъ съ многочисленными своими поклонниками и блестящимъ остроуміемъ своимъ,—эта гостиная рѣдко бывала пуста. Получитъ ли она такую же историческую извѣстность какъ гостиная Олениныхъ, Полторацкихъ или Трощинскихъ—это узнаютъ наши потомки. Но если этого не случится, то потому отчасти что *гостиныя* не могли уже въ сороковыхъ годахъ имѣть того значенія какое онѣ имѣли въ десятыхъ, двадцатыхъ и отчасти даже тридцатыхъ годахъ.

Основавшись въ Москвѣ и не имѣя никакихъ обязательныхъ занятій, Сушковъ вздумалъ снова приняться за литературу. По-видимому онъ находился для этого въ наилучшихъ условіяхъ: досуга много, жизнь обезпеченная, ежедневныя сношенія со всѣмъ интеллигентнымъ цвѣтомъ Москвы.... Но съ начала двадцатыхъ годовъ произошло много перемѣнъ „на русскомъ Геликонѣ“; большія измѣненія произошли и въ литературныхъ воззрѣніяхъ и въ литературныхъ нравахъ. Когда Сушковъ началъ писать, повсюду господствовалъ еще французскій псевдо-классицизмъ; законы установленные Буало, Баттё и Лагарпомъ, пошатнувшіеся въ Германіи и Англіи, были еще во всей силѣ какъ во Франціи, такъ и у насъ; поэты наши обращались съ своими лирическими восторгами къ миѳологическимъ божествамъ, въ трагедіяхъ выступали предъ публикой греческіе цари и герои, комедія—если она имѣла претензіи на серіозное къ себѣ вниманіе,—должна была быть написана александрійскими стихами; романъ и повѣсть едва лишь получали право гражданства. Вообще какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, на форму обращалось слишкомъ много вниманія, а на содержаніе слишкомъ мало; критика требовала отъ авторовъ главнымъ обра-

зомъ правильности и красоты въ слогѣ и занималась преслѣдованіемъ недостаточно богатыхъ риѳмъ, не точныхъ или не свойственныхъ выраженій. Въ сороковыхъ годахъ было уже далеко не то: о формѣ говорили гораздо меньше прежняго, но она такъ усовершенствовалась что лучшихъ версификаторовъ изъ до-Пушкинскаго періода становилось невозможно читать. Такимъ образомъ и самая форма, о которой такъ усердно хлопотали критики двадцатыхъ годовъ, сдѣлала съ тѣхъ поръ большіе успѣхи; что же касается до содержанія, то оно разнилось еще значительнѣе. Благодаря великимъ поэтамъ Германіи и Англіи, сочиненія которыхъ быстро распространялись у насъ, наблюденію открыта была вся глубина человѣческаго сердца, все разнообразіе человѣческихъ страстей; философія внесла свой свѣтильникъ въ исторію минувшихъ вѣковъ и начинала обращаться съ серіозными вопросами къ современности. И все это быстро совершавшееся на Западѣ развитіе находило отзвучіе въ нашей литературѣ и образовало школу такъ-называемыхъ *западниковъ*. Съ другой стороны, и у насъ, также какъ на Западѣ, возникало сознаніе индивидуальныхъ началъ свойственныхъ каждой націи, дѣлало успѣхи и образовало школу такъ-называемыхъ *славянофиловъ*.... Разумъ исторіи требовалъ конечно чтобъ обѣ эти литературныя партіи подали другъ другу руку; онъ требовалъ чтобы Россія, сохраняя свою національную индивидуальность, приняла участіе въ культурной жизни цивилизованнаго міра, и наоборотъ, чтобы принимая участіе въ общечеловѣческихъ судьбахъ, мы оставались Русскими,—это намъ вполнѣ ясно теперь; но тридцать лѣтъ тому назадъ западники и славянофилы считали другъ друга антиподами, полюсами историческихъ судебъ Россіи и предавались междуусобію; бойцы какъ той такъ и другой стороны были полны одушевленія и вѣры въ правоту своего дѣла; въ обоихъ лагеряхъ лозунгомъ было: „кто не съ нами тотъ противъ насъ!“

Сушковъ оставался совершенно чуждымъ движенію которое раздѣляло нашу литературу на помянутые два лагеря, и можно смѣло сказать что занятый двадцать лѣтъ служебными обязанностями, онъ не понималъ совершившагося въ его отсутствіе переворота. Онъ видѣлъ разладъ, видѣлъ два отдѣльно стоящіе лагеря, но недоумѣвалъ изъ за чего они спорятъ,— и это конечно было преступленіемъ въ глазахъ какъ того такъ и другаго. Сушковъ не отдавалъ можетъ-быть себѣ яснаго отчета и въ нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ русской

литературы за послѣднія 20 лѣтъ; привыкнувъ къ безобидному существованію журналовъ 15 — 20хъ годовъ и къ неглубоко хватавшей критикѣ этой эпохи, онъ недоумѣвалъ предъ значеніемъ которое приписывали Бѣлинскому и изданіямъ въ которыхъ онъ сотрудничалъ. Одно изъ этихъ изданій онъ раздражилъ противъ себя, въ бытность свою губернаторомъ, отказавшись содѣйствовать его распространенію, и только въ послѣдствіи, возвратившись къ литературнымъ занятіямъ, убѣдился что надо имѣть крѣпкую кирасу на груди и доброе копье въ рукахъ ввязывался въ ссору съ вліятельнымъ изданіемъ. Наконецъ Сушковъ, водворясь въ Москвѣ и задумывая снова сдѣлаться литераторомъ, не выразумѣлъ глубокой перемѣны происшедшей въ литературныхъ нравахъ и въ литературномъ персоналѣ. Въ царствованіе Александра литераторами были вообще дюди свѣтскіе, имѣвшіе или желавшіе имѣть связи въ высшемъ обществѣ; для многихъ литература была отдыхомъ отъ другихъ служебныхъ или общественныхъ занятій; никто изъ нихъ не жилъ литературнымъ трудомъ и всѣ они гораздо болѣе дорожили мнѣніемъ вліятельныхъ салоновъ о своихъ сочиненіяхъ чѣмъ печатною критикой. Въ сороковыхъ годахъ стали появляться въ литературѣ имена которыхъ никто не зналъ *въ свѣтѣ* и они пріобрѣтали громкую извѣстность помимо *свѣта;* люди носившіе эти имена требовали платы за свои писанія и утверждали что живутъ литературнымъ трудомъ; литература становилась профессіей и переставала быть „благороднымъ препровожденіемъ времени“; она требовала серіознаго труда и не довольствовалась „досугами“. Число литературныхъ сверстниковъ Сушкова въ Москвѣ оказывалось уже невелико: изъ нихъ едвали кого можно назвать кромѣ Загоскина, Вельтмана, Аралова и М. А. Дмитріева. Прочіе московскіе литераторы, если и принадлежали по лѣтамъ къ эпохѣ Сушкова, какъ напримѣръ С. Т. Аксаковъ, то были болѣе его прикосновенны къ повороту совершившемуся въ умахъ въ описываемое время.

Въ 1847 году истекало семьсотъ лѣтъ со времени основанія Москвы. *Москвитянинъ* еще за годъ предъ тѣмъ вызывалъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ отпраздновать своими трудами этотъ юбилей. Сушковъ принялъ вызовъ и задумалъ написать, подъ заглавіемъ *Москва*, драматизованную поэму въ пяти частяхъ, или связанныхъ внутреннимъ содержаніемъ „пять драмъ, въ которыхъ предположилъ обрисовать Москву отъ колыбели до новѣйшихъ временъ.“ Эта поэма была напечата-

на. Авторъ хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставить ее на сцену; но не взирая на всѣ его старанія это не удалось; театральная цензура, находившаяся при III отдѣленіи Собственной канцеляріи, рѣшительно отказала въ томъ, а журнальная критика встрѣтила неблагосклонно это произведеніе поэта стараго времени: *Отечественныя Записки*, *Современникъ* и *Финскій Вѣстникъ* глумились надъ нею; только *Библіотека для Чтенія* нашла возможнымъ сдѣлать о ней отзывъ сочувственный, который заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія что онъ написанъ былъ Губеромъ * Но голосъ одного журнала не могъ покрыть прочихъ, ни замѣнить холоднаго молчанія московской печати. Сушковъ былъ огорченъ. Онъ напечаталъ *Нѣсколько словъ на отзывы журналовъ о поэмѣ Москва* (1847) и этой брошюрой конечно не улучшилъ своихъ отношеній къ журналистамъ (кромѣ Сенковскаго). Почти одновременно съ *Москвой* онъ напечаталъ драму въ пяти дѣйствіяхъ *Бѣдность и Благотворительность*, которая была расхвалена въ *Библіотекѣ*, но не вызвала никакого отзыва со стороны другихъ журналовъ. Что московская печать угрюмо промолчала о ней—это было понятно: въ піесѣ Сушкова были выходки противъ славянофиловъ которые господствовали въ московской печати; но молчаніе петербургскихъ журналовъ было Сушкову прискорбно; не менѣе прискорбно было ему и то что *Бѣдность и Благотворительность* не была пропущена театральною цензурой, и это въ самомъ дѣлѣ непостижимо, потому что никакая въ мірѣ цензура не могла бы по справедливости признать Сушкова врагомъ нравственности и государственнаго порядка.

Замѣчая доброе расположеніе къ себѣ въ одномъ только Сенковскомъ, Сушковъ вступилъ съ нимъ въ письменныя сношенія и послалъ для *Библіотеки* кое-что изъ своихъ трудовъ, между прочимъ комедію *Мизогинъ*; но и она не появлялась въ печати, какъ извѣщалъ Сенковскій, по причинѣ свирѣпости тогдашней (1848 года) цензуры. Въ слѣдующемъ году Сушковъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* маленькую піесу въ стихахъ подъ заглавіемъ *Комедія безъ свадьбы*, которая вслѣдъ затѣмъ была разыграна въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ, любителями изъ московскаго общества, и разыграна съ замѣчательнымъ совершенствомъ: это слѣдуетъ заключить изъ отзыва который

* Это видно изъ словъ которыми начинается рецензія *Бѣдности и Благотворительности*,—другой драмы Сушкова (*Библ. для Чт.* 1848, апрѣль).

мы встрѣчаемъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* того времени и еще больше изъ мадригаловъ написанныхъ авторомъ послѣ перваго представленія двумъ дамамъ и одному молодому человѣку исполнявшимъ его піесу.

Послала же судьба мнѣ двухъ Плесси на диво,

написалъ радостный поэтъ. *Комедія безъ свадьбы*, напечатанная въ 1849 году, была дана въ 1850 году на Московскомъ и на Петербургскомъ публичныхъ театрахъ. Въ томъ же году г. Садовскій далъ въ свой бенефисъ „анекдотъ въ лицахъ“ *Раканы*,—маленькую піесу, передѣланную или переведенную стихами съ французскаго. Затѣмъ въ 1853 г-жа Семенова поставила въ свой бенефисъ, въ то же время и напечатанный, „пустячокъ“ Сушкова, въ стихахъ, подъ заглавіемъ *Движущіеся Столы*, а въ 1856 Щепкинъ поставилъ въ свой бенефисъ его комическую оперу-водевиль *Молдавская Кукона*, чѣмъ и исчерпывается списокъ *игранныхъ* піесъ Сушкова. Сверхъ того онъ напечаталъ (*Раутъ* 1852) большую комедію въ пяти дѣйствіяхъ *Мизогинъ* (женоненавистникъ) и *Современные Вопросы*, комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ же, которая вышла отдѣльною брошюрой въ 1858 году.

Но Сушковъ много писалъ и не для театра. Въ 1855 году онъ напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Книга Печалей*, а въ 1851, 1852 и 1854 годахъ издалъ три сборника или альманаха подъ заглавіемъ *Раутъ*. Оба эти изданія были для Сушкова причиной многихъ непріятностей. Въ *Книгѣ Печалей* заключается нѣчто такое что̀ должно было бы кажется обезоружить если не критику, то насмѣшку, — а именно, признаки искренняго, глубокаго личнаго горя, но о книгѣ Сушкова отозвалась сочувственно одна *Библіотека для чтенія*. Что же касается до *Раута*, первая книга этого сборника была встрѣчена довольно благосклонно журнальною критикой. *Библіотека для Чтенія* отозвалась съ величайшею похвалой о помѣщенной въ немъ комедіи издателя *Мизогинъ*; но вторая книжка *Раута* вызвала много нареканій и осужденія, а третья, которая составлена вообще весьма не дурно и въ которой напечатано было нѣсколько историческихъ матеріаловъ, одно неизданное стихотвореніе Пушкина, нѣсколько стихотвореній г. Тютчева, графини Ростопчиной и Мея, возбудила „ненависть въ оцѣнщикахъ книжнаго товара“, какъ говоритъ Сушковъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ. Поводомъ къ этой „пена-

висти“ былъ отрывокъ изъ литературныхъ воспоминаній издателя, подъ именемъ *Обозъ къ потомству*. Что же было въ этомъ *Обозѣ* такого раздражительнаго, такого задирающаго? Въ немъ заключались личныя воспоминанія Сушкова о литераторахъ прежняго времени, въ которыхъ встрѣчается не мало данныхъ для исторіи нашей литературы и нашего общества, и сверхъ того личныя воззрѣнія Сушкова на литературное значеніе какъ умершихъ, такъ и нѣкоторыхъ живыхъ писателей.... Сужденія о живыхъ писателяхъ!... Между ними было много людей хорошо знавшихъ всѣ выгоды и невыгоды литературнаго ремесла, обстрѣлянныхъ и привыкшихъ къ мысли что имя публичнаго человѣка есть достояніе публики; такіе присяжные литераторы, да и вообще печать, не обнаружили ни особаго сочувствія, ни особаго раздраженія по случаю *Обоза къ потомству*; но между писателями коихъ коснулся Сушковъ въ своемъ *Обозѣ* были и такіе которые участвовали въ литературѣ какъ любители, какъ волонтеры, которые не хотѣли вступать въ литературный цехъ, которые благосклонно допускали чтобъ о ихъ „литературныхъ шалостяхъ“ говорили ложалуй и печатно, но только съ похвалой, отнюдь не съ порицаніемъ. Вотъ эти-то люди главнымъ образомъ и оскорблялись отзывами о нихъ Сушкова, который не будучи самъ литературнымъ ремесленникомъ (онъ постоянно предоставлялъ выручку за свои сочиненія въ пользу какихъ-либо общественныхъ цѣлей), осмѣливался легко отзываться о ихъ дилеттантизмѣ! По городской, а можетъ-быть и по загородной почтѣ, посыпались на Сушкова четверостишія и другаго объема стишки, грубые, грязные и лишь изрѣдка остроумные. Одно лицо, уже умершее, извѣстное знакомствомъ съ нѣкоторыми писателями Пушкинской эпохи и нѣсколькими остроумными, хотя и цинническими по большей части стихотворецами, нашло оскорбительнымъ для себя что говоря о стихотвореніяхъ не попавшихъ въ печать, но извѣстныхъ по рукописнымъ спискамъ, Сушковъ назвалъ и его, а потому оно прислало ему *за своею подписью* записку, въ которой читаемъ между прочимъ слѣдующія строки: „Статья ваша, любезный извощикъ литературнаго хлама, должна дойти по адресу (*къ потомству*); она занимательна по содержанію до крайности, въ настоящемъ же замѣчательна и очень замѣчательна тѣмъ что вы осмѣливаетесь высказать свое мнѣніе и показывать (хорошо ли, дурно ли, но все-таки по убѣжденію) пятна на солнцахъ

и перлы въ навозѣ,—вещь необычайная въ Москвѣ, гдѣ не вѣруютъ въ Троицу, а всегда кого-нибудь присоединяютъ къ ней....“ Записка вся была написана въ такомъ тонѣ, то-есть заключала страшное соединеніе похвалъ въ отношеніи статьи Сушкова съ оскорбительною безцеремонностью въ отношеніи къ нему самому, а въ довершеніе къ ней приложены были нѣсколько стихотвореній, *написанныхъ тѣмъ же почеркомъ какъ и письмо* и столько же оскорбительныхъ для лица къ которому они адресованы, какъ и грязныхъ.... Въ отвѣтъ на нихъ Сушковъ писалъ между прочимъ: „Намекнувъ о васъ въ моихъ запискахъ, какъ объ одномъ изъ остроумныхъ и принадлежащихъ къ натуральной школѣ стихотворцевъ, я не думалъ васъ *поставить на позоръ*. Поставивъ имя ваше послѣ Нефлова, а не Баркова, и впереди Майкова,* за которымъ идутъ Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, князья Долгорукій и Вяземскій, наконецъ Давыдовъ и даже Шишковъ, я не унизилъ ваше личное достоинство; ваши шутки и эпиграммы по сю пору вовсе не обличали родства вашего таланта съ талантомъ Баркова, писавшаго притомъ не одинъ неблагопристойности. Назвать васъ въ статьѣ гдѣ говорится о столькихъ писателяхъ, не есть неуваженіе къ вашей личности; вы сами распускали по свѣту все что̀ импровизировали, стало-быть желали извѣстности, хотя ничего не печатали.... Пасквиля вашего, щадя вашу добрую славу, я еще никому не показывалъ, но если вы желаете чтобы знали объ немъ, то пришлите десятка два съ него списковъ, я ихъ разошлю, вмѣстѣ съ моимъ отзывомъ, по нашимъ знакомымъ.“ Впрочемъ, писалъ въ заключеніе Сушковъ, „если вы не шутя обижаетесь, то я всегда готовъ *объясниться* съ вами изустно, безъ брани, благоразумно.“ Не извѣстно окончилась ли этимъ приведенная переписка; лицо которое прислало и притомъ, повторяю, за своею подписью помятое письмо, продолжало посѣщать домъ Сушкова и находить въ немъ радушный пріемъ.

Потоку анонимныхъ пасквилей суждено было еще разъ обрушиться на Сушкова. Въ мартѣ 1864 года скончался московскій генералъ-губернаторъ П. А. Тучковъ, старый, близкій пріятель Сушкова и человѣкъ искренно имъ уважаемый. Полный сердечнаго сожалѣнія, послѣдній посвятилъ его памяти нѣ-

* Автора *Разъяреннаго Вакха*.

сколько теплыхъ строкъ, которыя были напечатаны тогда же отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ *Воспоминаніе о П. А. Тучковѣ*. И эти нѣсколько теплыхъ строкъ вызвали еще сильнѣйшую бурю чѣмъ *Обозъ къ потомству*, — почему? Это необъяснимо. Прежде всего приходитъ въ голову, не показался ли низкопоклонствомъ этотъ панегирикъ надъ свѣжею могилой сановнаго человѣка? Но авторъ панегирика давнымъ-давно ничего не искалъ, ничего не добивался и, главное, ни въ комъ не нуждался: онъ не ѣздилъ въ домъ къ одному изъ бывшихъ въ Москвѣ генералъ-губернаторовъ, котораго многіе не уважали, но къ которому всѣ ѣздили; мало того: Сушковъ отклонилъ нѣкоторые шаги сдѣланные къ нему съ этой стороны, и это очень хорошо знали многіе изъ тѣхъ что̀ горячились по поводу *Воспоминаній о Тучковѣ*.

Въ бумагахъ Сушкова осталась цѣлая куча прозы и стиховъ полученныхъ имъ по этому поводу, и почти всѣ они составляютъ варіаціи на мотивъ заключающійся въ слѣдующемъ четверостишіи:

Когда бы вѣдать могъ Тучковъ
О будущемъ своемъ Плутархѣ,
Не поддался бъ онъ вѣрно Паркѣ
Пока еще въ живыхъ Сушковъ.

Это четверостишіе, написано было тою же рукой какъ стихи и приведенное письмо по случаю *Обоза*, то-есть рукой человѣка коего профессіей въ продолженіе сорока лѣтъ было писаніе стишковъ *не для печати*, и котораго характеризуютъ слѣдующія строки, написанныя Сушковымъ подъ приведеннымъ четверостишіемъ: „Скажите же откро„венно, спросилъ я —го, что̀ не нравится вамъ въ этой „статьѣ?—Что̀? отвѣтилъ онъ,—да я ее и не читалъ.“ Эта любопытная отмѣтка сохранившаяся между бумагами Сушкова характеризуетъ и его самого. Получивъ пасквиль, онъ кипятился нѣсколько времени, но вскорѣ успокоивался и не сохранялъ злобы противъ людей которые его оскорбляли. Подъ другими, по сходными съ вышеприведенными стихами, онъ подписалъ имя предполагаемаго автора и присовокупилъ: „къ сожалѣнію поздно узналъ что это сочиненіе такого добраго человѣка.... А статься-можетъ и всклепали на него.“ И подобными отмѣтками, обличающими неистощимую доброту Сушкова, испещрены почти всѣ сыпавшіеся на него пасквили. „Меня закидали виршами за статью о Тучковѣ, писалъ онъ къ

лансіонскому своему товарищу и пріятелю М. А. Дмитріеву. Исключая статьи —го, который и не думалъ таиться, все грязь и ругательство. Въ кабакахъ впрочемъ еще крѣпче бранятся. Одна эпиграмма, правда, остра..... И вирши и прозу покажу тебѣ при свиданіи." При этомъ письмѣ Сушковъ препровождалъ нѣсколько собственныхъ стишковъ въ отвѣтъ на полученные имъ ласквили и просилъ Дмитріева распространять первые, такъ какъ авторъ послѣднихъ, писалъ онъ, безъ сомнѣнія, сообщаетъ ихъ направо и налѣво. „Вотъ то-то и есть, отвѣчалъ ему извѣстный своимъ остроуміемъ Дмитріевъ, что мы съ тобою рѣдко видимся; а еслибы ты давно показалъ мнѣ эти вирши, мы бы придумали вмѣстѣ какой-нибудь отпоръ. Да что же они нашли въ твоей статьѣ? Привези, привези прочитать мнѣ всѣ эти рукописи. Знаешь какъ мнѣ любопытно будетъ прочитать ихъ и видѣть на какомъ градусѣ стоитъ нынѣ московское остроуміе. Я что-то давно о немъ не имѣю свѣдѣнія.

„Нѣтъ крѣпче въ мірѣ дружбы звеньевъ!
Мы станемъ за тебя горой,
А съ нами будетъ и Бартеньевъ *
И самъ владыка Костромской." **

Не знаемъ какая проба признана была Дмитріевымъ за „московскимъ остроуміемъ", но видимъ между бумагами Сушкова что по поводу той же самой статьи которая дала толчокъ этому остроумію, Сушковъ получилъ нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ отъ людей умственныя и нравственныя качества коихъ не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію, какъ напримѣръ отъ академика Грота. Что же касается до дружбы и ея „крѣпкихъ звеньевъ", то перелистывая бумаги Сушкова, не безъ удивленія находишь въ нихъ увѣренія въ дружбѣ писанныя тѣмъ же самымъ почеркомъ какъ ласквили и лукавыя четверостишія которыя могутъ быть удобно объяснены въ смыслѣ и хвалебномъ и насмѣшливомъ въ отношеніи къ Сушкову.

Мнѣ остается сказать еще лишь нѣсколько словъ о жизни и сочиненіяхъ Сушкова. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ онъ напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Чтеніяхъ въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, въ *Вѣстникѣ Европы* и въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ

---

* Его не слѣдуетъ смѣшивать съ издателемъ *Русскаго Архива*.

** Пр. Платонъ, очень лестно отозвавшійся въ письмѣ къ Ю. Н. Бартеневу о брошюрѣ Сушкова.

много выдержекъ изъ своихъ записокъ, много мыслей своихъ по поводу текущихъ событій. Не считая нужнымъ поименовывать всѣ эти писанія, я укажу только на два наиболѣе крупныя его сочиненія: на исторію Московскаго Благороднаго Пансіона и на біографическія извѣстія о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Въ 1848 году умеръ въ глубокой старости А. А. Проколовичъ-Антонскій, къ которому, равно какъ къ Мерзлякову, Сушковъ хранилъ до самой смерти своей почтительную привязанность. Сушковъ напечаталъ по этому поводу въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ Антонскомъ; затѣмъ въ *Москвитянинѣ* появилась о немъ же статья Шевырева. Она показалась весьма неудовлетворительною Сушкову, который тотчасъ же началъ писать на нее возраженіе, но скоро увидѣлъ что онъ располагаетъ количествомъ матеріаловъ достаточнымъ для книги. Таково происхожденіе *Воспоминаній о Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ* (1848), сочиненія которое будучи дополнено и снабжено приложеніями, напечатано въ 1858 году подъ заглавіемъ *Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ*.

Этою книгой Сушковъ уплачивалъ долгъ благодарности къ заведенію въ которомъ воспитывался. Но у него былъ еще другой сердечный долгъ который ему хотѣлось уплатить. Выше было сказано какъ познакомился Сушковъ съ митрополитомъ Филаретомъ. Это случилось въ 1828 году. Сушковъ былъ въ это время не то чтобы чуждъ религіознаго чувства, но онъ мало размышлялъ о предметахъ религіи и относился къ нимъ не довольно серіозно. Филаретъ, съ которымъ онъ видался во время наложенной на него эпитиміи, далъ ему почувствовать всю глубину и значеніе этихъ предметовъ. Послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Московскимъ іерархомъ „я сталъ, говоритъ Сушковъ, вчитываться въ Евангеліе и знакомиться съ духовными писателями“, и мало-по-малу онъ сдѣлался вполнѣ вѣрующимъ христіаниномъ, искренно преданнымъ своей церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ росла въ немъ и признательность къ человѣку который былъ причиной его обращенія: „Благословенъ день и часъ когда рука Божія привела меня впервые къ предуготованному мнѣ врачу и наставнику“, писалъ онъ въ послѣдствіи. Поселившись окончательно въ Москвѣ, онъ часто посѣщалъ престарѣлаго святителя и все сильнѣе и сильнѣе къ нему привязывался. Въ глазахъ Сушкова, въ послѣдніе годы его жизни, Филаретъ былъ безъ сравненія выше всѣхъ прочихъ людей; всѣ сужденія его

были безошибочны; что̀ было имъ осуждено, то становилось предосудительнымъ въ глазахъ Сушкова, что̀ одобрялъ Филаретъ, то казалось Сушкову похвальнымъ. Филаретъ сдѣлался для него какъ будто центромъ всего существующаго, по отношенію къ которому онъ оцѣнивалъ людей, событія, учрежденія. Естественно, слѣдовательно, что онъ почелъ бы преступленіемъ забыть хоть одно слово сказанное Московскимъ архипастыремъ, а потому каждый разъ, возвращаясь отъ него, онъ тщательно записывалъ все содержаніе происходившей между ними бесѣды, и эти-то отмѣтки составили тотъ матеріалъ который онъ издалъ подъ заглавіемъ *Воспоминанія о жизни и времени святителя Филарета* (1868) и за пополненіемъ которыхъ для втораго изданія его застала смерть.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ТЕОРІИ

ДАРВИНА

Новой книгѣ Дарвина посчастливилось у насъ; три перевода ея заразъ предлагаются русской публикѣ, но мы не знаемъ радоваться или сожалѣть по поводу обширной извѣстности какую такимъ образомъ получаетъ у насъ новое и безспорно самое оригинальное изъ произведеній знаменитаго англійскаго естествоиспытателя. Къ сожалѣнію, у насъ наука стоитъ вообще такъ не высоко что цѣнится не столько серіозный трудъ ученаго, сколько гипотезы и философскіе выводы которые принимаются слѣпо на вѣру, какъ самое послѣднее слово науки. Стóитъ приломнить какъ и за что̀ превозносились у насъ въ качествѣ корифеевъ науки Бюхнеръ, Молешоттъ, Карлъ Фогтъ, Бокль и другіе отважные теоретики. Дарвинъ, къ сожалѣнію, не свободенъ именно отъ тѣхъ недостатковъ которыми такъ увлекаются наши популяризаторы знаній, по большей части невѣжественные, не знающіе въ дѣйствительности даже азбуки науки, и потому, естественно, неспособные отличить прочно добытыхъ результатовъ науки отъ отвлеченныхъ умозрѣній и гипотезъ, которыя служатъ изслѣ-

дователю только подстрекающимъ средствомъ. Дарвинъ не чуждъ пристрастію къ такого рода умозрѣніямъ, и нерѣдко страдаетъ недостаткомъ логичности въ своихъ выводахъ, которые чѣмъ смѣлѣе тѣмъ вреднѣе могутъ отозваться на читателяхъ не относящихся къ нимъ критически. Тамъ гдѣ наука стоитъ высоко, неосновательные выводы встрѣчаютъ строгую критику. При выходѣ книги Дарвина мы уже приводили въ *Русскомъ Вѣстникѣ* отзывы о его книгѣ появившіеся въ англійской журналистикѣ. Послѣ того новая теорія г. Дарвина о половомъ подборѣ и о происхожденіи человѣка подверглась обстоятельному разбору въ большихъ критическихъ журналахъ. Приводимъ ниже, съ небольшими сокращеніями, одинъ изъ такихъ разборовъ, недавно появившійся въ англійскомъ журналѣ *Quarterly Review*.

I.

Мы внимательно, говоритъ критикъ *Quarterly Review*, прочли эту книгу, и она возбудила въ насъ чувство удивленія, и въ то же время разочарованія. Слогъ автора ясенъ и привлекателенъ,—яснѣе чѣмъ въ его прежнихъ произведеніяхъ,—и его желаніе избѣгать сознательнаго извращенія фактовъ очевидно. Число подобранныхъ имъ интересныхъ фактовъ такъ же поразительно, какъ и часто обнаруживаемая имъ изобрѣтательность въ обращеніи съ ними. При такихъ обстоятельствахъ обязанность указать на важные недостатки и ошибки въ высшей степени тягостна. Г. Дарвинъ, однако, въ своемъ новомъ сочиненіи, повидимому, даже гораздо болѣе чѣмъ въ прежнихъ, вызываетъ на критику.

Его новое сочиненіе, дополняющее и довершающее его прежнія изданія, представляетъ удобный случай для обзора всего его ученія. Такимъ образомъ, мы будемъ въ состояніи лучше оцѣнить значеніе его убѣжденій касательно спеціальнаго предмета его настоящаго изслѣдованія. Мы сперва обратимъ вниманіе на его прежнія заявленія, чтобы посмотрѣть не измѣнилъ ли онъ своихъ взглядовъ, и если да, то въ какой степени и съ какими результатами. Если онъ, по собственному признанію, прежде былъ слишкомъ торопливъ въ выводахъ и серіозно ошибался, то мы тѣмъ болѣе должны быть осторожны

теперь, прежде чѣмъ довѣриться ему. Мы постараемся показать что убѣжденія г. Дарвина подверглись важнымъ измѣненіямъ, и что мнѣнія принятыя имъ теперь совершенно отличны отъ взглядовъ которые онъ первоначально высказывалъ, и даже противоположны имъ. Низведеніе закона естественнаго подбора на второстепенное положеніе есть въ сущности отказъ отъ Дарвиновой теоріи, потому что одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ этой теоріи была полная удовлетворительность естественнаго подбора. Тѣмъ не менѣе, мы должны быть признательны г. Дарвину за обнародованіе этой теоріи и за то что онъ своимъ изученіемъ, проницательностью, стараніемъ, настойчивостью, твердостью и искренностью заставилъ признать вѣроятность, если не болѣе, теоріи эволюціи и достовѣрность дѣйствія естественнаго подбора. Ибо хотя истина того что „остаются въ живыхъ способнѣйшіе къ жизни“ прямо представляется всякому, и хотя обратное предложеніе о гибели менѣе способныхъ было признаваемо за тысячи лѣтъ тому назадъ, но г. Дарвину принадлежитъ честь что онъ выставилъ на видъ и доказалъ эту истину въ книгѣ, которая, безъ сомнѣнія, оставитъ рѣзкій слѣдъ въ области науки.

Мы находимъ уже въ третьемъ изданіи его *Происхожденія видовъ* слѣдующія мѣста:

„Естественный подборъ можетъ дѣйствовать только пользуясь небольшими послѣдовательными измѣненіями, онъ никогда не дѣлаетъ прыжковъ, но долженъ подвигаться небольшими и медленными шагами.... Еслибы могло быть доказано существованіе какого-нибудь сложнаго органа, который не могъ бы быть образованъ многочисленными, послѣдовательными, небольшими измѣненіями, то моя теорія положительно рушилась бы. Но я не могу найти ни одного такого случая.... Мы видѣли что виды въ какой-либо данный періодъ не безконечно измѣнлемы, и что они не связываются множествомъ промежуточныхъ градацій, отчасти потому что процессъ естественнаго подбора всегда идетъ весьма медленно и въ данное время дѣйствуетъ только на весьма немногія формы, а отчасти потому что самый процессъ естественнаго подбора почти требуетъ постоянной замѣны и исчезновенія предшествующихъ и промежуточныхъ градацій.“

Таковы были прежнія заявленія г. Дарвина. Въ настоящее же время мы читаемъ слѣдующее:

„Прочтя очеркъ Негели о растеніяхъ и замѣчанія различ„ныхъ авторовъ относительно животныхъ, въ особенности же „недавнія замѣчанія профессора Брока, я теперь допускаю что „въ прежнихъ изданіяхъ моей книги о происхожденіи видовъ, „я вѣроятно далъ слишкомъ большое значеніе дѣйствію есте„ственнаго подбора...“ „Я прежде не достаточно обратилъ внима„ніе на существованіе многихъ строеній которыя, насколько „мы можемъ судить, повидимому, не имѣютъ ни благодѣтель„наго, ни вреднаго дѣйствія, и это я считаю однимъ изъ ве„личайшихъ недосмотровъ до сихъ поръ открытыхъ въ мо„емъ сочиненіи.“

Еще болѣе замѣчательно слѣдующее признаніе, въ которомъ онъ, упомянувъ о дѣйствіи какъ естественнаго, такъ и полового подбора, говоритъ:

„Перемѣны остающіяся не объяснимыми, можетъ-быть, „весьма многія, должны быть предоставлены предполагаемому „дѣйствію тѣхъ *невѣдомыхъ агентовъ* которые случайно вно„сятъ рѣзко обозначенныя и странныя уклоненія строенія въ „наши домашнія породы.“

Но самое замѣчательное противорѣчіе прежнимъ взглядамъ представляетъ слѣдующее мѣсто:

„Безъ сомнѣнія, у человѣка, такъ же какъ у всякаго другаго „животнаго, есть органы которые, насколько мы въ состояніи „судить при нашихъ слабыхъ познаніяхъ, не служатъ ему ни „для какого употребленія теперь, и ни для чего не служили и „въ прежніе періоды существованія, ни въ отношеніи общихъ „условій жизни, ни въ отношеніи одного пола къ другому. Та„кіе органы не могутъ быть объяснены никакою формой под„бора, ни унаслѣдованнымъ вліяніемъ употребленія или неупо„требленія этой части. Мы знаемъ, однако, что многія стран„ныя и рѣзко выраженныя особенности въ строеніи иногда „появляются въ нашихъ домашнихъ породахъ, и если неизвѣст„ныя причины ихъ производящія дѣйствовали бы съ бо́льшимъ „однообразіемъ, то эти особенности вѣроятно стали бы общи„ми всѣмъ особямъ вида.“

Г. Дарвинъ, повидимому, даже допускаетъ теперь существованіе внутреннихъ врожденныхъ способностей, потому что онъ далѣе говоритъ:

„Мы можемъ надѣяться что въ послѣдствіи узнаемъ нѣчто о „причинахъ этихъ случайныхъ видоизмѣненій, въ особенности

„чрезъ изученіе уродствъ... Въ большей части случаевъ мы „можемъ только сказать что причина каждаго небольшаго из„мѣненія и каждаго уродства лежитъ гораздо болѣе *въ приро„дѣ или въ устройствѣ организма*, чѣмъ въ природѣ окружаю„щихъ условій, хотя примѣненіе условій конечно играетъ важ„ную роль въ возбужденіи органическихъ перемѣнъ всякаго „рода."

Итакъ, нашъ авторъ допускаетъ что могутъ быть „рѣзко „выраженныя перемѣны не имѣющія ни благодѣтельнаго, ни „вреднаго вліянія", производимыя „неизвѣстными агентами" лежащими глубоко „въ натурѣ или устройствѣ организма, и которыя, еслибы дѣйствовали однообразно, вѣроятно видоизмѣнили бы подобнымъ образомъ „всѣ особи вида".

Если это не есть отказъ отъ естественнаго подбора, то трудно подобрать слова лучше выражающія то же самое. Охотно воздавая справедливую дань уваженія прямодушію внушившему автору таковыя признанія, мы не можемъ не заявить недовѣрія которое въ насъ порождаютъ подобныя неоднократныя, слишкомъ поспѣшныя заключенія и ошибочныя соображенія. Когда тотъ же самый авторъ является предъ нами вновь съ мнѣніями и выводами еще болѣе поразительными и способными гораздо въ большей степени встревожить убѣжденія покоящіяся на общемъ признаніи ихъ большинствомъ просвѣщенныхъ людей, то мы имѣемъ право пораздумать прежде чѣмъ довѣримся безъ оглядки руководству автора, такъ часто объявляющаго о своей погрѣшимости. Выводы г. Дарвина можетъ-быть и правильны, но мы имѣемъ право потребовать чтобъ они были доказаны, прежде чѣмъ согласимся съ ними; такъ какъ г. Дарвинъ, говорившій прежде „*должно* быть", теперь допускаетъ что это самое, про что онъ такъ говорилъ, не только не необходимо, но и невѣрно, то мы по справедливости можемъ отнестись съ крайнею недовѣрчивостію къ тѣмъ многочисленнымъ заявленіямъ и соображеніямъ которыя въ книгѣ о происхожденіи человѣка онъ утверждаетъ простымъ „можетъ быть". Это тѣмъ болѣе необходимо что авторъ, исходя въ началѣ отъ явной гипотезы, постоянно потомъ утверждаетъ оную какъ несомнѣнный фактъ, и какъ будто онъ пишетъ въ богословскомъ духѣ, требуетъ чтобъ она принималась какъ пунктъ вѣры. Такъ, напримѣръ, на вѣское возраженіе противъ его теоріи что значительный

пробѣлъ въ органической цѣпи существъ между человѣкомъ и ближайшими къ нему животными не можетъ быть замѣненъ никакими исчезнувшими или живущими видами, г. Дарвинъ отвѣчаетъ только приглашеніемъ „вѣрить въ общій принципъ эволюціи“, или самоувѣреннымъ заявленіемъ что „*мы имѣемъ „полное основаніе полагать* что пробѣлы въ цѣпи суть просто „результатъ исчезновенія многихъ формъ“. Точно такимъ же образомъ онъ насъ увѣряетъ „что первоначальные предки „человѣка были, безъ сомнѣнія, нѣкогда покрыты волосами, „и оба пола имѣли бороду; ихъ уши были заострены и могли „двигаться, и ихъ тѣла были снабжены хвостомъ съ соотвѣт„ствующими ему мускулами“. И наконецъ онъ намъ говоритъ, съ догматизмомъ недостойнымъ философа, что „*если мы не захотимъ добровольно закрывать глаза*“, то мы должны признать наше родство. Сужденіе строгое; но рискуя подвергнуться обвиненію въ добровольной слѣпотѣ, мы приступаемъ, безъ пристрастія и безъ предубѣжденія, къ внимательному разсмотрѣнію аргументовъ на которыхъ основана теорія г. Дарвина. Должны ли мы признать что „человѣкъ, со всѣми „его благородными качествами, съ его сочувствіемъ которое „онъ простираетъ не только на другихъ людей, но и на самыя „низшія живыя существа, съ его боголодобнымъ умомъ, постиг„шимъ движенія и устройство солнечной системы“, должны ли мы признать что человѣкъ со всѣми его высокими способностями произошелъ отъ Асцидіи? Есть ли это научная истина основанная на научныхъ доказательствахъ, или этотъ выводъ слѣдуетъ причислить въ одинъ разрядъ съ измышленіями прежнихъ вѣковъ?

Относительно происхожденія человѣка г. Дарвинъ полагаетъ что тутъ дѣйствовалъ и естественный и половой подборъ. При настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ надобности обсуждать дѣйствіе естественнаго подбора; но дѣйствіе половаго подбора необходимо разсмотрѣть въ нѣкоторой подробности, ибо, по теоріи г. Дарвина, онъ играетъ важную роль въ происхожденіи человѣка. Онъ утверждаетъ что ему мы обязаны нашею способностью пѣнія и безволосностью нашего тѣла, и что отъ него зависитъ образованіе и сохраненіе различныхъ племенъ и разновидностей человѣческаго вида.

Въ понятіе о половомъ подборѣ г. Дарвинъ включаетъ два весьма различные процесса. Одинъ изъ нихъ есть дѣйствіе

превосходной силы или дѣятельности, вслѣдствіе коей самецъ достигаетъ обладанія самками и устраняетъ соперниковъ. Такой процессъ есть несомнѣнно *vera causa*; но его скорѣе можно считать видомъ естественнаго чѣмъ половаго подбора. Второй же процессъ заключается въ предполагаемомъ предпочтеніи или свободномъ выборѣ самкой того или другаго самца по причинѣ какой-либо привлекательности или красоты формы, цвѣта, запаха или голоса, которою таковые самцы обладаютъ. Этотъ-то второй видъ половаго подбора (который одинъ и заслуживаетъ это имя) и важенъ для подтвержденія взглядовъ г. Дарвина, но дѣйствіе его еще должно быть доказано.

Въ доказательство того что существуетъ такая способность выбора г. Дарвинъ приводитъ множество подробностей относящихся къ половымъ явленіямъ животныхъ различныхъ классовъ; но въ особенности онъ указываетъ на классъ птицъ въ доказательство того что самки пользуются этою способностью выбора. Мы утверждаемъ, однако, что не только даже въ этомъ классѣ доказательства недостаточны, но что многія изъ нихъ прямо противоположны его взглядамъ, между тѣмъ какъ тотъ несомнѣнный фактъ что мужскія половыя отличія (рога, грива и др.) бываютъ развиты во многихъ случаяхъ когда половой подборъ навѣрно не дѣйствовалъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ *a priori* что неизвѣстная причина дѣйствовавшая въ этихъ многочисленныхъ случаяхъ дѣйствовала также и въ тѣхъ которые, повидимому, благопріятны для теоріи г. Дарвина.

Недостовѣрность соображеній г. Дарвина очевидна на каждомъ шагу. Что, казалось бы, могло лучше служить примѣромъ половаго подбора какъ не свѣтъ свѣтящагося червя? Но открытіе свѣтящихся личинокъ, у коихъ конечно не можетъ быть никакого половаго дѣйствія, приводитъ г. Дарвина къ замѣчанію: „Весьма сомнительно чтобы первоначальное употребленіе свѣта служило для привлеченія самца къ самкѣ.“ Что касается до жужжанія насѣкомыхъ (которое принимается за результатъ половаго подбора), то г. Дарвинъ замѣчаетъ о нѣкоторыхъ сѣтчатокрылыхъ: „До нѣкоторой степени удивительно что оба пола имѣютъ способность жужжать, такъ какъ самецъ крылатъ, а самка безкрыла“; и опять онъ удивляется, находя что эта способность не есть половое отличіе у многихъ жесткокрылыхъ. О бабочкахъ г. Дарвинъ

говоритъ съ большою подробностью въ подтвержденіе половаго подбора. Но даже и здѣсь онъ даетъ намъ положительныя доказательства что во многихъ случаяхъ красота не прельщаетъ самку. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые факты, однако, противорѣчатъ мнѣнію что бабочки самки предпочитаютъ наиболѣе красивыхъ самцовъ; такъ многіе наблюдатели увѣряютъ что часто можно видѣть яркоцвѣтныхъ самокъ спарившихся съ потертыми или темноцвѣтными самцами". Г. Дарвинъ приводитъ множество примѣровъ половыхъ отличій, какъ-то рога, усики и пр. у жуковъ и другихъ насѣкомыхъ; но нѣтъ и тѣни доказательства чтобы подобные органы въ чемъ-либо зависѣли отъ женскаго каприза. Онъ описываетъ и другіе органы которые несомнѣнно помогаютъ половому дѣйствію, какъ напримѣръ клещи нѣкоторыхъ черепокожихъ. Но они часто бываютъ такъ велики и сильны что дѣлаютъ всякую способность выбора со стороны самки въ высшей степени невѣроятною. Точно также относительно высшихъ классовъ, то-есть рыбъ, пресмыкающихся и звѣрей, онъ намъ дастъ описаніе множества половыхъ особенностей, но никакого доказательства чтобъ эти отличія зависѣли отъ выбора самокъ.

Въ классѣ млекопитающихъ нѣкоторыя наиболѣе рѣзкія половыя отличія встрѣчаются у обезьянъ, но обсужденіе ихъ г. Дарвиномъ указываетъ что онъ, повидимому, не въ состояніи подвести ихъ подъ свою теорію. Всѣмъ извѣстно что у нѣкоторыхъ обезьянъ самцы отличаются яркими цвѣтами и особенностями въ размѣщеніи волосъ, между тѣмъ какъ точно также извѣстно что ихъ значительно превосходная тѣлесная сила и длина когтей дѣлали бы сопротивленіе со стороны самки опаснымъ и затруднительнымъ, даже еслибы мы допустили совершенно произвольное предположеніе что во время полового возбужденія самка обнаруживаетъ склонность къ скромности. Г. Дарвинъ не можетъ привести никакихъ фактовъ въ доказательство того что самки обезьянъ пользуются способностью выбора, но въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводитъ слѣдующее замѣчательное разсужденіе:

„Должны ли мы смотрѣть на всѣ эти отростки кожи и волосъ „у самца какъ на измѣненія совершенно безцѣльныя? Нельзя „отрицать что это возможно, потому что у многихъ прирученныхъ „четвероногихъ нѣкоторыя отличія, повидимому не происходя„щія вслѣдствіе наслѣдственности отъ какого-либо прародителя

„въ дикомъ состояніи, или появлялись только у однихъ самцовъ, „или были развиты у нихъ гораздо болѣе чѣмъ у самокъ, какъ „напримѣръ горбъ у индійскаго самца зебу, хвостъ у толстохвостыхъ барановъ, дугообразный выступъ лба у самцовъ нѣкоторыхъ породъ овецъ, грива у барана африканской породы, „и наконецъ грива, длинная шерсть на заднихъ ногахъ и борода „у берберскаго козла.“ Если эти отличія, какъ весьма вѣроятно, зависятъ просто отъ способности къ видоизмѣненію, то, присовокупляетъ г. Дарвинъ: „было бы, повидимому, основательно „распространить тотъ же взглядъ на многія аналогичныя отличія, „встрѣчающіяся у животныхъ въ дикомъ состояніи. *Тѣмъ „не менѣе* я не могу убѣдиться чтобъ этотъ взглядъ былъ при„мѣнимъ во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ отношеніи „къ чрезвычайному развитію волосъ на шеѣ и переднихъ но„гахъ самца *Ammotragus* или въ отношеніи къ огромной боро„дѣ питекіи.“

Можно бы спросить: почему же нѣтъ? но г. Дарвинъ не приводитъ никакого резона, кромѣ произвольнаго эпитета „безцѣльно“, о которомъ мы поговоримъ ниже.

Обращаясь теперь къ классу животныхъ на который въ особенности опирается г. Дарвинъ, мы находимъ что даже птицы представляютъ намъ много примѣровъ несогласныхъ съ его гипотезой. Такъ, говоря о битвахъ самцовъ *waders*, г. Дарвинъ разказываетъ:

„Два самца дрались въ теченіи получаса, до тѣхъ поръ пока „одинъ не схватилъ другаго за голову, и онъ убилъ бы его, если„бы не вмѣшался наблюдатель; а самка во все это время „оставалась спокойною зрительницей.“

Такъ какъ обыкновенно эти битвы происходятъ въ отсутствіи зрителей, то ихъ послѣдствія, несомнѣнно часто гибельныя для одного изъ борцовъ, должны значительно ограничить способность выбора, которую г. Дарвинъ приписываетъ самкамъ. Такъ же ограничена, конечно, эта способность у большинства семейства куриныхъ, въ которомъ самцы жестоко дерутся другъ съ другомъ, и не можетъ быть сомнѣнія что побѣдители почти неизмѣнно спариваются съ сравнительно пассивными самками.

Свою теорію половаго подбора г. Дарвинъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ фактѣ что самцы рисуются красотой своихъ перьевъ, тщательно выставляя ихъ напоказъ и дѣлая многіе странные жесты. Но это рисованіе собой не исключительно служитъ для привлеченія и подстреканія самокъ.

Такъ онъ допускаетъ что „самцы иногда выказываютъ свои „украшенія и не въ присутствіи самокъ, какъ это можно за„мѣтить на павлинѣ, который, однако, очевидно желаетъ „имѣть *какого-нибудь* зрителя, и показываетъ свои краси„выя перья, какъ я часто видалъ, предъ курами или даже „предъ свиньями“.

Изъ этого факта „выказыванья“ г. Дарвинъ заключаетъ „что „самки вѣроятно цѣнятъ красоту своихъ искателей“. Авторъ, однако, рѣшается назвать это только *вѣроятнымъ*, и присовокупляетъ: „Впрочемъ трудно дать прямое доказательство ихъ „способности цѣнить красоту.“ А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о самкѣ: „Нельзя считать вѣроятнымъ чтобъ она сознатель„но обсуждала; но ее въ высшей степени возбуждаютъ или при„влекаютъ самые красивые или голосистые, или наиболѣе га„лантные самцы.“ Нѣтъ сомнѣнія что перья, пѣніе и проч. имѣютъ участіе въ содѣйствіи различнымъ жизненнымъ процессамъ; но возбуждать половой инстинктъ, даже допуская что есть такая цѣль, не то же самое что доставлять случай для возможности выбора.

Нельзя утверждать что есть какія-либо данныя для половаго подбора кромѣ какъ въ классѣ птицъ. Нѣкоторыя изъ явленій которыя г. Дарвинъ приписываетъ такому подбору должны происходить, въ нѣкоторыхъ другихъ классахъ, отъ другихъ причинъ, и нѣтъ *доказательства* дѣйствія половаго подбора *даже* у птицъ. Но и въ другихъ классахъ, какъ мы видѣли, половыя особенности такъ же отличительны какъ и въ группѣ перватыхъ. Г. Дарвинъ доказываетъ что птицы выбираютъ, и утверждаетъ что ихъ половыя отличія произведены подобнымъ подборомъ, и изъ этого заключаетъ что слѣдовательно и половыя особенности звѣрей развились подобнымъ же образомъ. Но мы можемъ сдѣлать обратный аргументъ и сказать что не менѣе рѣзко обозначенныя половыя особенности существуютъ у многихъ звѣрей, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, и эти особенности не могутъ зависѣть отъ половаго подбора; и слѣдовательно, вѣроятно половыя особенности птицъ также не зависятъ отъ половаго подбора, но какъ въ томъ такъ и другомъ случаѣ одинаково дѣйствовала какая-либо неизвѣстная внутренняя причина. Вопросъ, слѣдовательно, стоитъ такимъ образомъ: изъ животныхъ обладающихъ половыми особенностями есть такія у которыхъ половой подборъ не могъ дѣйствовать; есть другія у которыхъ онъ можетъ-быть и дѣйствовалъ; есть наконецъ и такія у которыхъ онъ, по словамъ

г. Дарвина, навѣрное дѣйствовалъ. Нѣсколько странно выводить изъ сего заключеніе что половой подборъ есть единственная всеобщая причина половыхъ особенностей, когда и въ отсутствіи ея происходятъ явленія подобныя тѣмъ какія ей приписываются.

Но каковы на самомъ дѣлѣ данныя на которыхъ г. Дарвинъ основываетъ свои выводы относительно птицъ? Какъ уже выше сказано, это слѣдующія: „выказываніе“ самцами своихъ украшеній, большій блескъ этихъ украшеній, и случайное предпочтеніе самками находящимися въ заключеніи извѣстныхъ самцовъ. Есть ли во всемъ этомъ достаточное основаніе для построенія его теоріи? Вопервыхъ, у насѣкомыхъ, какъ напримѣръ у бабочекъ, мы часто видимъ что много блестящихъ самцовъ преслѣдуютъ одну самку. Но, по справедливому замѣчанію г. Валласа, „окончательно овладѣваетъ самкой или самый сильный, „или самый терпѣливый“. Точно также и въ птицахъ сила и настойчивость, безъ сомнѣнія, обыкновенно вознаграждаютъ искателя обладающаго этими качествами. Несомнѣнно также что обыкновенно онъ будетъ также самый красивый или самый голосистый, но потому только что особенная красота перьевъ или пѣнія будетъ совпадать съ превосходною силой организма и полнотой жизненности.

Но то что внутреннія свойства *способны* произвести самыя разнообразныя или странныя половыя особенности, представляемыя птицами, доказывается на дѣлѣ классомъ насѣкомыхъ, въ особенности гусеницами, которыя, по причинѣ своего безполаго неразвитаго состоянія, не могутъ обнаруживать половаго подбора. Но между гусеницами мы не только встрѣчаемъ нѣкоторыхъ разукрашенныхъ пятнами, полосками и любопытными рисунками, весьма отчетливыми и яркихъ цвѣтовъ, но у нихъ бываютъ также разные красивые отростки, прекрасные мясистые бугорки или щупальцы, твердые шипы, красиво разцвѣченные волоски, расположенные кучками, щетками или длинными кисточками, и рога на головѣ и хвостѣ, одиночные или двойные, заостренные или тупые. Г. Валласъ замѣчаетъ; „Если всѣ эти разнообразныя украше„нія могутъ появиться и стать постоянными въ каждомъ видѣ „вслѣдствіе какой-либо неизвѣстной причины, совершенно не„зависимой отъ половаго подбора, то почему же та же причина „не можетъ произвести цвѣта и многія изъ украшеній совер„шенныхъ насѣкомыхъ“, а мы прибавимъ также: почему же она

не можетъ произвести цвѣта и украшенія всѣхъ другихъ животныхъ, включая птицъ?

Есть, однако, еще одна причина побуждающая г. Дарвина допустить половой подборъ, и она-то вѣроятно, въ его умѣ, и сообщила значеніе уломянутымъ фактамъ относительно перьевъ и движеній птицъ. Говоря о томъ какъ самцы рисуются, онъ замѣчаетъ: „невѣроятно чтобы все это выказываніе было „безцѣльно“, а въ другомъ мѣстѣ онъ объявляетъ что всякій отрицающій способность самки-павлина цѣнить тонкую красоту перьевъ ея сожителя „будетъ принужденъ допустить что не„обыкновенныя положенія принимаемыя самцомъ во время ухаживанія, коими вполнѣ обнаруживается удивительная красота „его перьевъ, не имѣютъ цѣли, и я по крайней мѣрѣ никогда „не соглашусь съ этимъ заключеніемъ“. Итакъ, повидимому воображаемая необходимость считать иначе безцѣльными эти дѣйствія и побуждаетъ г. Дарвина приписать особенную и спеціальную цѣль дѣйствіямъ птицъ. Но, конечно, затрудненіе это чистая нелѣпость. Пусть будетъ допущено что самка не выбираетъ, но ухаживаніе самца можетъ быть полезно для необходимой степени возбужденія ея нервной системы и нервной системы самого самца. Результатомъ этого можетъ быть для обоихъ ощущеніе удовольствія, можетъ-быть весьма сильное. Не можетъ-быть затрудненія и въ предположеніи другихъ цѣлей, еслибы мы захотѣли перейти къ высшимъ соображеніямъ. Мы встрѣчаемъ у г. Дарвина слѣдующее замѣчательное мѣсто:

„Въ отношеніи предпочтенія оказываемаго самками птицъ „извѣстнымъ самцамъ, мы должны помнить что можемъ судить „объ этомъ только поставивъ себя воображеніемъ въ такое же „положеніе. Еслибы житель другой планеты могъ посмотрѣть „какъ на ярмаркѣ нѣсколько молодыхъ поселянъ ухаживаютъ за „красивою дѣвушкой и ссорятся изъ-за нея, то онъ могъ бы вывести заключеніе о ея способности выбора только изъ наблю„денія стараній поклонниковъ понравиться ей или выказать свою „красоту.“

Но слѣдуетъ замѣтить что г. Дарвинъ, какъ съ нимъ часто бываетъ, допускаетъ уже самый спорный пунктъ, если только подъ способностью выбора онъ не разумѣетъ просто свободы физической силы. Если онъ разумѣетъ внутреннюю, умственную способность выбора, то наблюдатель съ другой планеты могъ бы приписать такую способность дѣвушкѣ только въ такомъ случаѣ еслибъ онъ имѣлъ основаніе приписать поселянамъ такія же умственныя и нравственныя свойства какими бы онъ самъ

обладалъ. Такое подобіе свойствъ г. Дарвинъ, конечно, приписываетъ и разумнымъ существамъ и звѣрямъ; но тѣ кто несогласны съ нимъ въ этомъ, потребуютъ другихъ доказательствъ, кромѣ присутствія украшеній и совершенія куріозныхъ жестовъ, неподтвержденныхъ никакими указаніями способности членораздѣльной рѣчи.

Таково свойство данныхъ на которыхъ основывается теорія половаго подбора. Для насъ дѣйствіе половаго подбора кажется едва ли болѣе чѣмъ простою возможностью, и данныя рѣдко представляютъ его вѣроятнымъ. Оно не можетъ быть достаточною причиной для объясненія тѣхъ явленій которыя предполагается имъ объяснить, а между тѣмъ г. Дарвинъ многократно говоритъ о немъ какъ будто бы реальность и неизбѣжность этого вывода были неоспоримы.

Что касается до предполагаемаго дѣйствія естественнаго подбора на нашъ собственный видъ, то мы можемъ упомянуть о двухъ пунктахъ.

Вопервыхъ, относительно отсутствія шерсти г. Дарвинъ допускаетъ что эта особенность не можетъ быть объяснена естественнымъ подборомъ, потому что она очевидно не благодѣтельна; поэтому онъ приписываетъ ее половому подбору, предполагая что первоначальный человѣкъ сталъ выбирать себѣ пары все менѣе волосатыя, и возможность дѣйствія такого выбора, по мнѣнію г. Дарвина, подтверждается тѣмъ фактомъ что у нѣкоторыхъ обезьянъ есть обнаженныя части тѣла. Но извѣстенъ также фактъ что у высшихъ обезьянъ нѣтъ этой обнаженности, или если она и есть, то гораздо въ меньшей степени.

Вовторыхъ, въ отношеніи человѣческихъ племенъ, теорія г. Дарвина требуетъ попеременно допускать постоянство и капризъ, для объясненія выбора и сохраненія отличительныхъ разновидностей. Для того чтобы каждое племя могло пріобрѣсти и сохранить свой собственный идеальный образецъ красоты требуется достовѣрность гипотезы что „нѣкоторые вкусы съ теченіемъ времени становятся наслѣдственными“, а между тѣмъ г. Дарвинъ допускаетъ что „онъ не знаетъ никакихъ данныхъ въ пользу такого мнѣнія“. Съ другой стороны, онъ говоритъ: „Какъ только племена подверженныя различнымъ условіямъ начинаютъ различаться, то каждое племя составитъ для „себя слегка отличный образецъ красоты“, который „постепенно и неизбѣжно будетъ усиливаться все въ большей и большей

степени". Но почему же сѣверо-американскіе Индѣйцы не разошлись въ отличіяхъ болѣе замѣтнымъ образомъ, обитая въ столь различныхъ климатахъ и окруженные столь различными условіями? Далѣе, не только каждое племя не бываетъ связано предпочтеніемъ своихъ собственныхъ чертъ, но всѣ образованные Европейцы, будь они Кельты, Тевтоны или Славяне, согласны въ томъ что считаютъ эллинскій идеалъ высшимъ типомъ человѣческой красоты.

Г. Дарвинъ излагаетъ весьма интересно не только анатомію человѣка, но описываетъ также его привычки, болѣзни, паразитовъ и процессъ его развитія. Онъ указываетъ не только близкое сходство даже въ строеніи мозга человѣка и обезьянъ, но также и то какъ эти животныя подвержены многимъ такимъ же незаразительнымъ болѣзнямъ какъ и мы сами. Такъ Рентгеръ, тщательно наблюдавшій долгое время *Cebus Azarae* на его родинѣ, нашелъ что это животное подвержено катарру съ его обычными симптомами, который переходитъ, при частомъ повтореніи, въ чахотку. Эти обезьяны страдали также отъ удара, воспаленія кишекъ и глазной катаракты. Юныя животныя, при прорѣзываніи молочныхъ зубовъ, умирали часто отъ лихорадки. Лѣкарства производили на нихъ то же самое дѣйствіе что и на насъ. Многія породы обезьянъ имѣли сильное пристрастіе къ чаю, кофе и спиртнымъ напиткамъ. Нѣкоторыя даже курили табакъ съ удовольствіемъ.

Г. Дарвинъ приводитъ также замѣчаніе скульптора г. Вульнера относительно небольшаго выступа на внѣшнемъ ободкѣ человѣческаго уха, и говоритъ что этотъ выступъ, „какъ мы можемъ смѣло заключить", есть случайно вновь появляющійся у человѣка слѣдъ прежнихъ остроконечныхъ ушей. Онъ приводитъ и весьма много другихъ интересныхъ фактовъ, которые здѣсь излишне перечислять. Всѣ эти факты, безъ сомнѣнія, произведутъ сильное впечатлѣніе на читателей не знающихъ анатоміи, но на дѣлѣ весь результатъ ихъ единственно ведетъ къ доказательству что человѣкъ есть животное. Но этого никто и не отрицаетъ, и это признавалось и преподавалось еще со времени Аристотеля. Замѣчанія г. Дарвина старательно доказываютъ только то что всѣ допускаютъ, именно что человѣкъ есть животное, но они подразумѣваютъ притомъ что человѣкъ не болѣе какъ животное, и законность этого заключенія мы не стали бы оспаривать только въ такомъ

случаѣ еслибы мы могли принять взгляды г. Дарвина на умственныя способности человѣка.

Все что̀ можно считать доказаннымъ г. Дарвиномъ ограничивается тѣмъ что если различные виды низшихъ животныхъ развились одинъ отъ другаго путемъ естественнаго произрожденія или эволюціи, то становится весьма вѣроятнымъ *a priori* что и человѣческое тѣло развилось подобнымъ же образомъ; но въ такомъ случаѣ это будетъ одинаково вѣроятно просто на основаніи всѣми допускаемаго факта что человѣкъ есть животное. Данныя въ пользу такого процесса эволюціи человѣческаго тѣла равняются впрочемъ только вѣроятности *a priori*, и могутъ быть согласованы и съ другимъ способомъ происхожденія если есть достаточное основаніе для вѣры въ подобный другой способъ. Г. Дарвинъ говоритъ: „Только на„ше врожденное предубѣжденіе, и то высокомѣріе которое по„будило нашихъ предковъ объявить что они происходятъ отъ „полубоговъ, побуждаютъ насъ негодовать противъ этого за„ключенія“ (то-есть противъ происхожденія человѣка отъ животныхъ). Но дѣло вовсе не въ томъ, ибо многіе негодуютъ противъ его заключенія вслѣдствіе убѣжденія что принятіе его взглядовъ противорѣчитъ другимъ истинамъ которыя для нихъ гораздо болѣе очевидны.

Г. Дарвинъ дѣлаетъ также поразительное заявленіе что принять какой-либо другой взглядъ относительно происхожденія человѣка, кромѣ его собственнаго, „значитъ допустить что „устройство нашего тѣла и всѣхъ животныхъ вокругъ насъ „есть не болѣе какъ западня въ которой путается наше сужденіе“. Мы вполнѣ увѣрены что г. Дарвинъ далекъ отъ предположенія что онъ разобралъ всѣ возможности даннаго случая, а чѣмъ можно оправдать подобное заявленіе какъ не убѣжденіемъ что все поле изслѣдованія перерыто вполнѣ? Еслибы было дозволительно, безъ подобнаго убѣжденія, пускаться въ догматику, то каждый теоретикъ, достигшій пригоднаго объясненія ряда явленій, могъ бы употребить точно такой же аргументъ и сказать что пока не будетъ найдено лучшее объясненіе, сомнѣваться въ немъ значитъ приписывать лукавство Всемогущему Творцу.“

II.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію предмета величайшей важности, именно къ умственнымъ способностямъ человѣка.

Отличаются ли онѣ только въ степени, а не въ самомъ свойствѣ, какъ неоднократно утверждаетъ г. Дарвинъ, отъ умственныхъ способностей звѣрей? Какъ часто бываетъ въ препарательствахъ, заблужденіе которое приходится оспаривать заключается въ подразумѣваемомъ отрицаніи. Г. Дарвинъ подразумѣваетъ и, повидимому, признаетъ что когда двѣ вещи имѣютъ нѣкоторыя общія черты, то между ними не можетъ быть существеннаго различія.

Чтобъ избѣжать неясности и двусмысленности, полезно предварительно прямо поставить нѣкоторые весьма элементарные вопросы. Обыкновенные антецеденты и спутники явственно чувствуемыхъ ощущеній, со всѣми ихъ физическими послѣдствіями, могутъ быть и при полномъ отсутствіи интеллектуальнаго сознанія, какъ это доказывается всѣмъ извѣстнымъ фактомъ что когда вслѣдствіе перелома спиннаго хребта нижнія конечности человѣка бываютъ совершенно лишены способности чувствовать, нога тѣмъ не менѣе можетъ отдергиваться при щекотаніи, точно такъ какъ будто бы ощущеніе было сознательно чувствуемо. Между низшими животными, обезглавленная лягушка сближаетъ заднія ноги чтобъ оттолкнуть раздражающій предметъ, точно такъ какъ это дѣлаетъ и неповрежденное животное. Здѣсь мы имѣемъ приноровленныя дѣйствія производимыя стимулами которые въ нормальныхъ случаяхъ вызываютъ ощущенія, но здѣсь эти дѣйствія происходятъ при условіяхъ въ коихъ не участвуетъ дѣйствіе мозга. Еслибъ оно участвовало, то мы получили бы ощущеніе, но вовсе не непремѣнно притомъ и интеллектуальное дѣйствіе.

Ощущеніе не есть *мысль*, и никакое количество первыхъ не составитъ самаго перваго зачатка послѣдней, хотя ощущенія доставляютъ условіе для существованія мысли или знанія.

Вообще мы можемъ ясно различить по крайней мѣрѣ шесть видовъ дѣйствій для коихъ служитъ нервная система.

I. Полученныя впечатлѣнія производятъ свойственныя движенія безъ вмѣшательства ощущенія или мысли, какъ въ вышеуказанныхъ случаяхъ поврежденій. (Рефлективное дѣйствіе нервной системы—рефлексъ.)

II. Стимулы извнѣ вызываютъ ощущенія чрезъ посредство коихъ и производятся должныя ихъ послѣдствія. (Ощущеніе.)

III. Полученныя впечатлѣнія вызываютъ ощущенія дающія поводъ къ наблюденію чувственныхъ предметовъ. (Чувственное воспріятіе.)

IV. Ощущенія и воспріятія продолжаютъ сливаться, притягиваться и комбинировать въ болѣе или менѣе сложные аггрегаты, по законамъ ассоціаціи чувственныхъ воспріятій. (Ассоціація.)

Всѣ эти четыре группы заключаютъ только неразсудочныя дѣйствія, такъ какъ они состоятъ лишь изъ простыхъ *презентативныхъ (presentative)* чувственныхъ представленій, нисколько не требуя разсудочной или *репрезентативной (representative)* способности. Подобныя дѣйствія образуютъ *инстинктъ* и служатъ для него. Но кромѣ нихъ можно еще различить два вида умственной дѣятельности, а именно:

V. Ощущенія и чувственныя воспріятія отражаются мыслью и признаются за наши собственныя, и мы сами сознаемъ себя воспринимающими. (Самосознаніе.)

VI. Мы разсуждаемъ о нашихъ собственныхъ ощущеніяхъ или воспріятіяхъ, и спрашиваемъ какови они и почему они существуютъ. (Разумъ.)

Эти два послѣдніе вида дѣятельности суть разсудочныя операціи, совершаемыя посредствомъ репрезентативныхъ понятій, требующихъ употребленія *разсуждающей репрезентативной* способности. Такими дѣйствіями отличается *умъ* (*intellect*) или разумная способность. Мы утверждаемъ что обладаніе въ совершенствѣ первыми четырьмя видами дѣятельности нисколько не влечетъ обладанія и послѣдними двумя видами. Мы полагаемъ всѣми должна быть допущена истина слѣдующаго предложенія:

Двѣ способности различны не только въ степени, но въ самомъ свойствѣ: если мы можемъ обладать одною, и этотъ фактъ не означаетъ непремѣннаго обладанія также и другою. Еще болѣе это справедливо, если двѣ способности наклонны развиваться въ обратной пропорціи. Но таково и есть различіе между инстинктивною и интеллектуальною частью человѣческой природы.

Что касается до животныхъ, то мы вполнѣ допускаемъ что они могутъ обладать всѣми первыми четырьмя группами дѣятельности,—что они, такъ сказать, могутъ имѣть умственные образы чувственныхъ предметовъ, комбинированные въ различныхъ степеняхъ сложности, согласно съ законами ассоціаціи. Но мы отказываемъ имъ, съ другой стороны, въ обладаніи послѣдними двумя видами умственной дѣятельности. То-есть, мы отказываемъ имъ въ способности разсуждать о своемъ

собственномъ существованіи или освѣдомляться о свойствѣ предметовъ и ихъ причинахъ. Мы отрицаемъ чтобъ они знали что они знаютъ, или знали себя познающими. Другими словами—мы отказываемъ имъ въ *разумѣ*.

Итакъ, по приведенному нами опредѣленію, способности человѣка и другихъ животныхъ различны по существу; и животныя низко стоящія въ классификаціи прадставляютъ намъ прекрасный примѣръ въ подтвержденіе этого различія, потому что у тѣхъ животныхъ которыя всѣми признаются неимѣющими разума, каковы насѣкомыя (напр. муравей и пчела), инстинктъ обнаруживается намъ въ полномъ совершенствѣ.

Прежде чѣмъ мы разсмотримъ вкратцѣ аргументы г. Дарвина, слѣдуетъ замѣтить нѣкоторые факты относительно условій спора.

Вопервыхъ, то положеніе на которомъ мы стоимъ есть уже наше достояніе; за него стоятъ наше внутреннее чувство, нравственныя соображенія и всемірное религіозное ученіе. *Onus probandi*, поэтому, конечно, предлежитъ тому кто, нападая на занятую позицію, утверждаетъ существенное сходство и основное тождество способностей, выраженія коихъ такъ ярко различаются. Но г. Дарвинъ преспокойно допускаетъ весь спорный пунктъ, утверждая тождество *внутренняго чувства* тамъ гдѣ есть тождество *ощущенія*, чѣмъ онъ, конечно, подразумѣваетъ что нѣтъ никакой другой умственной способности кромѣ ощущенія. Ибо еслибы существованіе другой способности было имъ допущено, то ясно что дѣятельность этой другой способности могла бы видоизмѣнить послѣдствія простаго ощущенія во всякомъ существѣ одаренномъ такою дополнительною способностью.

Вовторыхъ, слѣдуетъ помнить законъ всякаго размышленія что тамъ гдѣ извѣстныхъ причинъ достаточно для объясненія какихъ-либо явленій, мы не должны произвольно искать еще другихъ причинъ. Если, какъ мы въ томъ убѣждены, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ *репрезентативной* способности для объясненія умственной дѣятельности животныхъ, если явленія ими обнаруживаемыя могутъ быть объяснены *презентативною* способностью, то-есть присутствіемъ чувственныхъ воспріятій и движеній, совокупно съ рефлективною и соразмѣряющею (*coordinating*) способностями первной системы, то надѣлять ихъ разумомъ будетъ совершенно произвольно.

Втретьихъ, кромѣ того, мы имѣемъ еще другіе и положи-

тельные аргументы, противные взглядамъ г. Дарвина на умственныя способности животныхъ. Эти аргументы основаны на отсутствіи у животныхъ членораздѣльной и разумной рѣчи, дѣятельности по соглашенію, и воспитаемости въ томъ смыслѣ какъ это относится къ людямъ. Мы еще имѣемъ такъ-сказать экспериментальное доказательство въ томъ же самомъ направленіи. Если зачатки разумной природы существуютъ въ животныхъ, то эти зачатки конечно давно бы уже развились такимъ образомъ что произвели бы несомнѣнно разумныя явленія, принимая въ соображеніе громадный промежутокъ времени истекшаго съ перваго погребенія исколаемыхъ видовъ.

Намъ могутъ возразить что многіе люди могутъ быть также сочтены за неразумныхъ животныхъ, до такой степени слабо превосходятъ они нѣкоторыхъ животныхъ. Но въ отвѣтъ на это слѣдуетъ замѣтить что мы можемъ говорить только о настоящихъ людяхъ, а не объ идіотахъ, и что всѣ *люди*, какъ бы ни было низко ихъ соціальное положеніе, имѣютъ собственно такъ-называемое самосознаніе, обладаютъ даромъ членораздѣльной и разумной рѣчи, способны къ дружному согласному дѣйствію и имѣютъ пониманіе того что̀ есть правда и неправда. Съ другой стороны, ни одно животное не имѣетъ способности членораздѣльной разумной рѣчи; большинство согласится также что животныя не способны дѣйствовать по соглашенію, и мы съ увѣренностью отстаиваемъ что они не имѣютъ ни самосознанія, ни пониманія различія между истиной и ложью, правдой и неправдой.

Разсмотримъ теперь факты г. Дарвина въ пользу противоположнаго заключенія: во 1хъ, его свидѣтельства добытыя изъ личнаго опыта и другихъ свѣдѣній относительно низшихъ человѣческихъ племенъ; и во 2хъ, приводимые имъ анекдоты въ пользу ума животныхъ.

Волервыхъ, мы должны поблагодарить нашего автора за весьма опредѣленныя и безусловныя заявленія его о существенномъ единствѣ умственныхъ способностей человѣка. Такъ онъ говоритъ:

„Фуэги (жители Огненной Земли) принадлежатъ къ самымъ „низшимъ варварамъ; но меня постоянно приводило въ удив„леніе—до какой степени три туземца бывшіе на кораблѣ *Бигль*, „которые прожили нѣсколько лѣтъ въ Англіи и могли немного „болтать по-англійски, походили на насъ расположеніемъ и „большею частью умственныхъ качествъ“.

„Далѣе онъ прибавляетъ: „Американскіе Аборигены, Негры и „Европейцы различаются другъ отъ друга умственно какъ „только могутъ различаться какія-либо три племени; но меня „постоянно поражали, пока я жилъ вмѣстѣ съ Фуэгами на „*Бигль*, многія черты ихъ характера указывавшія до какой „степени ихъ умъ подобенъ нашему; и то же самое я замѣтилъ „у одного чистокровнаго Негра, съ которымъ мнѣ случилось „однажды сблизиться." И далѣе еще онъ говоритъ: „Различіе „этого рода между высшими людьми высшихъ племенъ и низ„шими дикарями связываются самыми мелкими градаціями."

Итакъ, г. Дарвинъ ясно говоритъ намъ что всѣ существенныя умственныя особенности цивилизованнаго человѣка находятся и въ самыхъ низшихъ человѣческихъ племенахъ, хотя въ менѣе совершенно развитомъ состояніи; между тѣмъ какъ сравнивая ихъ умственныя способности со способностями животныхъ, онъ говоритъ: „Несомнѣнно, различіе въ этомъ отно„шеніи громадно." Какъ бы съ цѣлью, однако, ослабить силу этого признанія, онъ замѣчаетъ, въ чемъ никто и не подумаетъ спорить, что есть психическія явленія общія людямъ и другимъ животнымъ. Онъ говоритъ что —

„человѣкъ, такъ же какъ и низшія животныя, пользуется без„связными криками для выраженія своего чувства, при помощи „жестовъ и движеній лицевыхъ мускуловъ. Это въ особенности „примѣнимо къ болѣе простымъ и живымъ ощущеніямъ, кото„рыя имѣютъ *лишь слабую связь съ высшимъ пониманіемъ*. На„ши крики выражающіе боль, страхъ, удивленіе, гнѣвъ, съ со„провождающими ихъ движеніями, и шолотъ матери надъ люби„мымъ ребенкомъ, выразительнѣе всякихъ словъ."

Но, поскольку всѣми допускается что человѣкъ *есть* животное, и слѣдовательно обладаетъ всѣми четырьмя низшими способностями перечисленными въ нашемъ спискѣ, также какъ и двумя высшими, то фактъ что онъ пользуется общими инстинктивными дѣйствіями нисколько не уменьшаетъ силы различія между нимъ и животными въ отношеніи репрезентативныхъ, разсудочныхъ способностей. Изъ его животности само собою слѣдуетъ что онъ долженъ обнаруживать явленія общія ему и животнымъ. То что человѣкъ имѣетъ общія свойства съ ними вполнѣ совмѣстимо съ существованіемъ у него, кромѣ того, высшихъ свойствъ и способностей, коихъ нѣтъ ни зачатка, ни признака у животныхъ. На всѣ аргументы и возраженія второй главы г. Дарвина можно отвѣчать фактомъ что такъ какъ человѣкъ есть животное, то онъ имѣетъ и соотвѣтствующія способности, откуда и проистекаетъ нѣкоторое вліяніе

шее подобіе его съ другими животными относительно способовъ выраженія нѣкоторыхъ умственныхъ проявленій. Въ просмотрѣ этой возможности совмѣстнаго существованія двухъ породъ и заключается та ошибка отрицанія о которой мы прежде упоминали. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ книги, можно сказать что есть два количества a и $a + x$, а г. Дарвинъ, видя два a и отбрасывая x, изображаетъ эти два количества равными.

Упомянемъ теперь объ анекдотахъ приводимыхъ г. Дарвиномъ въ подтвержденіе разумности животныхъ. Замѣтимъ, при этомъ, что его заявленія, приводимыя съ чужаго авторитета, не указываютъ на тщательную критику. Такъ, напримѣръ, онъ разказываетъ со словъ Брема:

„Орелъ схватилъ молодую обезьяну (*Cercopithecus*), которая, „уцѣпившись за вѣтку, не была имъ тотчасъ же унесена. Она „громко звала криками на помощь, вслѣдствіе чего другіе члены труппы съ ревомъ бросились на выручку, окружили орла „и вытащили у него столько перьевъ что онъ, не думая о добычѣ, поспѣшилъ самъ убраться.“

Признаемся, мы желали бы чтобы г. Дарвинъ былъ самъ свидѣтелемъ этого эпизода. Можетъ-быть, впрочемъ, онъ видѣлъ другіе факты достаточно похожіе на приведенный чтобы повѣрить послѣднему. Но не имѣя дѣйствительно достовѣрнаго свидѣтельства, мы, однако, склонны сомнѣваться чтобы молодая обезьяна, неожиданно схваченная орломъ, могла, уцѣпившись за вѣтку, устоять противъ дѣйствія его сильныхъ крыльевъ.

Насъ удивляетъ что г. Дарвинъ, не усомнившись, привелъ слѣдующій разказъ:

„Одна самка бабуна имѣла такое нѣжное сердце что не только принимала молодыхъ обезьянъ другихъ видовъ, но крала „маленькихъ собакъ и кошекъ, которыхъ она постоянно водила „съ собой. Ея доброта, впрочемъ, не доходила до того чтобы „раздѣлять свою пищу съ своими усыновленными дѣтьми, чему „Бремъ удивлялся, такъ какъ его обезьяны всегда добросовѣстно дѣлили все съ своими дѣтьми. Одна усыновленная кошка „оцарапала названную мягкосердечную обезьяну, *которая конечно обладала тонкимъ умомъ*, потому что она очень удивилась „царапинѣ, и немедленно осмотрѣла лапы кошки, и тотчасъ же „обгрызла ей когти“ (!!).

Разсудилъ ли г. Дарвинъ объ этомъ предполагаемомъ фактѣ

Возможно ли для бабуна обгрызть когти кошки, не держа лапу совершенно выпрямленною?

Еще онъ намъ приводитъ слѣдующій анекдотъ изъ вторыхъ рукъ:

„Въ Абиссиніи, гдѣ бабуны одного вида (*C. gelada*) спуска„ются трупами съ горъ чтобы грабить поля, они иногда встрѣ„чаютъ трупы другаго вида (*C. hamadryas*), и тогда происходитъ „битва. Гелады скатываютъ внизъ большіе камни, отъ кото„рыхъ гамадріасы стараются уклониться, и затѣмъ оба вида съ „большимъ ревомъ яростно бросаются другъ противъ друга. „Бремъ, сопровождал герцога Кобургъ-Готскаго, участвовалъ „въ атакѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ на трупу бабуновъ въ „проходѣ Менса въ Абиссиніи. Бабуны, въ отвѣтъ на выстрѣ„лы, скатывали съ горъ такъ много камней, иные изъ коихъ „были съ человѣческую голову, что нападающимъ пришлось по„слѣшно отретироваться, и на нѣкоторое время проходъ былъ „запертъ для каравана. Достойно замѣчанія что эти бабуны та„кимъ образомъ дѣйствовали по соглашенію.“

Если даже всѣ черты этого факта переданы абсолютно вѣрно, то онъ нисколько не опровергаетъ различія приведеннаго нами между инстинктомъ и разумомъ; но положительное увѣреніе будто бы обезьяны „дѣйствовали по соглашенію“, когда фактъ ничего болѣе не доказываетъ какъ то что ихъ дѣйствія были одновременны, показываетъ сильное пристрастіе со стороны разкащика. Стадо овецъ также одновременно поворачивается и устремляетъ взоры на того кто къ нему подходитъ, но это не есть дружное дѣйствіе которое означаетъ что поступки не только одновременны, но бываютъ таковыми вслѣдствіе взаимнаго пониманія и уговора между различными агентами. Можно еще прибавить что еслибы какія-нибудь животныя были способны на такія дѣйствительно дружныя дѣйствія, то послѣдствія таковыхъ вскорѣ обнаружились бы намъ такъ явственно что не допускали бы возможности ошибки.

Переходимъ теперь къ примѣрамъ г. Дарвина относительно разумности животныхъ. Вопервыхъ, онъ разказываетъ:

„У меня была собака, довольно дикая и враждебная ко всѣмъ „посторонимъ, и я нарочно испыталъ ея память послѣ отсут„ствія пяти лѣтъ и двухъ дней. Я подошелъ близко къ конурѣ „гдѣ она жила и позвалъ ее по моей старой привычкѣ; она не „обнаружила радости, но тотчасъ послѣдовала за мной и слуша„лась меня, точно такъ какъ будто бы я разстался съ ней „только за полчаса предъ тѣмъ. Нить старыхъ ассоціацій, не „тревожимыхъ въ теченіе пяти лѣтъ, была такимъ образомъ „мгновенно пробуждена въ ея умѣ.“

Безъ сомнѣнія такъ, но это не разумъ. Да и трудно найти лучшій примѣръ простаго дѣйствія ассоціаціи чувственныхъ впечатлѣній. Что въ этомъ фактѣ указываетъ на что-либо другое кромѣ памяти, впечатлѣній чувственныхъ предметовъ и ихъ ассоціаціи? Еслибы тутъ былъ разумъ, то были бы признаки радости и удивленія, хотя одни такіе признаки не доказывали бы еще существованія разума. Г. Дарвинъ, конечно, не думаетъ чтобы въ этомъ случаѣ была какія-нибудь указанія что собака задалась тѣми вопросами которые, при этихъ условіяхъ, явились бы у разумнаго существа. Г. Дарвинъ разказываетъ также намъ какъ одинъ содержатель обезьянъ бросалъ съ отчаяніемъ воспитаніе тѣхъ обезьянъ чье вниманіе легко отвлекалось отъ его уроковъ, „между тѣмъ какъ обезьяну внима„тельную всегда легко можно было обучить.“ Но вниманіе не означаетъ разсудка. Анекдотъ указываетъ только что нѣкоторыя обезьяны болѣе впечатлительны и болѣе способны удерживать впечатлѣнія чѣмъ другія.

Еще намъ разказываютъ какъ примѣръ инстинкта что „Ренгеръ иногда клалъ живую осу въ бумагу, такъ что обезьяна, „поспѣшно развертывая бумагу, получала уколъ; послѣ перваго „такого случая обезьяны всегда сперва подносили пакетъ къ уху „чтобъ убѣдиться нѣтъ ли въ немъ движенія“. Но и здѣсь опять нѣтъ надобности призывать на помощь разумъ. Группа ощущеній отъ сложенной бумаги связывалась у обезьянъ съ другими группами ощущеній—шумомъ и движеніемъ и уколотыми пальцами. Въ другой разъ, испытывая группу ощущеній сложенной бумаги, онѣ невольно припоминали послѣдующія ощущенія, и при воспоминаніи о слуховомъ ощущеніи рука подносится къ уху. Но г. Дарвинъ считаетъ этотъ неважный примѣръ столь значительнымъ что онъ продолжаетъ:

„Тотъ кто подобными фактами и тѣми какіе онъ можетъ „наблюдать надъ своими собственными собаками не убѣждается „ся въ способности животныхъ разсуждать, не убѣдится „ничѣмъ что я могъ бы еще прибавить. Тѣмъ не менѣе я при„веду одинъ случай относительно собакъ, такъ какъ его под„тверждаютъ два различные наблюдателя, и *онъ едва ли мо„жетъ зависѣть отъ видоизмѣненія* инстинкта. Г. Колькво„унъ ранилъ двухъ дикихъ утокъ, которыя упали на противо„положной сторонѣ ручья; его лягавая собака попыталась при„нести ихъ обѣихъ заразъ, но никакъ не могла этого сдѣлать; „тогда она, хотя никогда прежде не трогала пера у птицы, „умышленно убила одну, принесла другую и возвратилась за „умершею птицей. Полковникъ Гётчинсонъ разказываетъ что

„разъ однимъ выстрѣломъ онъ убилъ одну куропатку и ранилъ „другую; послѣдняя побѣжала и была схвачена лягавою соба„кой, которая возвращаясь встрѣтила убитую птицу; она оста„новилась, очевидно въ большомъ затрудненіи, и послѣ одной „или двухъ попытокъ, видя что она не могла взять ее, не вы„пустивъ раненой птицы, она подумала съ минуту, потомъ „умышленно убила ее и затѣмъ принесла обѣихъ заразъ. Это „былъ единственный примѣръ чтобъ она умышленно причини„ла вредъ дичи.“ Къ этому г. Дарвинъ присовокупляетъ: „Здѣсь „мы видимъ разумъ, хотя и не вполнѣ совершенный, потому „что собака могла бы сперва принести раненую птицу и по„томъ возвратиться за убитою, какъ было дѣло въ случаѣ съ „двумя утками.“

На это мы отвѣчаемъ что здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, и объяснять эти случаи разумомъ совершенно лишнее. Обстоятельства эти могутъ быть объяснены (и на основаніи принциповъ самого г. Дарвина) какъ доказательство возвращенія прежняго инстинкта. Предки охотничьихъ собакъ, конечно, убивали дичь, и то что обученыя собаки не убиваютъ ея зависитъ просто отъ дѣйствія человѣка, которое подавило инстинктъ воспитаніемъ и постоянно держитъ его подъ контролемъ. Несомнѣнно что прежняя склонность *должна* оставаться скрытою, и что небольшой перерывъ въ нормальномъ процессѣ охоты, подобный случившемуся въ приведенныхъ случаяхъ, былъ вѣроятно достаточенъ чтобы возобновить эту старую склонность и вызвать забытый обычай.

Но, можетъ-быть, самый удивительный примѣръ безосновательнаго вывода представляется въ слѣдующемъ разказѣ:

„Моя собака, взрослая и весьма чувствительная, лежала на „равнинѣ въ жаркій и тихій день; на весьма небольшомъ разсто„яніи легкій вѣтерокъ ловременамъ колыхалъ открытый зон„тикъ, на который собака вовсе не обратила бы вниманія если„бы кто-нибудь стоялъ подлѣ него. Но теперь, при каждомъ „легкомъ движеніи зонтика, собака яростно рычала и лаяла. Я „думаю что она должна была разсудить быстрымъ и безсозна„тельнымъ образомъ что движеніе безъ всякой видимой при„чины указывало на присутствіе какого-либо посторонняго жи„ваго агента, и что никто посторонній не имѣетъ права быть „на ея территоріи.“

Послѣдствія выводимыя изъ этого пустаго случая изумительны. Вѣроятно, впрочемъ, г. Дарвинъ разумѣетъ не то что онъ говоритъ; но на основаніи этого случая животное надѣляется отвлеченными понятіями движенія, причинности, и понятія логиче-

ски распредѣляются и подводятся въ подчиненные роды: агентъ, живой агентъ, посторонній живой агентъ. Онъ приписываетъ также собакѣ свѣдѣнія о правѣ, о территоріальномъ ограниченіи и объ отношеніи такой ограниченной территоріи къ личной собственности. Можно смѣло утверждать что еслибы собака могла разсуждать въ одномъ случаѣ, она разсуждала бы и въ другихъ, и доставила бы для г. Дарвина гораздо болѣе несомнѣнныя доказательства сего. Г. Дарвинъ, впрочемъ, говоритъ о разсужденіи несознательнымъ образомъ, такъ что на дѣлѣ онъ не можетъ тутъ вовсе разумѣть какой-либо процессъ разсужденія; но въ такомъ случаѣ примѣръ его вовсе не идетъ къ дѣлу. Даже насѣкомое можетъ быть поражено и обнаруживать такія же доказательства разумности какія представляетъ рычаніе собаки, и всѣ данныя необходимыя для объясненія подобнаго явленія находятся у устрицы, или даже у пресловутой Асцидіи.

Итакъ, оказывается что даже въ примѣрахъ спеціально подобранныхъ г. Дарвиномъ нѣтъ ни малѣйшихъ, хотя бы самыхъ слабыхъ данныхъ которыя указывали бы что какое-либо животное обладаетъ репрезентативными разсудочными способностями. Но если, какъ мы утверждаемъ, животныя лишены этихъ высшихъ способностей, то весьма возможно что тѣ низшія способности которыя у нихъ есть (и которыя мы болѣе или менѣе раздѣляемъ съ ними) развиты у нихъ весьма сильно, и что ихъ чувства отличаются тонкостью и живостью для насъ непонятными. Такъ какъ ихъ умъ * вполнѣ занятъ этими низшими способностями, и такъ-сказать не занятъ ничѣмъ другимъ, то ихъ чувственныя впечатлѣнія могутъ слагаться гораздо сложнѣе чѣмъ у насъ. При отсутствіи свободной воли, законы ассоціаціи идей неограниченно повелѣваютъ умомъ животныхъ.

Теперь остаются еще два предмета для соображенія, которыми доказывается основное различіе существующее между умственными способностями человѣка и животныхъ: 1) Одинаковость умственныхъ способностей у животныхъ весьма различныхъ степеней организаціи и ихъ неподвижность; 2) вопросъ о членораздѣльной рѣчи.

---

* Слова: умъ, умственный, пониманіе и пр. употребляются здѣсь въ отношеніи къ психическимъ способностямъ животныхъ, согласно съ общеупотребительнымъ обычаемъ, а не въ строгомъ смыслѣ.

Принимая въ соображеніе глубокую древность большихъ животныхъ группъ, поистинѣ удивительно какъ мало успѣха въ умственномъ развитіи оказали даже самыя высшія животныя. Это особенно очевидно вслѣдствіе увѣреній самого же г. Дарвина насчетъ способностей низшихъ животныхъ. Такъ онъ разказываетъ намъ:

„Г. Гарднеръ, наблюдая одного сухопутнаго рака (*Gelasimus*) „работавшаго свою нору, бросилъ нѣсколько раковинъ къ от„верстію. Одна изъ нихъ упала въ дыру, а три другія въ нѣ„сколькихъ дюймахъ отъ нея. Минуть черезъ пять ракъ выта„щилъ раковину упавшую внутрь и оттащилъ ее на разстояніе „около фута; увидя затѣмъ три другія близь лежащія раковины и *очевидно думая* что онѣ также могутъ скатиться внутрь, „онъ и ихъ оттащилъ на то же мѣсто куда положилъ первую.“ Къ сему г. Дарвинъ дѣлаетъ слѣдующее удивительное замѣчаніе: „По моему мнѣнію, трудно отличить этотъ поступокъ отъ „поступка совершаемаго человѣкомъ при помощи разума.“

Еще онъ приводитъ слѣдующее:

„Г. Лонсдель разказываетъ что онъ помѣстилъ двухъ ули„токъ (*Helix pomatia*), одна изъ коихъ была слаба, въ небольшой и бѣдный растительностью садикъ. Короткое время спу„стя сильная и здоровая улитка исчезла, и по ея слѣду на„шли что она переползла черезъ стѣну въ сосѣдній болѣе бога„тый садъ. Г. Лонсдель заключилъ что она бросила своего „больнаго товарища, но послѣ отсутствія въ теченіи сутокъ, „она возвратилась и повидимому сообщила о результатѣ своей „успѣшной развѣдки, потому что обѣ двинулись по тому же „слѣду и переползли черезъ стѣну.“

Каково бы ни было истинное значеніе приведенныхъ заявленій, но они согласуются съ заключеніемъ которое неоспоримо. Мы говоримъ о томъ что пониманіе животныхъ, будь оно высоко или низко, по существу своему одного качества, такъ какъ въ этомъ отношеніи представляется замѣчательное сходство между животными принадлежащими къ группамъ весьма различнымъ по типу строенія и степени развитія.

Далѣе, помимо небольшихъ измѣненій какія иногда опытъ вноситъ въ обычаи животныхъ, какъ это иногда бываетъ послѣ того какъ человѣкъ началъ посѣщать вновь открытый островъ, нельзя отрицать что, при широкомъ взглядѣ на все животное царство, нѣтъ никакихъ указаній на движеніе умственныхъ способностей у животныхъ. Это отсутствіе движенія въ умѣ животныхъ есть весьма важное соображеніе, на которое,

повидимому, г. Дарвинъ не обратилъ вниманія, хотя приводимые имъ факты такъ и наводятъ на него. Говоря объ этомъ недостаткѣ движенія, мы, конечно, не отрицаемъ что собака по умственной дѣятельности стоитъ выше рыбы, или коршунъ выше ящерицы. Но мы хотимъ сказать что, принимая въ соображеніе огромный періодъ времени который (по теоріи г. Дарвина) нуженъ былъ для эволюціи орангутанга изъ Асцидіи, а также до какой степени развитый умъ долженъ быть благодѣтеленъ для всѣхъ въ жизненной борьбѣ, немыслимо (но только по принципамъ г. Дарвина) чтобъ умственное движеніе не произошло гораздо въ большей степени и болѣе пропорціонально ступени занимаемой различными животными, чѣмъ это мы находимъ въ дѣйствительности. Ибо въ какомъ отношеніи умъ обезьяны выше ума собаки или слона? Нельзя сказать чтобы въ какомъ-либо пунктѣ ея психическая природа приближалась къ человѣку болѣе чѣмъ природа четвероногихъ звѣрей. Соколъ обученный охотѣ представляетъ по крайней мѣрѣ такой же замѣчательный примѣръ силы воспитанія какъ и обученая собака. Фокусы которымъ могутъ быть научены птицы также сложны и удивительны какъ и тѣ что дѣлаютъ млекопитающія. Явленія гнѣздовитія и нѣкоторые новые факты приводимые г. Дарвиномъ относительно ухаживанья вполнѣ выдерживаютъ сравненіе съ аналогичными явленіями quasi-ума обнаруживаемаго какимъ-либо другимъ животнымъ.

Но этимъ, однако, не ограничиваются наши аргументы. Если мы спустимся къ безпозвоночнымъ, то что мы находимъ? Ограниченіе ихъ quasi-умственныхъ способностей пропорціональное ихъ низшему типу строенія? Вовсе нѣтъ. Мы находимъ, напримѣръ у муравьевъ, явленія уподобляющіяся нашему уму гораздо болѣе чѣмъ явленія обнаруживаемыя высшими животными. У муравьевъ мы видимъ полную и сложную политическую организацію, классы существъ соціально различные, войны оканчивающіяся полоненіемъ невольниковъ, и присвоеніе и содержаніе домашнихъ животныхъ (*Aphides*) подходящихъ къ нашему домашнему скоту дающему молоко. Г. Дарвинъ вѣрно замѣчаетъ большое различіе въ этомъ отношеніи между такими тварями какъ муравьи и пчелы и замѣчательно недѣятельными членами того же класса насѣкомыхъ. Но можно ли утверждать чтобы дѣйствіе естественнаго и половаго подбора одно произвело эти явленія въ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и не могло произвести ихъ въ какихъ-либо другихъ животныхъ даже самаго

высшаго класса? Если эти явленія зависятъ отъ способности подобной по качеству человѣческому уму, и если способность эта находится скрытою и способною къ развитію во всѣхъ животныхъ, то она непремѣнно должна бы была развиться также и въ другихъ примѣрахъ, и мы видѣли бы различныя степени ея у многихъ, и особенно у высшихъ животныхъ, такъ же какъ и у человѣка. Если же, напротивъ того, способности животныхъ различны по природѣ отъ человѣческаго ума, то нѣтъ никакого основанія чтобы животныя наиболѣе близкія къ человѣку по физическому устройству должны были также походить на него и психическими качествами.

Это разсужденіе приводитъ насъ къ различію существующему между человѣкомъ и животными относительно способности членораздѣльной рѣчи. Г. Дарвинъ замѣчаетъ что изъ отличительныхъ особенностей человѣка эта „справедливо счи„талась одною изъ главнѣйшихъ.“ Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Нѣкоторыя животныя могутъ раздѣлять звуки, и не трудно допустить что животныя могли бы (хотя на дѣлѣ этого нѣтъ) такимъ образомъ сопрягать нѣкоторыя ощущенія съ нѣкоторыми членораздѣльными звуками, что въ извѣстномъ смыслѣ обладали бы рѣчью. Но даже и такой случай не могъ бы нисколько замѣстить пробѣла существующаго между репрезентативными разсудочными способностями и чисто презентативными. Членораздѣльные звуки какъ знаки чувственныхъ впечатлѣній были бы такъ же существенно отличны отъ истинно разумной рѣчи какъ и простые жесты. Г. Дарвинъ обходитъ вопросъ о языкѣ, въ одномъ мѣстѣ говоря что эта способность зависитъ отъ того что человѣкъ пріобрѣлъ высшія интеллектуальныя свойства, а въ другомъ онъ приписываетъ эти высшія интеллектуальныя свойства тому что человѣкъ пріобрѣлъ способность рѣчи.

Попытки г. Дарвина сгладить различіе между инстинктивными восклицаніями и разумною рѣчью суть замѣчательные примѣры неосновательнаго сужденія. Такъ онъ смѣло говоритъ:

„Первоначальный человѣкъ, или скорѣе какой-нибудь древ„ній прародитель человѣка, *вѣроятно* часто пользовался своимъ „голосомъ, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время одна изъ „обезьянъ гиббоновъ, для произведенія настоящихъ музыкаль„ныхъ ладовъ, то-есть для пѣнія; на основаніи весьма распро„страненной аналогіи мы можемъ заключить что эта способ„ность особенно была употребляема во время ухаживанья, и „служила для выраженія различныхъ ощущеній любви, ревности,

„торжества, и также для вызова соперниковъ. Отъ подражанія „посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ музыкальнымъ вос„клицаніямъ *могли* произойти слова выражающія различныя „сложныя ощущенія". И потомъ онъ продолжаетъ: „Нѣтъ ничего *невѣроятнаго* что какое-нибудь необыкновенно умное обе„зьяно-подобное животное вздумало подражать реву хищнаго „звѣря чтобъ указывать своимъ товаркамъ обезьянамъ свой„ство ожидаемой опасности. И это было бы первымъ шагомъ „къ образованію языка."

Но вопросъ не въ томъ что̀ невѣроятно, а въ томъ есть ли какія данныя для такого предположенія. Г. Дарвинъ не приводитъ никакихъ, и мы подозрѣваемъ что онъ и не могъ бы привести. Объясненіе, притомъ, требуется не для однихъ только выраженій душевныхъ настроеній или чувственныхъ впечатлѣній, какимъ бы образомъ они не обнаруживались, но нужно объяснить выраженія явственными членораздѣльными звуками опредѣленнаго разумнаго сужденія на вопросы: какъ, почему, и зачѣмъ? Г. Дарвинъ не только ничѣмъ не объясняетъ ихъ, но не приводитъ даже ничего что̀ сколько-нибудь могло бы служить къ ихъ объясненію. Вообще изъ полной неудачи г. Дарвина установить тождество по качеству между умственными способностями человѣка и животныхъ, мы можемъ смѣло заключить что это тождество не можетъ быть установлено. Слѣдовательно, старая граница между презентативнымъ инстинктомъ и репрезентативнымъ разумомъ остается все еще нетронутою, и, мы полагаемъ, непреодолимою.

III.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, имѣющему даже еще болѣе важныя послѣдствія чѣмъ вопросъ объ умственныхъ способностяхъ человѣка. Г. Дарвинъ не колеблясь объявляетъ что даже нравственное чувство есть не болѣе какъ результатъ развитія животныхъ инстинктовъ. Онъ утверждаетъ что „пер„вое основаніе нравственнаго чувства лежитъ въ соціальныхъ „инстинктахъ; и эти инстинкты безъ сомнѣнія первоначально „были пріобрѣтены, какъ это бываетъ въ низшихъ животныхъ, „черезъ естественный подборъ".

Все, однако, зависитъ отъ того что̀ мы разумѣемъ подъ нравственнымъ чувствомъ. Извѣстенъ фактъ что есть качественное понятіе правды и неправды присвоенное нѣкоторымъ поступкамъ. Отъ кого бы люди ни происходили, но они имѣютъ

сознаніе абсолютнаго и неизмѣннаго правила *законно* требующаго повиновенія, съ авторитетомъ по необходимости высшимъ и абсолютнымъ, другими словами, у нихъ образуются такія интеллектуальныя сужденія которыя подразумѣваютъ существованіе нравственнаго идеала въ разсуждающемъ умѣ. Существованіе этой способности и требуется объяснить; ни примѣненіе, ни даже значеніе ея нѣтъ надобности разсматривать. Но примѣры различныхъ мнѣній о нравственномъ значеніи извѣстныхъ конкретныхъ дѣйствій часто ставятся на видъ какъ будто бы ими отвергалось существованіе нравственнаго внутренняго чувства. Подобные примѣры вовсе не идутъ къ вопросу. Для нашей цѣли вполнѣ будетъ достаточно, если будетъ допущено что развитой разумъ предписываетъ намъ что извѣстные поступки, разсматриваемые отвлеченно, сами по себѣ неправы; а это мы почитаемъ безспорнымъ. Точно такъ же совершенно не идетъ къ дѣлу доказывать что существованіе взаимно благодѣтельныхъ поступковъ можетъ быть объяснено естественнымъ подборомъ. Никакое количество благодѣтельныхъ привычекъ не можетъ даже въ самой отдаленной степени служить объясненіемъ интеллектуальнаго пониманія права и долга. Подобныя привычки могутъ сдѣлать для насъ исполненіе благодѣтельныхъ поступковъ пріятнымъ, и неисполненіе ихъ непріятнымъ; но эти ощущенія не имѣютъ ничего общаго съ пониманіемъ правды и неправды, и даже слабѣйшее начальное появленіе этого пониманія не можетъ быть объяснено сильнѣйшимъ развитіемъ подобныхъ симпатическихъ чувствъ. Любить дѣлать поступки которые оказываются хорошими, это одно; видѣть же что поступки хороши,—нравятся ли они намъ или нѣтъ,—это совсѣмъ другое

У г. Дарвина объясненіе нравственнаго чувства совершенно отлично отъ вышеприведеннаго. Коротко его можно выразить такимъ образомъ что оно де есть преобладаніе болѣе постоянныхъ инстинктовъ надъ менѣе упорными, и что первые инстинкты суть соціальные, а послѣдніе личные. Онъ говоритъ намъ:

„Такъ какъ человѣкъ не можетъ воспрепятствовать прежнимъ „впечатлѣніямъ постоянно возвращаться въ его умѣ, то онъ „принужденъ будетъ сравнивать слабѣйшія впечатлѣнія, напр. „утоленный голодъ, или удовлетворенное мщеніе, или спасеніе „отъ опасности насчетъ другихъ людей, съ инстинктомъ сочув„ствія и расположенія къ своимъ ближнимъ, который все еще „присущъ и всегда въ извѣстной степени дѣйствуетъ въ его

„умѣ. Онъ тогда ощутитъ въ своемъ воображеніи что сильнѣй-„шій инстинктъ уступалъ такому который сравнительно теперь „слабъ; и отъ того неизбѣжно онъ ощутитъ то чувство неудо-„вольствія, которымъ онъ надѣленъ, подобно всякому другому „животному для того чтобы онъ могъ повиноваться своимъ „инстинктамъ".

Г. Дарвинъ понимаетъ подъ нравственнымъ чувствомъ инстинктъ, и присовокупляетъ довольно справедливо что самая сущность инстинкта заключается въ томъ что онъ дѣйствуетъ независимо отъ разума. Но самая сущность нравственной дѣятельности заключается именно въ томъ что она *не* дѣйствуетъ независимо отъ разума.

„Г. Дарвинъ, конечно, преувеличиваетъ силу и преобладаніе соціальныхъ сочувственныхъ ощущеній. Г. Милль допускаетъ что часто встрѣчается недостатокъ ихъ, но г. Дарвинъ требуетъ для всѣхъ сознательнаго обладанія такими чувствованіями, и ссылается на Юма, который сказалъ что видъ счастія другихъ „внушаетъ тайную радость", между тѣмъ какъ видъ ихъ бѣдствія „облекаетъ воображеніе грустнымъ туманомъ". Можно бы пожелать чтобъ это замѣчаніе было вообще справедливо, но къ несчастію нѣкоторые люди находятъ удовольствіе въ боли другихъ, и Ларошфуко отважился даже на всѣмъ извѣстное изреченіе что „есть нѣчто не совсѣмъ непріятное для насъ „въ несчастіяхъ нашихъ лучшихъ друзей." Но наше ощущеніе удовольствія или неудовольствія при видѣ чужихъ страданій не имѣетъ ничего общаго съ *сужденіемъ* о томъ справедливо или несправедливо предаваться такимъ чувствамъ.

Еслибы соціальный инстинктъ былъ истиннымъ основаніемъ нравственнаго чувства, то фактъ одобренія чего-либо обществомъ признавался бы за высшую санкцію. Не только, однакоже, этого нѣтъ, не только мы сами судимъ бываетъ ли общество въ извѣстныхъ случаяхъ право или неправо, но мы требуемъ знать почему мы должны повиноваться обществу; мы требуемъ разумнаго основанія и оправданія соціальныхъ требованій, если намъ случается быть въ критическомъ настроеніи ума. Навѣрное мы явно или тайно будемъ пренебрегать совершеніемъ тѣхъ поступковъ которые мы не желаемъ исполнить и которые не имѣютъ интеллектуальной санкціи.

Единственное мѣсто гдѣ г. Дарвинъ какъ будто приближается къ настоящему вопросу весьма неутѣшительно, потому что онъ только обходитъ затрудненіе. Онъ замѣчаетъ: „Я знаю „что нѣкоторые утверждаютъ что дѣйствія совершаемыя

„импульсивно не входятъ въ область нравственнаго чувства и „не могутъ быть названы нравственными.“ Но это не вѣрное изложеніе внутренняго чувства, и онъ обходитъ затрудненіе слѣдующимъ образомъ: „Но едва ли возможно провести ясную „линію разграниченія подобнаго рода, хотя различіе, можетъ-быть, „и реально!“ Намъ кажется, однако, что вовсе нѣтъ никакой трудности провести линію между сужденіемъ о справедливости или несправедливости поступка и всякимъ другимъ родомъ умственной дѣятельности. Г. Дарвинъ продолжаетъ:

„Кромѣ того, дѣйствіе неоднократно совершаемое нами, на„конецъ, будетъ исполняемо безъ размышленія или колебанія, „и едва ли можетъ быть отличаемо отъ инстинкта; но, конечно, „никто не станетъ утверждать что это дѣйствіе такимъ обра„зомъ перестаетъ быть нравственнымъ. Напротивъ, мы всѣ чув„ствуемъ что поступокъ не можетъ считаться совершеннымъ „или въ высшей степени благороднымъ, если онъ не дѣлается „импульсивно, безъ размышленія или усилія, такъ какъ будто „бы онъ совершался человѣкомъ въ которомъ требуемыя ка„чества врожденны“.

На это слѣдуетъ отвѣтить, въ одномъ смыслѣ: да; въ другомъ: нѣтъ. Дѣйствіе которое перестаетъ быть, посредственно или непосредственно, умышленнымъ, перестаетъ быть нравственнымъ какъ отдѣльный поступокъ, но оно нравственно какъ продолженіе тѣхъ предшествовавшихъ умышленныхъ поступковъ вслѣдствіе коихъ первоначально возникла хорошая привычка, и быстрота съ какою въ предположенномъ случаѣ направляется воля можетъ служить указаніемъ на количество и постоянство предшествовавшихъ благихъ намѣреній. Г. Дарвинъ, повидимому, болѣе или менѣе усматриваетъ это, потому что онъ прибавляетъ: „Тотъ кто принужденъ превозмочь свой страхъ или недоста„токъ сочувствія прежде чѣмъ станетъ дѣйствовать, заслужи„ваетъ, однако, въ извѣстномъ отношеніи высшей похвалы чѣмъ „человѣкъ котораго врожденное расположеніе приводитъ къ доб„рому поступку безъ всякаго усилія“.

Въ объясненіе происхожденія раскаянія, онъ приводитъ случай „преходящаго, но въ данное время сильно настойчиваго ин„стинкта одерживающаго верхъ надъ другимъ инстинктомъ, ко„торый обыкновенно господствуетъ надъ всѣми прочими. Лас„точки въ извѣстное время бываютъ, какъ будто, цѣлый день „поглощены желаніемъ переселиться; ихъ привычки мѣняются, „онѣ становятся безпокойны, шумливы и собираются стаями. „Въ то время какъ мать кормитъ или воспитываетъ своихъ

„дѣтенышей, материнскій инстинктъ вѣроятно сильнѣе инстинк-„та къ переселенію; но болѣе настойчивый инстинктъ одержи-„ваетъ верхъ, и, наконецъ, въ минуту когда она не видитъ сво-„ихъ птенцовъ, она улетаетъ и покидаетъ ихъ. По окончаніи „продолжительнаго путешествія, когда инстинктъ переселенія „перестаетъ дѣйствовать, какую агонію раскаянія почувство-„вала бы каждая птица, еслибъ она, будучи одарена сильною „умственною дѣятельностью, не могла воспрепятствовать по-„стоянному возвращенію въ ея умѣ образа ея юныхъ птенцовъ „погибающихъ на мрачномъ сѣверѣ отъ холода и голода.“

Допустимъ что птица страдаетъ агоніей, но это чувство не идетъ къ дѣлу. Требуется чтобъ она могла разсудить что она *не должна была* оставлять дѣтей. Для большей ясности представимъ себѣ что человѣкъ былъ прежде связанъ узами привязанности, и совѣсть побудила его изъ справедливости къ другому человѣку разорвать эту связь. Образъ горя которое причинилъ его поступокъ можетъ подвергать его чувствительнымъ душевнымъ страданіямъ въ теченіе многихъ лѣтъ, но это страданіе будетъ сопровождаться яснымъ пониманіемъ что его поступокъ былъ справедливъ. Предположимъ еще другой случай. Трудящійся отецъ семейства узнаетъ что собственность которою онъ живетъ въ дѣйствительности принадлежитъ другому, и онъ оставляетъ ее. Онъ можетъ оставаться при сужденіи что онъ сдѣлалъ надлежащій поступокъ, хотя бы его и мучили бѣдствія въ которыя его повергъ актъ справедливости. Утверждать что эти поступки чисто инстинктивные нелѣпо. Въ предположенныхъ случаяхъ повиновеніе оказывается ясному умственному пониманію, и наперекоръ самымъ сильнымъ инстинктамъ.

Мы, очевидно, не извратили объясненія г. Дарвиномъ понятія совѣсти. Онъ говоритъ что если человѣкъ, пренебрегая постояннымъ инстинктомъ, удовлетворилъ инстинктъ преходящій, то „онъ почувствуетъ недовольство самимъ собой, и болѣе или ме-„нѣе твердо рѣшится дѣйствовать иначе на будущее время. Это „есть совѣсть; потому что совѣсть обращается назадъ и судитъ „прошедшіе поступки, вызывая то неудовольствіе, которое если „оно слабо, мы называемъ сожалѣніемъ, а если сильно—раскаяні-„емъ“. Совѣсть, конечно, обращается назадъ и судитъ, но не всякое „обращеніе назадъ и сужденіе“ есть совѣсть. Судъ совѣсти особеннаго рода, а именно это судъ согласно съ мѣриломъ нравственнаго достоинства. Безъ этого, обжора, обращаясь назадъ и разсуждая что извѣстный соусъ разстроилъ ему пищевареніе,

въ неудовольствіи происходящемъ отъ того что лѣлъ вреднаго кушанья ощущалъ бы совѣсть. Правда, въ другомъ мѣстѣ г. Дарвинъ говоритъ что „мѣрило нравственности возвышается все выше и выше“, хотя онъ нигдѣ не объясняетъ что̀ онъ разумѣетъ подъ мѣриломъ и возвышеніемъ; да и въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ что̀ можно разумѣть подъ этимъ „возвышеніемъ мѣрила“, если мѣрой съ начала до конца служитъ удовольствіе и выгода. Мы находимъ у него еще слѣдующее странное замѣчаніе: „Если какое-либо желаніе „или инстинктъ приводящій къ дѣйствію противному благу дру„гихъ, возобновлялся въ памяти, все еще оказывается столь же „сильнымъ или болѣе сильнымъ чѣмъ соціальные инстинкты, „то человѣкъ не почувствуетъ никакого сожалѣнія о томъ что „послѣдовалъ ему“.

Г. Дарвинъ постоянно ошибочно принимаетъ благодѣтельное дѣйствіе за нравственное; но, какъ мы уже говорили, *дѣйствовать хорошо* и быть моральнымъ агентомъ двѣ вещи различныя. Собака или даже плодовое дерево могутъ дѣйствовать хорошо, но ни тотъ ни другой предметъ не есть нравственный агентъ. Конечно, и всѣ примѣры приводимые имъ относительно животныхъ не идутъ къ дѣлу вслѣдствіе ложнаго пониманія имъ разрѣшаемой задачи. Онъ приводитъ, однако, нѣкоторые примѣры сильно говорящіе противъ его собственныхъ взглядовъ: Такъ, онъ замѣчаетъ о *законѣ чести*: „нарушеніе этого „закона, даже завѣдомо строго согласное съ истинною нравствен„ностью, причиняло многимъ людямъ бо́льшую агонію чѣмъ на„стоящее преступленіе. Мы признаемъ то же самое вліяніе въ „чувствѣ стыда которое бо́льшая часть изъ насъ ощущали, да„же по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, припомнивая какое-либо „случайное нарушеніе неважнаго, но установленнаго правила эти„кета.“ Это весьма вѣрно; нѣкоторыя неважныя нарушенія приличій могутъ причинять намъ огорченіе, но оно можетъ не сопровождаться сужденіемъ что мы нравственно достойны порицанія. Не чувство, а сужденіе важно для рѣшенія справедливости и несправедливости. Но можно привести еще лучшій примѣръ. Какое качество можетъ имѣть болѣе всеобщую пользу для общества чѣмъ храбрость? Она и прежде, и до сихъ поръ, всегда была высоко почитаема и цѣнима, и это качество, и посредственно и непосредственно, въ особенности пригодно дать обладателямъ его возможность стать отцами будущихъ поколѣній. Еслибы соціальный инстинктъ былъ основаніемъ

нравственнаго чувства, то неизбѣжно храбрость должна бы считаться въ высшей степени хорошимъ качествомъ, а трусость заслуживала бы глубочайшаго нравственнаго осужденія. Но что же на дѣлѣ? Трусъ, вѣроятно, самъ презираетъ себя и сознаетъ что онъ навлекаетъ на себя презрѣніе своихъ товарищей, но онъ не чувствуетъ себя порочнымъ. Ему тягостно сознаніе недостатка въ его темпераментѣ, но онъ знаетъ что темпераментъ, какъ бы ни былъ онъ недостаточенъ, не можетъ самъ по себѣ служить къ нравственному униженію. Точно также мы, наблюдатели, презираемъ, избѣгаемъ или ненавидимъ труса; но мы способны ясно сознавать что трусъ можетъ быть болѣе добродѣтельнымъ человѣкомъ чѣмъ товарищъ его одаренный животною храбростью.

IV.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ теорію г. Дарвина о половомъ подборѣ и его сравненіе умственныхъ способностей человѣка (включая и ихъ нравственное примѣненіе) со способностями низшихъ животныхъ, намъ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній о его способѣ аргументаціи.

Вопервыхъ, мы должны повторить то что мы уже сказали о его странномъ догматизмѣ, а вовторыхъ, мы жалуемся на его манеру неоднократно утверждать положительно существованіе тѣхъ самыхъ вещей которыя предстоитъ доказать. Такъ, обращаясь для примѣра къ теоріи происхожденія человѣка отъ какой-либо низшей формы, мы находимъ у него: „основа„нія на коихъ утверждается это заключеніе *никогда не будутъ* „*поколеблены*“, а въ другомъ мѣстѣ: „обладаніе высшими ум„ственными способностями *не есть* неопровержимое возраженіе „противъ этого заключенія“. Говоря о сочувствіи, онъ смѣло замѣчаетъ: „этотъ инстинктъ, *безъ сомнѣнія*, былъ первоначально „пріобрѣтенъ, подобно всѣмъ другимъ соціальнымъ инстинктамъ, „посредствомъ естественнаго подбора“, а также: „основные со„ціальные инстинкты *были* первоначально пріобрѣтены такимъ „образомъ“. Далѣе, относительно жужжащихъ органовъ насѣкомыхъ, онъ говоритъ: „никто, допускающій дѣйствіе естествен„наго подбора, не будетъ оспаривать что эти музыкальные ин„струменты были пріобрѣтены вслѣдствіе половаго подбора“. О птицахъ самцы коихъ гораздо болѣе блестящи чѣмъ самки онъ замѣчаетъ: „эти случаи *почти навѣрное* зависятъ отъ того

„что особенности первоначально пріобрѣтенныя самцомъ были „переданы въ большей или меньшей степени самкѣ.“ „Цвѣта самцовъ могутъ быть *смѣло* приписаны половому подбору.“ Что касается до нѣкоторыхъ видовъ птицъ, въ которыхъ одни самцы бываютъ черны, то онъ намъ говоритъ что *едва ли можетъ быть сомнѣніе* „что черный цвѣтъ въ этихъ случаяхъ былъ чертой половаго подбора“.

Г. Дарвинъ весьма рѣдко оказывается неучтивымъ къ своимъ противникамъ. Поэтому насъ удивилъ тонъ слѣдующаго заявленія: „Тотъ кто не согласенъ смотрѣть, *подобно дикарю*, на явленія природы какъ на безсвязныя, *не можетъ* долѣе вѣрить что человѣкъ есть результатъ отдѣльнаго акта творчества. Онъ будетъ *принужденъ* допустить противное.“ Что оправдываетъ увѣреніе г. Дарвина что предполагать душу человѣка спеціальнымъ актомъ творчества значитъ смотрѣть на явленія природы какъ на безсвязныя?

Еще, какъ примѣръ пріема г. Дарвина относиться къ спорному вопросу, мы можемъ привести слѣдующее заявленіе: „Всякое животное одаренное явственными соціальными *ин-*„*стинктами* неизбѣжно пріобрѣло бы нравственное чувство „или совѣсть, какъ только его интеллектуальныя способности „были бы настолько же или почти настолько же развиты какъ „у человѣка.“ Это или чудовищное предположеніе, или просто аксіома; это аксіома, потому что, конечно, всякое животное съ человѣческимъ умомъ стало бы отличать качества отличаемыя человѣческимъ умомъ, и въ томъ числѣ и нравственное достоинство.

Г. Дарвинъ въ одномъ мѣстѣ самъ впадаетъ въ теорію абсолютной нравственности, употребляя фразу „оцѣнка справедливости“. Опять, говоря о помощи нуждающимся, онъ замѣчаетъ: „Мы не могли бы также подавить нашу симпатію, еслибы насъ „побуждалъ къ тому строгій разумъ, безъ униженія *благороднѣй-*„*шей* стороны нашей природы.“ Почему благороднѣйшей? По мнѣнію г. Дарвина, добродѣтель есть сильный и постоянный инстинктъ. По его взглядамъ, не можетъ быть другихъ элементовъ качества кромѣ силы и продолжительности. Такимъ образомъ на дѣлѣ г. Дарвинъ безсознательно самъ вноситъ нравственный элементъ въ свой соціальный инстинктъ, и потомъ, конечно, безъ затрудненія находитъ въ послѣднемъ то что онъ предварительно влагаетъ въ него. Но это совершенно незаконно, такъ какъ у него соціальный инстинктъ есть синонимъ со

стадовою способностью животныхъ. Въ этой стадовой способности, однако, нѣтъ никакого нравственнаго элемента, потому что умственныя способности животныхъ не въ состояніи слагать обдуманныя репрезентативныя сужденія.

Слово „соціальный“ двусмысленно, такъ какъ стадовыя животныя могутъ метафорически быть названы соціальными, а на соціальныя отношенія человѣка можно смотрѣть съ точки зрѣнія и благодѣтельности, и нравственности. Употребивъ сначала слово „соціальный“ въ первомъ смыслѣ, онъ потомъ прилагаетъ его къ послѣднему, и такимъ образомъ безмолвно и незаконно вводитъ истинно нравственное понятіе.

Мы можемъ теперь подвести итогъ нашего сужденія о книгѣ г. Дарвина: *О происхожденіи человѣка*. Хотя слогъ сочиненія, какъ мы сказали, увлекателенъ, тѣмъ не менѣе мы думаемъ что автора нѣсколько затрудняетъ множество фактовъ которые онъ иногда, повидимому, едва ли группируетъ такъ удачно какъ можно бы ожидать отъ его спеціальнаго таланта. Онъ также кажется не поразмыслилъ здраво о данныхъ которыя онъ такъ старательно подобралъ. Кромѣ того насъ удивляетъ что такой точный наблюдатель принимаетъ за факты такъ много заявленій весьма сомнительнаго свойства, какъ мы это уже указывали, и часто изъ вторыхъ рукъ. Разсужденіе его также непослѣдовательно, такъ какъ авторъ постоянно позволяетъ себѣ увлекаться живостью и плодовитостью своего воображенія. Дѣйствительно, способность г. Дарвина къ разсужденію какъ будто находится въ обратной пропорціи къ его способности наблюденія. Онъ теперь до странности преувеличиваетъ дѣйствіе половаго подбора, какъ прежде преувеличилъ послѣдствія естественнаго подбора. Вообще мы убѣждены что настоящее сочиненіе скорѣе повредитъ теоріи естественнаго подбора чѣмъ подкрѣпитъ ее, и признаемся, мы ожидали гораздо болѣе живыхъ и значительныхъ подробностей изъ біологической сокровищницы г. Дарвина.

Значительная часть книги можетъ быть оставлена какъ не идущая къ дѣлу, какъ простое старательное заявленіе очевиднаго факта, котораго никто не отрицаетъ, что человѣкъ есть животное и имѣетъ всѣ существенныя свойства высоко-организованнаго животнаго. Рядомъ съ этою истиной, однако, мы находимъ признаніе того что онъ *не болѣе* какъ животное, необходимо вытекающее изъ опредѣлительнаго увѣренія г. Дарвина будто умственныя способности человѣка и животныхъ

различаются не по *качеству*, а только *въ степени*. Мы старались показать что это явно невѣрно. Мы утверждаемъ что покамѣсть нѣтъ надобности оставлять принятое положеніе что человѣкъ, будучи, правда, животнымъ, есть единственное извѣстное намъ разумное животное, и что его разумность есть основное отличіе его отъ другихъ животныхъ, отличіе *по качеству*, а не *въ степени*. Наше мнѣніе о положеніи человѣка, слѣдовательно, совершенно расходится съ мнѣніемъ г. Дарвина.

Вопервыхъ, зоологическая классификація есть морфологическая, то-есть классификація основанная на формѣ и устройствѣ, на числѣ и внѣшнемъ видѣ различныхъ частей животныхъ, а вовсе не на томъ что̀ эти части дѣлаютъ, разсмотрѣніе чего принадлежитъ физіологіи. На этомъ основаніи мы не только можемъ, но *должны*, въ области зоологіи, пренебречь всѣми вопросами различія инстинкта или умственной способности, такъ же какъ пренебрегаемъ и всѣми другими способностями, какъ это обнаруживается помѣщеніемъ летучей мыши и дельфина въ одинъ классъ млекопитающихъ, а ползучая и черепахи въ одну болѣе обширную группу *Sauropsida*.

Смотря, поэтому, на человѣка въ отношеніи къ его физическому строенію, мы не только можемъ, но *должны* считать его членомъ класса млекопитающихъ, и даже, какъ мы полагаемъ, видѣть въ немъ представителя одного семейства перваго порядка этого класса. Но не всѣ люди зоологи, и даже зоологи, внѣ области своей науки, разсматриваютъ человѣка въ цѣломъ, а не съ одной только точки зрѣнія анатоміи. Если, поэтому, мы правы въ нашемъ твердомъ мнѣніи что умственныя способности человѣка отличаются *по существу* отъ способностей другихъ животныхъ, и если онъ, какъ мы утверждаемъ, есть единственное разумное животное, то слѣдуетъ ли о человѣкѣ, какъ о цѣломъ существѣ, говорить предпочтительнѣе съ точки зрѣнія его животности, или съ точки зрѣнія его разумности? Конечно, съ послѣдней, и если такъ, то мы должны обращать вниманіе не на строеніе его, а на дѣятельность. Г. Дарвинъ, повидимому, допускаетъ что различіе *по существу* оправдало бы помѣщеніе человѣка въ отдѣльное царство, говоря что различіе въ степени не оправдываетъ этого; и мы не обинуясь утверждаемъ, вмѣстѣ съ г. Дарвиномъ, что между инстинктивными способностями *Coccus* и муравья есть различіе только въ степени, и что они, слѣдовательно, принадлежатъ къ одному и тому же царству; но мы отстаиваемъ совершенно

противоположное относительно человѣка. Г. Дарвинъ, безъ сомнѣнія, допускаетъ что всѣ удивительныя дѣйствія муравьевъ суть простыя видоизмѣненія инстинкта. Но еслибъ это было не такъ, еслибы прорытіе тоннелей подъ рѣками и другія дѣйствія доказывали ихъ разумъ, то мы, далеко не соглашаясь съ г. Дарвиномъ, сказали бы что муравьи также разумныя животныя, и что, хотя съ анатомической точки зрѣнія они насѣкомыя, но съ точки зрѣнія ихъ разумности они вмѣстѣ съ человѣкомъ принадлежатъ къ особому царству животныхъ разумныхъ. На самомъ же дѣлѣ, однако, нѣтъ и тѣни доказательства чтобы муравьи обладали мыслительною, самосознательною способностію; между тѣмъ какъ совершенство ихъ инстинкта есть самый сильный аргумент противъ необходимости приписывать зачатки разумности вообще какому-либо животному.

Итакъ, какъ кажется, мы имѣемъ г. Дарвина на нашей сторонѣ, утверждая что животныя обладающія умственными способностями отличными по существу отъ прочихъ должны быть поставлены въ особое царство. А человѣкъ одаренъ такимъ отличіемъ. Но достаточно ли этого для достоинства положенія человѣка? Составляетъ ли онъ только одинъ отдѣлъ видимой вселенной, наряду съ животнымъ, растительнымъ и минеральнымъ царствами? Это было бы такъ, еслибъ онъ былъ разуменъ и только. Еслибъ онъ могъ наблюдать факты своего собственнаго существованія, изслѣдовать совпаденіе и послѣдовательность явленій, но все время оставался бы, подобно прочимъ частямъ видимой вселенной, только единицей плывущею въ потокѣ времени, неспособною ни на одинъ актъ свободнаго рѣшенія, ни на одно добровольное стремленіе къ идеалу абсолютнаго блага. На дѣлѣ, однако, совсѣмъ другое. Человѣкъ не только есть разумное животное, но и свободный нравственный агентъ, и этимъ качествомъ, съ открытою предъ нимъ безконечною будущностью свободы, онъ отличается отъ остальной видимой вселенной отличіемъ столь глубокимъ что съ нимъ не можетъ быть и сравниваемо никакое отличіе раздѣляющее другія видимыя существа. Пропасть лежащая между человѣкомъ, въ его цѣломъ, и самымъ высшимъ животнымъ разграничиваетъ нѣчто гораздо большее чѣмъ простое царство матеріальныхъ существъ; и человѣкъ, разсматриваемый такимъ образомъ, отличается гораздо болѣе отъ слона или гориллы

чѣмъ эти послѣдніе отличаются отъ праха земли которую они полируютъ.

Такимъ образомъ, по нашему сужденію, авторъ *Происхожденія человѣка* имѣлъ полную неудачу въ единственной важной части его труда. Ошибки г. Дарвина главнымъ образомъ зависятъ отъ радикально ложной метафизической системы въ которой онъ, подобно многимъ другимъ естествоиспытателямъ, повидимому запутался. Но безъ здраваго философскаго основанія никогда не можетъ быть воздвигнуто удовлетворительное научное зданіе, и если неудача г. Дарвина поведетъ къ возвышенію философскаго образованія естествоиспытателей, то мы можемъ найти въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе за вредное вліяніе которое его книга можетъ произвести на многіе изъ нашихъ полуобразованныхъ классовъ. Мы искренно надѣемся что г. Дарвинъ можетъ еще дать намъ другое сочиненіе, которое, обогативъ естествознаніе, не будетъ, изъ безполезной оппозиціи, отвергать самыхъ начальныхъ принциповъ и философіи и религіи.

ПО ПОВОДУ

ЕЖЕГОДНИКА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ

(ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Г. В. Р.)*

Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* г. В. Р. помѣстилъ статью *По поводу Ежегодника Министерства Финансовъ*, въ которой указываетъ между прочимъ на цѣлый рядъ встрѣченныхъ имъ неясностей, недоразумѣній и противорѣчій.

Приступая къ изданію *Ежегодника*, редакція очень хорошо знала что она не можетъ сразу сдѣлать это изданіе вполнѣ соотвѣтствующимъ своей цѣли и высказала это, между прочимъ, въ предисловіи къ первому выпуску. Г. В. Р. въ своей статьѣ тоже сознаетъ трудность работы и невозможность въ первые два года привести ее въ тотъ видъ въ которомъ она конечно будетъ представляться по мѣрѣ улучшенія въ слѣдующіе годы, но при этомъ взводитъ на редакцію цѣлый рядъ обвиненій въ небрежности и противорѣчіяхъ, будто бы наполняющихъ страницы *Ежегодника*. Подобное обвиненіе слишкомъ важно чтобъ оставить его безъ отвѣта, и потому редакція считаетъ своею обязанностію подвергнуть замѣчанія г. В. Р. строгому разбору.

Ежегодникъ предназначается для людей спеціальныхъ, людей знакомыхъ съ дѣломъ и съ коренными основаніями нашего

* См. № 9 *Русск. Вѣстн.*

финансоваго управленія. Онъ матеріалъ для справокъ, но не руководство къ познанію нашихъ финансовъ. Нельзя же для поясненія этого матеріала тутъ же перепечатывать наше финансовое законодательство, указы, положенія и инструкціи, вышедшіе въ теченіе семи лѣтъ и перемѣнившіе во многихъ частяхъ это законодательство, а также правила о единствѣ кассы, счетоводствѣ, порядкѣ отчетности и пр. и пр. Для этого есть множество спеціальныхъ пособій (хотя бы *Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ*), и напрасно г. В. Р. пеняетъ что *Ежегодникъ* не даетъ того что всякій занимающійся финансами долженъ самъ пріобрѣсти и усвоить себѣ прежде чѣмъ приступить къ критикѣ данныхъ по финансовой статистикѣ. Редакція никакъ не виновата въ томъ что г. В. Р. приступилъ къ цифрамъ *Ежегодника* и отчетовъ государственнаго контролера, безъ достаточнаго приготовленія, а еще менѣе она виновата въ томъ что г. В. Р. отнесся къ своей задачѣ clerka, не давая себѣ труда внимательно прослѣдить то что напечатано въ *Ежегодникѣ* и въ упомянутыхъ отчетахъ. Между тѣмъ оказывается что всѣ недоумѣнія г. В. Р. не имѣютъ другаго источника какъ недостаточное знакомство съ дѣломъ и невниманіе, и доказать это весьма не трудно, если обратиться къ тщательной провѣркѣ дѣлаемыхъ г. В. Р. замѣчаній.

Редакція рѣшительно недоумѣваетъ какимъ образомъ опечатка во *Временникѣ Центральнаго Статистическаго Комитета* (*населенность* вмѣсто *населенность*) должна была побудить редактора *Ежегодника* къ положительному заявленію что во второмъ выпускѣ *Ежегодника* опечатокъ нѣтъ. Основываясь на примѣрѣ совершенно другаго изданія (*Временника*), г. В. Р. *предполагаетъ* что и въ *Ежегодникѣ* могутъ и должны быть опечатки, а этого для него достаточно, чтобъ обвинять издателя *Ежегодника* въ недостаткѣ надзора за печатаніемъ. Если къ первому выпуску *Ежегодника* приложенъ былъ списокъ опечатокъ, то это вслѣдствіе того что таковыя во время печатанія были замѣчены. При печатаніи втораго выпуска опечатки не были замѣчены, а потому и списка имъ нѣтъ. Если г. В. Р. нашелъ опечатки, то зачѣмъ онъ ихъ не указываетъ? Редакція была бы за это очень благодарна, а такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, то вся его тирада *о возможныхъ* опечаткахъ остается совершенно безцѣльною и непонятною.

Переходя къ содержанію двухъ первыхъ выпусковъ *Ежего-*

годника, г. В. Р. начинаетъ свои обвиненія съ таблицъ о поступленіи окладныхъ доходовъ. Приводимъ подлинныя его слова: „Несмотря на всѣ *усилія* употребленныя нами на изученіе разсматриваемыхъ таблицъ поступленія окладныхъ сборовъ, мы не могли найти руководящей нити къ объясненію представляемыхъ ею явленій. Для насъ остается загадочною причина возвышенія оклада съ шестидесяти милліоновъ въ 1866 году, на 107 милліоновъ въ 1868 году и снова пониженія его въ 1869 году на 98 милліоновъ. *Сравненіе съ отчетами государственнаго контроля также не повело къ уясненію дѣла*, потому что различіе цифръ этого отчета съ тѣми которыя обнародованы министерствомъ финансовъ такъ велико что не допускаетъ никакого сравненія и основано очевидно на коренномъ различіи въ системѣ группированія цифръ."

На это слѣдуетъ замѣтить что сравненіе свѣдѣній о поступленіи доходовъ напечатанныхъ въ первомъ отдѣлѣ *Ежегодника* со свѣдѣніями контрольныхъ отчетовъ невозможно, потому что оба вѣдомства дѣйствительно держатся совершенно различной системы группировки цифръ. Министерство финансовъ публикуетъ *кассовое* поступленіе въ теченіе казначейскаго года, а контроль разбираетъ кассовое поступленіе по существу. Цифры обоихъ вѣдомствъ не сходятся, да и не могутъ сходиться, но при этомъ каждая изъ этихъ цифръ имѣетъ свое практическое значеніе, и для справокъ онѣ равно необходимы. Для постиженія причинъ разницы не нужно никакихъ *усилій*, и г. В. Р. могъ весьма легко узнать эти причины, обративъ вниманіе на заголовки таблицъ *Ежегодника* и контрольнаго отчета. Въ *Ежегодникѣ* заголовокъ гласитъ: *Поступило оклада и недоимокъ прежнихъ лѣтъ*; въ отчетѣ контроля заголовки слѣдующіе: поступило: 1) *въ прошедшихъ годахъ въ счетъ смѣты текущаго года*; 2) *въ теченіе года*; 3) *въ теченіе льготнаго срока*. При этомъ счетъ недоимкамъ выдѣленъ въ особую вѣдомость, съ разъясненіемъ общей суммы поступленія по годамъ. Такимъ образомъ недоумѣніе г. В. Р. оказывается происходящимъ единственно отъ того что онъ не обратилъ никакого вниманія на заголовки.

Столь же мало усилій нужно для того чтобъ объяснить себѣ причины возвышенія оклада въ вѣдомостяхъ *Ежегодника*. Цифра 1866 года (60.567.436 р.) обнимаетъ подати подушную и оброчную и взимаемые вмѣсто нихъ сборы, что и можно прочитать въ примѣчаніи внизу страницы. Цифра 1867 года

(почти 98 милл.) содержитъ кромѣ этихъ податей еще *сборы общественный и государственный земскій* (что тоже объяснено въ примѣчаніи внизу страницы). Въ 1868 году цифра оклада нѣсколько больше, такъ какъ въ этомъ году (или лучше съ половины 1867 года) увеличены оклады подушной подати, о чемъ въ свое время не мало было толковъ во всѣхъ газетахъ. Наконецъ въ 1869 году окладъ опять уменьшился вслѣдствіе новой раскладки земскаго сбора, причемъ, какъ всѣмъ извѣстно, съ души сбавлено среднимъ числомъ до 20 коп. Объ этомъ публиковано въ *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Указателѣ* и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*; кромѣ того объ этомъ же упомянуто въ росписи, да въ отчетѣ государственнаго контролера; наконецъ объ этомъ писалось во всѣхъ газетахъ, и остается только удивляться какъ г. В. Р., занимающійся изученіемъ нашихъ финансовъ и печатающій критическій разборъ финансовыхъ цифръ, не зналъ о такомъ крупномъ фактѣ.

Далѣе г. В. Р. переходитъ къ таблицѣ *о поступленіи съ крестьянъ взносовъ въ уплату капитальнаго по выкупнымъ ссудамъ долга* (вѣд. № II) и *о поступленіи выкупныхъ платежей съ крестьянъ-собственниковъ* (вѣд. № III). Онъ недоумѣваетъ зачѣмъ эти таблицы попали въ отдѣлъ финансовъ, когда тутъ же есть отдѣлъ кредита, гдѣ находится особое подраздѣленіе, озаглавленное такъ: *Свѣдѣнія по выкупной операціи*, и затѣмъ доказываетъ что эти таблицы стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Это дѣло вкуса, и еслибы даже таблицы эти дѣйствительно стояли не на своемъ мѣстѣ, то въ этомъ бѣды большой нѣтъ. Но по убѣжденію редакціи, таблицы эти находятся именно на своемъ мѣстѣ, такъ какъ выкупные платежи отнюдь не составляютъ, какъ говоритъ г. В. Р., оброковъ слѣдующихъ землевладѣльцамъ за данную въ надѣлъ землю, но прямой доходъ казны, которая гарантировала теченіе процентовъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ, 5ти-процентнымъ билетамъ 2го выпуска и по рентѣ. По теоріи г. В. Р., въ случаѣ еслибы дѣйствительное поступленіе выкупныхъ платежей, по какимъ бы то ни было причинамъ, уменьшилось, и этого поступленія вдругъ не хватило на всѣ платежи по выкупному дѣлу, слѣдовало бы пропорціонально уменьшить и проценты по выкупнымъ бумагамъ. Неужели же онъ не знаетъ что проценты эти обезпечиваются не только выкупными платежами крестьянъ, но *и всѣми средствами въ распоряженіи правительства состоящими* (см. Положеніе о выкупѣ). Слѣдовательно цифра выкупныхъ платежей

не имѣетъ никакого прямаго соотношенія къ ходу выкупной операціи, а есть *безусловный доходъ казны*, точно такъ же какъ платежъ процентовъ есть *безусловный расходъ*. Къ этому слѣдуетъ прибавить что учетъ и взиманіе выкупныхъ платежей отнюдь не относится къ предметамъ вѣдомства главнаго выкупнаго учрежденія, а поручено департаменту окладныхъ сборовъ и что разчетъ платежей включается въ общій окладъ слѣдующій съ крестьянъ. По всѣмъ этимъ причинамъ поступленіе выкупныхъ платежей и поставлено рядомъ съ поступленіемъ прочихъ окладныхъ сборовъ.

Слѣдующее замѣчаніе г. В. Р. просто невозможное. Переходя къ разсмотрѣнію таблицы о поступленіи пошлинъ за свидѣтельства и билеты на право торговли и промысловъ, онъ, на основаніи того что въ первомъ выпускѣ эта таблица озаглавлена: „Вѣдомость о поступленіи доходовъ за патенты и торговыя свидѣтельства“, пускается въ предположеніе что подъ словомъ патентъ непремѣнно слѣдуетъ понимать свидѣтельство на право торговли питіями, и на этомъ основаніи изъ общей суммы исключить патенты на торговлю акцизными питіями, отнеся таковыя къ акцизному сбору. Видя увеличеніе сбора по этой статьѣ, онъ сожалѣетъ что не можетъ сказать: есть ли это явленіе признакъ успѣха развитія промышленности, или слѣдствіе увеличенія питейныхъ заведеній. Вольно же г. В. Р. не видѣть что при исчисленіи питейныхъ доходовъ на стр. 12—15 перваго выпуска и 16—17 втораго выпуска, поступленіе патентнаго сбора съ питейной торговли приведено особо и отнюдь не включено въ общую сумму дохода за право торговли. Вольно же ему не видѣть что общая сумма дохода за право торговли напримѣръ на Землѣ Войска Донскаго (послѣдняя срока стр. 10, 1го выпуска) составляетъ за 1867 годъ 32.991 р., а доходъ за право торговли питіями (14 стр. того же выпуска) равняется 115.034 р., каковая сумма никакъ не можетъ заключаться въ первой. Вольно же ему, справляясь съ отчетами государственнаго контроля, не видѣть что и тутъ оба поступленія ясно отдѣлены одно отъ другаго, и что всѣ его разсужденія сводятся къ тому что онъ отнесся къ своей задачѣ безъ малѣйшаго вниманія. Остается только мелочная придирка, зачѣмъ дескать въ одномъ выпускѣ употребляется слово *патентъ*, а въ другомъ слово *свидѣтельство на право торговли*. Отъ того что оба названія имѣютъ совершенно одинаковое значеніе, и еще никому никогда въ голову не приходило

что *патентъ* исключительно есть спеціальное свидѣтельство на право торговли акцизными питіями, какъ думаетъ г. В. Р.

Касательно того что цифры *Ежегодника* по доходу за право торговли не сходятся съ цифрами контрольнаго отчета, мы можемъ только замѣтить опять что это совершенно естественно, такъ какъ кассовое годовое поступленіе и дѣйствительное исполненіе годовой смѣты двѣ вещи различныя.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1871 года продаются почти исключительно свидѣтельства на сроки будущаго 1872 года, но за то къ 1871 году должны быть причислены платежи поступившіе съ 1870 года въ счетъ текущаго. Исключеніе изъ наличнаго поступленія штрафныхъ и разныхъ другихъ поступленій, разносимыхъ контролемъ по другимъ статьямъ доходной смѣты, даетъ еще различіе, и остается только сожалѣть о томъ что г. В. Р. не потрудился прочитать все это въ контрольныхъ отчетахъ.

Затѣмъ г. В. Р. переходитъ къ питейному доходу. Онъ недоумѣваетъ предъ громадною разницей открывающеюся между цифрами контрольнаго отчета и цифрами *Ежегодника* и при этомъ находитъ еще что самъ *Ежегодникъ* даетъ два различныхъ показанія, такъ что всего оказывается три противорѣчащихъ суммы. Приводимъ его выводы:

	По показаніямъ контроля.	По показаніямъ *Ежегодника* на стр. 15, I вып. и стр. 17, II вып.	По *Ежегоднику* стр. 20 и 21, I вып. и стр. 42 и 43, II вып.
Въ 1866	118.401.34	116.060.791	121.518.857
„ 1867	133.571.444	123.344.672	133.920.646
„ 1868	132.857.775	123.101.296	133.334.468
„ 1869	136.790.286	126.387.997	137.279.275

Итакъ, восклицаетъ г. В. Р. „три ряда цифръ! Какъ же дѣлать изъ нихъ какіе-либо практическіе выводы объ успѣхѣ или неуспѣхѣ финансовыхъ мѣръ?“ Выводъ и упрекъ категорическіе, но посмотримъ насколько оба состоятельны.

Показанія третьяго ряда напечатаны въ *Ежегодникѣ* подъ рубрикой „свѣдѣнія о дѣйствительномъ поступленіи государственныхъ доходовъ“ и тѣ же цифры находятся также въ контрольныхъ отчетахъ, а въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1869 годъ сведены на стр. 18—25 за всѣ вышеприведенные четыре года. Цифры перваго ряда плодъ невниманія г. В. Р., который, справляясь въ контрольныхъ отчетахъ о питейномъ доходѣ, взялъ суммы по § 1 и

не замѣтилъ что тутъ же рядомъ стоитъ § 2, съ присоединеніемъ котораго точь-въ-точь и выходятъ цифры помѣщенныя въ окончательныхъ выводахъ государственнаго контроля и въ вѣдомостяхъ *Ежегодника* на стр. 20 и 21 I вып. и 42, 43 II вып. Оказывается, слѣдовательно, не три, а всего два ряда цифръ, то-есть второй и третій. Что касается разницы между ними, то и ее объяснить очень легко, если только не послѣдовать за г. В. Р., который или не умѣетъ, или не хочетъ видѣть очевидное. Въ *Ежегодникѣ* на стр. 15 I вып. и 17 II вып. доходъ питейный распредѣленъ по губерніямъ и областямъ, и всякому просматривающему вѣдомость легко замѣтить что въ общемъ перечнѣ не достаетъ губерній привислинскихъ, свѣдѣнія о которыхъ не включены въ общую вѣдомость, такъ какъ представлялись по особымъ формамъ и въ другіе сроки. Въ контрольномъ отчетѣ и въ вѣдомости *Ежегодника*, на стр. 21 I вып. и 43 II вып., вполнѣ сходной съ контрольными свѣдѣніями, доходъ по привислинскимъ губерніямъ включенъ въ общій итогъ и этимъ объясняется значительность замѣченной г. В. Р. разницы. Оказывается что и тутъ причиной недоумѣнія г. В. Р. его собственное невниманіе.

При разсмотрѣніи свѣдѣній о соляномъ доходѣ это невниманіе сыграло съ г. В. Р. плохую шутку. Относительно соляного дохода, точно такъ же какъ относительно питейнаго и вообще всѣхъ доходовъ, въ *Ежегодникѣ* находятся два показанія, изъ которыхъ одно исчисляетъ валовое поступленіе по губерніямъ, другое даетъ результаты контрольной провѣрки. При исчисленіи соляного дохода разница между этими двумя показаніями можетъ быть весьма значительна, такъ какъ законъ допускаетъ добычу и покупку соли съ уплатой акциза, попудныхъ и пр. въ разныхъ мѣстахъ и въ разные (довольно продолжительные) сроки, смотря по желанію промышленниковъ, обязанныхъ только представлять залоги. Обстоятельство это повидимому было неизвѣстно г. В. Р., который затѣмъ находитъ еще другую разницу между вторыми показаніями *Ежегодника* (заимствуемыми изъ контрольныхъ отчетовъ), и подлинными контрольными отчетами. Вотъ его слова: „Показанія послѣдней таблицы *Ежегодника*, за 1866 и 1867 года цифра въ цифру сходятся съ цифрами отчета государственнаго контроля, даже копѣйка въ копѣйку; за 1868 годъ представляетъ разницу въ 9 р. 2 к., а за 1869 нѣсколько бо́льшую.“ Какъ бы незначительна ни была упомянутая разница, но именно она

ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущена, такъ какъ показанія *Ежегодника* о которыхъ идетъ рѣчь копѣйка въ копѣйку *должны* сходиться съ показаніями контрольнаго отчета. На самомъ дѣлѣ же оказывается что никакой разницы нѣтъ, и въ доказательство этому стоитъ только выписать подлинныя показанія. Соляной доходъ составлялъ:

	По отчету государственнаго контроля стр. 55.	По приложенію къ отчету стр. 17.	По объяснительной запискѣ къ отчету стр. 9.	По *Ежегоднику* вып. II стр. 42 и 46.
	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.	Руб. К.
За 1868	10.871.862 $2^1/_2$	10.871.862 $2^1/_2$	10.871.862 $2^1/_2$	10.871.862 2
	стр. 55.	стр. 17.	стр. 13.	стр. 43 и 46
„ 1869	9.788.600 $92^3/_4$	9.788.600 $92^3/_4$	9.788.600 $92^3/_4$	9.788.600 93

Откуда же г. В. Р. взялъ разницу и утверждаетъ что показанія *Ежегодника* и контрольнаго отчета за 1868 годъ представляютъ разницу въ 9 р. 2 коп., а за 1869 годъ нѣсколько бо́льшую? А вотъ откуда. Выписывая контрольныя свѣдѣнія, онъ взялъ не итогъ, помѣщенный на 55 стр. отчета за 1868 годъ, а неполную сумму (безъ платежей вступившихъ въ 1867 годъ въ счетъ смѣты 1868 года), напечатанную на стр. 54, а затѣмъ, выписавъ пять цифръ этой суммы, перескочилъ на слѣдующую строку и взялъ сотни, десятки и единицы изъ сей послѣдней (относящейся къ акцизу съ табака). Такимъ образомъ вмѣсто 10.871.862 руб. $2^1/_4$ кол., онъ получилъ сумму въ 10.871.653 р., каковую сумму и пропечаталъ въ своей статьѣ, увѣряя что это и есть показаніе государственнаго контроля. Затѣмъ, для опредѣленія внезапно открывающейся разницы, онъ вычитаетъ свою сумму изъ суммы *Ежегодника*, но вмѣсто 209 р. 2 к., слѣдующихъ по ариѳметикѣ, получаетъ только 9 р. 2 к., о чемъ и заноситъ въ ту же статью. Въ заключеніе онъ прибавляетъ, вѣроятно уже по чистой догадкѣ, что за 1869 годъ разница нѣсколько больше.

На приведенномъ примѣрѣ можно было бы и покончить со статьей г. В. Р., но чтобы не оставить ни одного замѣчанія г. В. Р. безъ опроверженія, скажемъ еще нѣсколько словъ о послѣднихъ выводахъ г. В. Р., касающихся свѣдѣній о поступленіи табачнаго и свеклосахарнаго доходовъ.

Свѣдѣнія о табачномъ доходѣ г. В. Р. называетъ путаницей, но смѣемъ его увѣрить что путаница происходитъ единственно въ его статьѣ, опять-таки отъ его собственной небрежности. Замѣтивъ впервые что вѣдомости помѣщенныя въ отдѣлѣ *Ежегодника* о дѣйствительномъ исполненіи

государственныхъ росписей сходятся въ показаніяхъ съ отчетомъ государственнаго контроля, онъ попрежнему не обращаетъ никакого вниманія на заголовки контрольныхъ таблицъ, вполнѣ объясняющихъ въ чемъ именно заключается разница между этими показаніями и показаніями перваго отдѣла *Ежегодника* и, кромѣ того, не видитъ что въ вѣдомостяхъ этого отдѣла нѣтъ свѣдѣній по Царству Польскому. Затѣмъ онъ утверждаетъ что за 1866 и 1867 годы *Ежегодникъ* даетъ еще третье показаніе, опять-таки не сходное съ предыдущимъ. Въ первомъ выпускѣ *Ежегодника* редакція могла дать свѣдѣнія только о поступленіи акциза; во второмъ она, получивъ болѣе подробныя данныя, перепечатала свѣдѣнія за 1866 и 1867 годы второй разъ. Еслибы г. В. Р. прочиталъ заголовки, то видѣлъ бы что во второмъ выпускѣ *Ежегодника* въ табачный доходъ вошли: акцизъ, плата за свидѣтельства и доходы конфискаціонный и штрафной, а сравненіе графы акциза съ показаніемъ перваго выпуска *Ежегодника* убѣдило бы его что показанія эти точь-въ-точь сходятся. Но г. В. Р. положительно не читаетъ заголовковъ и ограничивается только самымъ поверхностнымъ разсмотрѣніемъ общихъ итоговъ. Не мудрено что у него выходитъ путаница.

Въ отношеніи свѣдѣній о поступленіи свеклосахарнаго дохода, г. В. Р. дѣлаетъ три замѣчанія: 1) что *Ежегодникъ* даетъ два ряда показаній; 2) что второй рядъ показаній *Ежегодника* сходится за первые три года (1866, 1867 и 1868) съ цифрами государственнаго контроля, *но не списанъ съ него, потому что отчетъ контроля за 1869 годъ еще не обнародованъ*; и 3) что въ объясненіи упадка свеклосахарнаго дохода (прим. на стр. 25 *Ежегодника* вып. II) что-нибудь ошибочно: или цифры или сдѣланные изъ нихъ выводы. О первомъ замѣчаніи мы не станемъ распространяться, такъ какъ отвѣтъ на него самъ собою вытекаетъ изъ сказаннаго нами выше. Втораго замѣчанія мы не понимаемъ, но должны замѣтить: а) что необнародованіе контрольнаго отчета за 1869 годъ никакъ не могло помѣшать редакціи списать цифры съ прежнихъ отчетовъ за 1866, 1867 и 1868 годы и б) что самъ г. В. Р., не далѣе какъ на той же страницѣ 315, на которой утверждаетъ что отчетъ контроля за 1869 годъ *еще не обнародованъ*, приводитъ изъ него цитаты и слѣдовательно опровергаетъ самъ себя. Что касается сангвиническаго заключенія что въ *Ежегодникѣ*, на стр. 25 или цифры или выводы ошибочны, то мы позволяемъ себѣ

замѣтить что и тѣ и другіе вполнѣ вѣрны, но что г. В. Р. очевидно не зналъ и не знаетъ что привозный сахаръ былъ обложенъ пошлиной въ 3 руб., имѣющею почти запретительный характеръ. А между тѣмъ объ этомъ мѣсяца два тому назадъ писали чуть ли не ежедневно всѣ газеты, и вопросъ обсуждался гласно въ особой коммиссіи при участіи множества депутатовъ и экспертовъ.

Кончая свой разборъ г. В. Р. говоритъ что почитаетъ себя въ правѣ не останавливаться на разсмотрѣніи остальной части *Ежегодника*, потому что изъ приведенныхъ имъ фактовъ читатели конечно могутъ сами сдѣлать правильное заключеніе *о свойствахъ обоихъ выпусковъ офиціальнаго Ежегодника министерства финансовъ*. Какая злая иронія! Мы съ своей стороны скажемъ, но безъ всякой иронiи, что читатели знакомые съ дѣломъ изъ разбора г. В. Р. могутъ вынести только убѣжденіе въ томъ что г. В. Р. не знакомъ съ коренными основаніями финансоваго управленія и государственной отчетности, что онъ поступалъ крайне небрежно и опрометчиво въ дѣлѣ требующемъ прежде всего точности и аккуратности и былъ слишкомъ самоувѣренъ, предполагая что два вѣдомства, обнародывающія результаты финансовой отчетности государства, не знаютъ что они дѣлаютъ. Что касается читателей не-спеціалистовъ, то мы сожалѣемъ о нихъ. Изъ статьи г. В. Р. они могутъ почерпнуть только ошибочные выводы и благодаря этимъ выводамъ придти къ совершенно ложному заключенію о дѣятельности правительственныхъ органовъ.

А. БУШЕНЪ.

При семъ № прилагается объявленіе о подпискѣ на „НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ“.